
Воспоминания о Георгии Димитрове
о Георгии Димитрове

*Георгий
Димитров
(1882—1949)*

Воспоминания о Георгии Димитрове

Воспоминания о Георгии

Тодор Живков
М. А. Суслов
Б. Н. Пономарев

Магдалина Барымова
Петко Величков
Йордан Милев
Илия Янулов
Цонка Ганева
Алексий Гогов
Иван Кинов
Петр Георгиев
Никола Агынский

Димитрове

Георгий Русинов
Иван Крекманов
В. М. Турок
Рихард Гюптнер
Маргрете Фукс-Кайлзон
Фридрих Гексман
Жак Дюкло
Александр Абуш
Айвор Монтегю
Георгий Станкулов
Лили Кайт
Боян Дановский
Флоримон Бонт
Альфред Курелла
В. П. Мануильская
Енчо Стайков
О. В. Куусинен
Пальмиро Тольятти
Морис Торез
Долорес Ибаррури
Викторио Кодовилья
Жорж Коньо
Джулио Черетти
Карло Луканов
Золтан Фодор
В. И. Чуйков
А. С. Гундоров
Димитр Гилин
Цола Драгойчева
Никола Дончев
Иван Михайлов
Тодор Павлов
Георгий Трайков
Борис Спасов
С. С. Бирюзов
Титко Черноколев
Владимир Стойчев
Елин Пелин
Владимир Топенчаров
Вера Начева
Нинко Стефанов
Иван Стефанов
Пеко Таков
Стоян Сюлемезов
Петко Кунин
Денис Притт
Георгий Кулишев
Неделчо Ганчовский
Петр Игнатов

Москва
Издательство
политической
литературы
1982

66.61 (4Бл)
В77

Составление и общая редакция:
В. Н. ГРЕБЕННИКОВ

Художник
Ю. Н. МАРКАРОВ

В $\frac{0901010000-146}{079(02)-82}$ 202—82

© ПОЛИТИЗДАТ, 1982 г.

ВЕЛИКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР-ЛЕНИНЕЦ

Горячо приветствую инициативу Издательства политической литературы выпустить сборник воспоминаний видных революционных деятелей о Георгии Димитрове в связи со 100-летием со дня его рождения.

Георгий Димитров — одна из самых выдающихся фигур в тринадцативековой истории Болгарии. С его именем, с его кипучей деятельностью общепризнанного руководителя Болгарской коммунистической партии, с его исключительным личным вкладом связаны эпическая революционная борьба нашей партии, болгарского рабочего класса и болгарского народа против капитализма и фашизма, победа социалистической революции Девятого сентября 1944 года. Под руководством Георгия Димитрова была разработана и начала осуществляться генеральная линия строительства основ социализма на болгарской земле.

Георгий Димитров вырос и утвердился как выдающийся деятель международного коммунистического движения. Последовательный марксист-ленинец, он был глубоко уважаемым всеми генеральным секретарем Коминтерна.

Для нас, болгарских коммунистов, вопрос о том, благодаря чему Георгий Димитров стал такой крупной фигурой в общественно-политической истории нашего

народа и в международном коммунистическом и рабочем движении, имеет только один ответ: *благодаря его мысли и делу, в основе которых неизменно лежали законы ленинизма, благодаря его умению творчески применять и развивать ленинизм как теорию, методологию и стратегию борьбы за социализм и коммунизм.*

Георгий Димитров был одним из первых деятелей пролетариата, оценивших значение и универсальный характер ленинизма как нового этапа в развитии марксизма.

Ленинский подход позволил Георгию Димитрову дать верный и глубокий анализ болгарской социально-исторической действительности, внести неоценимый вклад в теоретическое перевооружение нашей партии идеями ленинизма, наметить правильный политический курс революционной борьбы, увенчавшейся победой народно-демократической революции и созиданием основ социализма.

С ленинской дальновидностью Георгий Димитров разработал теорию и политику единых фронтов пролетариата и народных масс в гигантской битве против фашизма, во многом способствовал развитию и обогащению ленинских идей о многообразии политических путей и форм перехода к социализму и строительства социалистического общества, об интернациональном и национальном в классовой борьбе пролетариата.

С ленинской страстностью Георгий Димитров восторженно приветствовал победу Великой Октябрьской социалистической революции как начало новой эры в истории человечества, по-ленински оценил всемирно-историческую роль Союза Советских Со-

циалистических Республик в строительстве социализма, в борьбе за революционное преобразование мира, за мир и социальный прогресс. Он сформулировал и до конца своих дней неизменно отстаивал позицию, которой Болгарская коммунистическая партия твердо придерживается и поныне, что отношение к КПСС и Советскому Союзу является пробным камнем пролетарского, социалистического интернационализма, подлинной революционности и верности принципам марксистско-ленинского учения.

Великий пролетарский революционер, последовательный интернационалист и пламенный патриот, Георгий Димитров был и великим гуманистом. Со всей силой его гуманизм проявился в эпической битве человечества против фашизма и войны, за демократию, свободу и независимость народов. Его беспримерный подвиг на Лейпцигском процессе стал символом героизма, последовательной пролетарской революционности и исключительной самоотверженности в борьбе с реакцией и мракобесием, за торжество общечеловеческих идеалов.

Мы свято чтим дело и заветы Георгия Димитрова и творчески следуем его примеру. Ленинская генеральная линия Апрельского пленума Болгарской коммунистической партии, которая вот уже 25 лет лежит в основе социалистического расцвета нашей родины, является прямым историческим продолжением и вместе с тем плодотворным творческим развитием самых ценных традиций и качеств, приобретенных нашей партией в прошлом, особенно в димитровский период ее истории.

Мы гордимся тем, что болгарский рабочий класс воспитал и выдвинул из своих рядов такого выдающегося

последователя идей и дела Маркса — Энгельса — Ленина, что в коммунистическом и рабочем движении, среди прогрессивной и демократической общественности мира непрестанно растет интерес к жизни и делу Георгия Димитрова, к нашей социалистической родине.

Убежден, что включенные в этот сборник воспоминания видных революционных деятелей с интересом будут встречены всей советской общественностью. Они помогут еще ярче раскрыть личность Георгия Димитрова — верного сына болгарского народа, большого друга Коммунистической партии Советского Союза и Страны Советов, великого пролетарского революционера-ленинца и гуманиста, бесстрашного антифашиста, самоотверженного борца за мир, свободу, независимость, демократию и социальный прогресс, за социализм и коммунизм.

Тодор Живков

Генеральный секретарь
Центрального Комитета
Болгарской коммунистической партии,
Председатель Государственного совета
Народной Республики Болгарии

М. А. Суслов

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ МИРОВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Великий сын болгарского народа, верный друг Советского Союза Георгий Димитров — один из выдающихся деятелей, которых вырастило международное коммунистическое движение. Всей своей жизнью, своей богато одаренной личностью он выразил типические черты пролетарского революционера — интернационалиста и патриота. Он принадлежит к числу тех людей, которые на каждом повороте политических событий, на каждом участке, где им приходилось бороться и работать, всякий раз оказывались на самой высоте требований эпохи и отдавали себя целиком делу рабочего класса, трудящихся масс, идеалам коммунизма.

В первый период революционной деятельности Г. Димитрова мы видим его прежде всего как партийного деятеля, ведущего активную работу среди трудящихся масс, умело находящего пути и средства подготовки масс к революции, их обучения на собственном опыте, на успехах и временных поражениях. Уже тогда Димитров выступал и как отважный политический борец и как умелый подпольщик. У него не кружилась голова во время революционного подъема, которым характеризовался период, предшествовавший антифашистскому восстанию 1923 года в Болгарии, и он не впадал в панику или уныние в период наступления контрреволюции.

Не случайно именно такой человек проявил себя в 1933 году как страстный и мужественный революционный трибун, превративший всем своим поведением Лейпцигский процесс в суд над фашизмом. Перед всем миром он продемонстрировал несгибаемую силу коммунистической идейности, вскрыл ничтожество и внутреннюю обреченность человеконенавистничества, олицетворенного фашизмом.

И конечно, именно такой человек, как Димитров, по праву был выдвинут на пост одного из руководителей Коминтерна. И здесь он раскрывается в новом качестве — как человек, выразивший четкое понимание необходимости внести существенные коррективы в политическую линию коммунистического движе-

ния на основе накопленного партиями опыта и с учетом новой международной обстановки. Его способность схватывать главное в развитии событий, чутко прислушиваться к велениям жизни, организовывать коллективную выработку новых оценок и выводов, подсказанных интернациональной практикой, позволяет говорить о Г. Димитрове как о выдающемся деятеле международного коммунистического и рабочего движения. Он стал таким потому, что был подлинным марксистом-ленинцем и всей своей деятельностью на руководящем посту в Коминтерне олицетворял неразрывную связь теории и практики, присущую нашему движению. Именно революционная практика массового движения питала его творческую мысль. А его обширные теоретические познания становились эффективным и убедительным средством обобщения смелых и новых политических выводов, которые делали коммунисты различных стран.

С момента освобождения Болгарии в 1944 году Г. Димитров обнаруживает новые черты своей чрезвычайно разносторонней натуры — черты крупнейшего государственного деятеля. С самого начала он выступает как подлинный национальный лидер, способный в переломный и ответственный момент жизни своей страны показать своему народу верные пути и перспективы его развития.

После 9 сентября 1944 года, еще будучи в Москве, в многочисленных письмах, телеграммах, посылаемых в Болгарию, Г. Димитров дает направляющие указания по закреплению одержанной победы. Главными задачами в то время были активное участие Болгарии в окончательном разгроме гитлеровской Германии, беспощадное подавление остатков монархо-фашистской клики и ее агентуры. «Все для фронта, все для скорейшего достижения окончательной победы над фашизмом!» — этот лозунг, выдвинутый Г. Димитровым, стал лозунгом всех истинных болгарских патриотов.

Победа над гитлеровской Германией одержана, и усилия Г. Димитрова сосредоточиваются на претворении в жизнь новых задач, возникших перед болгарским народом. Тогда это была борьба за подписание справедливого мирного договора и урегулирование международного положения страны, в защиту ее национального суверенитета и территориальной целостности, за восстановление ограбленного фашистами и разоренного войной народного хозяйства.

4 ноября 1945 года, после долгой вынужденной эмиграции, Г. Димитров возвращается на родину. Он возглавляет борьбу за создание новых форм государственной жизни, настойчиво добивается сознательного и активного участия широких народных масс в управлении государством, их тесного сплочения под знаменем Отечественного фронта и под руководством коммунисти-

ческой партии, работает над созданием политических, экономических, конституционных и культурных предпосылок развития страны по пути социализма. Находясь на ответственных постах Генерального секретаря ЦК БКП и Председателя Совета Министров, Г. Димитров был душой и инициатором осуществления таких коренных преобразований, как провозглашение народной республики, выработка и принятие народно-демократической конституции, проведение аграрной реформы, национализация капиталистических промышленных предприятий и банков и других революционных мер.

Это был период становления содружества социалистических стран. На путь социализма вступали новые страны Европы и Азии. Выверенный опытом первого в мире социалистического государства, этот путь вместе с тем отличался рядом особенностей. Много своеобразного и ценного в социалистическую практику внесла Болгария, а в этом мы тоже видим вклад Г. Димитрова. Высокую оценку, в частности, заслужил болгарский опыт дружной совместной работы коммунистов и членов Земледельческого союза под руководством коммунистической партии, осуществление социалистических преобразований в сельском хозяйстве в форме создания трудовых кооперативных земледельческих хозяйств и многое другое.

Г. Димитров поставил на службу родной Болгарии свой огромный опыт международного политического деятеля, свои качества интернационалиста. Он и здесь показал образец сочетания национальных и интернациональных задач. Г. Димитров неутомимо боролся за укрепление лагеря мира, демократии и социализма, против происков империалистических поджигателей войны, за мир во всем мире. Он боролся за чистоту марксистско-ленинской теории, выступал за согласованность действий коммунистических и рабочих партий, проведение целеустремленной единой линии в их политике на основе учения марксизма-ленинизма. Великий патриот, горячо любивший свою страну, Г. Димитров был верным другом Советского Союза, последовательным и непоколебимым знаменосцем нерушимой болгаро-советской дружбы, и в ней, в классовой солидарности рабочего класса, широких трудящихся масс всего мира с первой страной социализма видел высшее проявление пролетарского интернационализма. Вековые братские чувства народов наших стран получили тогда воплощение в первом Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Народной Республикой Болгарией и Советским Союзом, подписанном в марте 1948 года в Москве.

Выдающимся политическим документом был доклад Г. Димитрова на V съезде БКП (декабрь 1948 года). В нем он подвел итоги пути, пройденного Болгарской коммунистической партией

и народно-демократической Болгарией, сформулировав важнейшие задачи строительства в стране основ социализма. Г. Димитров долго и упорно готовил его. Эта работа продолжалась в Москве, куда он тогда приехал и где вместе с болгарскими товарищами около трех месяцев работал над проектом этого документа, который был положен в основу борьбы за социалистическую Болгарию. Тогда же Г. Димитров и другие болгарские товарищи имели беседы в Политбюро ЦК ВКП(б). Подготовленный ими документ сыграл огромную роль в понимании сущности строя народной демократии как формы диктатуры пролетариата, в утверждении и развитии социализма в Болгарии. Он имел и большое международное значение.

Мне посчастливилось вместе с другими делегациями братских партий присутствовать на V съезде БКП в составе делегации ВКП(б).

Глубокий по содержанию и блестящий по форме доклад Г. Димитрова был выслушан на съезде с огромным вниманием. Доклад осветил основные этапы развития партии, которая на протяжении трех десятилетий развилась и утвердилась как марксистско-ленинская партия — организованный, передовой и сознательный отряд болгарского рабочего класса.

Подчеркнув, что народное восстание 9 сентября 1944 года, победившее при решающей помощи Советской Армии, открыло путь к построению социализма в Болгарии, Г. Димитров сделал следующий обобщающий вывод из опыта развития Народной Республики Болгарии: «И болгарский опыт подтвердил ленинское положение о том, что в обстановке загнивающего капитализма, безнадежного, органического кризиса буржуазной демократии, порождающей фашизм, невозможны никакие серьезные и прочные демократические преобразования, невозможно идти вперед, не посягая на основы капитализма, не делая шагов по пути к социализму. Это было для нашей страны тем более возможным благодаря братской помощи могучего социалистического государства — Советского Союза». Остановившись на глубоких преобразованиях и изменениях в соотношении классовых и политических сил в стране, Г. Димитров подчеркнул, что помощь Советского Союза сделала возможной постановку вопроса о переходе к построению основ социализма в Болгарии как насущной жизненной и практической задачи.

Исключительно большое значение имеет та часть доклада Г. Димитрова, в которой он, основываясь на марксистско-ленинской теории, дал разработку ряда принципиальных вопросов переходного периода от капитализма к социализму в странах народной демократии — о характере, роли и перспективах народной демократии и народно-демократического государства. Исходя из марксистско-ленинских положений об основных законо-

мерностях переходного периода, а также из уже имевшегося опыта развития народной демократии, Г. Димитров пришел к выводу, что строй народной демократии, так же как в свое время советский строй, служит делу ликвидации капиталистических элементов и организации социалистического строительства, то есть выполняет функции диктатуры пролетариата. «Согласно положениям марксизма-ленинизма,— говорил Г. Димитров,— советский режим и народно-демократический режим являются двумя формами одной и той же власти — власти рабочего класса в союзе и во главе трудящихся города и деревни. Это — две формы диктатуры пролетариата. Своеобразная форма перехода от капитализма к социализму в нашей стране не отменяет и не может отменить основных закономерностей переходного периода от капитализма к социализму, которые являются общими для всех стран».

Данная Г. Димитровым характеристика народно-демократического строя, внесшая необходимую ясность в вопрос о путях и методах строительства в странах народной демократии, в частности в Болгарии, вооружила партию и болгарских трудящихся ясной перспективой развития и явилась значительным вкладом в разработку теоретических вопросов, связанных с борьбой за социализм.

Мысль и дела Г. Димитрова живут в практике болгарского народа, в практике советско-болгарского братского сотрудничества. Он останется для нас самым ярким символом нерасторжимости уз дружбы и солидарности Советского Союза и Болгарии, верности коммунистов наших стран идеалам социализма, великому учению марксизма-ленинизма.

Мысль и дела выдающегося деятеля мирового коммунистического движения Г. Димитрова убедительно свидетельствуют о том, что коммунисты свою уверенность в победе черпают в марксистско-ленинской науке, а сила марксистско-ленинской науки — в ее нерасторжимой связи с революционной практикой рабочего класса, широких трудящихся масс.

Б. Н. Пономарев

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вся жизнь Георгия Михайловича Димитрова была посвящена борьбе против фашизма и военной опасности, за интересы рабочего класса, трудящихся Болгарии, международного пролетариата, за победу социализма. Верный ученик Ленина, Димитров умел четко определять, откуда исходит главная опасность для революционного движения, и неизменно находился в первых рядах тех, кто вел решительную борьбу против главного врага рабочего класса. Таким главным и самым опасным врагом был в то время фашизм. У себя на родине вместе с Благоевым и Коларовым Димитров шел во главе рабочего движения на борьбу против фашизма еще в начале 20-х годов. Когда фашизм разросся до размеров общеевропейской опасности, Димитров — в центре борьбы против него. Навсегда вошел в историю подвиг Димитрова на Лейпцигском процессе, где он нанес первое глубокое морально-политическое поражение фашизму, перед всем миром разоблачил варварское лицо фашизма и показал, что коммунисты — наиболее самоотверженные, последовательные борцы против фашизма и войны.

Деятельность Г. Димитрова как одного из руководителей Коминтерна, а затем генерального секретаря ИККИ до второй мировой войны и во время нее неразрывно связана с борьбой Советского Союза, коммунистических партий, рабочего класса и широких народных масс против смертельной угрозы, которую нес фашизм национальной независимости, свободе и демократии, всему делу социализма и прогресса.

Славной вехой в этой борьбе стал VII конгресс Коммунистического Интернационала. Конгресс показал, что мировое коммунистическое движение правильно оценило мировую обстановку и наметило реальную перспективу борьбы против фашизма, вплоть до его разгрома. Коммунистический Интернационал — и в этом немалая заслуга Георгия Димитрова — не только предвидел ход событий, ведших к развязыванию мировой войны, но и разработал практические меры мобилизации всех сил для борьбы против войны.

За двадцатилетний период своего существования Коминтерн подготовил организованный политический авангард, способный возглавить борьбу народов против фашизма и войны и вести эту борьбу самоотверженно и до конца. Это были коммунистические партии — партии беззаветных патриотов своих стран и интернационалистов, сплоченных вокруг первого социалистического государства — Страны Советов.

Димитрову принадлежат ставшие программными для коммунистического движения слова о долге всех революционеров и интернационалистов: всемерно поддерживать «мирную политику Советского Союза, пролетарского государства, непоколебимо стоящего на страже мира между народами».

Защита мира для коммунистического движения, для Коминтерна всегда была связана с его первейшим интернациональным долгом — с необходимостью оградить Советский Союз от контрреволюционной агрессии, была выражением поддержки социалистическому Отечеству всех трудящихся со стороны международного пролетариата. Наступление фашизма и разрастание угрозы войны против Советского Союза поставило эту задачу в середине 30-х годов с особой силой. Борьба за мир означала теперь борьбу против германского фашизма, который выступил носителем наиболее реакционных, агрессивных устремлений империализма, его ударной силой, нацеленной против Советского Союза. Провозглашенный VII конгрессом Коминтерна лозунг борьбы за мир, как центральный лозунг коммунистических партий, имел открыто антифашистское содержание и направленность. Это была тогда, по существу, глубоко революционная постановка вопроса, ибо германский фашизм выдвинулся во всемирном масштабе как главное препятствие для развития революции, как главное орудие подавления всякого освободительного движения. Поэтому все силы Коминтерн сосредоточил на борьбе против фашизма, и прежде всего против германского нацизма, как его главной и наиболее мощной силы, против его агрессивного курса на установление мирового господства, ликвидацию свободы и независимости народов, курса на развязывание новой мировой войны. Коминтерн связал с этой задачей все другие задачи рабочего и демократического движения того периода.

Коминтерн отверг клеветнические утверждения, будто коммунисты желают войны, ожидая, что она принесет революцию. Сам факт выдвижения коммунистов в первые ряды борцов за сохранение мира, за торжество мирной политики Советского Союза показал, что коммунистическое движение делает все для того, чтобы предотвратить развязывание мировой войны.

Мирная политика Советского Союза отвечала интересам всех народов, всех неагрессивных государств. Это создавало почву

для организации во всемирном масштабе антивоенного, антифашистского фронта, который объединил бы Советский Союз, пролетариат капиталистических стран, широкие трудящиеся массы всего мира, неагрессивные буржуазные государства. Однако правительства буржуазных государств и правые социал-демократические лидеры отвергли предложения Коминтерна, Советского Союза, многих коммунистических партий объединить усилия в борьбе против наступления фашизма. Советский Союз, коммунисты всех стран предупреждали правительства и народы о том, что под прикрытием антикоммунизма, антисоветизма гитлеровцы готовят мировую войну в целях утверждения своего мирового господства, войну, которая грозит жизненным интересам всех народов, самостоятельности государств. Однако, ослепленные антисоветизмом и антикоммунизмом, деятели буржуазного мира отвергали тот анализ обстановки, который давало коммунистическое движение, не верили его предупреждениям. Более того, многие из них рассчитывали, что гитлеровская агрессия ограничится только Советским Союзом и приведет лишь к разгрому коммунистического движения, ожидали извлечь из этого выгоду. Правительства же империалистических государств (Англия и Франция) сознательно и давно вели политику поощрения агрессии фашизма на Восток, против Советского Союза. В результате гитлеровский фашизм безнаказанно, на глазах у всех готовился к войне, но обрушил первые свои удары против тех, кто думал отсидеться в стороне или погреть руки на антисоветском походе гитлеризма. Об этом историческом уроке никогда никому не следует забывать.

В обстановке безнаказанной подготовки гитлеровской Германии к войне, исходя из существовавшего тогда соотношения сил на международной арене и учитывая политику нефашистских буржуазных государств, поощрявших агрессию гитлеровской Германии на Восток, Коминтерн продолжал стоять на той точке зрения, что в случае возникновения контрреволюционной войны против Советского Союза, в случае империалистической агрессии против этого оплота социализма, свободы и независимости всех народов коммунисты должны поднять свои народы на войну против фашистских поджигателей войны, а также против тех реакционных правительств, которые встанут на сторону фашистской агрессии. В этом случае, говорилось в резолюции VII конгресса Коминтерна, коммунисты должны всеми средствами и любой ценой содействовать победе Красной Армии над армиями агрессоров.

Разразившаяся в 1939 году вторая мировая война не могла изменить и не изменила генерального направления линии Коминтерна. Однако война создала своеобразную обстановку, которая требовала особой тактики для проведения этой прин-

ципиальной линии коммунизма. В войне первоначально столкнулись, с одной стороны, фашистские державы, с другой стороны — империалистические государства Франция и Англия, которых поддерживали США. Острые и непримиримые противоречия между этими двумя блоками, явившиеся непосредственной причиной войны, не исключали, однако, как и в довоенный период, сговора их на антикоммунистической, антисоветской платформе. Имелись неопровержимые свидетельства, что такой сговор готовится по обеим сторонам образовавшегося на Западе фронта. Задачей коммунистического движения, всех революционных сил в этих условиях было не допустить такого поворота событий, чреватого тяжелыми последствиями для всего освободительного движения, для независимости и самого существования многих государств. Мобилизации всех сил для решения этой задачи и была посвящена деятельность Коминтерна, деятельность Г. Димитрова в первый период второй мировой войны.

1 мая 1940 года Г. Димитров опубликовал в «Правде» статью «Первое мая и борьба против империалистической войны», в которой сформулированы основные позиции Коминтерна в сложившейся обстановке, определено, чего должны добиваться коммунисты. Это — объединение боевых сил рабочего класса в каждой отдельной стране; создание подлинного народного фронта трудящихся под руководством рабочего класса; установление единства действий пролетариата в международном масштабе, проведение единой интернациональной политики для борьбы против империалистической войны; сочетание борьбы трудящихся капиталистических стран с антиимпериалистическим движением в колониальных и зависимых странах; сплочение трудящихся вокруг великой страны социализма — единственного тогда государства, отстаивающего дело мира, защищающего коренные интересы всех народов.

История показала, насколько прозорливым и правильным был этот курс. Только он в сложившейся конкретной обстановке открывал реальную перспективу для успешной борьбы против фашистской агрессии и за конечные цели рабочего класса. Действительно, как предсказывал Димитров, международный рабочий класс во многом по-своему закончил войну, развязанную империалистами. Правда, ход мирового революционного процесса в связи с новой мировой войной оказался более сложным, чем представлялось раньше. Но он верно вел и привел к цели, которую с самого начала последовательно проводил Коминтерн. Разгром фашизма при решающей роли Советского Союза создал условия для победы революции в ряде стран Европы и Азии. Линия Коминтерна и международного коммунистического движения была в целом подтверждена жизнью, хотя конкретно-историче-

ское воплощение этой линии дало, естественно, много своеобразного и необычного.

Деятельность Георгия Михайловича Димитрова после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз была прямым продолжением его многолетней несгибаемой и героической борьбы против фашизма и войны. Пламенный революционер и патриот, он во время Великой Отечественной войны советского народа показал образец выполнения коммунистом своих интернациональных обязанностей. Советские коммунисты, весь советский народ рассматривают деятельность Г. Димитрова во время войны одновременно и как неоценимый вклад в братскую дружбу болгарского и советского народов, Болгарской коммунистической партии и Компартии Советского Союза, как пример подлинного интернационализма.

22 июня 1941 года, через несколько часов после того, как стало известно о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, под председательством Димитрова собрался Секретариат ИККИ, на котором присутствовали находящиеся в это время в Москве представители братских партий — Эрколи (Тольятти), Готвальд, Копплениг, Ульбрихт, Мануильский, Торез и другие. С информацией о создавшемся положении, о политической ориентировке и задачах Исполкома Коминтерна и коммунистических партий выступил Димитров. После всестороннего обсуждения было принято специальное постановление, предусматривавшее срочную перестройку всей работы, с тем чтобы обеспечить всемерную помощь ВКП(б) и Советскому правительству в организации отпора гитлеровскому нашествию. Для повседневного контроля за выполнением этого постановления была создана «тройка» в составе Димитрова, Мануильского и Эрколи. Одновременно было решено принять ряд срочных мер по перестройке агитационно-пропагандистской и другой работы. Во всей деятельности ИККИ по мобилизации народов на решительную борьбу с фашизмом большую роль играли такие видные деятели международного коммунистического движения, как Торез, Пик, Ибаррури, Коларов.

В день нападения на СССР фашистской Германии — 22 июня 1941 года — Секретариат ИККИ послал компартиям телеграмму, в которой определил новые задачи, возникшие перед партиями в связи с резким изменением обстановки. В ней указывалось, что вероломное нападение Германии на СССР является ударом не только по стране социализма, но и по свободе и независимости всех народов. Защита СССР есть в то же время защита всех порабощенных германским фашизмом народов. Необходимо сделать все, чтобы поддержать извне советский народ в его справедливой войне, а также противодействовать всяким антисоветским планам и действиям реакционной империалистической буржуа-

зии. ИККИ обращал внимание на необходимость учитывать специфику положения и условия деятельности каждой партии, но общим для всех лозунгом отныне должен стать — подчеркивалось в разосланном документе — *единый интернациональный фронт борьбы народов против германских фашистских разбойников, в защиту всех угнетенных фашизмом народов и в поддержку советского народа.* Сочетание борьбы за освобождение своих народов с поддержкой СССР, как главной антифашистской силы,— вот верный путь к победе.

При этом — в полном соответствии с духом и решениями VII конгресса Коминтерна — ИККИ определил главные задачи коммунистов, всего рабочего движения в новой исторической обстановке. Вступление СССР в войну против фашистской Германии и ее союзников окончательно придало мировой войне освободительный характер. Со стороны Советского Союза это была Великая Отечественная, справедливая война. Безусловно, играли прогрессивную роль все государства, которые вели войну против гитлеровской Германии и которые вскоре объединились в антигитлеровской коалиции, ибо они боролись против порабощения мира коричневой чумой. Главными задачами всех народов были разгром фашизма, освобождение народов от фашистского ига, защита их от фашистской агрессии, восстановление национальной независимости и демократических прав. Требовалось прежде всего разгромить самые реакционные, самые воинствующие силы империализма, ослабить империализм в целом и создать благоприятные условия для широкой демократической коалиции под руководством рабочего класса.

В ходе войны во всех оккупированных фашизмом странах возникло широкое движение Сопротивления. В нем участвовали и коммунисты, и социалисты, и католики, и беспартийные. Это создало условия для возникновения широких народных, национальных фронтов во многих странах.

После разгрома гитлеровского фашизма эти фронты послужили политической формой объединения сил, которые осуществили в ряде стран народно-демократическую, а затем и социалистическую революцию. Таким образом, новые установки Коминтерна на мобилизацию всех сил для борьбы против фашизма не отдаляли, а во многих странах приблизили осуществление социалистических революций.

Только курс на решительную борьбу с фашизмом отвечал требованиям времени, только он обеспечивал подготовку и действенность антифашистского единства в общенациональном и интернациональном масштабе.

Своевременность и важность установок ИККИ были подтверждены самой жизнью. Отдельные компартии, застигнутые событиями врасплох, не сумели сориентироваться. В суждениях

некоторых товарищей о характере войны появилась опасная односторонность. Они исходили только из того, что это — война между странами, представляющими противоположные социальные системы — капитализм и социализм, но упускали из виду, что фашистская агрессия несла народам уничтожение всякой демократии, а некоторым просто физическое истребление. Они упускали из виду, что перед лицом гитлеровской агрессии Советский Союз защищал интересы всех народов, всю человеческую культуру и завоевания многовековой цивилизации. Политически указанная точка зрения была чрезвычайно опасна, потому что мешала мобилизации всех антифашистских сил, созданию антигитлеровской коалиции на платформе борьбы против угрозы гитлеровского порабощения, за национальную независимость и суверенитет.

Георгий Димитров и Секретариат Исполкома Коминтерна незамедлительно выступили против таких взглядов. 24 июня 1941 года состоялось заседание Секретариата ИККИ. После выступления Димитрова и других членов Секретариата было решено срочно сообщить в соответствующие партии мнение руководства Коминтерна. Это было сделано в тот же день. В документе разъяснялось, что вероломное нападение германского фашизма на СССР — это не просто война между двумя социальными системами. Принять такой подход, тем более акцентировать на нем внимание значило бы помогать гитлеровской пропаганде удерживать в сфере своего влияния определенные группы и слои в других капиталистических странах. Советский народ, говорилось в этом документе, ведет Отечественную войну в защиту своей страны, против фашистского варварства, не навязывая никому своей социалистической системы. В победе советского народа заинтересованы все, кто борется за справедливый мир, свободу и независимость. Задача коммунистов в капиталистических странах состоит в том, чтобы сплачивать свои народы, помогать использованию всех ресурсов своих стран для успешного ведения войны против гитлеровской Германии или для подготовки своих народов к отражению возможной агрессии. Историческая обстановка такова, что она требует не борьбы против буржуазных правительств, которые, пусть по своим соображениям, выступают против гитлеровской Германии, а поддержки всех мероприятий этих правительств, направленных на мобилизацию своих стран для борьбы против гитлеризма.

Что касается стран, оставшихся нейтральными, вне войны (Швеция, Швейцария), то задача коммунистов в таких странах состояла не в том, чтобы призывать к немедленному вступлению в войну против гитлеровской Германии, а в том, чтобы всю работу поставить таким образом, чтобы народ осознавал опасность для его независимости и свободы со стороны фашистской

Германии и чтобы их страны не оказывали в той или иной форме материальной помощи Германии. Поддержка СССР всеми средствами, отвечающими положению нейтральных стран, означает одновременно борьбу за их независимость и суверенитет.

О том, какое большое значение придавали Секретариат Исполкома Коминтерна и лично Димитров правильной ориентации братских партий в новой, необычной обстановке, свидетельствует тот факт, что этот вопрос находился постоянно в центре внимания ИККИ. 25 июня 1941 года на заседании Секретариата вновь была заслушана информация о тактике компартий капиталистических стран в связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз. Было принято решение дополнительно направить партиям информацию о мнении Исполкома Коминтерна.

В дальнейшем представители коммунистических партий в ИККИ вместе с Георгием Димитровым разрабатывают целую систему мер в области тактики коммунистических партий, действующих в различных условиях борьбы против гитлеровской агрессии. Димитров заботился о том, чтобы в этих разработках был учтен весь прежний опыт международного коммунистического движения.

Коммунистическим партиям оккупированных Германией стран необходимо было сосредоточить усилия на непосредственной организации единого национального фронта, действуя в контакте со всеми нефашистскими силами. Решающим условием объединения с ними должно быть только одно — выступать против фашистской Германии. В странах, ведущих войну против гитлеровской Германии, лозунг единого национального фронта — это прежде всего лозунг защиты демократии, национальной независимости, лозунг беспощадной борьбы против гитлеровской агрессии.

Исполком Коминтерна призвал братские партии в международном масштабе развернуть работу в профсоюзах, во всех других общественных организациях, среди политических и общественных деятелей, с тем чтобы добиваться от правительств образования единого фронта государств — СССР, Англии, США и других.

В документе приводилось обращение советских профсоюзов к Генеральному совету английских тред-юнионов с предложением о создании Англо-русского комитета. Ввиду раскола в международном рабочем движении, который был усилен дезорганизацией в связи с войной, ввиду того, что Социалистический рабочий интернационал распался и Коминтерн не мог обратиться к нему непосредственно, Георгий Димитров и ИККИ считали, что Англо-русский комитет мог бы стать объединяющим центром рабочего движения всех стран в борьбе против фашистской Германии, в

поддержку справедливой Отечественной войны советского народа.

Исполком Коминтерна в своем обращении к компартиям указывал на то, что одной массовой политической работы сейчас уже недостаточно, если речь идет о партиях оккупированных стран. Нужны действия, дезорганизующие тылы агрессора, срывающие снабжение его армий, транспортировку войск и военных материалов. Там же, где созрели условия, надо *непосредственно переходить к развертыванию партизанского движения.* Священный долг всех коммунистов — поднимать народы на *активную* борьбу против фашистских оккупантов.

В условиях фашистской оккупации многих стран Европы, в условиях войны связи между ИККИ и компартиями были затруднены. Для доведения до широких народных масс точки зрения международного коммунизма важным средством стала радиопропаганда. Посредством радио ежедневно разъяснялась в самых отдаленных районах позиция ИККИ. Радио было использовано для популяризации опыта борьбы против фашизма в оккупированных странах, опыта борьбы трудящихся в странах гитлеровского блока. Большую роль радио играло в повседневной информации о положении на советско-германском фронте, о героической борьбе Красной Армии, всего советского народа. Естественно поэтому, что ИККИ уделял большое внимание радиопропаганде на такие страны, как Германия, Италия, Австрия, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Финляндия, Болгария, Югославия, Франция, Бельгия, Испания, Норвегия, Польша. Эта работа, на выполнение которой были брошены наиболее квалифицированные и авторитетные силы Коминтерна, началась уже в конце июня 1941 года. Объем работы постепенно расширялся, эффективность ее усиливалась. Первое время передачи велись на 10 языках. Еженедельно давалось сначала только 27 передач, но к октябрю 1941 года уже 51 передача. В январе 1942 года давалось 162 передачи в неделю на 13 языках. Каждая редакция работала на свою страну, соответственно разрабатывалась и тематика передач.

Во главе каждой национальной редакции стоял редакционный коллектив из ответственных партийных работников соответствующей страны. Общее руководство осуществляла назначенная Секретариатом ИККИ центральная редакция, задача которой состояла в том, чтобы помогать национальным редакциям и согласовывать их действия с общей линией борьбы против гитлеровского фашизма, поддержки Отечественной войны Советского Союза, объединения всех народов в единый мировой антифашистский фронт. Деятельностью центральной редакции непосредственно руководил Георгий Димитров как генеральный секретарь ИККИ. Центральная редакция руководила также работой радио-

комментаторов, которые дважды в неделю готовили обзорные передачи или выступления по наиболее острым принципиальным вопросам для соответствующих стран.

Руководство Коминтерна стремилось к тому, чтобы каждая национальная редакция становилась организующим центром, объединяющим все антифашистские силы внутри своих стран, чтобы эти центры вовремя улавливали изменение ситуации в своей стране или в связи с ней и подсказывали, рекомендовали наиболее целесообразные средства и пути продолжения борьбы. В их задачу входило, естественно, и распространение опыта антифашистского движения в других странах.

Работа национальных радиоредакций неоднократно обсуждалась на заседаниях Секретариата ИККИ. Так, 30 декабря 1941 года на заседании Секретариата совместно с руководителями национальных радиоредакций было подвергнуто анализу содержание радиовещания в связи с подготовлявшимся Гитлером весенним наступлением. В результате обсуждения была принята специальная резолюция, были даны радиоредакциям и комментаторам необходимые конкретные указания. Эта резолюция, выработанная под непосредственным руководством и при личном участии Г. Димитрова, демонстрировала подлинно творческий подход к делу. На основе уже накопленного опыта и исходя из перспектив Великой Отечественной войны Советского Союза, а также развернувшейся борьбы народов в оккупированных Германией странах, на основе анализа всей международной ситуации была сформулирована общая политическая линия коммунистов в борьбе против фашизма в условиях мировой войны. И эту линию радиопропаганда довела до всех компартий. Общая линия была конкретизирована применительно к каждой группе стран.

Долг коммунистов фашистских стран — в первую очередь способствовать разложению тыла германской армии, а также тылов итальянской, финской, венгерской и румынской армий. Пропаганда должна помочь гражданскому населению и солдатам этих стран понять, что война, развернутая гитлеризмом, и в особенности вероломное нападение на Советский Союз, является делом разбойничьего империализма и что она неизбежно закончится полной катастрофой для германского фашизма и для тех реакционных кругов, которые связали свою судьбу с гитлеровской Германией.

При этом, подчеркивал Секретариат ИККИ, важно, чтобы германский народ и солдаты знали, что военное поражение Германии, уничтожение гитлеризма и разрушение его военной машины — это теперь единственный путь отделить немецкий народ от власти гитлеровской клики. Освободить его нельзя, не разбив германскую армию. Необходимо систематически разоблачать

геббельсовскую пропаганду, отождествляющую поражение гитлеровской Германии с уничтожением немецкой нации.

Задача коммунистов — помочь народным массам Германии найти пути к активной борьбе против гитлеризма и его террористического режима. Для этого нужно всемерно и широко популяризировать все примеры сопротивления на заводах, в деревнях и в обыденной жизни. Необходимо систематически разрушать аргументы официальной пропаганды фашистских государств, пытающейся замаскировать империалистический и грабительский характер войны, которую ведут нацисты и фашисты.

Перед коммунистами стран, воевавших на стороне гитлеровской Германии,— Италии, Финляндии, Румынии, Венгрии и др.— во главу угла выдвигалась задача: всемерно способствовать разрыву с гитлеровской Германией, разоблачать реакционные группы, которые, находясь на службе у гитлеризма, предают национальные интересы этих стран, толкая их к катастрофе. Спасение этих стран — только в решительном и полном разрыве с германским фашизмом.

Исполком Коминтерна призывал коммунистов оккупированных стран бросить все силы на то, чтобы поднять свои народы на борьбу за национальное освобождение, чтобы изгнать захватчиков и завоевать национальную независимость и свободу. Всей своей деятельностью коммунисты должны разоблачать предательство изменников нации — квислинговцев[1] и марионеточные правительства, добиваться их полной изоляции, поднимать против них народы оккупированных стран. Одновременно коммунисты должны указывать реальные перспективы и практические пути борьбы за уничтожение гитлеризма; показывать, что настроения пассивного выжидания освобождения извне могут лишь тормозить сопротивление и развертывание массовой борьбы против захватчиков. Долг коммунистов — всеми способами поддерживать стремление народов к единству, к борьбе против фашизма и национальных предателей.

В странах, находящихся вне войны, но которым тем не менее угрожает вовлечение в войну или агрессия со стороны фашистских держав, обязанность коммунистов — усиливать бдительность общественности, организовывать сопротивление народа, всех тех слоев населения, которые отстаивают интересы нации, бороться против любых попыток капитуляции перед агрессорами, разоблачать маневры и интриги капитулянтов и предателей. В этих странах также необходимо широкое национальное единство против прогитлеровских реакционных клик. Нужно неустанно убеждать массы в том, что защита национальной независимости может быть обеспечена лишь при энергичных действиях

[1] По имени Квислинга, который в Норвегии стал на сторону гитлеровских оккупантов.

против гитлеризма и в обстановке беспощадного разоблачения капитулянтов и предателей в собственной стране.

В своей работе коммунисты всех стран призваны исходить из того, что национальные интересы каждой отдельной страны требуют действенной солидарности с Советским Союзом и его героической Красной Армией. Разбивая главную вооруженную силу германского империализма, Красная Армия открывает всем нациям оккупированных стран путь к освобождению. Красная Армия борется во имя спасения и их будущего, поэтому жизненно необходима всемерная ее поддержка, необходим широкий фронт народов и государств для защиты национальных и демократических свобод против гитлеровской реакции, за уничтожение германского империализма — общего врага всех свободолюбивых народов.

Исполком Коминтерна призывал коммунистов, исходя из жизненных интересов каждой нации, из интересов каждого слоя населения, определять конкретное направление борьбы против фашизма, против его агентуры в своих странах и таким образом способствовать эффективному развертыванию всенародной борьбы, координированию ее с усилиями Красной Армии и армий союзников.

Таковы основные идеи декабрьского (1941 года) постановления Секретариата ИККИ.

Документом большого принципиального значения явилось выработанное под руководством и при непосредственном участии Г. Димитрова постановление Секретариата ИККИ от 13 августа 1942 года. Оно конкретизировало декабрьское постановление ИККИ и определяло задачи коммунистов по дальнейшему усилению борьбы с фашизмом. Исходя из общих задач, в этом документе разработана и линия радиовещания на соответствующие страны. Она состояла в пропаганде всемерной активизации боевых массовых действий против германского фашизма, не дожидаясь открытия второго фронта на Западе, в организации антигитлеровского фронта в каждой стране. Секретариат ИККИ рекомендовал национальным редакциям сосредоточить работу главным образом на следующих основных задачах:

1. В целях сплочения всех национальных антигитлеровских сил необходимо, применительно к условиям каждой страны, *выработать программу,* на основе которой возможно реальное сплочение рабочих, крестьян, интеллигенции, патриотических слоев буржуазии, патриотических кругов армии и всех политических сил, выступающих против немецко-фашистского господства. Формами такого сплочения могут быть отечественный фронт, национальный фронт, антигитлеровский фронт и др.

2. Обратить особое внимание на *пропаганду развития партизанского движения,* используя для этой цели популяризацию

опыта советских партизан и успехов летнего наступления партизан Югославии. Обосновывать необходимость и возможность партизанского движения в зависимости от конкретных условий той или иной страны.

3. Пропагандировать антифашистский *саботаж* во всех его формах, разъясняя, что в современных условиях акты саботажа против оккупантов и работающих на них военных и других предприятий, железных дорог, электростанций и т. д. являются самыми патриотическими актами в отношении своей страны, своего народа. Усилить передачу практических советов по организации разрушительной деятельности против германской военной машины.

4. Разъяснить необходимость усиленной беспощадной борьбы с квислингами и предателями, действующими в рядах Сопротивления.

5. Разъяснить необходимость усиления борьбы против террора оккупантов, используя при этом нападения на конвои, на концлагеря и тюрьмы с целью освобождения арестованных и заключенных патриотов. Помогать коммунистам, действующим в подполье, учиться искусству конспирации. Всю работу строить так, чтобы борьба против предателей и трусов была увязана с укреплением солидарности масс. Надо создать защитный вал вокруг борцов против фашизма, убеждать людей в том, что каждый, кто стоит за свободу и независимость своей страны, в состоянии внести свой вклад в борьбу с гитлеровской тиранией, в дело ускорения разгрома фашистской Германии и ее сателлитов.

К такому важному участку, как развертывание партизанской борьбы против гитлеровской Германии и ее сообщников, Секретариат ИККИ по инициативе Г. Димитрова возвращался неоднократно. Этому вопросу было специально посвящено, например, заседание Секретариата ИККИ 26 сентября 1942 года. Было принято решение, обязывающее национальные радиоредакции вести ежедневно пропаганду о партизанском движении, считая ее чрезвычайно существенной, неразрывной частью своей постоянной работы. При этом было со всей силой подчеркнуто, что необходимо увязывать практические советы с соответствующим обоснованием справедливости партизанской борьбы, саботажа и диверсионных актов против фашизма.

На протяжении всего периода Великой Отечественной войны Г. Димитров уделял неослабное внимание антифашистской пропаганде, неустанно давал свои указания и напутствия политического, теоретического и практического характера, просматривал и лично редактировал наиболее важные материалы. Он требовал от работников радиоредакции умнее и тоньше реагировать на враждебную пропаганду, вести дифференцированную пропа-

ганду на соответствующие страны, указывал, что она всегда должна быть наступательной.

Важным мероприятием, осуществленным по инициативе Г. Димитрова в рассматриваемый период, явилась организация и обучение партизанских групп добровольцев из числа находящихся в Советском Союзе политэмигрантов — членов зарубежных коммунистических партий. Для их военной подготовки была создана специальная школа. Г. Димитров организует и проводит политический инструктаж участников этих групп. Коммунисты-политэмигранты активно включились в борьбу своих народов против фашистов и их приспешников.

Наряду с этим Секретариат ИККИ во главе с Г. Димитровым принимает самое активное участие в подготовке мероприятий по проведению политико-воспитательной и разъяснительной работы среди немецких военнопленных. Большую роль в проведении этой работы сыграли товарищи В. Ульбрихт, П. Тольятти и другие деятели компартий. Руководство Коминтерна, как и руководство КПСС, исходило в этом вопросе из принципиальных, глубоко интернационалистских позиций. Для них основная масса военнопленных — это не безнадежный и заклятый враг, а часть обманутого, одурманенного фашистской демагогией народа — германского, итальянского, румынского и других. Коммунисты помогали им осознать действительные интересы своих наций, свой долг перед будущим своих народов и соответственно пробуждать их гражданскую активность. Вопросы работы среди военнопленных не раз обсуждались на заседаниях Секретариата ИККИ, на которых выступал Димитров. Результаты этой большой работы не замедлили сказаться. Уже 10 августа 1942 года состоялся первый выпуск слушателей антифашистской школы для политмассовой работы среди военнопленных. В августе 1942 года на базе Оранского лагеря для военнопленных был создан филиал школы для антифашистски настроенных офицеров, которая способствовала тому, что немецкие и другие военнопленные стали антифашистами.

Г. Димитров продолжает поддерживать и непосредственную связь с руководителями коммунистических партий и движения Сопротивления, действовавших подпольно в своих странах. Он знакомится с докладами работников Коминтерна и его секций, пристально следит за их деятельностью, всячески помогает им. Весь свой огромный революционный опыт, свою политическую прозорливость и организаторский талант, все свои знания выдающегося теоретика-ленинца он обращает на то, чтобы помочь партиям в их трудной героической борьбе против гитлеровского фашизма.

В соответствии с развитием военных и политических событий по инициативе Г. Димитрова Секретариат ИККИ разрабатывает

документы по вопросам политики и тактики дальнейшей борьбы с фашизмом и информирует руководство компартий о своих позициях. Примером могут служить материалы последних месяцев 1942 года. В это время появилась, например, опасность вступления франкистской Испании в войну против Советского Союза. 3 сентября 1942 года Секретариат ИККИ совместно с руководством испанской компартии обсуждает этот вопрос. Результатом был манифест Компартии Испании к испанскому народу о необходимости выступления всех патриотов единым фронтом — от коммунистов, социалистов, всех республиканцев до католиков и консерваторов — против фаланги — партии войны, за предотвращение вовлечения Испании в войну на стороне Гитлера, которая грозит будущему испанского народа как самостоятельной нации. Наряду с этим Исполком Коминтерна по инициативе Г. Димитрова помог Компартии Испании подобрать испанских активистов для работы в самой Испании в целях помощи подпольному руководству партии и укрепления его связей с Исполкомом Коминтерна.

В связи с высадкой американских войск в Северной Африке и изменением международной обстановки Секретариат ИККИ трижды (11 ноября, 25 ноября и 1 декабря 1942 года) обсуждает вопрос о положении во Франции, Италии и о деятельности ФКП и ИКП. Георгий Димитров по поручению Секретариата вместе с французскими и итальянскими товарищами участвует в разработке соответствующих документов.

1 и 15 декабря 1942 года Секретариат ИККИ рассматривает вопрос о положении в Германии и о линии КПГ в связи с изменившейся международной обстановкой. Одобряется манифест к немецкому народу и армии. Предлагается сконцентрировать силы немецких товарищей в первую очередь на всемерной практической помощи по восстановлению и укреплению компартии внутри страны, ее местных организаций и руководства ими. Определяются ориентация партийных кадров по практическому осуществлению намеченной в манифесте линии и ближайшие задачи массовой борьбы за свержение гитлеровской банды.

В этом же ряду вопросов можно упомянуть, например, обсуждение на заседании Секретариата ИККИ вопросов, вставших перед Компартией Чехословакии.

Таковы некоторые важнейшие стороны работы Георгия Димитрова на посту генерального секретаря ИККИ в последний период существования Коминтерна.

При непосредственном участии Димитрова была проведена огромная работа по сплочению патриотических и антифашистских сил в различных странах вокруг коммунистических партий и рабочего класса, по объединению их в общий фронт борьбы

против немецкого империализма, по организации вооруженной освободительной борьбы народов.

Коминтерн, последовательно и до конца верный принципам пролетарского интернационализма, много сделал для того, чтобы международное рабочее движение, народы, втянутые во вторую мировую войну, имели в своих рядах в лице компартий сплоченные и хорошо организованные боевые патриотические отряды. Коммунисты правильно поняли действительные национальные интересы своих народов, неотделимые от классовых социалистических задач пролетариата. Принципиальные и последовательные интернационалисты, они показали себя самоотверженными патриотами, героическими борцами за свободу и будущее своих наций.

Многие из тех, кто с самого возникновения Коминтерна кричал об антипатриотизме компартий, о том, что они-де не национальные партии, не только капитулировали перед фашистскими агрессорами, но и стали их пособниками, коллаборационистами. А коммунисты были в первых рядах тех, кто стоял насмерть, кто боролся до конца за честь и независимость родины. Не было в Европе страны, где бы они не действовали как авангард, сплачивавший вокруг себя патриотов из всех слоев общества.

Советский народ под руководством Коммунистической партии внес решающий вклад в победу над гитлеровским фашизмом. Его подвиг перед человечеством бессмертен. Большой вклад внесли в борьбу с фашизмом болгарские коммунисты. Миролюбивые люди высоко ценят боевые дела югославских коммунистов, организовавших под руководством И. Броз Тито широкое партизанское движение, народно-освободительную армию, развернувшую боевые военные действия. Славой покрыли себя коммунисты и все патриоты Польши, Франции, Италии, Греции, Албании, Бельгии, Дании, Норвегии, Чехословакии, Нидерландов, Китая, Вьетнама, Кореи. Самоотверженную борьбу в фашистских тылах вели коммунисты Испании, Германии, Румынии, Венгрии. Коммунисты многое сделали для того, чтобы свершился тот всемирно-исторический факт, что вторая мировая война кончилась совсем не так, как рассчитывали империалисты, развязавшие ее.

Много сделал для достижения этой цели Георгий Михайлович Димитров. Но значение его деятельности в годы второй мировой войны приобретает еще большие масштабы, если ее рассматривать в связи со всей его работой в Коминтерне. Мы видим преемственность этой деятельности с VII конгрессом. Мы видим вместе с тем, как ею закладывались важные основы стратегии и тактики партий в послевоенный период, подготавливались предпосылки народно-демократических и социалистических революций.

Курс VII конгресса Коминтерна, главной идеей которого

была борьба с фашизмом и за предотвращение второй мировой войны, способствовал морально-политической и тактической подготовке партий к борьбе в условиях войны.

Вооруженная борьба против гитлеризма выступила как продолжение иными средствами предшествующей политики коммунистических партий. В новых условиях накопленный в мирное время политический опыт не только был сохранен, но развит и обогащен. В арсенал деятельности коммунистов в период второй мировой войны вошли все достижения стратегической и тактической мысли коммунистического движения, сконцентрированные на основе творческого развития марксизма-ленинизма в решениях Коминтерна, особенно его VII конгресса, огромный вклад в разработку которых внес Георгий Михайлович Димитров.

Особенно важно выделить среди них следующее: *первое* — идею широкой антифашистской коалиции. Она нашла свое первоначальное выражение в различных формах народного фронта предвоенного периода. Во время войны эта идея получила широкое воплощение в движении Сопротивления, которое не только явилось главной силой организации борьбы в оккупированных странах Европы против гитлеровских захватчиков, но и создало важные политические предпосылки для последующих социально-политических преобразований в интересах рабочего класса и других трудящихся, в интересах социализма. В ряде стран это привело к установлению народно-демократических режимов, в других способствовало утверждению и расширению буржуазно-демократических свобод, укреплению позиций рабочего движения для дальнейшей борьбы против капитализма.

Ленинская идея соединения рабочего движения с общедемократическими движениями, для развития которой применительно к новым условиям так много сделал Г. Димитров,— важнейшая составная часть и нынешней генеральной линии марксистско-ленинских партий. Г. Димитров развил мысли великого Ленина о значении борьбы за демократию и о неотделимости борьбы за нее от борьбы за социализм в конкретных условиях 40-х годов XX века. Они сохраняют свое актуальное значение и в наше время.

Второе, что важно выделить в работе Г. Димитрова в период второй мировой войны,— это ясное понимание им значения национально-специфических моментов для успешной борьбы против фашизма и одновременно для укрепления позиций революционного рабочего движения. Под этим представители коммунистического движения понимали умение находить конкретные формы применения общих принципов марксизма-ленинизма и умение выдвинуть рабочий класс в первые ряды общего подъема национального антифашистского движения, которым отмечен период второй мировой войны. В духе ленинских идей Димит-

ров исходил из того, что в эпоху империализма национальный вопрос не сходит с повестки дня политической борьбы даже в развитых и среднеразвитых капиталистических странах. Он помог партиям органически соединять интернационалистское мировоззрение с патриотическими устремлениями, борьбу за социальное освобождение с борьбой за национальное возрождение. Высоко подняв знамя борьбы за национальные интересы своих народов в период второй мировой войны, коммунистические партии продолжают и сейчас крепко держать его в своих руках.

Наконец, *третья* важнейшая идея Г. Димитрова — это идея сочетания самостоятельности коммунистических партий в определении своей политики с координацией их деятельности в международном масштабе. Известно, что важные шаги в этом направлении были сделаны уже на VII конгрессе Коминтерна. В годы второй мировой войны стало особенно очевидно, насколько они были своевременны. Рекомендации Коминтерна давали общую ориентировку, которая, как видно из изложенного выше, была весьма важна и жизненно необходима для партий, но партии в условиях военного времени самостоятельно решали вопросы форм и методов борьбы в своих странах. Дело в том, что сама стратегия широкой социально-политической национальной антифашистской коалиции внутренне требовала самостоятельной инициативы, собственной ответственности партий, возможности суверенно принимать решения в соответствии с быстро меняющейся обстановкой. Все это закладывало основы для последующей успешной борьбы рабочего движения в ряде стран за установление власти народной демократии и социалистических преобразований.

Вместе с тем вся политическая работа Г. Димитрова была практически воплощением того значения, которое он придавал координации действий коммунистов разных стран, такой координации, которая не сковывает инициативы каждой партии, а, напротив, дает максимальный простор для нее, создает благоприятные международные условия для их деятельности. Димитров не мыслил себе деятельность марксистско-ленинской партии в национальных рамках иначе, как направленную к общей цели, как учитывающую общие интересы и задачи всего коммунистического движения, интересы других братских партий.

Коминтерн был средоточием всего самого творческого и прогрессивного в освободительном движении своего времени. Он воплощал в себе высшие достижения марксистско-ленинской мысли и лучшие черты боевой пролетарской партийности. Он впитывал из опыта братских партий все самое ценное и общезначимое, обеспечивая распространение этого лучшего на все коммунистическое движение. Именно поэтому он был в состоянии действенно помогать партиям расти и развиваться, преодолевать

появлявшуюся иногда в отдельных партиях косность мысли и фракционность, вовремя выправлять отклонения от марксизма-ленинизма как вправо, так и «влево». Во всем этом немалую роль сыграл Г. Димитров.

Коминтерн полностью выполнил предназначенную ему историей роль. Он поднял коммунистическое движение на новую ступень и прекратил свое существование не в силу каких-то ошибок или внутреннего кризиса, а в результате сознательного и обдуманного акта, предпринятого в новой международной обстановке коллегиально представителями братских партий, которые своевременно увидели, что коммунистическое движение благодаря деятельности Коминтерна вышло на новые рубежи и для своего дальнейшего развития требует иных форм интернационального сотрудничества.

1882

1923

Магдалина Барымова

ЖИЗНЬ ДЛЯ НАРОДА

Каждый ребенок, каждый взрослый человек несет в себе частицу своего отца, своей матери, которые вырастили его, помогли ему сформироваться как личности.

Нашей матери Параскеве было 13 лет, когда ее родители, спасаясь от турок, бежали с семьей из Македонии. Насколько тяжелыми были те времена, теперь никто из нас не может даже себе представить. Покидая свои дома, беженцы брали с собой столько вещей, сколько могли унести. Миновав город Джумаю (ныне Благоевград), наши обосновались в селе Ковачевцы. В семье было пятеро детей. Когда переходили через горы, самый маленький — мальчик — громко плакал. Беспокоясь за судьбу всей семьи, дедушка крикнул:

— Бросьте этого ребенка! Услышат турки, нас всех перережут как цыплят.

И мальчика оставили в горах. Как поется в одной народной песне: ветер повеет — его укачает, лань ли пройдет — накормит его. Но не было лани в горах, не было доброй лесной феи. Другая заступница нашлась у малыша — его старшая сестра Параскева.

Не выдержало ее сердце — вернулась, взяла братишку, завернула его в передник и осторожно пошла подальше от всех, чтобы не заметил отец. А уж если турки услышат — пусть на нее обрушится их гнев. На нее одну.

Таким было сердце нашей матери с детства. Такой она осталась до последнего дня своей жизни. Доброй, готовой на любые жертвы.

В Ковачевцах в семье дедушки поселилась бедность. Нужда заставила трудиться и детей. Стала работать и мама.

Однако, несмотря ни на что, она с детских лет любила петь, веселиться. По воскресеньям без нее не обходилось ни одно хоро[1].

Однажды на площади маму увидел наш будущий отец — тоже беженец. Понравилась она ему, и он решил к ней посвататься...

---

[1] Хоро — хоровод — болгарский национальный танец.— *Прим. перев.*

Такими были родители Георгия Димитрова — простые, скромные, трудолюбивые люди, познавшие немало забот и тягот, выходцы из народных глубин.

Мама была неграмотная, в школу не ходила и не знала букв. Это ее угнетало. Она тянулась к знаниям, как росток к солнцу.

Вечерами, когда отец садился читать газету, она хлопотала по дому — мало ли домашних дел у матери. Но немного передохнет, бывало, посмотрит в сторону отца и скажет:

— Научи меня читать!

— Это занятие не для тебя,— смеялся в ответ отец.— В свое время не училась, а теперь куда уж. Присматривай за домом и детьми.

Но мама не унималась:

— Хочу учиться!

Ничего не поделаешь, пришлось отцу купить ей букварь.

Мама весь день хлопотала по дому и во дворе, а когда садилась кормить ребенка, одной рукой держала его, а другой открывала букварь — нужно было подготовиться к вечеру, когда ее будет спрашивать отец.

Вначале он неохотно согласился учить ее, но потом загорелся и даже привез ей в подарок с первой Пловдивской ярмарки книгу, напечатанную крупным шрифтом.

Позднее маме приходилось помогать нам в революционной работе, и она благословляла дни, когда научилась читать. Ей случалось разыскивать в Софии людей, чтобы передать им те или иные материалы. И она сама читала адреса и попадала туда, куда ей надо. Она была любознательным человеком. Мой старший брат был в нее.

Вспоминая о маме, не могу не сказать, как она заботилась о нас. Мы всегда были опрятно одеты и обуты, хорошо накормлены. Она следила, чтобы мы ходили чистые, умытые.

Соседки часто спрашивали ее:

— Мари Пано, чем кормишь детей, что они у тебя всегда как куколки?

А мама улыбалась и серьезно отвечала:

— Простой пищей: тюрей, картошкой, яблоками...

Из Ковачевцев наши родители переехали в Радомир. Но бедность прогнала их и оттуда.

Оставив нас, маму, Георгия и меня, отец отправился в Софию искать работу. Там муж его сестры шил меховые шапки. Научившись у него этому ремеслу, отец вместе с тем под его влиянием принял евангелическую веру.

Через два года и мы переехали в Софию. Жили на углу улиц царя Бориса и Солунской (ныне улица Васила Коларова).

В семье родились еще дети, квартира стала для нас тесной. Отец начал искать новую, но его везде встречали одним и тем же вопросом:

— Сколько у тебя детей?

Он с досадой отвечал:

— А вам зачем это? Не вам их кормить!

Новую квартиру найти не удалось, и отец с дядей решили строить дом на улице Ополченской. Тогда там был пустырь. Возвели общий дом под одной крышей, а отец построил еще и хлев. Мы купили корову, чтобы было свое молоко. Но зимой она попала в яму с гашеной известью и сдохла. Тогда отец перестроил хлев под жилье.

Отец был предприимчивым человеком, не надеялся на готовое, не любил сидеть сложа руки.

Он очень заботился о нас. Есть такая пословица: «Иглой колодца не выроешь». Но наш отец, работая иглой, кормил и одевал многочисленную семью. Он отличался исключительным трудолюбием. Пока отец был жив, мы хотя и не были богаты, но не знали лишений.

У нас в семье росло много детей. Георгий был старшим, мы все называли его «бае» [1]. Но он никогда не обращался с нами как с младшими. Не заставлял делать, что ему вздумается, не «ставил в угол», как некоторые старшие братья.

Георгий был подвижный мальчик, любил игры, бегать наперегонки, бороться. С большим увлечением играл в чижика и в бабки. Каждый юрьев день, когда резали ягнят, он запасался бабками, чтобы хватило на год.

Еще он любил запускать пестрых бумажных змеев. Ему нравилось смотреть, как они летают. Разматывая веревку, к которой был привязан змей, он словно запускал в небо частицу самого себя. Устремив взгляд свой и мысли в голубой простор, где летал его змей, он без устали бегал и был счастлив.

Непоседливый, как все дети, Георгий иногда проказничал. Но я не помню, чтобы он когда-нибудь скрыл свою проделку, пытаясь избежать неприятностей. Сам признавался в проступках и переживал, если невольно кого-то обидел...

Однажды мама решила испечь слоеный пирог и послала Георгия отнести его в пекарню. Он шел по улице, аккуратно держа противень в руках. И тут, на беду, встретил булочника, который нес большой противень на голове. В то время на улицах Софии часто можно было увидеть булочников с большими квадратными противнями на голове. Шагали они быстро, могли даже бежать, не уронив свой груз. Как фокусники.

---

[1] Бае — старший брат, обращение к старшему брату.— *Прим. перев.*

И вот брат, встретив булочника, позавидовал его ловкости. «А почему бы и мне не попробовать?» — подумал он и осторожно поставил противень себе на голову.

Все шло хорошо, противень держался, брат был доволен. Но улицы тогда не были такими ровными, как теперь. Под ноги попался камень, брат споткнулся, противень подскочил и упал, а пирог шлепнулся на землю.

Стоит брат, смотрит и не знает, что делать.

Подошла какая-то женщина.

— Ничего, милый,— успокоила она его.— Сейчас мы соберем пирог и разложим так, будто ничего и не было.

Они вместе подняли и уложили пирог на противень.

За обедом мама сказала:

— Этот пирог не наш, сынок. Пекарь, видно, перепутал, дал тебе чужой противень. В нем какая-то чернота. Наш пирог был белый, хороший.

Брат, стоявший в стороне с виноватым видом, рассказал о случившемся и сквозь слезы попросил прощения.

Семья наша была дружная. Мы не ссорились. Жили в братском согласии, помогая друг другу.

Все обязанности по дому были у нас распределены. Георгий, например, каждую неделю мыл пол щеткой с мылом.

И однажды произошел такой случай.

Засучив рукава, брат усердно натирал доски, и намыленная вода пенилась и плескалась у него под руками. Работа доставляла ему удовольствие, и он напевал в такт движениям щетки.

Все шло хорошо, пока с улицы кто-то не крикнул:

— Эй, Георгий, пойдем играть!

Вначале Георгий не думал бросать щетку. Продолжал работать. Потом стал поглядывать на окно.

Наконец не выдержал и выскочил через окно на улицу.

Там мальчишки из нашего квартала затеяли веселую игру. Они бросали камни, которые, настигая и опережая друг друга, плюхались в реку.

Ребята соревновались и спорили, каждый старался доказать, что его камень улетел дальше.

А на берегу реки рабочие просеивали песок. Вдруг один из них вскрикнул, оставил лопату и побежал к мальчишкам. В него попал камень, брошенный Георгием.

Мальчик понял, что случилось, и поспешил домой.

Когда рабочий поравнялся с нашим домом, Георгий уже держал в руках щетку и, тяжело дыша, мыл пол.

— Госпожа,— обратился человек к маме,— ваш сын ударил меня камнем. Проберите его!

Мама улыбнулась.

— Не может быть! Мой сын занят... Георгий! — громко позвала она его, чтобы доказать, что ее сын не заслуживает обвинения...

Георгий мог подойти к двери, притвориться обиженным и скрыть свою вину. И он действительно подошел, но на лице его было написано огорчение. Он весь как-то сжался.

— Дядя прав, мама,— сказал брат.— Я бросил этот камень...

А камни были шальные — не успеешь глазом моргнуть, смотришь, зазвенело стекло в окне соседа. Ох уж эти камни! Тогда Георгий приходил домой и, понурив голову, говорил:

— Я разбил окно. Неудобно перед людьми. Мама, дай денег, чтобы заплатить!

Мама добрая, давала деньги.

Но «непослушные» камни снова попадали в чужие окна. И за каждое разбитое стекло нужно было платить.

Как-то раз мама сказала:

— Слушай, Георгий, каждый день я даю тебе деньги на булочки. Экономь их. Клади в коробочку и сам плати свои «долги»...

Шутила мама или хотела показать своему сыну цену его шалостей — не знаю. Но Георгий прислушался к ее совету.

Если ему случалось теперь разбить окно, он обходился без булочек, шел к пострадавшим и платил.

Правда, это продолжалось недолго. Однажды он подошел ко мне с виноватым лицом, протянул свою рогатку и сказал:

— Лина, возьми эту штуку!

— Зачем? — удивилась я.

— Да так! Стоит разбить окно — и нет булочек. Да и мама огорчается. Она не ругает меня, но уж лучше бы отругала...

Мне стало грустно, когда брат пошел в школу. Я схватила его за руку и сказала:

— Не ходи, оставайся дома! Что я тут без тебя буду делать?

Однажды, в первый день Нового года, как всегда, мы отправились холодным утром по домам с разукрашенными кизиловыми веточками в руках поздравлять с праздником. «Сурва година» [1], «Сурва година» — наши сумочки и карманы наполнялись гостинцами.

Когда вернулись домой, брат выложил на стол сладости, сушеные фрукты и калачи.

Деньги отложил в сторону и сказал:

---

[1] «Сурва година» — слова, произносимые в момент поздравления с Новым годом.— *Прим. перев.*

— Не бойся, не растранжирю. Я уже знаю азбуку. Куплю сказки, буду и тебе читать.

И он сдержал свое слово.

Потом он сколотил из досок этажерку — маленькую, но красивую.

Он любил книги, уважал их как хороших друзей и не хотел, чтобы они валялись где попало...

Однажды Георгий купил, по-видимому, очень интересную книгу. Как только он раскрыл ее, так сразу же погрузился в чтение.

— Иди сюда, Лина,— позвал он меня, оторвавшись наконец от книги,— иди, я почитаю тебе об одном герое, о Левском... [1]

Брат читал о подвигах бесстрашного болгарина, а мы с мамой слушали.

Когда он дошел до того места, где описывалась казнь Левского, мне стало жалко его.

— И я бы поступил как он! — воскликнул брат, и его глаза блеснули как-то не по-детски. Потом добавил:

— Пусть бы и меня повесили!

Мама вздрогнула.

— Не говори так, сынок! — упрекнула она его.

Но в сердце Георгия уже разгоралась жажда подвига во имя народа.

Родители регулярно водили нас в церковь. А после церковной службы мы шли на занятия в воскресную школу, где учитель нудным голосом читал и разъяснял нам тексты из евангелия.

В школе нас разделяли на группы по возрасту. Я и брат учились в младшей группе. Но ему все казалось, что у старших интереснее. И однажды, никого не спросив, он присоединился к ним.

Директор воскресной школы накричал на него:

— Георгий, немедленно вернись в свою группу!

Но он не послушался. Даже не сдвинулся с места.

В следующее воскресенье повторилось то же самое.

Тогда директор схватил брата за ухо и вывел из класса. Я не выдержала, выбежала вслед за ним.

Тут я ожидала, что найду его огорченным и подавленным, но ошиблась. Он весь кипел от гнева. Взяв меня за руку, сказал:

---

[1] Левский Васил (1837—1873) — болгарский революционер и революционный демократ, один из виднейших руководителей и идеологов болгарского национально-революционного движения. В конце 1872 г. был схвачен турками и в 1873 г. повешен в Софии.— *Прим. перев.*

— Чтобы я еще пошел в церковь!

И больше не ходил.

Георгий рано простился со школой.

Вначале он заболел, и врачи сказали, что ему нужно бы год отдохнуть. Однако возобновить учебу он уже так и не смог.

Наступили трудные годы. Георгию пришлось пойти работать... И хотя было ему тогда 12—13 лет, детство его на этом закончилось.

Сперва он пошел в столярную мастерскую.

Постоял там, посмотрел немного и вернулся недовольный:

— Мне не нравится.

Потом отправился в кузницу.

— И кузнецом не буду. Не по душе мне это ремесло.

Тогда наш сосед-печатник сказал ему:

— Приходи, Георгий, посмотришь, как мы работаем. Может, у нас тебе понравится.

Сосед угадал. Работа печатника понравилась брату. Домой он вернулся возбужденный и объявил:

— Буду работать там, где буквы. Стану печатником!

— Что так, сынок? — спросил отец.— Неужели эта работа так хороша?

— Да, папа. Я смотрел и не мог наглядеться. Это какое-то чудо. Буквы складываются в слова, слова — в строки, и рождается газета, книга, материал для чтения... А когда слагаешь буквы, постоянно читаешь. Все равно что учишься.

Он говорил, а глаза его блестели от радости. И мы радовались вместе с ним.

Вскоре мой любознательный брат вступил в общество печатников, начал посещать рабочий клуб.

— Ну, Лина,— говорил он мне,— я нашел церковь получше отцовой. И школу получше воскресной!

Он был счастлив.

Но однажды Георгий все же пошел в церковь.

Когда закончилась служба, он вместе с товарищем незаметно выскользнул на улицу, а на полу тут и там остались разбросанные листы с крупным заголовком «Кукареку». В них говорилось об обмане, к которому прибегали божьи слуги, назывались их имена, разоблачалось их надувательство.

Вскоре стало ясно, что это дело рук юного печатника.

Церковное попечительство вызвало отца и вынесло ему строгое порицание за предосудительное поведение сына...

А Георгий все смелее шел по намеченному пути.

Много времени проводил он в клубе. Записался в гимнастическое общество. Товарищи полюбили его.

Одновременно он много читал. Откладывал деньги и в конце каждой недели покупал себе новую книгу.

— Георгий, сынок,— говорила мама,— вижу я, ты похудел. Тебе надо больше отдыхать.

— Нет времени для отдыха, мама. Как же иначе я догоню тех, кто ходит в школу? — отвечал брат.

Так прошло детство Георгия Димитрова. Так рос он в родном гнезде и, как птица, готовился в дальний полет.

Брат все ближе знакомился с жизнью рабочих. Вскоре он стал членом их партии. Я помню тот день. Никогда еще Георгий не приходил домой таким радостным.

— Лина,— взволнованно произнес он,— сегодня я вступил в партию! Понимаешь, что это значит! У меня будет работа, интересная работа!..

Работа предстояла трудная и опасная, но брат радовался ей как ребенок.

Сбывалась его детская мечта — стать таким, как Левский, посвятить свою жизнь рабочим, народу...

И всегда допоздна светилась лампа в его комнате. Он читал, догоняя и опережая сверстников, которые учились в школе.

Ходил на собрания, подолгу беседовал с рабочими, восторженно слушал своих новых учителей.

Георгий учился в лучшей школе — школе жизни. Он смотрел на мир широко открытыми глазами. Любил правду и искал ее повсюду — вокруг себя, в книгах. И всегда ее находил...

Помню, много лет спустя, во время Лейпцигского процесса, в перерыве между заседаниями суда английский журналист спросил маму:

— Как вы воспитали такого героя, счастливая бабушка?

Мама скромно ответила:

— Его воспитала не я, а партия. Я только научила его ненавидеть зло. Быть честным.

Маме принадлежит большая заслуга в том, что брат стал великим революционером. Но тогда, говоря так, она была права...

В рабочем клубе Георгий познакомился с Любицей Ивошевич, швеей, которая бежала из Сербии, спасаясь от тюрьмы.

Любица была милая, сердечная женщина, умная, начитанная революционерка. Писала статьи и стихотворения. Ее худощавое, миловидное лицо располагало к откровенному разговору. С ней всегда было приятно и полезно поговорить.

Часто вечерами мы с братом провожали Любу до ее квартиры. Разговаривали, спорили, и я видела, что она и мой брат стали хорошими друзьями.

Самые теплые воспоминания остались у меня о тех вечерах.

Над Софией опускаются сумерки. Мимо нас проезжают фаэтоны на мягких рессорах, слышно цоканье копыт, сначала отчетливо, затем все тише; зажигаются керосиновые фонари. А мы идем. Брат увлеченно говорит о рабочем движении, о Марксе, о том, что, если потребуется, социалист всегда готов умереть за свои идеи...

Любица жила в неблагоустроенной квартире, хозяева у нее были плохие. Однажды вечером, проводив ее, мы с братом по дороге домой решили предложить ей поселиться у нас, в одной комнате со мной..

Люба переехала к нам, и вскоре после этого они с братом решили создать семью. Но евангелический пастор и церковное попечительство отказались их венчать, потому что они были социалистами. Православные попы также отказались — потому что наши родители были евангелистами. А без обряда венчания в церкви тогда нельзя было жениться.

Как раз в это время из Плевена приехал Тодор Луканов [1].

— Все уладится,— сказал он улыбаясь.— В нашем городе есть священник, который венчал многих наших товарищей. Интересный человек!.. Придется приехать к нам в Плевен в гости, ничего не поделаешь...

Георгий, Люба и мама собрались и поехали в Плевен.

А когда они вернулись, все мы старались сделать жизнь молодоженов счастливой. Жену брата приняли как своего, близкого человека, как дочь и сестру.

Молодожены жили дружно. Их многое связывало. Допоздна горела лампа в их комнате и тихо шелестели страницы. Георгий и Люба читали и писали. Проходя мимо их двери, я всегда старалась ступать как можно тише.

Брат к своей супруге относился внимательно и с нежностью. Он ее очень любил и уважал. Ценил ее талант и стремился дать ей возможность работать, заниматься творчеством.

Но их семейная жизнь не могла долго быть безмятежной, спокойной. Для солдата нет тихих пристаней. А Георгий и Люба были солдатами партии. Стачки, митинги, собрания — Георгию нужно было успевать всюду. Ему не хватало дней и ночей, чтобы переделать горы дел.

А потом наступил роковой 1923 год.

Назревали поистине исторические события. Одним из их самых деятельных участников был Георгий. Шла подготовка к восстанию. Брат испытывал какое-то радостное беспокойство.

---

[1] Луканов Тодор Станчев (1874—1946) — деятель революционного рабочего движения Болгарии. В 1900 г. основал в г. Плевене организацию БРСДП и ряд лет руководил ею. В 1919 г. был избран членом, а в 1922 г.— секретарем ЦК БКП.— *Прим. перев.*

В те дни в нашу историю вписаны героические страницы. Мы — очевидцы, гордимся, что пережили эти дни. Гордимся, несмотря на жертвы, несмотря на пожарища и погромы, которые, словно черные бури, обрушились на восставшие села и города, на всю Болгарию.

Брат был с народом и в те трудные дни. И он испил горькую чашу поражения.

С тех пор мы не видели его много лет. Брат вынужден был покинуть Болгарию. Но он не расстался со своим народом. Известно письмо, отправленное в то время рабочим и крестьянам Болгарии Георгием Димитровым и Василом Коларовым. Оно призывало народ не отчаиваться и собирать силы для новой борьбы. Крылатым стал призыв этих двух мужественных руководителей:

— Выше головы!..

Для всей нашей семьи начались тяжелые годы. Трудно переживала разлуку и Люба. Она находила настоящее утешение лишь в труде, в творчестве.

Мы ложились спать и пробуждались с тревожными думами о брате. В нашей жизни не хватало чего-то важного, без него в доме стало пусто. Поэтому вести из-за рубежа были для нас настоящим праздником. Из каждого города, в котором брат оказывался на своем эмигрантском пути, он посылал нам открытки и бодрые письма.

А годы шли. Мама старела, ее лицо все гуще покрывала сеть морщинок.

Один год... Пять лет... А вот и десятый — 1933-й!

Неожиданно мир узнал, что Георгия Димитрова обвиняют в поджоге германского рейхстага.

Фашистский зверь тянул свои лапы к брату. Его арестовали, готовился крупный процесс.

Мы поняли: Георгию предстоит тяжелая битва с наглым и страшным противником, и очень за него тревожились.

В это время нас постигло другое несчастье. Измученная, похудевшая, скончалась Любица. Весть об этом могла сломить узника Моабита, вызвать отчаяние. А именно сейчас брат, как никогда, нуждался в твердости и спокойствии духа. Он тяжело пережил непоправимое горе, но оно не сломило его. Его воля, как всегда, и на этот раз одержала победу...

Итак, Георгий томился в фашистском застенке.

Поймет ли мир, что он невиновен? Поднимут ли честные люди свой голос в его защиту? Сможет ли брат в один прекрасный день выйти на свободу?

Мне казалось, что письма, которые мы получали от него, приходят с того света, откуда нет возврата. Но они были по-прежнему бодрые, проникнутые верой, и это даже как-то поражало —

находясь в лапах врага, брат верил в свое спасение, в победный исход своей борьбы!

Его слова были тверды, как железо, и звучали для нас, как удары молота о наковальню. Но когда он начинал говорить о маме, он словно преображался — слова становились ласковыми и мягкими, полными любви и преклонения, нежности и сыновнего тепла.

И мама превозмогала материнскую печаль, писала брату тоже бодрые письма. Она понимала, что ее сын нуждается в помощи и поддержке. Она укрепляла в нем веру, писала, что он всегда должен быть таким же смелым.

Мы даже не могли себе представить, в каких условиях находился в то время брат, как писал свои письма, за каким столом, каким карандашом. Но эти письма нас успокаивали. Мы ждали их и начали верить, что произойдет невозможное — брат победит фашистов и вернется к нам.

«Особенно порадовало меня письмо нашей любимой мамы,— писал он.— То, что она, несмотря ни на что, так храбра, мужественна и полна надежды, является для меня большим моральным облегчением и огромным утешением.

Я всегда гордился нашей матерью, ее благородным характером, стойкостью и самоотверженной любовью, и сейчас еще больше горжусь ею. Желаю ей на долгие годы отличного здоровья и жизнерадостности, мужества и веры в будущее. Я уверен, что мы еще увидимся и будем счастливы...»

Большое сердце было у брата. Я вспоминаю время, когда мой сын Любчо попал в тюрьму. Нет большей боли для сердца матери, чем страдания ее сына.

Находясь вдали от нас, будучи поглощен борьбой, в пекле фашистского ада, брат нашел время подумать и о моей боли, позаботиться и обо мне.

«Что касается Любчо,— писал он мне,— то самое важное состоит в том, чтобы он поправил свое здоровье и хорошо использовал время в тюрьме по возможности для учения! Это преходящее несчастье...»

Удивительный человек был мой брат!

И хотя он однажды писал нам: «Я, как лев в клетке, как птица, которая имеет крылья, но не может летать!..» — я знала: у птицы есть крылья и она скоро поднимется высоко-высоко!

Как-то Георгий упомянул, что было бы хорошо, если бы его навестила мама.

Мы начали собираться в путь. Сборы были нелегкими. Нам с трудом выдали паспорта. Да и мама стала уже старенькая, и мы беспокоились, как она перенесет дальнее путешествие.

Не знали мы также, что ожидает нас на далекой чужбине, где брат томился в тюрьме...

Ехали в вагоне третьего класса. С собой взяли продукты, которых должно было хватить до самого Парижа...

Большой незнакомый город встретил нас многоголосым шумом. Перрон был заполнен людьми. Все куда-то спешили. Прибывали и уходили поезда. Вокруг звучала незнакомая речь. Среди толпы мы чувствовали себя потерянными...

Вдруг слышим, кто-то окликает нас по-болгарски. Мы обрадовались и в то же время удивились. Конечно, в том, что мы в Париже встретили болгарина, не было ничего необыкновенного. Но как он признал в нас своих соотечественников?

Мы спросили его об этом. Он улыбнулся и кивнул головой в сторону моей руки. Я посмотрела на нее и тоже засмеялась. Через руку у меня было перекинуто пестрое домотканое одеяло, которое по настоянию мамы мы захватили с родины. Мне вдруг показалось немного необычным то, что оно оказалось здесь, в этом шумном европейском городе. Оно действительно выглядело в Париже чужим, но для меня стало еще дороже. Оно послужило нам и паспортом, и проводником...

Наш соотечественник нанял такси и отвез нас в гостиницу...

Там собрались свои люди — болгарские и французские коммунисты.

Морис Торез ласково улыбнулся маме и сказал:

— Сегодня вечером будет митинг. Вам надо выступить перед парижанами.

Мама посмотрела на него смущенно, а потом рассмеялась:

— Никак, шутишь, сынок? Я и в Болгарии не говорила перед массой людей, а здесь?

С нами был и товарищ Милко Тарабанов.

— Ничего страшного,— сказал он.— Вы будете говорить по-болгарски, а я переведу ваши слова на французский. Если даже и скажете что-нибудь не так, я выручу.

Вечером мы вышли на балкон, и, когда людское море внизу утихло, мама собралась с духом и начала говорить. Ее речь неожиданно вышла удачной, волнующей.

Мы переглядывались, в наших глазах светилась радость. Понимали друг друга без слов. Каждый из нас думал: «Молодец бабушка Параскева! Достойная мать достойного сына!»

Она говорила о тяжелом положении болгарского народа, о недовольстве, забастовках, борьбе рабочих...

А в конце по-матерински попросила французов заступиться за Димитрова, помочь ему, поскольку он невиновен. Она, мать, лучше других знает, она убеждена в этом! Ее сын хороший и честный!..

В Париже нам дали как переводчика товарища Бояна Дановского — известного болгарского режиссера, и с ним мы выехали в Германию.

Мы не видели Георгия 10 лет. Как мы волновались перед первым свиданием с ним в тюрьме Моабит!

Что сталось с ним? Похудел? Изменился? — беспокоились мы.

Когда нас ввели в комнату для свиданий, наши сердца сжались. Перед нами стоял Георгий — похудевший, в потрепанном пиджаке.

В такие минуты человеку вдруг приходят на ум самые неожиданные мысли. Я подумала: «Почему у него так потрепан пиджак спереди, на груди?»

Георгий стал говорить. Голос его был тихий, но твердый:

— Наручники истрепали мою одежду, мама. И на руках раны тоже от них... Но дух мой не сломлен. А для меня это самое важное... Когда их надели, вначале было трудно. Опускаю руки — наручники тянут вниз. Поднимаю высоко — железо впивается в кисти, и руки болят... Но что делать? Да, трудно привыкал я к ним, черт бы их побрал!.. Но однажды, когда я сидел за столом и смотрел на свои израненные, закованные в кандалы руки, мне пришло на ум мудрое изречение великого немецкого поэта Гёте: «Богатство потерять — немного потерять, честь потерять — много потерять, смелость потерять — все потерять». Это было целое открытие. Мне стали не страшны уже никакие наручники!.. Был и другой случай. Сижу я и пишу с кандалами на руках. Напряженно приходится мне работать в тюрьме. Нужно прочесть множество страниц, изучить массу вещей... Перед окном моей камеры растет дерево. И вот однажды среди его ветвей я увидел — кого бы вы думали? Птичку! Веселая птичка пела, сидя на дереве в тюремном дворе. В камеру проникал ее голос — радостный, непривычный здесь, где царит бесчеловечная суровость. Если бы вы знали, что значила для меня эта птичка! Слушая ее пение, я отдыхал и мечтал... Я был бесконечно благодарен ей за песню, за покой, который исходил от нее, за мечты, которые она мне навевала, и смелость, которую вселяла в меня...

Мы оставались в Германии, пока не кончился процесс...

Георгий превратил свою камеру, это место отчаяния, в школу приобретения знаний и смелости. Наблюдая за ним и слушая его, мы все больше убеждались, что он победит, что его правда восторжествует. И хотя сердца наши сжимались от тревоги за него, мы были горды...

Даже в камере, возможно в нескольких шагах от виселицы, он думал о нас, беспокоился о маме.

Однажды он сказал:

— Лина, вы здесь уже столько времени, а я все не догадывался спросить, что вы делаете, чем заполняете время между свиданиями со мной... Знаешь, я беспокоюсь за маму. Видно, что она тяжело переносит все, а от меня скрывает, старается не подать виду, что она тревожится... Может, она находит утешение в своей вере. Ты провожаешь ее по воскресеньям в церковь?

— Нет,— ответила я.— Несколько раз хотела отвести, но Боян Дановский сказал, что с политической точки зрения матери коммуниста не пристало ходить в церковь!

Георгий нахмурился.

— Напрасно,— сказал он.— Вот что, Лина, позаботься, пожалуйста, об этом. Здесь церкви на каждом шагу. Маме это нужно, понимаешь? Это придаст ей сил.

Георгий замолк, потом как-то особенно посмотрел на меня и улыбнулся:

— Если хочешь знать, я хоть и коммунист, но тоже ходил в тюремную церковь. Скажу тебе почему. Чувствую, насколько беден мой запас немецких слов. Ведь я нахожусь в полной тюремной изоляции! А немецким мне необходимо владеть в совершенстве, чтобы спорить, опровергать доводы противников... Здесь пусто и безлюдно. Надзиратели молчаливы и холодны, как статуи. Тут можно разговаривать лишь с самим собой. Страшно, когда нуждаешься в человеческой речи, когда тебя держат в заключении в четырех немых стенах... И вот я попросил директора тюрьмы отвести меня в церковь. В конце концов это единственное место, куда мне разрешили пойти. Конечно, когда я вошел под своды католического храма, в мое сердце не хлынули вера и упование. Но там я встретил людей, хотя они и других взглядов, и даже мои противники. Как ни странно это звучит, в тот момент мне нужны были именно противники, люди, не разделяющие моих убеждений... Я познакомился со священником. А потом добился разрешения, чтобы он меня посетил. Интересно было беседовать с этим человеком. Я спорил с ним. Выбрал тему, близкую священнику: какая религия прогрессивнее — евангелическая или католическая. Он был далеко не слабым противником. Чтобы опровергнуть его, требовались культура, острая мысль, гибкая речь... Священник стал навещать меня. И каждый раз мы вели спор на новую тему. Говорили и о быте немецкого народа, об истории, искусстве, литературе... В беседах с ним я испытывал и закалял оружие, которым мне предстояло сражаться.

И вот мы сидим в зале лейпцигского суда, наши сердца сжались от волнения. Нам больно видеть Георгия, окруженного полицейскими.

Он один, один среди волчьей стаи. Удастся ли ему спастись? Для волков человек ничего не стоит!

Жизнь Георгия точно пламя свечи. Стоит дунуть, и... Нужна большая, сильная рука, чтобы его защитить. А волки сделали все, чтобы его не коснулась ни одна дружеская рука. Чтобы он был одинок. Но он не одинок. С ним днями и ночами его правда, его смелость. Они подобны солнцу, на которое фашисты пытаются бросить горсть сажи.

Слова Георгия громко раздаются в гулком зале. Когда он говорит перед судом, кажется, что под сводами становится светлей...

В один из перерывов адвокат сказал нам:

— Вам разрешено свидание. Идите. И посоветуйте ему, чтобы не вел себя так дерзко. Его жизнь на волоске.

Когда мы подошли к Георгию, он улыбнулся, словно прочел все, что было в наших сердцах и хотел рассеять наши тревоги.

— Георгий, сынок,— попросила мама,— не будь таким резким, смирись немного. Говори осторожнее, мягче. Они раздавят тебя.

Улыбка исчезла с лица брата. Его глаза блеснули гневом:

— Как! Молчать! А почему они меня держат здесь? По какому праву лишили свободы невиновного человека? Нет, мама, люди всего земного шара должны узнать, что они готовят человечеству кровавую баню. Я не могу молчать, ты понимаешь? Я должен говорить!

Мама улыбнулась и сказала:

— Говори, сынок, говори! Не слушай свою старую мать. Не надо молчать. У тебя золотые уста и слова твои, словно колокола. Я родила тебя с даром апостола.

Георгий сознавал, что его сила сильнее всей полиции, всей армии, всего оружия фашистов. Поэтому он так смело в одиночку выступил против них.

— Может, сходить в советское посольство,— предложили однажды мы,— товарищи заступятся за тебя, спасут.

— Нет,— сказал он.— Сходить можете, но не сейчас, а когда в этом действительно будет нужда.

Процесс закончился. Георгий был оправдан, но его продолжали держать в тюрьме. Тогда он сказал:

— Вот теперь можете идти в советское посольство.

Всего за двадцать четыре часа Георгий стал советским подданным и был вырван из волчьих лап фашистов.

1963 г.

Петко Величков

ВОЗМУЖАНИЕ

Моя дружба с Георгием Димитровым продолжалась недолго — с 1899 до конца 1906 года, когда от партии откололась группа социалистов во главе с Георгием Бакаловым. К этой группе присоединился и я, а Георгий Димитров остался вместе с Д. Благоевым, Г. Кирковым, Гаврилом Георгиевым и Хр. Кабакчиевым, то есть с тесными социалистами[1].

Я порвал с Георгием Димитровым, так сказать, организационно. Но лично в конфликт с ним не вступал и считаю, что между нами сохранились если не дружеские, то по крайней мере товарищеские отношения. При тогдашней острой борьбе между тесными и широкими социалистами это было немало.

В мае 1899 года было основано Общество рабочих-печатников, а в следующем году Г. Димитрова и меня избрали в правление общества. С тех пор началось наше знакомство и совместная работа. Его определили библиотекарем в библиотеку, которая еще почти не существовала. Как тогда было решено, бесплатные экземпляры книг, которые было принято давать рабочим, печатавшим их, стали собирать и передавать в общую библиотеку. У меня Г. Димитров попросил несколько неполных комплектов журнала «Ден», и другие товарищи подарили библиотеке общества разные книги.

В то время Георгий Димитров обращал на себя внимание не столько активным участием в общественной работе, сколько своей исключительной любознательностью, энергией и серьезностью.

Одет он был скромно, но прилично и опрятно.

Разговаривая или выступая на собрании, часто и слегка покашливал. Это скорее была привычка, нежели признак болезненного состояния. Когда шел один, любил идти быстро. При встречах со знакомыми здоровался, слегка поднимая вверх правую руку. Любил и умел тонко подтрунивать над людьми, отрицательные качества которых выдавали либо их безвкусный наряд, либо другой внешний признак. Георгий Димитров не имел

---

[1] Тесные социалисты — революционное марксистское крыло в Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП), возглавлявшееся Д. Благоевым. После разрыва (1903 г.) с оппортунизмом организовались в Болгарскую социал-демократическую партию (тесных социалистов). С 1919 г.— Болгарская коммунистическая партия (тесных социалистов). Оппортунистическое крыло в БРСДП — широкие социалисты после раскола партии образовали БРСДП (широких социалистов). Выступали за самый широкий, бесконтрольный прием в партию, «широкое» толкование марксизма.— *Прим. перев.*

привычки жаловаться, что у него где-то болит или ему что-то не нравится. Не любил, чтобы внимание других было сосредоточено на его личности.

Г. Димитров читал все, что попадалось под руку, читал, используя каждую свободную минуту, особенно в обеденный перерыв.

В 1902 году борьба между тесными и широкими социалистами все более обострялась. Она повысила интерес рабочих к БРСДП. Г. Димитров, который еще не состоял в партии, тогда решил стать членом Софийской партийной организации. Он написал заявление, и я подписал его как рекомендующий. Вскоре заявление рассматривалось местным партийным комитетом, который вынес решение о приеме Г. Димитрова в члены партии.

В то время по предложению Гаврила Георгиева, уже на нескольких организационных собраниях отстаивавшего идею необходимости повышения качественного состава партии, было решено, чтобы вступающие в ее ряды кроме письменной декларации о том, что они разделяют марксистские идеи, делали также устное заявление на собрании местной партийной организации. Это решение выполнялось, но все вновь принятые являлись на собрание и обычно лишь повторяли общую формулу верности партии.

Заявление же Г. Димитрова произвело такое глубокое впечатление, что о нем долго еще говорили, а на него самого, как говорится, показывали пальцем.

Пребывание Г. Димитрова в партии до ее раскола продолжалось недолго. На следующий год борьба между тесными и широкими социалистами настолько обострилась, что, несмотря на предпринимавшиеся усилия, направленные на примирение, в 1903 году дело дошло до раскола. В дни непосредственно до и после раскола партии Г. Димитрова в Софии не было. В своей среде мы его высоко ценили и поэтому остро ощущали его отсутствие. Раскол происходил уже и в профсоюзах, где мы составляли меньшинство. Я вынужден был написать ему письмо, в котором рассказал, как развивались события в нашей организации.

Ответ пришел быстро. Г. Димитров благодарил за новости, которые хотя и были изложены непоследовательно, дали ему ясное представление о положении дел. Вернувшись в Софию, он энергично включился в работу. По предложению главным образом Георгия Киркова мы основали рабочее просветительское общество «Классовое сознание». Секретарем общества был избран Георгий Димитров. Его избрали также членом местного комитета и правления профсоюза рабочих-печатников. С тех пор, особенно после избрания его делопроизводителем, а потом

и секретарем Общего рабочего синдикального союза, Георгий Димитров был всецело поглощен партийной и профсоюзной работой. Все свое свободное время он проводил в клубе. Обычно это были вечера и почти все воскресные и праздничные дни. Исключительно много, до изнеможения, работал он после съезда в Пловдиве летом 1904 года, когда его избрали членом профсоюзного комитета и секретарем Софийской партийной организации.

Весной 1904 года группой партийных и профсоюзных руководителей в Русе был выпущен призыв ко всем профсоюзным организациям, идущим за партией тесных социалистов, основать Общий рабочий синдикальный союз. Идея создания такого союза зрела и в партийных руководящих кругах в Софии, а также в среде профсоюзных деятелей. Центральный Комитет партии обсуждал этот вопрос, решив параллельно с созывом партийного съезда, который намечался летом в Пловдиве, провести и учредительный съезд ОРСС. Эту идею подхватили, она популяризировалась на собраниях и в прессе, ее горячо поддержали рабочие. Был выработан и проект устава.

Из-за недостатка средств на съезд партии в Пловдив из Софии выехали лишь немногие рабочие — делегаты. По этой причине ряд руководителей партии получили полномочия представлять на съезде и профсоюзы. Мы с Георгием Димитровым договорились, что он получит полномочия от профсоюза типографских рабочих, а я — от профсоюза металлистов.

На учредительном съезде ОРСС единодушно было решено, что он будет придерживаться принципов классовой борьбы. Лучше всего это мотивировал и обосновал в своей приветственной речи Д. Благоев. Оставалось решить вопрос об организации и более конкретно — о руководящем органе ОРСС. Секретарем ОРСС съезд вначале избрал Николу Харлакова, являвшегося и секретарем Центрального Комитета партии. Общий рабочий совет на своем первом заседании должен был избрать делопроизводителя.

По возвращении в Софию делопроизводителем профсоюзного комитета ОРСС избрали меня[1].

С первого дня моей работы в Софии Г. Димитров оказывал мне помощь. В первую очередь возник вопрос о выработке ряда инструкций: о распорядке работы союза, о стачках, о помощи рабочим и пр., большую часть которых подготовил он. Георгий Димитров работал тогда в Придворной типографии.

Я уже сказал, что Г. Димитрова избрали секретарем Софийской партийной организации. Работы прибавлялось, и в клубе

[1] Через год секретарем ОРСС был избран Г. Кирков, а делопроизводителем — Г. Димитров.— *Прим. перев.*

ему необходима была канцелярия. Но свободной комнаты там не имелось. Тогда в углу маленькой веранды, выходившей во двор клубного здания, из досок соорудили комнату-барак. Это был первый «кабинет», в котором он начал работать. В шутку мы называли этот барак «кемеза», то есть курятник. В этом помещении стояли стол с чернильницей и ручкой и стул. Естественно, в такой обстановке мог работать лишь человек, безгранично преданный делу освобождения рабочего класса.

За несколько дней до Первого мая 1905 года Георгий Кирков пригласил нас с Г. Димитровым в редакцию и поручил написать по статье в газету «Работнически вестник». Мы своевременно передали рукописи, и через день-два Кирков дал нам просмотреть корректуры. В «курятнике» я прочитал свою статью, а Г. Димитров — свою, а затем мы поменялись корректурами. Статья Г. Димитрова называлась «Последний Первомай». Когда я начал читать ее, меня поразило прочитанное. Статья была хорошо аргументирована и написана с публицистическим талантом. Тогда я впервые почувствовал, насколько Г. Димитров был выше нас, тогдашних сознательных рабочих.

Через несколько лет я больше сблизился с партией широких социалистов и как ее представитель должен был вместе с Г. Димитровым выступать на собрании печатников. Решили, что я буду говорить первым. Я рассказал рабочим, за что они борются, о справедливости и выполнимости наших требований. В конце попросил их внимательно выслушать Г. Димитрова. Его встретили со смешанными чувствами, но с интересом. Он начал говорить. Стоял прямо, фигура его производила сильное впечатление даже на меня, в прошлом его товарища и друга. У него был интеллигентный вид, он возмужал, вырос. Высокий лоб и умные глаза, спокойный, но решительный взгляд — все это подчеркивало в нем качества руководителя и борца. Могу добросовестно засвидетельствовать, что рабочие с огромным вниманием слушали его речь. Когда минут через 20—25 им были произнесены последние слова, в зале не было «тесных» и «широких», а были восторженные почитатели товарища, коллеги, который всеми завладел, всех воодушевил.

Позднее мне доводилось видеть Г. Димитрова на парламентской трибуне, слышать его реплики во время выступлений крупных представителей болгарской буржуазии, читать его статьи и брошюры, но мне трудно найти слова, чтобы давать им оценки.

1956 г.

Йордан Милев

НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАННЫЙ С РАБОЧИМ КЛАССОМ

Воспоминания о Георгии Димитрове мы, его товарищи, еще с молодых лет глубоко храним в своих сердцах, и время не в состоянии стереть их из нашей памяти. Сейчас они вновь влекут меня к рассказу о нем. Мне хочется поведать о некоторых моментах жизни и борьбы Г. Димитрова, попытаться воспроизвести его некоторые черты.

Впервые я увидел Георгия Димитрова в типографии Ивана Цунева. Тогда я, молодой наборщик, член профсоюза рабочих-печатников, часто бывал в типографиях, чтобы познакомиться с рабочими и вовлечь их в наш профсоюз. Войдя однажды в типографию, я увидел 14—15-летнего стройного черноглазого подростка, склонившегося над кассой с буквами. На меня произвели впечатление его сосредоточенность и энергичные движения. Мы заговорили как товарищи по профессии. Уже из первого разговора я понял, что это ищущий и любознательный юноша. При повторном посещении типографии я старался встретиться с ним, поговорить о нас, печатниках, о том, как нам нужно бороться за наши общие рабочие интересы. Так мы познакомились с Георгием Димитровым.

2 мая 1899 года под руководством БРСДП было создано Общество рабочих-печатников вместо старого союза печатников, объединявшего все типографские профессии. Там мы узнали друг друга еще ближе.

В те годы он все больше выдвигался как талантливый организатор и вскоре вошел в состав центрального руководства созданного Общего рабочего синдикального союза в качестве его делопроизводителя. Работал он под непосредственным руководством Георгия Киркова, проявлявшего большую заботу о воспитании и росте молодого профсоюзного руководителя.

В период усиления стачечного движения после 1905 года, когда число забастовок стремительно росло, Димитров активно проявил себя на политической арене. В стране почти не было такой акции рабочих — стачки или демонстрации, в которых бы он не участвовал, которыми бы не руководил.

Совместная работа сблизила нас. Георгий Димитров часто советовался с руководителями местного профсоюзного совета по вопросам забастовочной стратегии и тактики, о том, как привлечь в профсоюзы и организовать рабочих различных профессий.

Наблюдая непосредственно Георгия, мы видели силу его характера — неустрашимость, самоотверженность, выдержку, дисциплинированность. Преданный партии до последнего дыхания, он был непримирим и беспощаден к ее врагам.

Партия боролась за сплочение всех рабочих в революционные профсоюзы. Георгий Димитров был решительным проводником этой линии. Терпеливо, с присущими ему тактом и мудрым подходом он убеждал членов реформистских профсоюзов в ошибочности их линии и завоевывал их на сторону революционных профсоюзов.

Большую роль здесь играло развертывание стачечной борьбы. Хорошо помню продолжительную стачку печатников в 1910—1911 годах. Хозяева выступили против договора о тарифах, отказываясь выполнить наши требования. В ноябре мы созвали собрание по вопросу подготовки общей стачки печатников. В руководство тарифной комиссии кроме членов революционного профсоюза печатников во главе с Георгием Димитровым входили также широкие социалисты, народняки[1], либералы, демократы и радикал-демократы, которые имели своих представителей в так называемом «черном обществе» печатников. Но в период стачки мы сумели их сплотить. Тон в этом направлении задавал Георгий Димитров.

Национальная катастрофа, до которой буржуазия довела нашу страну участием в грабительских войнах, а также победа Великой Октябрьской социалистической революции придали размах и новое содержание нашей борьбе. Партия начала вооружаться идеями ленинизма. Под ее знаменем проходили все массовые акции и демонстрации, упорные столкновения с врагом. В это бурное время революционной борьбы Георгий Димитров с полной силой проявил себя как любимый руководитель и народный трибун. И в парламенте, и в общинном совете, и на улицах среди демонстрантов он всего себя отдавал революционной борьбе. В один и тот же день ему случалось участвовать в нескольких митингах. Он не просто вел, он увлекал нас за собой.

Памятным для нас осталось кровавое столкновение с полицией и армией 27 июля 1919 года. Недовольство народа тяжелыми условиями жизни после войны достигло крайнего предела. ЦК решил провести повсеместно 27 июля митинги протеста против голода и безработицы и в поддержку требований о наказании виновников катастрофы. Буржуазные партии в союзе с широкими социалистами пытались сорвать эту массовую акцию. Правительство ввело чрезвычайное положение. Но это не могло

[1] Народняки — члены Народной (Народняцкой) партии, выражавшей интересы крупного банковского, торгового и промышленного капитала.— *Прим. перев.*

нас остановить. В Софии мы назначили митинг на утро 27 июля. Около 10 часов Георгий Димитров поднялся на импровизированную трибуну и, стоя лицом к лицу с солдатами, в обстановке большого воодушевления начал свою речь. На бульвар Сливница были стянуты военно-полицейские части — пехота и около ста кавалеристов. Полицейские предупреждали, что, если мы не разойдемся, они согласно приказу своего полковника будут стрелять в нас. Именно здесь проявились твердость и мужество Георгия Димитрова. Он ответил полицейским: «Вернитесь и скажите господину полковнику, что мы не остановимся!» А к нам присоединялись все новые и новые люди.

Эта победа придала нам смелости и наполнила непоколебимой решимостью бороться до конца. Под руководством партии последовали новые акции.

Началась подготовка славного Сентябрьского восстания (1923 года.— *Прим. перев.*). В августе я встретился с Георгием Димитровым. От него исходили указания укреплять связи партии с рабочими, создавать на каждом предприятии организованные группы, готовить их к решительным действиям. И мы, члены софийского рабочего совета, выполняли эти указания, готовились к решительной борьбе.

После того как меня освободили из тюрьмы, я должен был по решению ЦК партии нелегально отправиться в Москву, чтобы присутствовать на конференции Профинтерна. В начале сентября 1931 года я прибыл в Берлин. Здесь я снова увидел Георгия Димитрова. Я ожидал этой встречи с нетерпением и радостью. Мы не виделись целых восемь лет. Завершился трудный период деятельности партии после кровавых дней сентября и апрельских событий [1]. Георгий был взволнован. Начал оживленно задавать вопросы: «Как партия? Как товарищи? Профсоюзы? Каково положение после массовых арестов?» Расспросил о некоторых руководящих товарищах, томившихся в тюрьмах, о трудностях нелегальной работы, о деятельности партийной прессы и пр. И лишь в конце беседы тихо спросил: «А как мама? Держится?» Его осведомленность, правильная оценка событий в Болгарии меня удивили. На меня произвели впечатление и сдержанность, с которой Георгий Димитров говорил о своих близких, усилия, которые он делал, чтобы скрыть нахлынувшие на него чувства.

---

[1] Имеется в виду организованный ультралевыми силами взрыв в софийском соборе «Св. Неделя» 16 апреля 1925 г., в котором находились члены фашистского правительства. Этот акт послужил поводом для новой волны фашистского террора в стране.— *Прим. перев.*

На конференции Профинтерна в Москве присутствовали Георгий Димитров и Васил Коларов. Она прошла под знаком решений Коммунистического Интернационала о борьбе против наступления фашизма, против войны. Главным был вопрос объединения профсоюзов, сплочения сил рабочих в борьбе против реакции. Георгий Димитров не выступал, но с большим вниманием следил за прениями и вел записи.

А позднее, когда я уже был в Болгарии, гитлеровцы, пришедшие к власти в Германии, предприняли бешеное наступление против коммунистической партии и всех прогрессивных сил в стране. Начались массовые аресты. Пришло сообщение о пожаре в рейхстаге и аресте Георгия Димитрова. И на пролетарском небосклоне взошло имя выдающегося болгарского революционера, мужественного коммуниста-ленинца Георгия Димитрова, победителя на историческом Лейпцигском процессе.

Говоря о подвиге Георгия Димитрова, я всегда помню, что он не был одинок. Он черпал силы в рабочем классе, в среде которого вырос, который вскормил и воспитал его, в великой Советской стране, которую горячо любил. И позже, когда после 22-летнего изгнания он снова оказался среди нас и мы, старые, близко знавшие его и работавшие вместе с ним товарищи побратски обняли его, он был все таким же, каким мы его познали в борьбе. Близким и сердечным товарищем, руководителем, неразрывно связанным с рабочим классом и людьми труда.

1962 г.

Илия Янулов

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ЮНОША

В 16—17-летнем возрасте Г. Димитров уже был известен рабочим Софии как член и основатель Общества рабочих-печатников — одной из первых профессиональных организаций, стоявших на почве классовой борьбы. Через год его избрали членом руководства этого общества.

Кроме идейного родства нас с Георгием сближали и частые беседы, прогулки, мое общение с ним, когда я преподавал в вечерней рабочей школе. Однажды Георгий Димитров без обиняков заявил, что хочет быть библиотекарем руководящего органа общества. Мы сказали ему, что общество не имеет ни одной книги, у нас нет и такого «чуда», чтобы у рабочего профсоюза была своя библиотека. «Но ее нужно иметь,— спокойно сказал он,— нам надо попытаться ее создать».

В конце года библиотека Общества рабочих-печатников, первая рабочая профсоюзная библиотека в нашей стране, которая

потом послужила примером для организации библиотек и в других рабочих профсоюзах, уже насчитывала 400 книг. Это было первым проявлением твердой воли, осуществлением заранее обдуманного плана и организаторского таланта 18-летнего юноши.

Как сумел Георгий Димитров собрать эти 400 книг, не затратив ни одной стотинки? Он написал пламенный призыв ко всем прогрессивным издательствам (в Софии, Варне и других городах) с настоятельной просьбой посылать бесплатно по одной-две книги из своих изданий для библиотеки общества и ко всем товарищам-печатникам и другим прислать для библиотеки по одной-две книги, если у них имеется такая возможность. Призыв мы опубликовали в редактировавшейся тогда мною газете «Вести», органе Общества рабочих-печатников.

«Работнически вестник» поддержал призыв и деятельность общества в целом. Некоторое время спустя Георгий Димитров передал мне для опубликования текст благодарности тем, кто послал книги, и призывы к другим, кто не успел это сделать, ибо, как писал Георгий в благодарности, «этим они помогут создать хорошую библиотеку, которая очень необходима для Общества».

Так Георгий Димитров положил начало прекрасному почину — чтобы каждая профорганизация имела свою библиотеку. Это отвечало одной из важнейших задач профсоюзной организации, а именно — быть «школой социализма». Это — общественная сторона данного важного начинания Георгия Димитрова, а личная состояла в том, что эта деятельность показывала его стремление с юношеских лет к самообразованию, а также склонность помогать в просвещении других, людей из народа.

Руководящий орган напоминал тогда «генеральный штаб» по мобилизации в профсоюзы болгарского пролетариата. Поскольку условия труда рабочих всех профессий были исключительно тяжелыми, объединение рабочих-печатников привело, как в «сообщающихся сосудах», к объединению рабочих ряда других профессий для борьбы за улучшение условий своего труда.

Создавая ядро из наиболее активных рабочих своей профессии, с помощью которых мы провели социальную анкету об условиях их труда и быта, мы потом выработали устав и созывали собрания. В период 1899—1902 годов один за другим образовались профсоюзы портных, деревообделочников, металлистов, обувщиков, переплетчиков, строителей, пекарей, официантов, поваров, кожевников, каменотесов, рабочих сахарного завода и др. Во всем этом движении, в процессе которого постепенно росли руководящие кадры из среды самих рабочих, юноша

Г. Димитров выделялся даром логически мыслить, обдуманно и пламенно выступать, всегда видеть перспективу. Нам энергично помогали Г. Георгиев, Г. Кирков, а при проведении более крупных собраний — Д. Благоев и другие. Но основную организаторскую работу уже проводил сам рабочий класс. Счастливым обстоятельством было то, что создание партии опередило профсоюзное движение, так что идейная связь между ней и профсоюзами была обеспечена.

Рабочие профсоюзы с первых дней своего существования стали у нас школой социализма. Георгий Димитров рос одновременно и как профсоюзный активист, и как социалист.

Кто воспитал этого ученика-печатника в решающие для формирования характера и воли человека юношеские годы, утвердил в нем исключительную честность, развил безграничную любознательность и укрепил беспредельную смелость в борьбе? Почему он не поддался буржуазным порокам и соблазнам, а до конца своей жизни остался верным социалистическому идеалу? Г. Димитров унаследовал драгоценные качества честной, трудолюбивой, не терпевшей несправедливости трудовой болгарской семьи. Он рос в атмосфере боевого, охваченного энтузиазмом, пробуждавшегося к борьбе рабочего класса, безгранично верившего в торжество социалистического идеала. Мысли и воля Георгия Димитрова с детских лет формировались в условиях борьбы за этот идеал — идеал, ставший его символом веры.

Георгий Димитров уже в профсоюзах проявил себя и утвердился как реалист. Теоретические абстракции марксистской мысли умело сочетались у него с тем, что Ленин назвал конкретным анализом конкретной действительности. Условия в типографии, где он работал, были ужасно тяжелые. По энергичному настоянию Георгия был направлен адрес в Санитарную дирекцию, содержащий требование создать хотя бы элементарные санитарные условия. В заключительной части адреса говорилось: «Поскольку у нас нет законов о рабочих и санитарных условиях труда, члены Общества рабочих-печатников обращаются к Вам, господин директор, чтобы каждый владелец типографской мастерской — если уж нельзя заменить здание мастерской — хотя бы ввел возможные улучшения санитарных условий и выполнил старые предписания городского совета о достаточном количестве воды и пр.».

Это было первое обращение болгарского пролетариата к Дирекции народного здравоохранения. Типографское общество требовало от нее конкретных мер, хотя уже выдвинуло лозунг о социальном законодательстве. Оно требовало от нее также предпринять возможные шаги, чтобы выделить должностное лицо, которое заботилось бы о том, насколько выполняются старые и

новые распоряжения соответствующих властей. Одним словом — чтобы был инспектор труда.

Но никакого ответа не поступило. Мы писали в газете «Вести»: «Санитарная дирекция ничего не сделала для создания санитарных условий в типографии, и, следовательно, адрес оставлен без последствия». Рабочие-печатники тогда едва доживали до 40—45-летнего возраста. Из-за чрезвычайно тяжелых условий труда среди них самой широко распространенной болезнью был туберкулез легких. В таких условиях работал ряд лет и юный Георгий Димитров, что, конечно, не могло не отразиться на его здоровье. Но здесь, в этой пролетарской трудовой обстановке, он формировался как непримиримый борец за полное освобождение рабочего класса от ига капитала.

Георгий Димитров принял самое живое участие вместе с Петко Величковым в проведении первой трудовой социальной анкеты у нас, которую мы тогда организовали через газету «Вести». Она охватила прежде всего Софию, то есть условия труда во всех софийских типографиях (число, распределение по специальностям, зарплата, рабочее время, возраст, образование, трудовой стаж, санитарные условия). Результаты и их анализ заполняли целые номера газеты «Вести» за 1901 год. Мы втроем обрабатывали эти материалы. Выводы были такими, что в заключительных строках нашего анализа мы писали в газете «Вести»: «Истина заключается в том, что наши частные типографии — это самые подходящие места, где человек может нанести себе вред и убить свое здоровье; председатель Санитарной дирекции, который не ответил нам, в такой мастерской упал бы в обморок, но зачем ему беспокоиться и читать разные адреса, поступающие от рабочих обществ? Не вы ли, товарищи рабочие, должны самым ощутимым образом доказать этим друзьям, что нужно выполнять наши справедливые требования?»

Трудовая социальная анкета об условиях труда рабочих-печатников при содействии Г. Димитрова и П. Величкова получила распространение во всей Болгарии. Из всех провинциальных городов, где уже имелись типографии, поступали необходимые статистические анкетные данные, которые систематически публиковались с необходимым анализом и обобщением в газете «Вести». Это было хорошее начало, подхваченное потом всеми профсоюзами, и хорошая школа для Георгия Димитрова, который за свою полувековую деятельность не произнес ни одной речи, будь то на собраниях или в парламенте, и не написал ни одной статьи по любым — экономическим ли, социальным или политическим — вопросам, не изучив основательно факты. И всегда точно излагал их.

В годовом отчете за 1901 год, подписанном Г. Димитровым, придавалось большое значение этой анкете как основе «объединения болгарских рабочих-печатников в единую организацию всей страны».

Так было подготовлено создание профсоюза рабочих-печатников. Эта и последовавшие за ней трудовые анкеты для других профессий послужили знаменем рабочего класса, выдвинувшего затем требование принять закон о защите женского и детского труда, который был завоеван болгарским пролетариатом в 1905 году.

Также при участии Г. Димитрова руководство приняло решение, как сказано в годовом отчете за 1901 год, «предпринять шаги по вступлению общества в Международный союз рабочих-печатников», что было сделано в следующем году — впервые установлена связь нашего рабочего класса через профсоюзы с международным пролетариатом.

Георгий Димитров, как и сотни других молодых рабочих, посещал вечернюю рабочую школу. В ней тогда преподавали Г. Кирков, Н. Харлаков и другие. Автор этих строк, будучи студентом физико-математического факультета, преподавал арифметику и геометрию, астрономию и диалектику природы. Помню, какой исключительный интерес проявлял Г. Димитров к этим предметам. Д. Благоев вел курс «Экономическое развитие Болгарии». С тех пор Г. Димитрова по праву считают его учеником по экономическим наукам.

В вечерней рабочей школе в юношеские годы Г. Димитрова (1899—1903) преподавали также немецкий язык. И первым в эту группу записался именно он, заявив шутливо: «Хочу читать «Капитал» в подлиннике».

Изучалась и риторика — как это отмечено в школьном журнале, сохранившемся в моем архиве вместе с описанием лекций Благоева, Киркова и других. Программой предусматривалось «ознакомление рабочих с элементами речи путем анализа речей знаменитых ораторов. Рабочий подготавливает речь, произносит ее перед своими товарищами, и все вместе с учителем отмечают ошибки и слабые места».

Преподавали риторику Елин Пелин[1] и другие. Были и уроки русского языка. Г. Димитров изучал все преподаваемые дисциплины, появляясь неизменно с тетрадью в руках. Если представить, что это делалось после ежедневного 9—10-часового изнурительного труда наборщика, то его любознательность действительно была громадной.

Г. Димитров навсегда остался верным сыном рабочего клас-

---

[1] Елин Пелин (псевдоним Димитра Иванова Стоянова) (1877—1949) — известный болгарский писатель, критический реалист.— *Прим. перев.*

са Болгарии. Ему близки были его страдания. Он воплощал в себе его боевой характер, достижения и победы. В душе и деятельности Г. Димитрова слились воедино безграничная любовь к своему народу и пролетарский интернационализм. Поэтому жизнь его представляет не только индивидуальный интерес для изучения процесса развития великой личности, но и общественный — национальный и международный — с точки зрения воздействия на Г. Димитрова класса-учителя при его формировании как мыслителя и борца за социалистический идеал. Процесс этого формирования содержит ценные уроки, является подлинной школой для людей всех поколений.

1955 г.

Цонка Ганева

СМЕЛЫЙ БОРЕЦ ЗА ПРАВА РАБОЧИХ

К концу 1910 года 70-дневная стачка рабочих-печатников Софии из-за отсутствия единства среди них и измены общедельцев[1] закончилась неудачей. Во время забастовки в типографиях скопилось много заказов, а рабочих, чтобы их выполнить, не хватало. Тогда хозяева разослали своих представителей на поиски рабочих в провинцию. В те времена город Севлиево славился своими женщинами-наборщицами. Туда прибыл представитель типографии радославистской партии «Либерален клуб». А так как большинство рабочих-печатников были объединены в профсоюз, созданный тесными социалистами, представитель софийской типографии обратился за содействием к руководителям организации. Товарищи согласились работать, но при условии подписания договора о зарплате и условиях труда. И вот мы, пять женщин-наборщиц, уволенных за участие в первомайской демонстрации, отправились в Софию.

Уже в первый вечер пребывания в столице мы встретились в клубе партии на улице Кирилла и Мефодия, 64, с товарищами из центрального руководства профсоюза рабочих-печатников. Сидим за большим круглым столом и пьем чай. В это время вошел Г. Димитров. Все зашептали: «Димитров, Димитров». Он приблизился к нам, улыбаясь, и спросил: «Это новые товарищи из Севлиево?» Здороваясь с каждой из нас за руку, он, когда

[1] Общедельцы — представители оппортунистического течения в болгарском рабочем движении. Получили наименование по основанному ими в 1900 г. журналу «Общо дело».— *Прим. перев.*

пожимал руку одной из работниц, задел ее стакан с чаем. Стакан упал и разбился. Все засмеялись, смеялся и Димитров, говоря: «У вас все пойдет как по маслу». В ходе этой краткой встречи мы поняли, что с нами был секретарь Общего рабочего синдикального союза, председатель Союза рабочих-печатников.

Руководящие органы Общего рабочего синдикального союза и других профсоюзов размещались в четырех маленьких узких комнатках с простейшей обстановкой для работы. Комнаты находились над небольшим залом клуба. Одну занимало руководство ОРСС, другую — руководители Союза транспортных рабочих и остальные две — руководство других профессиональных союзов. В каждой комнате сидело по три-четыре человека. Работать было очень трудно. Тем более что секретари многих союзов не были освобожденными. Они трудились на производстве, а организационной работой занимались в свободное время, используя даже обеденные перерывы. Случалось, что в одно и то же время заседало руководство нескольких союзов, и некоторые вынуждены были проводить заседания в коридоре или за столом в садике клуба.

Организуя деятельность Общего рабочего синдикального союза, Г. Димитров находил время следить за работой каждого профсоюза и направлять ее, руководить изданием профсоюзных газет. Он должен был знать, что в них будет помещено. Сам выпуск газет тоже проходил под его непосредственным руководством.

Во время празднования международного праздника труда Первое мая партия объявляла агитационный красный месяц. В течение этого месяца члены партии и профсоюзов считались мобилизованными. Каждый вечер они приходили в клуб, брали агитационные материалы, газету «Работнически вестник», специальное издание «Майски лист», воззвания и разъезжались по заводам и фабрикам, ходили по мастерским и жилым кварталам. Среди трудящихся, которые все еще боялись покидать предприятия, особенно когда Первое мая приходилось на рабочий день, велась широкая разъяснительная работа. Устраивались и предмайские собрания.

Одно из таких собраний должно было состояться в канун Первого мая 1914 года на сахарном заводе. Рано утром группа рабочих подошла к заводу. Ожидалось выступление Г. Димитрова, и собрание следовало хорошо организовать. Часа два ждали мы выхода с завода ночной смены, но, к нашему удивлению, никто не выходил. Тогда Димитров послал одного товарища проверить, почему рабочие задерживаются. Тот вернулся вместе с 10—15 рабочими, успевшими выйти из завода. Оказалось, что директор предприятия, увидев нас, понял, что это

агитаторы, призывающие к участию в праздновании Первого мая, и запретил рабочим выходить. Группа была маленькая, но Димитров все-таки выступил, рассказав о значении Первого мая, Когда расходились, мы спросили его, следовало ли терять так много времени на выступление перед небольшим количеством людей. «Неважно сколько людей,— ответил он.— Важно, чтобы они нас поняли. Их мало, но завтра они станут нашими агитаторами на самом предприятии».

Как во время Балканской, так и в период первой мировой войны партийную и профсоюзную работу больше проводили женщины и молодежь. Дел хватало, особенно когда с фронта начали прибывать первые раненые. Тогда я была секретарем местной женской комиссии. Г. Димитров, отвечавший в ЦК партии за партийную и профсоюзную работу, пригласил меня к себе. Он поставил передо мной задачу вместе с женской группой выяснить, в каких больницах есть раненые товарищи, и выявить, кто из них в чем нуждается, а также установить связь с товарищами на фронтах и их семьями. Он передал нам много пачек сигарет и деньги, предназначавшиеся для раненых. Мы распределились по больницам и до конца войны выполняли его задание. В больнице, где лечились сербские военнопленные, активную работу вела Люба Ивошевич-Димитрова.

В 1918 году Г. Димитров был приговорен к трем годам тюремного заключения[1]. Он тогда в поезде заступился за солдата, которого оскорблял и хотел выдворить из купе первого класса офицер. Г. Димитрова бросили в тюрьму, и мы с его женой Любой пошли на свидание с ним. В то время в этом же застенке содержались А. Стамболийский[2], Никола и Павел Генадиевы и другие. Свидание проходило в общей комнате. Узнав, что им разрешили поставить в камерах по кушетке, письменному столу, пользоваться спальным бельем и получать книги, он стал настоятельно требовать, чтобы и ему дали разрешение пользоваться этими вещами, так необходимыми для работы.

Через два дня Люба пригласила меня к себе и сказала, что она ходила к директору тюрьмы и что он разрешил поставить

---

[1] После четырехмесячного пребывания в тюрьме Г. Димитрова освободили по амнистии, на которую вынужден был пойти монархизм в отношении политических заключенных под давлением революционно настроенных масс.— *Прим. перев.*

[2] Стамболийский Александр Стоименов (1879—1923) — видный деятель революционного крестьянского движения Болгарии, лидер Болгарского земледельческого народного союза. За активную борьбу против монархизма и милитаризма был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Освобожден из тюрьмы во время солдатского восстания в 1918 г. В 1923 г. убит фашистами, свергнувшими 9 июня 1923 г. возглавляемое им правительство.— *Прим. перев.*

Георгию в камеру лишь стол и маленькую этажерку с книгами. Мы сразу же поспешили доставить их в тюрьму.

В конце 1919 года вспыхнула транспортная стачка. В центральный стачечный комитет вошли Г. Димитров и В. Коларов. Во время забастовки были организованы многочисленные собрания бастующих. Одно из них состоялось во дворе почты. Выступали наши товарищи и общедельцы. Но когда один из очередных ораторов-общедельцев повел себя недостойно, наши товарищи стащили его с трибуны.

Узнав о ходе собрания, Г. Димитров быстро появился в здании почты с группой товарищей и произнес речь, призывая транспортных рабочих в единстве бороться за свои права. Потом он поспешил скрыться, так как его настойчиво искала полиция, чтобы арестовать.

1966 г.

Алексий Гогов

ВДОХНОВЛЯЮЩИЙ ПРИМЕР

Еще в 1906 году во время героической стачки шахтеров Перника среди пролетарских масс страны стало известно имя молодого, но талантливого и пламенного пролетарского борца Георгия Димитрова.

Пробудившись и придя в движение под влиянием идей первой русской революции 1905—1907 годов и находясь под сильным влиянием нашей партии, наиболее сознательные рабочие города Берковица начали закладывать основы рабочего движения в городе. С момента образования смешанного рабочего профсоюза мы уже получали советы Г. Димитрова, как создавать и укреплять профсоюзы и организовывать стачечную борьбу. На практике эти советы имели решающее значение для дальнейшего развития рабочего движения в Берковице.

Весной 1910 года я устроился в Софии работать портным. У меня было горячее желание увидеть Г. Димитрова и познакомиться с ним. Поэтому еще на первом собрании организации портных я попросил Любу Димитрову, в чьем лице видел не только редактора газеты «Шивашки работник», но и пламенного борца за великое дело партии, познакомить меня с ее мужем. Она сделала это уже на следующий день. После того как мы познакомились с Георгием, первым вопросом, который он мне задал, был — каково влияние партии в Берковице и каково там состояние профсоюзного движения.

Затем мы стали обсуждать положение софийской организации портных. С особой озабоченностью он говорил об ее организационных слабостях, о большом влиянии общедельцев на рабочих-портных. «Здесь,— сказал он,— прежде всего, по-моему, необходимо найти стойкого, энергичного и преданного делу секретаря, который возглавил бы организацию портных, принять энергичные меры по улучшению работы, мобилизовать общие усилия организации на устранение недостатков и преодоление трудностей. Неестественно, что в профсоюзах оппортунистов состоят более 200 человек, а наша организация портных насчитывает лишь 27 рабочих». Потом добавил: «Ты был секретарем организации портных в Берковице. Мы знаем о твоей работе, подумай, не смог бы ты стать секретарем софийской организации портных?»

— Но, товарищ Димитров, я приехал в Софию работать и одновременно учиться, продолжать свое образование...

— Какое у тебя образование? — спросил Г. Димитров.

— Один класс прогимназии.

— То, чего не сможешь получить в школе, приобретешь в жизни. Не беспокойся.

А я про себя думал: «Зачем он так говорит? Ведь у него есть образование. Это видно по ясности его мысли, по его статьям и речам, столь разнообразным по тематике».

— Вот, пожалуйста,— продолжал он,— у меня такое же образование, но это ничуть не мешает мне выполнять очень ответственную работу. Нужно читать, и притом систематически, и глубоко изучать революционный марксизм, сущность и задачи международного и нашего движения, изучать информацию о вредном влиянии оппортунизма на рабочих и вести борьбу против него.

Я не мог отказаться от его предложения стать секретарем организации портных. Принял его.

Этот первый разговор с Г. Димитровым явился для меня событием решающего значения. Он оставил у меня глубокое, неизгладимое впечатление.

Его наставления и советы всегда служили руководящей нитью в моей работе. Димитров ненавидел праздных людей, болтунов и лентяев и с особой любовью старался помогать честным и преданным товарищам, которые активно включались в работу. Он уделял большое внимание расширению и укреплению живых связей с рабочими предприятий и изучению условий их труда, тому, чтобы мы знали вопросы, которые волнуют рабочих, правильно готовили и организовывали стачечную борьбу. «В борьбе и посредством борьбы,— говорил он,— будут расти и укрепляться наши профессиональные союзы».

На одном из совещаний с секретарями отраслевых профсою-

зов в 1913 году Георгий Димитров поставил перед нами такой вопрос: «Если хотите, чтобы вас уважали и чтили рабочие вашей профессии, вы обязательно должны стать выразителями их боли и страданий, стремлений и чаяний. А это возможно лишь тогда, когда вы будете глубоко изучать пролетарскую философию, с одной стороны, и с другой — фактическое положение рабочих. С этой целью нужно разработать план изучения положения рабочих на каждом предприятии — какие санитарные условия в мастерской, продолжительность рабочего дня, размер заработной платы, каково обращение хозяев с рабочими. Вы должны вступать в разговор с рабочими, знать их мысли, настроения, их психологию. В этом плане вы должны охватить всю организацию в Софии и в провинции. После выполнения этого плана полученные результаты нужно будет обобщить и рассмотреть в организациях».

Другой случай, тоже относящийся к 1913 году. Во время перемирия балканских государств с Турцией между союзниками возникли разногласия. Партия созвала митинг, чтобы разоблачить махинации царя и правительства, готовивших за спиной народа и за его счет новую братоубийственную межбалканскую войну. Когда мы собрались на митинг, на нас набросились многочисленные наряды полицейских и кавалеристов с обнаженными саблями, угрожая избиениями и арестами. Им удалось разогнать и оттеснить собравшихся в боковые улицы. После этого нам был дан сигнал собраться на улице Нишка и бульваре Христо Ботева. Здесь кавалеристы сбили лошадью одного рабочего, которого в бессознательном состоянии пришлось отправить в больницу. Полиция снова попыталась разогнать нас. Тут кто-то крикнул: «Идет Георгий Димитров!» Полиция уже знала, что значит Димитров для рабочих.

Г. Димитров встал впереди живой стены рабочих. Их число быстро увеличивалось. И громко крикнул полицейским: «Прекратите это безобразие! За что вы избиваете и арестовываете рабочих? Что плохого они сделали? Мы имеем законное право, предоставленное конституцией, созывать собрания и митинги и разоблачать подлые махинации и тайные заговоры царя и правительства, которые совершаются за спиной народа и толкают нашу страну к новой катастрофе. И мы не отступим от своих целей!» Полицейские остановились. Они так и не смогли нас разогнать и потихоньку убрались восвояси.

В 1914 году в Болгарию приехал Карл Легин — председатель Международного секретариата профсоюзов. Он созвал конференцию обоих наших профсоюзных центров, на которой присутствовали и секретари профессиональных союзов. К. Легин на открытии конференции попытался направить болгарское профсоюзное движение в болото оппортунизма. Он просто призвал

Общий рабочий синдикальный союз (ОРСС) влиться в профессиональный союз широких социалистов. Делегация общедельцев восторженно приветствовала позицию К. Легина. Разгневанный таким падением этих жалких прислужников капитала, Г. Димитров обратился к К. Легину со словами: «Вы, товарищи, должны были раньше выполнить свои обещания, высказанные в переписке между нашим профцентром и профсоюзным интернационалом, поставить оба профсоюзных центра в Болгарии в одинаковое положение по отношению к интернационалу. Тогда мы за короткое время покажем вам, какое объединение необходимо болгарским рабочим и как оно создается. Объединение профсоюзного движения в Болгарии возможно лишь на основе классовой борьбы, являющейся надежной гарантией подлинных успехов и окончательной победы рабочего класса». Оппортунисты пришли в замешательство от этой ясной позиции Г. Димитрова.

В годы первой мировой войны «союзница» Болгарии — Германия в подлинном смысле слова ограбила нашу страну. Продукты питания тогда достать было трудно. На человека выдавалось по 200 граммов хлеба, притом испеченного из кукурузной муки, с отрубями и другими примесями. Остро ощущался голод. Однажды весной 1917 года к нам пришла Люба Димитрова и принесла моей маме узелок с мукой. Это вам от Георгия, сказала она. Наши товарищи из Северной Болгарии прислали Георгию мешок муки, чтобы он не голодал. Но он обратился ко мне: «У многих наших товарищей, как и у нас, нет хлеба, поэтому раздели мешок по 4—5 килограммов и разнеси им эту муку». Эта мука вызвала большую радость в моей семье, и не только потому, что на какое-то время выручила нас, но главным образом потому, что ее послал Г. Димитров, неизменно проявлявший большую заботу об активистах рабочего движения.

Летом 1918 года недовольство народа войной и ее последствиями настолько обострилось, что на улицы стали выходить толпы женщин и детей, выкрикивая: «Хотим мира! Хотим хлеба!» Как секретарь Софийской партийной организации, я пошел к Г. Димитрову посоветоваться, что делать нашему комитету в сложившейся обстановке.

— Действия женщин и детей, требующих хлеба и мира, стихийны, но они служат предвестниками конца войны,— сказал Г. Димитров.— Эти выступления нужно организовать. Партийному комитету следует выработать программу действий. Нужно мобилизовать всех членов партии, призвать их принять активное участие в подготовке таких акций. В результате выступления станут более организованными, правильно сориентированными, более внушительными и результативными.

Весной 1919 года Центральный Комитет партии работал с

большим напряжением. Широкое влияние партии среди народа, завоеванное ее правильной антивоенной политикой, должно было обрести соответствующие организационные формы. Необходимо было также подготовить съезд партии, на котором предстояло принять важные решения. Г. Димитров напряженно работал, невзирая на свое ухудшившееся здоровье. После съезда Люба Димитрова, обеспокоенная его состоянием, едва уговорила Георгия в первый праздничный день выехать на воздух за город, чтобы отдохнуть. Она сказала мне, что они приедут в воскресенье к нам в гости в Красно-Село.

В назначенный день мы с нетерпением ждали своих гостей. Когда они прибыли, Г. Димитров пожелал сесть у окна, выходившего на Витошу. Лес уже был зеленый и привлекал взор... Г. Димитров с мечтательным взглядом наслаждался видом красивой горы. Он долго задумчиво сидел у окна, жадно вдыхая чистый воздух, настоянный на аромате полевых цветов, словно хотел наполнить свою грудь этой благодатью и изгнать из легких затаившуюся там болезнь. Я невольно вспомнил о нашем разговоре на балконе его дома. Тогда он пожаловался, что у него обнаружено затемнение в легких. На мой вопрос, почему не принимает мер, он ответил, что принимает, но попросил не говорить об этом Любе. Она начнет беспокоиться, пытаться уговорить его оставить на время работу, как это советуют ему и врачи. Но разве он может не работать, тем более сейчас, когда перед партией и профсоюзным движением стоит так много задач?

Неожиданно Димитров повернулся к нам и, глубоко вздохнув, сказал: «Как красива и животворна природа, как чудесны наши горы! Какой там чистый воздух и прохладная вода! Однако рабочие в этом обществе лишены счастья пользоваться этими благами. Но придет день, и он недалеко, когда наши горы запестрят красивыми хижинами и домами отдыха, в которых будут проводить свой отпуск рабочие».

1967 г.

Иван Кинов

НАРОДНЫЙ ВОЖДЬ И ТРИБУН

Я учился тогда в школе во Враце. В 1910 году жителей нашего городка взволновали небывалые события. Бастовали горняки шахты «Плакалница». Откуда у нее такое название? Очевидно, немало слез здесь было пролито рабами, занимавшимися тяжким трудом еще при римлянах. Не лучше были условия в шахте и в 1909 году. Это заставило шахтеров,

рабочих из бедных соседних горных сел подняться на борьбу против эксплуататоров. Партия не могла остаться в стороне от борьбы рабочих одного из крупных предприятий страны. Она направила сюда в качестве руководителя своего молодого, но уже опытного и энергичного представителя — Георгия Димитрова.

В один из дней бастующие горняки, построившись в колонну по четыре, во главе с Г. Димитровым спустились с окраины в город и направились к памятнику Христо Ботеву [1]. Сколько их было? Очевидно, не так много, но мне колонна показалась длинной, не имеющей конца. Я был поражен. Впрочем, это было необычным и для всего тихого мещанского городка Враца.

Под впечатлением происходившего и, наконец, примера Г. Димитрова я безвозвратно решил, что буду вместе с этими людьми. Тогда я представлял себе это как нечто вроде четы Христо Ботева, а Димитрова — ее воеводой...

Наша партия заняла правильную позицию в отношении Балканской и Межсоюзнической войн 1912—1913 годов. Вот почему в период, когда сказались тяжелые для всей страны и народа последствия этих войн, ее авторитет намного повысился. Она завоевала влияние не только в городах, но и в селах, о чем свидетельствовали результаты выборов, проведенных в ноябре 1913 года и в феврале 1914 года. На выборах список депутатов Врачанского округа возглавил Г. Димитров. Это дало мне возможность работать вместе с ним, наблюдать его и в борьбе, и в личной жизни.

Г. Димитров был цельной, сформировавшейся личностью, настоящим революционером. Держался он естественно, не рисовался и не приспосабливался. Заранее не определял себе, как поступить в каждом конкретном случае. У него это получалось естественно, как бы автоматически, интуитивно. Воспитание, борьба научили его непроизвольно принимать правильные решения во всех случаях. И он всегда точно выражал чувства и чаяния рабочих и трудящихся крестьян, находя для этого самые простые и наиболее понятные слова.

Мне припоминаются некоторые эпизоды, когда мы писали воззвания или статьи. Если я вписывал какую-нибудь поэтическую, но далекую от непосредственных нужд момента фразу, Димитров зачеркивал ее и вставлял простые слова о том, что непосредственно затрагивало интересы трудящихся, было близ-

---

[1] Христо Ботев (1848—1876) — выдающийся болгарский поэт и революционный демократ, национальный герой Болгарии. Погиб в бою с османскими поработителями, возглавляя отряд (чету) болгарских добровольцев, прибывших на родину из Румынии для оказания помощи повстанцам.— *Прим. перев.*

ко и понятно им. Но это не значит, что он чуждался искусства, поэтического слова.

Г. Димитров был неутомимый агитатор. Перед выборами мы проводили несколько собраний в день в разных селах, вводя в заблуждение полицию, которая постоянно следила за нами. Нередко дело доходило и до стычек. Не раз на шахте «Плакалница» и заводе в Елисейне создавались банды для нападения на нас, но нам помогали рабочие и тайные горные тропы. Следует отметить, что мы всегда ходили пешком. Не помню ни одного случая, чтобы мы воспользовались лошадьми или телегой, не говоря уже о фаэтонах.

Г. Димитров был непритязателен в отношении пищи и постели. В горных селах нам приходилось спать в самых различных условиях и разделять скудную пищу с нашими товарищами. Часто обед или ужин состоял всего лишь из вареной картошки и куска ржаного, а порой даже овсяного хлеба. Однажды мы поужинали дикими грушами с овсяным хлебом, который, между прочим, очень нравился Г. Димитрову.

Во время выборов, на многочисленных собраниях Г. Димитров демонстрировал отличные качества пролетарского трибуна. Он умел видеть конкретные нужды населения и говорить о них в понятной людям форме. Смело бичевал он буржуазные партии, разоблачая их преступления. Люди слушали Димитрова с огромным вниманием и, если были готовы избирательные бюллетени, тут же, на собрании, брали их и открыто заявляли, что будут голосовать за партию тесных социалистов, за него.

В годы послевоенного революционного подъема Г. Димитров утвердился как подлинный руководитель трудящихся.

Снова я встретился с Г. Димитровым лишь по прибытии в Москву в конце 1925 года. Мы были там вместе с Георгием Дамяновым.

Димитров объяснил нам, что сейчас необходимо использовать время для подготовки наших кадров в учебных заведениях Советского Союза, направив офицеров запаса в военные академии. Поскольку мы знали людей, то мы составили список и отметили, кто в какой академии мог бы учиться. Мы с Г. Дамяновым были определены в Военную академию имени М. В. Фрунзе.

В канун и во время войны я преподавал в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Мне было поручено информировать о ходе японо-китайской войны. Для выполнения этого задания я часто ездил в Коминтерн за некоторыми материалами и встречался с Г. Димитровым. Он посвящал много времени, уделял большое внимание Китаю и Коммунистической партии Китая, постоянно оказывая им большую помощь. В то же время он

принимал активнейшее участие в делах нашей партии и фактически руководил ею, особенно в бурные дни, связанные с восстанием 9 сентября 1944 года и организацией новой народной власти.

Вернувшись в Болгарию, Г. Димитров оказал неоценимую помощь в строительстве нашей Народной армии. Нужно определенно сказать, что армию он очень любил. Он ценил в ней дисциплину, сознательность, выправку, аккуратность и с большим удовольствием присутствовал на военных торжествах. Г. Димитров заботился и об обеспечении армии новой военной техникой и всем необходимым.

Еще большую заботу проявлял Г. Димитров об армии, будучи Председателем Совета Министров. В этот период приняты многие законы, касающиеся армии и военнослужащих. Г. Димитров часто вызывал меня, как начальника Генерального штаба, когда решались вопросы, относящиеся к армии. Он интересовался всем, что было связано с армией, и лично знал многих командиров.

Как видный политик, Г. Димитров безошибочно определял главные вопросы обороны страны. У него было ясное представление о стратегическом значении нашей страны и задачах нашей Народной армии. Как самое драгоценное завещание оставил он свои советы, касающиеся болгарской Народной армии. Он высказал мысль, которая и теперь часто повторяется,— что наша армия должна развиваться так же, как и Советская Армия, иметь те же организацию, вооружение, систему обучения и воспитания, военное искусство, стратегию и тактику.

1965 г.

Петр Георгиев

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ НАРОДНЫЙ ТРИБУН

После первой мировой войны публичные выступления партии следовали одно за другим. Шла борьба за улицу.

Чаще всего оратором на митингах и собраниях был Георгий Димитров. Рабочие очень любили его, всегда слушали с большим интересом. «Георгий будет выступать»,— говорили товарищи и старались занять место поближе к трибуне.

Выступления Георгия Димитрова отличались страстностью, ясной марксистской мыслью и революционным порывом. Они

увлекали и зажигали слушателей. В них кипело возмущение революционно настроенных рабочих масс.

Георгий Димитров резко клеймил разбойническую сущность и алчность буржуазии, ограниченность и низость ее представителей, ее преступную политику. Он беспощадно бичевал виновников войны и постигшей страну национальной катастрофы, изобличал мелкобуржуазных политиков, которые служили буржуазно-монархистской реакции и пытались сдержать мощный напор революционной волны.

В своих речах Георгий Димитров обнажал замыслы классовых врагов, показывал их подлинную природу. Он крушил все аргументы классового врага, обезоруживал его. Димитров пламенно призывал массы к решительной и непримиримой борьбе с ними, раскрывал перспективы революции, вселял веру в силы пролетариата, всех трудящихся.

В своих выступлениях Георгий Димитров часто ссылался на пример Великой Октябрьской революции. Он призывал болгарских рабочих и крестьян последовать этому примеру, разорвать цепи капиталистического гнета, свергнуть буржуазию и в огне революции создать свою, рабоче-крестьянскую власть.

Говорил Георгий Димитров ровно, мысль его отличалась предельной ясностью, глубиной. Излагая свои мысли, он придерживался строгой последовательности, взвешивал каждое слово, приводил множество фактов. В его речах не было ничего лишнего, из них ничего нельзя было изъять, не нарушив их единства и целостности.

У Георгия Димитрова был мягкий, теплый голос приятного тембра. Однако, когда он изобличал классовых врагов, голос его становился резким, приобретал большую силу и каждая фраза хлестала как бич. Клокотавшее в нем возмущение тут же передавалось многотысячной аудитории. Отовсюду доносились громкие голоса, и речь оратора прерывалась бурными аплодисментами. Затем все снова умолкали и сосредоточенно, затаив дыхание, продолжали слушать, что он говорит.

Приятно было смотреть на Георгия Димитрова, когда он выступал. Стройная фигура, бледное лицо, украшенное небольшой бородкой клином. Время от времени он поднимал руку, а затем с силой, словно рубя мечом, опускал ее. От резкого движения его пышные волосы приходили в беспорядок, и он тут же приглаживал их быстрым движением руки. Выступая на собраниях, Димитров обычно пристально вглядывался в лица слушателей, и казалось, будто он вливает свои мысли в их умы и сердца. Когда же он заканчивал свою речь пламенным призывом к борьбе и сплоченности, бурным овациям не было конца.

Быстро и стройно текли мысли Георгия Димитрова и тогда, когда он излагал их на бумаге. А писал он много — не только

директивы профсоюзным организациям (он был секретарем Общего рабочего синдикального союза), но и статьи для газеты «Работнически вестник» и журнала «Ново време», брошюры и пр.

Работая, Георгий Димитров много курил. Если табачный дым мешал ему, он щурил глаза. Георгий Димитров писал быстро, не откладывая пера, пока не дописывал последнего слова. На бумаге одна за другой появлялись строки, написанные его характерным почерком — крупным и ровным, с угловатыми жирными буквами. Порой мысли обгоняли руку, и тогда в некоторых словах последние буквы оставались недописанными или же сливались. Тем не менее все легко можно было прочесть, так как Георгий Димитров обладал ясной мыслью, выражал ее четко и правильно, не допускал стилистических и грамматических ошибок и избегал лишних слов.

Статью, которую Георгий Димитров начинал писать, не приходилось долго ждать. Вскоре в редакцию поступала объемистая рукопись, написанная знакомым почерком и заканчивающаяся знакомой подписью: энергичное «Г», точка и три первые буквы фамилии — «Дим», завершающиеся небольшим росчерком.

В то время рукописи не перепечатывались на машинке, и наборщикам приходилось иметь дело с самыми неразборчивыми почерками. Рукописи же Георгия Димитрова расхватывались наперебой, и при наборе его статей редко допускались ошибки. Вообще не помню случая, чтобы газета вышла с грубой опечаткой, хотя тогда не было корректоров, и редакторы сами между делом правили корректуру.

И в те далекие времена выход в свет каждой статьи Георгия Димитрова являлся настоящим событием. По-новому освещался ряд проблем, ставились новые вопросы, раскрывались неподозреваемые ранее перспективы. Кроме того, по форме и содержанию статьи Георгия Димитрова были чем-то исключительным. Поэтому, встречаясь, товарищи спрашивали друг друга: «Читали статью Георгия Димитрова?» — и делились своими впечатлениями о прочитанном.

1949 г.

Никола Агынский

ПУТЬ К ВЫРШЕЦУ

16 сентября 1923 года ранним воскресным утром я находился на станции Подуяне и ждал прибытия поезда с центрального вокзала.

— Доброе утро! — поздоровался со мной незнакомый молодой человек.— Напрасно стараетесь узнать меня. Но я вас знаю очень хорошо. Вчера вечером мы послали вам телеграмму из Чепино, подписанную якобы вашим свояком. Подписавший ее человек хочет незамедлительно встретиться с вами.

Мы сели в трамвай и быстро добрались до улицы Братьев Миладиновых, 90, где нас специально ждал человек. После обеда мы вышли из дому и отправились в маленькую галантерейную лавку на улице Пирот.

Молодой продавец встретил нас безразлично, но зато стал особенно внимателен и уступчив с находившимися в лавке двумя покупательницами. Он быстро сторговался с ними и исключительно любезно проводил их до двери. Потом, ничего не сказав, отодвинул ветхую красную штору, висевшую на задней стене лавки, открыл показавшуюся за шторой дверь и пригласил нас.

Мы вошли в довольно-таки уютную по тем временам комнату. Вокруг стола стояли четыре удобных кресла. В двух из них сидели Г. Димитров и В. Коларов. Димитров сразу приступил к делу:

— Вы получили телеграмму?

— Я в Софии уже три дня, а до этого никакой телеграммы не получал.

— Кто ее там получит?

— Бухгалтер предприятия, наш человек...

— Все равно он не поймет ее содержания... Значит, так, вы нам нужны!.. Сможете руководить вооруженным восстанием?

Крутой поворот в содержании разговора по сравнению с тем, о чем говорил мой попутчик, застал меня врасплох.

— Смогу, если подготовлю его,— ответил я.

— Сколько времени вам необходимо на подготовку?

— Минимум месяц.

— А если оно уже подготовлено?

— Тогда мне потребуется хотя бы неделя, чтобы подготовиться самому.

— А за три дня что вы сможете сделать?

— За три дня? Ничего! Могу участвовать в восстании только как рядовой участник или советник.

— Хорошо! Будете в распоряжении партии. Останьтесь в Софии.

— Остаюсь.

— Наш технический работник позаботится обо всем, что вам будет необходимо. Прекратите все связи со своими родными и друзьями,— закончил Димитров.

А Коларов уточнил:

— Как военный специалист, вы будете начальником штаба

при Главном военно-революционном комитете. Этот штаб будет руководить восстанием.

— Итак, военный комитет пополнился,— довольно добавил Димитров.

— Откуда я получу более подробные инструкции?

— Из Военно-технического комитета при Центральном Комитете партии.

— Можно ли считать, что на этом мои дела здесь закончены?

— Да, конечно, в любой момент сюда могут прибыть еще товарищи, с которыми нам предстоит решать другие вопросы...

Мы вышли. В вестибюле нас встретила старая женщина и через другую дверь по другой лестнице вывела на улицу Царя Самуила.

Отъезд руководителей Главного военно-революционного комитета на командный пункт был назначен на 21 сентября.

Йордан Панов выдал каждому из нас по револьверу системы «Наган», Г. Димитров и В. Коларов получили еще по пистолету «Парабеллум». Панов уточнил место, где каждый из нас должен был ждать транспортное средство. Димитрова и Коларова снабдили документами, свидетельствовавшими о том, что они являются членами комиссии по приемке новой бани в Выршеце. Г. Димитров значился «инженером», а В. Коларов — «юрисконсультом». У меня было специальное рекомендательное письмо якобы от министра внутренних дел генерала Русева, которым предписывалось всем органам власти оказывать мне полное содействие. Димитров и Коларов выехали из города на автомобиле, а я должен был догнать их на фаэтоне у постоялого двора на окраине села Врыбница. Сойдя с фаэтона, я зашел в трактир и заказал графинчик сливовой ракии. Фаэтон вернулся в Софию. Покинув трактир, я затем отправился по Петроханскому шоссе.

Уже после первого поворота я увидел автомобиль, поджидавший меня в условленном месте. Помощник шофера Димитр Савов лежал на спине под машиной, делая вид, будто что-то исправляет, а шофер Павел Ненов давал ему какие-то указания. Увидев меня, шофер сказал своему помощнику:

— Хватит! Поехали!

Г. Димитров уже был без бороды, коротко пострижен, в зеленых туристских очках в роговой оправе. Его высокий лоб закрывала старая черная широкополая шляпа. Почти до пят свисали полы длинного светло-зеленого прорезиненного плаща. В. Коларов также коротко подстригся и сбрил бороду и усы. Он был в хорошем непромокаемом пальто и в желтых туристских очках. Оба имели по чемоданчику с бельем, туалетными принадлежностями и продуктами на завтрак. С ними находился

и третий член Главного военно-революционного комитета Гаврил Генов, в офицерских бриджах, старых ботинках с обмотками, старом пальто и кепке. Их сопровождали охранники — молодые люди Божидар Митрев и Васил Гюров. Я сел, и машина тронулась с места. Из-за сильного встречного потока воздуха разговаривать было невозможно.

До села Шияковцы, расположенного на южных склонах горы, автомобиль летел как птица, пока шоссе не начало подниматься по голым ребрам горы. С каждым километром крутизна все увеличивалась. Вода в радиаторе кипела. Доехали до постоялого двора в селе Гинцы, перед которым был источник. Из него по двум трубам вытекали сильные струи воды.

Автомобиль остановился, и помощник шофера пошел набрать воды для радиатора. В это время из постоялого двора вышел хорошо одетый господин и остановился у длинного корыта источника.

— Что, хотите напоить скотину? — попытался он завести разговор с шофером.

— Очень крутой подъем. Вода закипает и испаряется, нужно залить водой.

— А по каким делам едете, а?

— Начальство знает. Инженеры, государственная комиссия. Наше дело вести машину.

— А куда едете?

— Куда скажет начальство.

— А куда просят?

— Я с ними кофе не пью, чтобы они мне говорили. Вон туда, за горы,— сказал помощник шофера и пошел с полным бидоном.

Мы поняли, что это переодетый в штатское полицейский. Он стоял у источника и пристально смотрел на нас. Мы спокойно, молча курили сигареты. И одежда, и наше поведение подчеркивали, что мы действительно начальство из какого-то министерства. Полосатые геодезические рейки подтверждали, что мы инженеры. Полицейскому, по-видимому, показалось неуместным и опасным проверять таких людей, рискуя потерять место и кусок хлеба, и он, продолжая стоять у источника, даже помахал нам вслед носовым платком в знак сердечных проводов «высокопоставленных» государственных чиновников.

Машина поднялась в гору на высоту восемьсот метров над уровнем Софийского поля. Оставалось подняться еще на сто метров, чтобы достигнуть вершины, где находился Петрохан. Мы знали, что пограничная застава у Петрохана, расположенная в двух метрах от кювета шоссе, усилена бандой членов фашиствующей организации. Это давало основание думать, что здесь мы встретим серьезное препятствие. Но, к счастью, с вершины

Ком спустились тучи, упали первые крупные капли дождя. Шофер остановил машину и вместе с помощником поднял брезентовый верх. До вершины по дороге оставалось два километра. Но прежде чем мы их преодолели, неожиданно разразилась сильная гроза, хлынул проливной дождь.

Когда мы проезжали мимо заставы, шофер убавил скорость, а я высунулся из машины и помахал письмом «от генерала Русева». Под навесом у заставы стояла целая группа солдат и членов фашиствующей банды. Уверенный в благонадежности путников, начальник заставы посчитал излишним выходить под проливной дождь лишь для того, чтобы прочесть документ, поэтому он дал знак рукой, и машина свободно продолжила путь. Самое опасное препятствие осталось позади.

А спустя некоторое время, как мы узнали позже, из Софии заставу предупредили по телефону, что через перевал должна пройти машина, в которой находятся коммунисты В. Коларов, Г. Димитров, Г. Генов и майор Агынский. Эту машину приказали остановить, пассажиров арестовать и под усиленной охраной отправить в Софию. При попытке к бегству — застрелить.

От пограничной заставы шоссе сразу спускается в вековой буковый лес, которым покрыты северные склоны горы вплоть до подножия.

Около 13 часов на берегу одного из притоков реки Бырзия Г. Димитров попросил остановить машину.

— Отдохнем, товарищи!

Шофер начал осматривать машину, его помощник пошел налить воды, а охрана расположилась на шоссе в 50—60 метрах спереди и сзади машины.

Димитров пригласил нас к нависшей над кюветом большой скале. Здесь мы уточнили некоторые подробности предстоявшей на сегодняшний день работы и прежде всего то, как лучше въехать в Выршец, поскольку было еще рано.

И снова в путь. За селом Клисура машина свернула на шоссе, ведущее в Выршец. Не проехали мы по новой дороге и пяти километров, как навстречу нам показалась шикарная двуколка, в которую была запряжена крупная, упитанная лошадь. В двуколке находились двое мужчин в гражданской одежде, один из которых правил лошадью. Когда разминулись, Г. Генов сказал:

— Знаете, кого мы встретили?.. Один из них — полицейский пристав Врачанского окружного полицейского управления, кровожадный головорез Цанков.

— Недобрая встреча, но счастливо закончилась,— ответил Димитров.— И для нас, и для него.

Автомобиль мчался со скоростью 70 километров в час. Шофер зорко следил по сторонам, потому что тогда на шоссейных дорогах еще не было никаких знаков. Спустились в долину реки

Покьовицы. Здесь Генов попросил шофера остановить машину.

— Отсюда до Выршеца всего лишь два — два с половиной километра. Время — 14 часов. Въезжать в село еще рано.

Все вышли из машины.

— Нужно установить связь с местной партийной организацией,— сказал В. Коларов.— Кто это сделает?

— Я женат на жительнице Выршеца, меня в селе знают даже дети,— объяснил Генов.

— Могу выполнить это задание,— предложил я.— В селе меня никто не знает.

— Хорошо! Вы появитесь в селе как служебное лицо и легально поселитесь в гостинице «Зелена гора»,— сказал Димитров.

— Вот вам план, по которому легко найти дачу Донки Станчевой, никого не спрашивая,— предложил Генов и рассказал, как выглядит эта дача.

— Мы трое остаемся здесь, в лесу, пока вы не пошлете к нам человека из местной партийной организации. Молодые люди пойдут с вами для охраны,— сказал Коларов.

Мы продолжили путь. Скоро наш автомобиль въехал в Выршец и остановился у гостиницы «Зелена гора». Туристов было мало. Приезд автомобиля ни на кого не произвел впечатления. Даже хозяин гостиницы встретил нас равнодушно.

Я снял номер и отправился в луга на западной окраине села. Там было лишь две-три новых постройки, среди которых я легко узнал дачу Донки Станчевой. Меня встретила ее сестра. Хотя и с трудом, я убедил ее в своей миссии, и она послала младшего сынишку найти Станчеву. Он долго искал ее, но так и не нашел.

— Пошлите его, чтобы пригласил сюда хотя бы какого-нибудь знакомого вам члена партии, надежного человека,— настоял я.

Она вернулась через полчаса.

— Мой сын нашел члена местной партийной организации. Он ждет в лугах за селом.

Мы с мальчиком немедля отправились туда. Под деревом стоял местный партиец Гаврил Биволчев. Оказалось, что сегодня они хоронили старого члена партии и на кладбище «поссорились» с полицейскими, да так, что после похорон все коммунисты вынуждены были скрыться.

Через некоторое время с Покьовицы вернулся Божидар Митрев.

— Какие распоряжения дают товарищи? — спросил я.

— Ночевать в гостинице «Зелена гора». Если мы им потребуемся, они найдут нас здесь. Если же они потребуются вам,

ищите их на даче Донки Станчевой. Сейчас они вполне спокойны, так как с ними местный человек.

Но вечером полиция устроила в гостинице обыск и арестовала нас. Тогда Биволчев отвел товарищей сначала в дом своего брата. После совещания с руководством местной партийной организации, на котором был согласован план восстания в селе, Гаврил Генов уехал во Врацу. А товарищей Димитрова и Коларова поздно ночью проводили на дачу Донки Станчевой — «Незабудка». Полиции так и не удалось их обнаружить.

1953 г.

1923

1934

Георгий Русинов

С Г. ДИМИТРОВЫМ И В. КОЛАРОВЫМ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

Сентябрьское восстание 1923 года потерпело поражение. По ходу отступления я прибыл в Михайловград к Г. Димитрову и В. Коларову и проинформировал их о положении на нашем фронте. В это время пришло сообщение, что город Берковица захвачен фашистами. Зная, что от Берковицы нас отделяют всего лишь 22 километра, В. Коларов сказал Димитрову: «Георгий, нам с тобой надо уйти к югославской границе». «А ты, Георгий,— обратился он ко мне,— проводишь нас до границы. Гаврил [1], собери партийный и повстанческий актив и так организуйте отступление, чтобы было как можно меньше потерь. Скажите товарищам, пусть пробираются в Югославию, там увидим, что нас ожидает».

Итак, мы с Димитровым и Коларовым 26 сентября около 5 часов пополудни вышли из города в сторону югославской границы. Около 12 часов мы направились по тропинке, проходившей близ вершины Вража глава, от летнего пограничного поста к участку границы у Павлова креста.

Впереди шли Коларов и я, а шагах в пятнадцати позади нас — Димитров и Александр Костов из села Чипровцы. Около часа дня мы уже находились на югославской территории, а вечером 27 сентября 1923 года на закате подошли к источнику на возвышении у села Гостуша Пиротской околии. У источника мы встретили женщин. Набрав воды, они ушли в село. Через некоторое время к нам подошел местный священник, познакомился и спросил, в чем мы нуждаемся. «Нам бы мыло и полотенце, чтобы умыться»,— сказал Васил Коларов. Священник вскоре все это принес. Около нас уже собралось много жителей села. Среди них был и молодой мужчина в городской одежде и мягкой шляпе. Поздоровавшись с Георгием и Василом, он подошел к нам. Спросил, откуда я. Я ответил, что из Фердинанда [2] — адвокат.

— А скажи-ка мне, адвокат, вон тот не Георгий Димитров? Он лишь сбрил бороду,— спросил молодой человек.

Я ответил ему, что не знаю этого человека.

— Невозможно, чтобы адвокат не знал Димитрова.

Я повторил, что слышал такую фамилию, но самого его не

[1] Имеется в виду Гаврил Генов.— *Прим. перев.*

[2] Ныне Михайловград.— *Прим. перев.*

видел. Дело в том, что Г. Димитров просил не говорить, что он с нами, так как в 1922 году, когда он нелегально был на конференции рабочих-металлистов в Пироте, его здесь приговорили за это к шести месяцам лишения свободы. И он считал, что если югославские власти узнают его, то могут задержать для отбывания наказания.

Мужчина сообщил мне, что его зовут Пера Потич и что он — делопроизводитель общинного совета. Он попросил меня все-таки выяснить, действительно ли это Димитров. Я подошел к Димитрову и сообщил ему, что Пера его узнал. Спросил, что ответить. «Скажи, что это я». Я вернулся и сказал, что это на самом деле Димитров. Пера бросился к нему с возгласом: «Эй, Георгий, зачем скрываешься, бог мой!» Георгий внимательно посмотрел на него и спросил: «Пера, это ты?» — «Да я же, я!» — ответил Пера. Они обнялись. Пера догадался, что рядом с ними стоял Васил Коларов, поднялся на камень и, обратившись к собравшимся односельчанам, сказал: «Дорогие крестьяне, мы счастливы, что среди нас находятся большие люди: Васил Коларов — секретарь коммунистической партии Болгарии и Георгий Димитров — секретарь Общего рабочего синдикального союза. Во время войны они были депутатами и боролись за улучшение положения наших военнопленных».

Димитров напомнил Пера случай, когда они оба носили завернутый в полотно хлеб военнопленным в лагерь близ Софии. Пера продолжал: «Мы обязаны им уважением и защитой и высказываем благодарность и признательность». Затем обратился к нам: «Будьте спокойны, товарищи! Мы встретим вас как товарищей и друзей».

Тут к нам подошел мужчина лет шестидесяти в деревенской одежде, в кожухе и меховой шапке. Он приблизился к Коларову и Димитрову, поздоровался с ними за руку и сказал: «Добро пожаловать на нашу землю. Чувствуйте себя здесь как среди своих». Потом познакомился со мной и Александром Костовым, сказав нам те же слова. Этот добродушный человек из Гостуши оказался старостой Велико-Луканской общины. Звали его дедушка Жика.

По приглашению старосты и секретаря Пера мы спустились в село. Разместили нас в одном из домов, приготовив небогатый, но согретый теплыми чувствами и радостью ужин. Крестьяне всю ночь проговорили с Димитровым и Коларовым о положении и политике нашей партии, об отношениях между Болгарией и Югославией, пожелав им мира и добрососедства.

На следующий день — утром 28 сентября 1923 года — дедушка Жика и Пера проводили нас в село Велика Луканя. Здесь в общинном управлении сказали, что нам, как гостям, будет дан обед и затем нас сопроводят в город Пирот. Они уже поняли,

что мы эмигрировали после восстания и поэтому в Пироте нам придется давать письменное объяснение о причинах эмиграции. И здесь собралось много крестьян, чтобы поговорить с нами.

До обеда собрались все советники общины. Состоялось заседание совета. На нем в нашем присутствии было решено, что председатель, секретарь и советники довезут нас на лошадях до Пирота и там представят югославским властям. Они сожалели о поражении восстания и всячески старались нам помочь.

Около часа дня председатель, секретарь, несколько советников и мы четверо на лошадях поехали в Пирот. В город приехали уже в сумерках. Разместили нас в гостинице, заказали ужин и отправились в околийское управление сообщить о нашем прибытии. Вскоре появились представители полицейских органов и сообщили, что нам разрешено ночевать в гостинице. Затем к нам пришли секретарь местной организации рабочей партии с несколькими товарищами. Оказалось, что Г. Димитров был знаком с ним. Югославские товарищи принесли Димитрову и Коларову одежду, чтобы переодеться, и после краткой беседы о восстании удалились. Поужинав, все пошли спать. Я, по просьбе Коларова, остался дежурить в коридоре гостиницы.

В этот город прибыли также некоторые и другие наши товарищи — участники восстания. Около 11 часов мы решили пойти пообедать. На улице к нам подошел какой-то гражданин и пригласил в гостиницу «Москва». Мы были удивлены, когда, входя, увидели уже накрытые столы. Нам объяснили, что мы будем обедать в этой гостинице. В это время прибыли окружной управитель, околийский начальник, городской староста и другие официальные лица. После знакомства все вместе с нами сели обедать. Во время обеда окружной управитель и Коларов обменялись тостами за мир и дружбу между нашим и югославским народами. Обед прошел в дружественной обстановке. Потом нам сообщили, что рано утром нас отправят в город Ниш, где будет собрана вся наша эмиграция.

30 сентября утром нас проводили до станции Пирот. Вскоре подошел поезд, и мы отправились в Ниш, где были уже к половине восьмого утра. Прямо со станции нас отправили в областное управление. Начальник области вызвал Димитрова и Коларова к себе в кабинет, и примерно после получасовой беседы они вышли. Коларов быстро направился ко мне и передал визитную карточку с адресом МОПРа. Попрощавшись со мной, они проинструктировали меня, как должна вести себя наша эмиграция по отношению к югославским властям, как организовать ее жизнь, и обещали, если будет возможность, дать о себе знать. На этом мы расстались.

1964 г.

Иван Крекманов

В ПЕРВЫЕ ДНИ ЭМИГРАЦИИ

После поражения Сентябрьского восстания 1923 года я и еще несколько десятков эмигрантов, среди которых были Георгий Димитров и Васил Коларов, 30 сентября находились в Югославии в полицейской следственной тюрьме Ниша. Первое и самое главное, чего добивалась полиция,— это выяснить нашу партийную принадлежность. Как нам, коммунистам, следовало поступить? Если бы мы признались, кем являемся в действительности, то нам могли отказать в праве находиться в Югославии, где власти не разрешали никакой коммунистической деятельности и где коммунистическая партия была объявлена вне закона, а ее руководители — арестованы. Вот почему с самого начала, во избежание неприятностей со стороны югославской полиции, мы выдавали себя за сторонников Ал. Стамболийского. Согласно Нишскому соглашению 1923 года, заключенному между его и белградским правительством, он ратовал за сближение между Софией и Белградом. Таким образом, для наших эмигрантов сразу же были открыты двери в лагерь болгарских земледельцев [1] в Нише, эмигрировавших после 9 июня 1923 года.

Исключение составили лишь Георгий Димитров и Васил Коларов. Они открыто заявили следственным органам, что являются деятелями Болгарской коммунистической партии и руководителями Сентябрьского народного вооруженного восстания в Болгарии. Полиция в первый момент не знала, что предпринять, но потом наспех изолировала их в маленькой гостинице — постоялом дворе «Княжевац», пока правительство в Белграде не решило вопрос о предоставлении им убежища. Для оказания им в предстоящей партийной работе технической помощи нужны были товарищи. Коларов и Димитров под благовидным предлогом, что они не хотели бы оставаться одни, добились разрешения, чтобы их сопровождали два болгарина — Иван Крекманов и Сотир Анастасов. Уже в гостинице я узнал, что меня определили секретарем наших руководителей, а Анастасова — их охранником. Димитров хорошо знал меня по нелегальной работе в Софии, Анастасов был известен как штатный охранник партийного дома в столице.

Первый день не принес нам радости. Гаврил Генов сообщил Коларову и Димитрову, что, по сведениям партии, полученным из Софии, фашистское правительство послало в погоню за ними македонских террористов, чтобы убить их. Что нам оставалось теперь делать? После короткого совещания оба руководителя

[1] Члены Болгарского земледельческого народного союза.— *Прим. перев.*

поручили мне подыскать в городе подходящую квартиру, в которой бы они могли найти временный приют. Хотя задача была нелегкой — незнакомый город, незнание сербского языка, отсутствие местной валюты,— я все-таки сумел в тот же день снять квартиру (угловую комнату) в доме бедной рабочей семьи по улице Црвени крст. Вечером мы тайком перебрались на новую квартиру, а в наши номера гостиницы для маскировки отправились жить Гаврил Генов, Фердинанд Козовский и Георгий Михайлов.

Тайная квартира, как мы ее называли, представляла собой большую комнату со скромной меблировкой: прямоугольный стол, покрытый самодельной пестрой скатертью, несколько ветхих стульев, две железные кровати и домотканое шерстяное одеяло на деревянном полу. На высоком шкафчике стояла керосиновая лампа с цветным абажуром. Железная печка в комнате напоминала, что зима на пороге.

Уже на другой день Коларов и Димитров начали работать. Помнится, утро было прохладным, и они сидели за столом в летних пальто и кепках и тихо разговаривали под непрерывный стук швейной машинки из соседней комнаты. О чем они говорили? Что больше всего волновало их в этот момент? Их первым желанием было как можно скорее восстановить связи с партией, с Софией. С этой целью Г. Димитров пригласил из Крагуеваца своего шурина (югославского подданного), как наиболее подходящего для легального проезда через границу. Ивошевич (так его звали) быстро откликнулся на приглашение. Это был стройный, черноглазый, прилично одетый молодой человек. До отхода международного экспресса Ивошевича подготовили для выполнения роли курьера. Тайное письмо для ЦК партии в Софии руководители партии написали на лоскуте миткаля размером не более дамского носового платка, после чего вшили его в отворот пальто курьера. Затем Димитров дал своему шурину несколько полезных практических советов, касающихся переезда границы, ориентировки в Софии и успешного поиска явочной квартиры... Вечером курьер отправился в путь. Не прошло после его отъезда двух-трех дней, как из ЦК поступило радостное сообщение о благополучном прибытии Ивошевича в столицу.

Работа обоих руководящих деятелей нашей партии шла успешно. Г. Димитров разослал телеграммы всем всемирно известным телеграфным агентствам и редакциям крупнейших европейских газет по поводу ложных сведений о положении в Болгарии, распространявшихся фашистским правительством. Касаясь самых свежих событий в стране — узурпации власти в Софии фашистами, лишения рабочего класса завоеваний, добытых в борьбе с прежними режимами, введения военного положения, массовых арестов прогрессивных людей, участившихся убийств актив-

ных антифашистов, Димитров призывал агентства и газеты протестовать против зверств фашистов в отношении трудового болгарского народа. Одновременно В. Коларов направил заявления в Москву в Коммунистический Интернационал и Международную организацию помощи революционерам, в которых призывал выступить перед международной прогрессивной общественностью, чтобы оградить семьи эмигрантов или схваченных повстанцев от мести свирепствовавших в стране фашистских банд и помочь им материально. Призывы не остались неуслышанными. Вскоре в Европе повсеместно начались кампании протеста. Принимались резолюции в нашу пользу, правительству в Софии посылали телеграммы протеста, собирали средства для оказания помощи пострадавшим.

Наша политическая эмиграция с каждым днем становилась все более многочисленной. Она могла стать хорошим помощником партии, ударной силой в ее грядущей борьбе. Но для этой цели надо было использовать югославскую территорию как нашу исходную базу. А каким образом? Тогда руководители партии решили обратиться за помощью к Коммунистической партии Югославии. Эту задачу — обеспечить связь с югославскими коммунистами — Г. Димитров возложил на меня. Поскольку КПЮ действовала нелегально, я затратил немало сил, использовал весь свой партийный опыт, чтобы найти тайные пути, которые привели меня на нелегальную квартиру секретаря нишских коммунистов. Это был высокий мускулистый мужчина по имени Драгиша. По профессии он был металлист. И вот с его помощью дня через два-три мы встретили в нашей квартире секретаря ЦК КПЮ Косту Новаковича, человека интеллигентной внешности, в очках с позолоченной оправой.

Встреча Новаковича с Димитровым была сердечной. Тепло приветствуя всех наших коммунистов, он выразил восхищение героической борьбой болгарских рабочих и крестьян в дни Сентябрьского восстания и обещал поддержку в нашей дальнейшей борьбе. Наши руководители поблагодарили Новаковича за теплые слова в адрес болгарских коммунистов и попросили у него предоставить в наше распоряжение югославские партийные явки, курьеров и прочее для работы в настоящее время и на будущее. Нам это было обещано. Таким образом укреплялось боевое единство между нашими партиями — БКП и КПЮ. Югославские товарищи сразу же подкрепили свои слова делами: К. Новакович передал значительную сумму денег для содержания нашей политической эмиграции, собранную как добровольные взносы югославских рабочих, а Драгиша подарил свой пистолет для охраны руководителей нашей партии.

Г. Димитров и В. Коларов занимались в конспиративной квартире и другой необходимой партийной работой. До отъезда

в Вену они, например, отредактировали «Открытое письмо к рабочим и крестьянам Болгарии». У этого письма своя история, оно — плод коллективного труда Димитрова и Коларова. После его окончательной редакции мне поручили переписать его начисто. Потом рукопись отправили в Белград и отпечатали письмо как воззвание в нелегальной югославской типографии. В середине октября 1923 года воззвание было доставлено в Болгарию по партийному каналу связи. Через две недели его напечатали на первой странице первого номера органа партии — газеты «Работнически вестник», выходившей в Вене. Тираж этой газеты затем был отправлен в Болгарию.

Вечером 7 октября 1923 года Г. Димитров и В. Коларов покинули конспиративную квартиру в Нише и сели в поезд Белград — Вена в сопровождении верного курьера.

1965 г.

В. М. Турок

В ВЕНЕ

В сентябре 1923 года, в один из тех дней, когда из Болгарии поступали самые мрачные сообщения и было ясно, что восстание потерпело поражение, мне поручили просмотреть очередную пачку только что поступивших болгарских газет. Это были «Мир», «Зора», «Заря», «Напред», «Народ» и др.— всего около десяти названий. Все они, конечно, были заполнены сообщениями о боях с повстанцами. В этих сообщениях правда и вымысел настолько переплетались, что их трудно было разграничить. Моя задача состояла в том, чтобы дать письменную информацию о всех приводившихся фактах. Одна из газет писала, что Васил Коларов и Георгий Димитров перешли болгаро-югославскую границу и уже прибыли в Вену. Через несколько минут после того, как я передал эту информацию польскому товарищу, руководившему моей работой, я забыл о ней, так как не придал ей никакого значения. Через полчаса появился запыхавшийся поляк и попросил дать ему газету с сообщением о Коларове и Димитрове. Я долго копался в газетах и, как назло, ничего не мог найти, а поляк стоял над моей душой и недовольно ворчал. Наконец сообщение было найдено: оно затерялось среди многочисленной информации, которая занимала целый подвал органа Народняцкой партии газеты «Мир». Поляк схватил газету и ушел. Лишь позднее я понял, что на этот раз, как исключение, «Мир» написала правду.

Месяца через три мне неожиданно сказали, что со мной хочет поговорить Георгий Димитров. Он вышел из большой комнаты,

служившей ему рабочим кабинетом и залом заседаний Президиума Балканской коммунистической федерации (БКФ). Разговор продолжался три-четыре минуты, при этом мы оба стояли. Было ясно, что Димитров принял решение заранее. Суть разговора состояла в том, что мне было предложено работать в Президиуме БКФ. Димитров сказал, что техническим секретарем Президиума является Штумпф, но сейчас много работы и нужен второй технический сотрудник или второй технический секретарь. Дело не в названии, сказал Димитров. Разговор велся на болгарском языке. Из анкетных данных Димитров интересовался лишь моим знанием иностранных языков, необходимых для работы на многоязычном Балканском полуострове.

Я сразу вспомнил, что видел Георгия Димитрова и раньше. Это случилось примерно два месяца назад в прицепе трамвая, который шел к Гринцингу (пригород Вены) в 11 часов вечера. В этот поздний для тогдашней Вены час кроме кондуктора в вагоне было три человека. Я возвращался в студенческое общежитие, расположенное возле конечной остановки трамвая, и одновременно провожал одну югославскую студентку. Всю дорогу мы непрерывно разговаривали по-сербски: были молоды и словоохотливы. К тому же мы возвращались с какой-то югославской вечеринки. Третьим пассажиром был пожилой мужчина. Он все время курил (в этом состояло преимущество прицепа) и похоже, что прислушивался к нашему разговору на сербском, так как наблюдал за нами с усмешкой. По внешнему виду он был похож на болгарина и напоминал мастера-ремесленника. Особенно привлекали внимание его вильгельмовские усы: в то время в Вене никто не ходил ни с бородой, ни с усами. Он сошел где-то между пансионом и последней остановкой. Это был Георгий Димитров.

Работоспособность Георгия Димитрова была колоссальной, особенно с точки зрения юношей, которые старались урвать побольше времени для удовольствий. Виктор (таким было нелегальное имя Димитрова) мог работать часами подряд и, не поднимая рук, писать своим размашистым почерком (почти всегда карандашом). При этом он постоянно курил. Он выполнял львиную долю работы Президиума федерации. Им написаны почти все документы федерации и много статей — притом обширных — в газете «Работнически вестник». Георгий Димитров был организатором и вдохновителем широкой кампании за рубежом против белого террора в Болгарии. Он вел обширную переписку с ИККИ, главным образом с Василом Коларовым и с коммунистическими партиями балканских стран. В нелегальных условиях того времени это делать было совсем нелегко. Иногда приходилось одно и то же письмо писать два и три раза, чтобы адресат мог получить хотя бы одну строчку. Трудно было подыскать и венские

адреса для получения ответов от компартий. А когда приходили письма студентам университета, надзиратель просто писал мелом на черной доске в актовом зале имена тех, кому они предназначались. Студентов было достаточно, и, таким образом, через многих из них шла часть (не самая важная) балканской корреспонденции. Путь этот был простой, но не очень надежный. Однажды конверт с прокламациями Компартии Греции оказался распечатанным. Надзиратель объяснил, что вначале письмо получил какой-то тезка. Положение было не из приятных.

Письма писались симпатическими чернилами на белом листе, а после, когда бумага высохнет, поверх уже писали любой текст обыкновенными чернилами. Нас мучили два затруднения, вызванные нашей неопытностью. Прежде всего трудно было всякий раз придумывать какой-нибудь глупый текст поверх текста, написанного симпатическими чернилами. Ведь полиция балканских стран была довольно квалифицированна и знакома со способами конспирации нелегальных революционеров. Мы совершенно точно знали, что проверяются все письма, вызывающие какое-либо сомнение. Кроме того, следовало иметь в виду, что каждое письмо читали и перечитывали иногда разведчики нескольких стран, так как разведчики балканских стран были тесно связаны друг с другом. Все они, конечно, враждовали между собой, но объединялись в борьбе против революции и незамедлительно передавали друг другу сведения о коммунистах. При такой внимательной проверке заграничной корреспонденции «верхний» текст мог обратить на себя внимание своей бессодержательностью. Мы уже думали купить письмовники, чтобы из них переписывать тексты, но не решились: может, разведка располагала коллекцией именно таких письмовников. Да, было нелегко...

Кроме того, вызывала затруднения и примитивная техника письма. Было очень сложно писать на белом нелинованном почтовом листе так, чтобы одна строчка не набегала на другую, учитывая, что симпатическими чернилами приходится писать, не видя написанного. Неизвестно почему, но мы не догадались использовать транспарант. Однажды Виктор получил ответ из Болгарии — от ЦК БКП. Товарищи из ЦК писали, что текст на одной из страниц написан дважды и поэтому, несмотря на все усилия, они ничего не могли понять. Георгий Димитров прочитал ответ и сказал только, что следующий раз нужно писать более внимательно. Он даже не повысил голоса. Вообще, несмотря на его большую требовательность, я ни разу не слышал, чтобы он кричал на кого-нибудь из своих сотрудников. Он повышал голос лишь в страстных политических спорах. А ведь любая ошибка в письмах могла иметь роковые последствия. После поражения Сентябрьского восстания в 1923 году в продолжение многих лет на Балканах не было ни одной легальной коммуни-

стической партии: Болгарская компартия оставалась последней. Стать коммунистом на Балканах было почти равносильно решению подняться на эшафот. Речь могла идти лишь о некоторой отсрочке.

Георгий Димитров относился исключительно требовательно к выполнению своих собственных обязанностей. В помещении, где находился Президиум федерации, он обычно избегал показываться и приходил туда лишь на заседания или по срочным делам. В остальное время все свои материалы посылал с курьером. Не было случая, чтобы его материалы опаздывали или он вообще их не подготовил. Ежедневно в полдень в великолепном верхнем парке Бельведерского дворца эрцгерцога Франца Фердинанда встречались два юноши и обменивались пакетами на одной из скамеек, где гуляли только няни с детьми. Один из юношей приносил материалы Исполкома Коминтерна и Президиума Балканской коммунистической федерации, а другой — австрийский комсомолец Франц — письма и записки, которые Георгий Димитров посылал со своей нелегальной квартиры.

Как раз тогда Франц только что вступил в комсомол и не приобрел еще навыков нелегальной работы, но, несмотря на это, ни разу не допустил провала и не выдал квартиру Димитрова. Он, конечно, имел только определенный минимум сведений, ибо, согласно железному закону конспирации, ему не полагалось знать ничего, кроме абсолютно необходимого для его собственной работы. Вероятно, Франц даже не подозревал, что обслуживает именно Георгия Димитрова, так как все называли Димитрова только его нелегальным именем Виктор.

Разумеется, функционирование техники связи в нелегальных условиях требовало большого количества людей, квартир, явок. В таком большом городе, как Вена, где действовала вездесущая шоберовская[1] полиция и где, кроме того, на каждом шагу можно было наткнуться на агента сигуранцы или какой-либо другой балканской политической полиции, Президиум Балканской коммунистической федерации работал в исключительно трудных условиях. Огромную помощь оказывали нам коммунистическая партия и комсомол Австрии. Товарищеская взаимопомощь и интернациональная солидарность помогали делать невозможное. Австрийские коммунисты были советниками и помощниками. Там, где не мог показаться иностранец, австриец не вызывал подозрений. Компартии Австрии было не так легко отвлекать свои кадры от решения их непосредственных задач, но, несмотря на это, она направляла в помощь федерации лучших работников, и это предохраняло федерацию от провалов. Они случались весьма редко.

---

[1] Шобер — тогдашний полицей-президент Вены.— *Прим. перев.*

В Балканской коммунистической федерации самую главную роль играли, конечно, болгары. Это предопределялось всей совокупностью исторических традиций и конкретной ситуацией в рабочем движении на Балканах. Несмотря на тяжелое положение партии после поражения Сентябрьского восстания, БКП оставалась наиболее сильной в политическом и идеологическом отношении и наиболее устойчивой в организационном отношении в сравнении со всеми другими партиями, входившими в Балканскую коммунистическую федерацию. Личный состав Президиума, естественно, отражал это положение.

В состав Балканской коммунистической федерации входили коммунистические организации Греции, Румынии, Болгарии и Королевства сербов, хорватов и словенцев, как тогда называли Югославию.

Центральной фигурой Президиума Балканской коммунистической федерации был Георгий Димитров. Большинство поручений и задач выполнял он. А поручения были самые разные...

Кроме того, Георгий Димитров уделял много времени и внимания вопросам деятельности Коммунистической партии Австрии. Он продолжительное время находился в Австрии, хорошо знал Вену и понимал психологию австрийского рабочего. Когда в начале июля 1949 года ЦК Коммунистической партии Австрии получил горестное известие о смерти Георгия Димитрова, на траурном митинге в Вене Иоганн Копплениг, знавший много лет Димитрова, сказал: «Как он любил нашу Вену, нашу Австрию! Как он любил нашу музыку, наши прекрасные старинные здания! И как он любил наших рабочих с их давнишними традициями солидарности! Мы, австрийские коммунисты, всегда встречали с его стороны самое большое внимание и понимание наших проблем. Человек изумительного, тонкого ума, при изучении возникавших новых проблем он всегда делился с нами своими знаниями и опытом».

В марте или начале апреля 1924 года Георгий Димитров был назначен представителем Коминтерна при ЦК Коммунистической партии Австрии. Это назначение явилось неожиданным как для Президиума БКФ, так и для самого Виктора и вызвало известное беспокойство. Поручение ИККИ для Димитрова было неимоверно трудным. Он великолепно понимал это и тяжело вздохнул, получив сообщение о новом назначении.

Дело заключалось не только в том, что Димитров был поглощен решением задач болгарского и балканского масштаба и не имел времени для выполнения новых поручений. Возникали и другие, еще более серьезные препятствия.

Прежде всего, ему угрожала опасность со стороны полиции. Компартия Австрии привыкла к полной легальности в условиях буржуазной демократии первой республики. Деятельность пред-

ставителя ИККИ неминуемо требовала общения с довольно широким кругом функционеров Коммунистической партии Австрии. Из-за отсутствия у них элементарных навыков конспирации возникала угроза провала и ареста Георгия Димитрова. Кроме того, сотрудники БКФ знали, что полицей-президент Вены и без того весьма хорошо осведомлен о находившихся в Австрии некоторых иностранных революционерах. Арест Димитрова на каком-либо из совещаний с австрийскими коммунистами мог стать желанным поводом для передачи его правительству Цанкова. Некоторые наиболее реакционные деятели правящей христианско-социальной партии давно настаивали принять меры в отношении политэмигрантов из балканских стран. Таким образом, новая функция Виктора осложняла не только его жизнь, но и деятельность федерации в целом.

Одной из первых задач Димитрова было принятие некоторых, хотя бы минимальных мер предосторожности. Так, например, для устных и письменных взаимоотношений с Коммунистической партией Австрии он принял имя Освальд, сохраняя и псевдоним Виктор для ИККИ и федерации. Затем Освальд обратился к ЦК КПА с просьбой обеспечить ему на заседаниях ЦК и Политбюро, в которых он участвовал, более строгую защиту от слежки полиции, чем это делалось обычно.

Освальду была предоставлена возможность более широких контактов: у него, под его председательством, функционировала так называемая Австрийская комиссия. Ее состав изменялся в зависимости от обстоятельств. Если мне не изменяет память, в ее состав в разное время входили немецкие коммунисты Вальтер Ульбрихт и Вурм (Иоахим), а также чешский коммунист Алоис Нейрат. Секретарем комиссии был Карл Франк. Он прибыл в Вену из Германии, но, видимо, сохранил австрийское подданство и поэтому совершенно легально участвовал в конференциях Компартии Австрии, в районных партийных собраниях, где зачитывал доклады Австрийской комиссии и исполнял разнообразные поручения Георгия Димитрова, встречаясь с необходимыми лицами, передавая им письма комиссии и т. д. Это облегчало деятельность Димитрова. А необходимость большей предосторожности подтвердилась, когда осенью 1924 года венская полиция внезапно арестовала Ульбрихта и Вурма.

Кроме задачи обеспечения безопасности Георгия Димитрова существовало еще одно обстоятельство, затруднявшее его общение с австрийскими коммунистами: он должен был вести сложные дискуссии с руководящими партийными работниками на немецком языке. Если даже оставить в стороне то, что дискуссии в тех условиях были вообще очень утомительными, Димитров с самого начала сомневался, достаточно ли хорошо он владеет немецким языком и тем более его венским диалектом.

Несколько человек, как, например, Готлиб Фиала или Йозеф Грюн, знали русский. Огромное же большинство работников говорило только по-немецки. Практика рассеяла сомнения Димитрова, но все же затруднения продолжали существовать.

Когда была возможность, Димитров прибегал к запискам и письмам. Обычно он сочинял письма на болгарском, а мы с Штумпфом переводили их на немецкий: Штумпф садился за пишущую машинку, а я диктовал. Нас обоих удивляла работоспособность Виктора и его своеобразная манера составления писем. Иногда он писал карандашом по десять писем сразу, например функционерам, отказывавшимся участвовать в заседаниях ЦК Компартии Австрии. Письма были почти идентичные, менялись лишь адрес в начале письма и два-три слова в самом тексте. Несмотря на это, Димитров каждое письмо писал полностью, очевидно опасаясь, что при переводе может быть что-нибудь перепутано.

И наконец, главное затруднение, с которым должен был столкнуться Димитров: положение в Коммунистической партии Австрии. В одном из своих писем Димитров назвал партию несчастной. И действительно, она переживала трудные времена. Фактически КПА распалась на фракции, которые вместо борьбы с буржуазией яростно враждовали между собой, превращались в секты, оторванные от действительности. Конфликты достигали такой остроты, что группа коммунистов XX района Вены (Бригиттенау) из фракции так называемых «томаннти» систематически вторгалась на собрания членов партии других районов и пыталась вместо аргументов в идеологических спорах с другой фракцией действовать врукопашную.

На страницах центральной газеты Компартии Австрии «Ди роте фане» фракции вели ожесточенную полемику, а когда начали издавать свои фракционные бюллетени, партия оказалась на грани формального раскола.

Теперь, много лет спустя после всех этих событий, трудно припомнить подробности, чем в действительности была вызвана такая острота и в целом беспринципная борьба фракций внутри Компартии Австрии. Конечно, были и принципиальные различия по многим стратегическим и тактическим вопросам. Так, например, спорили по вопросам об отношении к социал-демократии и лозунгу о едином фронте рабочего класса (единый фронт «сверху» или «снизу»), об оценке экономического и политического положения Австрии (завершился экономический кризис или, напротив, обострился) и т. д.

Димитров очень быстро ориентировался в этой сложной и часто противоречивой обстановке. Выступая против фракционеров обеих группировок, он считал Томана темным и преступным эле-

ментом, которого следовало бы исключить из партии. Димитров прилагал очень большие усилия для прекращения фракционной борьбы и сплочения честных коммунистов обеих фракций на борьбу за осуществление политических задач коммунистической партии.

Постепенно вокруг Димитрова сплотилась лучшая часть партии, недовольная методами фракционеров. Многие активные участники обеих фракций порвали со своими фракциями. Сложилась группа влиятельных деятелей компартии, которые и раньше не принадлежали ни к одной из фракций, а теперь активно выступили за возрождение партии. Это были в первую очередь Коплениг, Вегерер, Хоннер, Фюрнберг, Петер (Вернер Хирш), Барал и другие. Против фракционеров выступил комсомол. За исключением некоторых закоренелых фракционеров, все комсомольцы активно поддержали Димитрова и Австрийскую комиссию. Настойчивость Димитрова начала давать плоды. На съезде Компартии Австрии, состоявшемся в сентябре 1925 года, лидеры фракций не были избраны в состав нового ЦК. Начинался новый этап борьбы за консолидацию партии.

1969 г.

Рихард Гюптнер

РУКОВОДИТЕЛЬ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО БЮРО ИККИ И ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Укрепление единства и сплоченности международного коммунистического движения — одна из важнейших предпосылок победы дела социализма и мира, необходимое условие для развертывания борьбы международного рабочего класса. Борьба за укрепление пролетарского интернационализма красной нитью проходит через всю историю марксизма и революционного рабочего движения. Марксисты-ленинцы всегда стремились и продолжают стремиться к осуществлению единства действий братских коммунистических партий в борьбе против империализма на основе общих принципов и целей, используя для этого средства, соответствующие исторической обстановке и конкретным задачам. Поэтому, наверное, будет полезным рассказать о малоизвестной странице истории международного рабо-

чего движения, которая к тому же связана с деятельностью выдающегося политика ленинского типа, теоретика и организатора Георгия Димитрова.

С 17 июля по 1 сентября 1928 года в Москве проходил VI всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Конгресс использовал в своей работе накопленный к этому времени значительный опыт борьбы рабочего класса. В 1926 году в Англии были проведены генеральная забастовка рабочих и продолжавшаяся несколько месяцев героическая стачка шахтеров. Французские коммунисты самоотверженно боролись против колониальных войн в Марокко и Сирии. В 1926 году немецкий рабочий класс возглавил народное движение за экспроприацию имущества князей и развернул массовую борьбу против капиталистической рационализации. Польские рабочие оказывали ожесточенное сопротивление фашистскому режиму Пилсудского. В июле 1927 года рабочие Вены стихийно выступили против фашистских провокаций правительства клерикалов. Во всех странах поднималась волна протеста многомиллионных масс против убийства Сакко и Ванцетти.

В странах капитала назревал новый революционный подъем. В то же время росла угроза войны между отдельными империалистическими странами. Усилилась опасность нового нападения империалистов на СССР. Опыт предшествовавших лет и новые, еще более сложные задачи требовали установления более тесных связей между коммунистическими партиями отдельных стран и Исполнительным комитетом Коммунистического Интернационала, улучшения его информирования, более конкретного и оперативного руководства коммунистическими партиями. Кроме того, возникла необходимость в лучшей координации деятельности и сотрудничества коммунистических партий при проведении международных кампаний. С этой целью Секретариат Исполкома решил создать в Берлине Западноевропейское бюро Коммунистического Интернационала, которое приступило к работе в ноябре 1928 года и существовало до конца февраля 1933 года.

Первое время Западноевропейским бюро руководил советский товарищ, один из секретарей Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала Д. З. Мануильский, а затем, с апреля 1929 года,— Георгий Димитров — член Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Секретарем Западноевропейского бюро в течение всего времени его существования был автор настоящих воспоминаний. Постоянными членами Западноевропейского бюро являлись представители Компартии Германии, Компартии Польши, Компартии Великобритании, а также Французской коммунистической партии в лице Жака Дюкло. Связь с нелегальными коммунистическими партиями на Балканах поддерживал Г. Димитров, который одновременно

выполнял функции политического секретаря Балканской коммунистической федерации, в начале 1929 года ее Секретариат был переведен из Вены в Берлин.

Поскольку местом деятельности Западноевропейского бюро был Берлин, то между ним и Политбюро Центрального Комитета КПГ установился тесный контакт. Димитров и товарищи Тельман, Пик и Ульбрихт принимали активное участие в деятельности Западноевропейского бюро, помогали ему, часто обсуждая проблемы КПГ и коммунистического движения в Европе.

В работе Западноевропейского бюро участвовал и Фриц Геккерт, который временно руководил работой Красного интернационала профсоюзов, также находившегося в Берлине. Кроме того, к работе в нем был привлечен и представитель Коммунистического Интернационала Молодежи, ответственный за Западноевропейское бюро КИМ.

Основными методами работы Западноевропейского бюро являлись: проведение совещаний с представителями коммунистических партий различных стран в Берлине; участие представителей Западноевропейского бюро в заседаниях центральных комитетов коммунистических партий, в работе конференций и съездов и т. д.; направление инструкторов в отдельные коммунистические партии для более продолжительной работы; совещания с представителями коммунистических партий нескольких стран или конференции, в которых участвовали представители всех коммунистических партий Европы; подготовка международных конференций и конгрессов, что требовало координации действий коммунистических партий.

В задачу Западноевропейского бюро входила и совместная работа с международными массовыми организациями, имевшими свои штаб-квартиры в Берлине. К ним относились: Центральный комитет Международной рабочей помощи, Исполком Красного спортивного интернационала, а позднее такие важные органы, как правление Интернационала моряков и портовых рабочих и Бюро Крестьянского интернационала. В Берлине находились также Секретариат Лиги против империализма, против колониального гнета и Европейское антифашистское бюро. Кроме того, существовало тесное сотрудничество с редакцией «Интернационале прессе-корреспонденц» («Инпрекорр»), которой руководил венгерский товарищ Дьюла Альпари.

Далее я постараюсь на нескольких примерах коротко показать деятельность Западноевропейского бюро.

После VI конгресса Коммунистического Интернационала, в конце 1928 — начале 1929 года, одной из важнейших задач отдельных коммунистических партий стала борьба с правыми оппортунистами (для КПГ — с группой Брандлера), с примиренцами и отступлением перед классовым врагом. Оппортунисты от-

рицали процесс назревания глубокого кризиса в недрах мирового капитализма и нового революционного подъема. Этим они мешали коммунистическим партиям своевременно анализировать изменившиеся условия классовой борьбы и ставить новые задачи перед рабочим движением. Это облегчало проведение антиреволюционной политики правыми лидерами социал-демократии и было чревато опасностью, что коммунистические партии могут оказаться не подготовленными к новой обстановке. Д. З. Мануильский и Г. Димитров, обладавшие богатым опытом и прекрасными качествами тактиков революционной классовой борьбы, помогли ряду коммунистических партий преодолеть правооппортунистическую опасность и провести в жизнь политическую линию, намеченную VI конгрессом Коммунистического Интернационала.

Чтобы расчистить путь монополистическому капиталу к наступлению на жизненный уровень и социальные завоевания трудящихся, ускорить милитаризацию и подготовку к войне, подавить растущее сопротивление рабочего класса этой антинародной политике, в конце 20-х годов империалистическая буржуазия все чаще прибегала к реакционным, террористическим методам подавления рабочего класса и других демократических сил. Над многими странами нависла угроза фашизма. Западноевропейское бюро уделило большое внимание борьбе против этой опасности, масштабы которой исключительно точно оценил именно Георгий Димитров, возглавлявший борьбу болгарских коммунистов против монархо-фашистского режима.

9 и 10 марта 1929 года в берлинском Доме профсоюзов на Энгелуфер состоялся международный антифашистский конгресс, в подготовку которого большой вклад внесли Западноевропейское бюро и лично Г. Димитров. Конгресс был созван возглавлявшимся Анри Барбюсом Комитетом интеллектуалов-демократов, который обратился прежде всего к рабочим организациям. Для подготовки этого конгресса в ряде стран были созданы антифашистские комитеты, где вместе работали коммунисты и социал-демократы, рабочие, крестьяне и демократически настроенные интеллектуалы. Своих делегатов направили множество организаций рабочих, крестьян, студентов, учителей, писателей и др. Конгресс выразил протест против фашистского террора в Италии, Венгрии, Болгарии, Польше и других странах, против фашистских чрезвычайных законов. Он призвал международный рабочий класс и всех демократов выразить свою солидарность с преследуемыми антифашистами; выступил за предоставление эмигрантам права на политическое убежище, в защиту свободы организаций и печати. Конгресс призвал также к борьбе против подготавливавшейся фашистами войны. После конгресса в соответствии с его решением в Берлине было создано Европейское

антифашистское бюро, которому оказывало поддержку Западноевропейское бюро.

Организованные 1 мая 1929 года полицей-президентом правым социал-демократом Цергибелем кровавые террористические акции против передовых рабочих в Берлине вызвали волну протеста и солидарности международного пролетариата с берлинскими рабочими. 4 мая Западноевропейское бюро опубликовало воззвание, подготовленное Мануильским, которое осудило жестокие преследования и клеветническую кампанию буржуазии и правых социал-демократов в отношении КПГ и призвало рабочий класс извлечь уроки из майских событий. Не только в СССР, но и во многих странах Европы состоялись собрания, митинги и демонстрации рабочих, протестовавших против полицейского террора в Берлине.

Воззвание Западноевропейского бюро призывало также провести в августе День борьбы против войны, превратив его в день антивоенной борьбы широчайших народных масс. Эта акция основывалась на решении VI конгресса Коммунистического Интернационала. В обстановке гонки вооружений и новых военных провокаций против СССР она могла сыграть большую роль в мобилизации масс на борьбу против развязывания новой мировой войны. Чтобы уточнить формы и лозунги проведения Дня борьбы против войны, Западноевропейское бюро созвало совещание 13 коммунистических партий крупнейших капиталистических стран Европы, представителей КИМа и Профинтерна. Совещание состоялось 16 мая 1929 года в Берлине. В обращении к рабочим, работницам и пролетарской молодежи Берлина, подписанном Димитровым, Торезом, Запотоцким и другими, совещание выразило свою солидарность с борющимися рабочими Берлина. На этом совещании Фриц Геккерт представлял Политбюро ЦК КПГ и по его поручению предложил ежегодно 1 августа проводить Международный день борьбы против войны. Предложение было принято. Совещание призвало трудящихся в День борьбы против войны прекращать работу и участвовать в массовых демонстрациях в защиту Советского Союза и против подготовки войны империалистами. Оно рекомендовало усилить идеологическую и оборонно-массовую работу, направленную против поднимавшего голову фашизма — опаснейшего поджигателя войны и главного вдохновителя «крестового похода» против Советского Союза. Совещание поставило перед рабочими, молодежью и трудящимися крестьянами задачу включиться в активную борьбу против империалистической войны. Одним из важнейших выводов из опыта борьбы против войны за последние годы было убеждение в необходимости создания рабочих комитетов и других органов единого фронта с целью обеспечить единство действий и последовательное руководство всем дви-

жением. Совещание подчеркнуло настоятельную необходимость рассеять пацифистские иллюзии и преодолеть настроения недооценки опасности войны и возможности вести борьбу против нее.

Важное место в подготовке Дня борьбы против войны занимали организованные Западноевропейским бюро совместно с соответствующими партиями пограничные встречи, которые, так же как и антивоенный день, стали впоследствии традиционными. 28 июля 1929 года коммунистические партии провели пограничные встречи немецких рабочих с рабочими Польши, Дании и Швейцарии. В Аахене состоялась встреча 10 тысяч немецких, французских, голландских, бельгийских и люксембургских рабочих.

Эти встречи явились внушительной демонстрацией пролетарского интернационализма.

С 9 по 15 июня 1929 года в Берлине состоялся XII съезд КПГ, который был проведен в честь веддингских рабочих в квартале Веддинг. Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала определил делегацию, представлявшую его на этом съезде. Наряду с другими товарищами в нее вошли Тольятти (Италия), Димитров и Семар (Франция). Но Тольятти не смог приехать. Делегацию возглавил Димитров, а Пьер Семар выступил на съезде по поручению Коммунистического Интернационала. Речь готовилась Димитровым, Семаром и другими членами делегации вместе с сотрудниками Западноевропейского бюро ночью, в доме одного товарища, жившего в квартале Веддинг. Димитров принял самое активное участие в работе съезда, в ходе которого неоднократно обменивался мнениями с Тельманом и внес в проект политической резолюции съезда ценные дополнения, в частности по вопросам национально-освободительной борьбы и работы среди крестьян и средних слоев населения.

С 27 по 29 марта 1930 г. в Красном зале Логенхауза на Курфюрстенштрассе проходил Европейский крестьянский конгресс, который был в основном подготовлен в ходе многомесячной работы Димитровым совместно с венгерским товарищем Хевеши, ответственным представителем Инициативного комитета. Здесь Димитров находился в своей стихии, поскольку вопросы работы среди крестьян ему были хорошо знакомы. На конгрессе присутствовали 20 немецких товарищей и 62 иностранных делегата из 18 стран, а также много гостей. На него даже прибыли нелегально, с поддельными паспортами крестьянские делегаты из тех стран, где свирепствовал фашизм и белый террор. Конгресс прошел под знаком совместной борьбы трудящихся крестьян и рабочего класса против враждебной крестьянам политики финансового капитала и крупных землевладельцев. Он показал, что трудящиеся крестьяне смогут освободиться от эксплуатации лишь тогда, когда будут на стороне рабочего класса, что они должны

сообща бороться против буржуазной реакции и подготовки империалистами войны, в защиту Советского Союза. Чтобы вырвать крестьянские массы из-под влияния реакционных кулацких элементов, руководивших большинством крупных крестьянских организаций, конгресс призвал создавать массовые демократические организации трудящихся крестьян. Это имело большое значение в борьбе против быстро нараставшей угрозы фашизма, ибо фашисты стремились создать себе прочную опору среди масс именно на селе.

На второй день работы конгресс подвергся налету крупных сил прусской полиции. Все его участники были зарегистрированы, а иностранные паспорта изъяты для проверки. Многих делегатов арестовали. Во время налета полиции Димитров вместе с несколькими членами президиума находился в комнате рядом с залом заседаний. Полиция блокировала все входы и выходы, и в течение примерно двух часов из здания никто не мог выйти. Все участники конгресса были подвергнуты проверке. Все, за исключением Димитрова. Только ему в наступившей сумятице удалось перехитрить полицейских — он сумел благополучно уйти так, что его никто даже не остановил!

Нараставшее антивоенное движение в эти годы вызвало к жизни предложение созвать Всемирный конгресс против империалистической войны. Первоначально его намечалось провести в Женеве, но швейцарские кантональные власти не дали разрешения на это. И он состоялся в Амстердаме (Голландия) 27—29 августа 1932 года. Голландская полиция проверяла все поезда, которыми иностранные делегаты прибывали на Амстердамский центральный вокзал. Но Димитров и здесь сбил с толку полицию — в пути он пересел в другой поезд, затем еще проехал в Гаагу, а оттуда — в Амстердам. На этом конгрессе Димитров возглавлял коммунистическую группу. Он был занят буквально дни и ночи: проводил совещания и отдельные беседы, чтобы способствовать максимальному успеху столь важного конгресса. Созванный по инициативе Анри Барбюса и Ромена Роллана, конгресс явился первой попыткой объединить для совместной борьбы против империалистической агрессии противников войны во всем мире — представителей революционного рабочего движения, пацифистов, буржуазных и религиозных кругов, участвовавших в движении за мир.

Димитров не выступал с трибуны конгресса, но обеспечивал вместе с представителями коммунистических партий проведение единой марксистской линии при обсуждении вопросов о борьбе против опасности войны и создании широкого и массового антивоенного движения.

Вместе с Кларой Цеткин, Альбертом Эйнштейном и многими другими выдающимися представителями интеллигенции Димит-

ров был избран членом Всемирного комитета борьбы за мир, возглавлявшегося Анри Барбюсом. Местом своего пребывания комитет определил Париж. Во второй половине декабря 1932 года Георгий Димитров уехал в Париж, где с 21 по 23 декабря участвовал в работе сессии Всемирного комитета.

За четыре года — с 1929 по 1932-й — кроме поездок в Москву, где он участвовал в совещаниях Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, Димитрову приходилось бывать и в других странах Европы: в Австрии, Чехословакии, Швейцарии, Франции и Голландии. В свою очередь сотрудники Западноевропейского бюро выезжали в Англию, скандинавские страны, Бельгию и Люксембург. Одновременно Димитров вел огромную работу в Балканской коммунистической федерации и проводил в Берлине, Праге, Вене и Мюнхене множество конференций и совещаний с представителями коммунистических партий балканских стран. Неутомимого советника и помощника имели в лице Димитрова руководители различных бюро международных массовых организаций в Берлине.

Сегодня, может быть, трудно себе представить, с какими техническими трудностями встречалось Западноевропейское бюро при осуществлении своих задач. Из-за враждебного отношения германского империалистического государственного аппарата к рабочему движению Западноевропейское бюро не могло существовать в Берлине легально. В то время как все контрреволюционное и антисоветское отребье радовалось покровительству немецкой полиции и правосудия, Западноевропейскому бюро приходилось организовывать свою работу по всем правилам конспирации. Его сотрудники вынуждены были фактически работать нелегально. Западноевропейское бюро располагало в Берлине несколькими помещениями, в которых размещались отделения бюро. Кроме того, Димитров и другие иностранные члены Западноевропейского бюро снимали квартиры, в которых жили без прописки. Адреса отделений бюро и квартир часто менялись. Строго соблюдались правила конспирации. Например, не допускались взаимные посещения на квартирах и в отделениях бюро. В рамках аппарата Западноевропейского бюро их адреса были известны лишь товарищам, осуществлявшим связь. Для небольших совещаний, встреч двух, максимум трех человек, передачи почты и пр. назначались свидания в кафе и ресторанах. Случалось, что Димитров участвовал в 10—20 таких встречах и притом на протяжении нескольких месяцев подряд. Кроме того, имелось около десяти пунктов (квартиры, магазины, ателье), которые служили местом заседаний с более широким кругом участников. Но адреса их приглашенным никогда не сообщались. Участникам порознь назначались встречи в различных кафе, и оттуда связные провожали каждого до места заседания. Это давало возможность предотвра-

тить провалы, а связные могли, прежде чем приведут кого-либо в назначенное место, проверить, не следят ли за ним полицейские агенты. Если возникало сомнение, того или иного товарища просто не приводили на заседание. Еще сложнее было проводить совещания, на которых собирались представители коммунистических партий, прибывавшие в Берлин из-за рубежа. Для них были созданы так называемые «пункты прибытия», куда они должны были являться и откуда их уже провожали дальше. Переписка с заграницей поддерживалась с помощью условных текстов, использования симпатических чернил или шифра. Если нельзя было послать письмо по почте, его отвозил курьер. Во всех этих вопросах конспиративной работы, ее техники Димитров благодаря многолетнему опыту имел большой навык, и мы, его сотрудники, многому у него научились. Фактически за все годы существования Западноевропейского бюро не было ни одного провала конспиративной квартиры, отделения бюро или заседания, не был арестован ни один наш работник.

Особенно полезной оказалась такая практика в конце 1932 — начале 1933 года, когда из-за нараставшей угрозы со стороны фашизма встречи с руководящими товарищами ЦК КПГ приходилось готовить особенно тщательно. Перед приходом к власти фашистов Димитров несколько раз встречался с Тельманом. Эти совещания были организованы так, как описывалось выше, и проводились на частных квартирах. Последняя встреча Димитрова с Тельманом состоялась в середине февраля 1933 года в районе Шенеберг (Берлин).

Поскольку с приходом гитлеровцев к власти Западноевропейское бюро в Берлине не могло более выполнять свои функции и в условиях жестокого фашистского террора поддерживать из Берлина необходимые связи с коммунистическими партиями за рубежом становилось все труднее, то в конце февраля 1933 года Секретариат Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала решил распустить бюро. Тем не менее в последние дни своего существования Западноевропейское бюро провело работу по подготовке Европейского антифашистского рабочего конгресса, который состоялся 4—6 июня 1933 года в Париже.

Димитров, выполнив несколько специальных поручений, уехал в Вену, а затем в Мюнхен на совещания с представителями компартий Югославии и Италии. Из Мюнхена он выехал обратно ночью после пожара в рейхстаге (27 февраля) и прибыл в Берлин 28 февраля утром. Последующие дни он посвятил дальнейшей усиленной подготовке кампании по созыву Европейского антифашистского рабочего конгресса.

9 марта 1933 года Димитров был арестован по доносу официанта в ресторане «Байернхоф» у Потсдамерплац во время встречи с болгарскими товарищами Поповым и Таневым. Димит-

ров предъявил швейцарский паспорт на имя доктора Рудольфа Гедигера.

Находясь в Германии, Димитров, вместе с руководством Западноевропейского бюро, уделял большое внимание вопросам партийной работы КПГ, тщательно их изучал. Братские партии Европы знакомились с положительным опытом КПГ по информации, которую получали от Западноевропейского бюро. С другой стороны, встречаясь с руководящими товарищами из КПГ, Димитров давал им ценные советы, высказывал критические замечания. В 1932 году Димитров иногда посещал политические митинги, а также сборища нацистов в Спорт-паласе. Ему хотелось, как он часто сам говорил, услышать и увидеть, как ведут себя в этой сложной обстановке немецкие рабочие и коммунисты.

За время пребывания в Германии Димитров пришел к ряду выводов, касавшихся улучшения работы Коммунистического Интернационала, генеральным секретарем которого он был избран в 1935 году. Опыт, приобретенный им в Германии и других странах Европы, нашел отражение в глубоких теоретических положениях его доклада на VII конгрессе Коммунистического Интернационала. Его установки стали основой для создания единого антифашистского и народного фронта, а также для образования единых политических партий рабочего класса, что явилось важным творческим вкладом в теорию марксизма-ленинизма и практику классовой борьбы. Эти установки служили ориентиром для деятельности коммунистических партий накануне, во время и после второй мировой войны. Коммунистическая партия Германии и ее Центральный Комитет при разработке и последовательном осуществлении новой стратегии и тактики борьбы против гитлеровского фашизма, за создание демократической Германии всегда использовали советы и помощь Георгия Димитрова.

Деятельность Георгия Димитрова в качестве генерального секретаря Коминтерна, которую я как сотрудник Коммунистического Интернационала мог наблюдать непосредственно, характеризовалась постоянным стремлением проводить в жизнь решения его VII конгресса. Что касается руководства коммунистическими партиями, то Димитров исходил из той своей установки, которую он выработал еще до VII конгресса. Он считал, что методы руководства со стороны Коммунистического Интернационала должны быть изменены, ибо ИККИ не мог оперативно руководить по всем вопросам 65 секциями Коминтерна, действовавшими в самых различных условиях, и что необходимо сосредоточить внимание на политическом руководстве коммунистическим движением, оказании помощи коммунистическим партиям при решении важнейших политических и практических вопросов. Димитров строго придерживался решения VII конгресса, которое требовало от отдельных партий большой гибкости и само-

стоятельности, и нацеливал ИККИ при принятии решений по всем вопросам рабочего движения исходить из конкретных условий и особенностей каждой отдельной страны. Это в период второй мировой войны и после 1944—1945 годов существенно помогло коммунистическим партиям превратиться в руководящие партии рабочего класса, своих народов и быть на высоте стоявших перед ними задач. В полной мере это относится и к КПГ и СЕПГ.

Под руководством Димитрова была проведена реорганизация аппарата Коммунистического Интернационала. В частности, был создан отдел пропаганды марксизма-ленинизма и осуществлен ряд перемен и преобразований в методах руководства и в стиле работы ИККИ. После VII конгресса заседания расширенного Исполкома Коминтерна уже не проводились. Существенной причиной принятия решения не созывать заседания такого рода было мнение Димитрова о том, что VII конгресс начертал основные линии международного коммунистического движения, а проблемы отдельных партий в эти годы требовали дифференцированного подхода. Поэтому совещания с представителями отдельных партий должны были быть более плодотворными. Это мнение разделяли и члены Секретариата ИККИ. Под руководством Димитрова решения составлялись в форме рекомендаций, которые не отменяли решений ЦК соответствующей партии и не снимали с нее ответственности за положение дел.

Для углубления политических знаний и идеологического воспитания ответственных сотрудников ИККИ по инициативе Димитрова одному из советских товарищей было поручено организовать чтение лекций. Они проводились каждую неделю или раз в течение 14 дней в рабочее время примерно для ста человек. Их читали ученые — философы, историки, которые потом отвечали на вопросы слушателей. Для иностранных сотрудников ИККИ, среди которых были и немецкие товарищи, эти лекции имели важное значение и очень ими ценились.

Иногда при перепечатке документов Коминтерна допускались досадные орфографические ошибки, и Димитров дал указание провести собрание машинисток. Он выступил на нем и объяснил, что труд машинисток имеет важное значение и что никак нельзя недооценивать так называемую техническую работу.

К сотрудникам, работавшим непосредственно в его подчинении, Димитров был вообще очень требователен. Прежде всего он требовал, чтобы каждый из них имел собственное мнение и защищал его. Когда давал своим сотрудникам документы для проверки, не довольствовался заявлением соответствующего товарища о том, что он «согласен». Димитров просил обосновать согласие. Предпочитал услышать возражения и критические замечания, требовал в первую очередь критики и открытого мнения.

Явления слишком сложны, часто говорил он, чтобы можно было просто согласиться, просто сказать «да».

Димитров проявлял большой интерес к тому, как живут члены центральных комитетов компартий. Он часто спрашивал находившихся в Москве представителей компартий капиталистических стран, поддерживают ли члены Секретариата и Политбюро дружеские отношения между собой, знают ли семьи друг друга, бывают ли друг у друга в гостях и пр. Димитров считал, что такая личная дружба руководящих товарищей необходима, что она содействует коллективности в руководстве партийной работой. Димитров советовал по возможности не назначать конференций и заседаний в воскресные и праздничные дни, так как считал, что партийные функционеры тоже нуждаются в отдыхе и должны иметь возможность побыть в кругу своих семей.

Будучи генеральным секретарем Коммунистического Интернационала, Георгий Димитров поддерживал тесные дружеские связи с представителями КПГ — Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом, Вильгельмом Флорином. В аппарате Исполнительного комитета Коминтерна работало много функционеров КПГ, которые повышали свою политическую квалификацию под руководством Димитрова. Для них служили примером его исключительно ценные политические качества. Они учились у него ненавидеть всякий шаблон и схоластику, фразерство, общаясь с ним, познали его сердечность и большое дружелюбие. Они учились у него ненавидеть любые проявления узконациональной ограниченности, быть последовательными пролетарскими интернационалистами, безгранично любить собственный народ. Они узнали его как большого друга Советского Союза, который всегда подчеркивал, что отношение к Советскому Союзу является пробным камнем для каждого члена партии и каждого активиста рабочего класса, что дружба с Советским Союзом для каждого в отдельности и для всех миролюбивых народов так же жизненно необходима, как солнце и воздух для всякого живого существа.

1970 г.

Маргрете Фукс-Кайлзон

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА С ГЕОРГИЕМ ДИМИТРОВЫМ — ПОСТОЯННАЯ ШКОЛА

Со времени моей работы в Западноевропейском бюро Коминтерна, которым руководил Георгий Димитров, у меня сохранилось очень много ярких воспоминаний. О некоторых из них я хотела бы здесь рассказать.

В годы, непосредственно предшествовавшие приходу к власти нацистов, то есть в исключительно бурные для Германии времена острых классовых боев, мы, коммунисты, постоянно находились на посту, чтобы предупреждать людей об угрозе фашизма. Каждое воскресенье мы продавали газету — центральный орган партии «Ди роте фане» и брошюры для партийного просвещения. Ходили по квартирам, вели дискуссии. И регулярно каждый понедельник — ни разу не забыл и всегда находил время для этого — Георгий Димитров расспрашивал меня, что было интересного во время этой агитационной работы в домах и дворах. Неизменными были вопросы: «А вы что ответили?» или «Почему ответили так, а не иначе, например так...», «Что вы имели в виду в своем ответе?» Так как я заметила, что он любил посмеяться и послушать о разных случаях из повседневной жизни, я рассказывала ему и о них. Однажды во время нашей встречи в кафе на площади Нолендорф я спешила и выразила опасение, что опоздаю на собрание группы молодежи. Эта группа состояла лишь из парней, девушек они не хотели принимать. На следующий день Димитров подробно расспросил меня, какие причины побудили юношей к этому, сумела ли я разубедить их в ошибочности такой позиции, изучила ли их семейное положение и кто из них еще работает (тогда была большая безработица). И позднее он все еще иногда спрашивал об этой молодежной группе и смеялся над тем, что парни с тех пор дали мне прозвище Женский Вопрос. Во время этих бесед с Димитровым я поняла, как много нужно знать, чтобы стать хорошим агитатором.

Он работал без отдыха, не теряя ни минуты. В начале моей работы с ним мне иногда случалось подолгу напрасно ждать его в каком-нибудь нелегальном бюро. Однажды я ушла, посчитав, что он уже не придет. На другой день он строго поговорил со мной: «Видите, здесь так много газет и журналов, которые вы в это время можете просмотреть и потом рассказать мне об их содержании». На мое возражение, что, кроме французского, другие языки я знаю очень слабо, он ответил: «Не беда, совершенствуйте свои знания». Тем не менее я попросила его, если можно, сообщать мне по телефону, придет он или нет. Он согласился и делал это несколько лет подряд. В этой практике было два положительных момента: во-первых, я по журналам лучше знакомилась с проблемами братских партий и составляла для него краткие информации. Когда я их докладывала ему, он спорил со мной, поправлял меня. Во-вторых, когда в день его ареста в марте 1933 года он не позвонил мне, я сумела уведомить нашего связного, который сразу же принял соответствующие меры, и никто из нас не был арестован.

Димитров хорошо знал проблемы, касающиеся Германии и КПГ. Он интересовался всеми важными политическими события-

ми, конференциями, заседаниями функционеров и состоявшимися там дискуссиями. Он использовал любую возможность, чтобы получить интересующую его информацию. Где бы он ни встречался с активистами, он всегда беседовал с ними. Димитров участвовал и в демонстрациях, чтобы на месте ощутить силу и настроение масс. Когда в начале 1933 года нацисты провели демонстрацию в Берлине на улицах, прилегающих к Александерплац, то есть вблизи нашего партийного дома, и партия обратилась к рабочим Берлина с призывом ответить на эту провокацию контрдемонстрацией, Димитров был среди демонстрантов.

В то время я многому научилась у него, и мои взгляды обрели четкий характер. Его интерес к повседневным практическим делам, внимание к моей партийной работе, вопросы, которые он постоянно мне задавал, его указания и разъяснения были школой, научившей меня лучше понимать и анализировать происходившие события.

На многочисленных совещаниях с представителями международного рабочего движения Димитров спокойно и настойчиво боролся за утверждение правильных взглядов и выработку точных формулировок. Мне казалось, что это не всегда приветствовалось всеми участниками, которые, вероятно, считали излишним каждый раз ставить точки над «и». Но его это не смущало. Благодаря этому я еще сильнее осознавала, как и почему нужно стремиться к ясным и понятным формулировкам и что настойчивость — важное качество революционера.

Я испытывала сильное волнение, когда видела на таких совещаниях, с каким глубоким уважением встречал Димитров руководителей международного рабочего движения. В конце 1932 года в маленьком домике в Сен-Жермен-де-Пре в Париже состоялось совещание, в котором участвовал и Марсель Кашен. Я не забыла выражения любви и уважения на лице Димитрова, когда появился Марсель Кашен, и он его приветствовал. Свидетельницей таких встреч я бывала часто.

Незадолго до нового, 1933 года я сопровождала Димитрова на конференцию, которая, как мне помнится, состоялась в Зауерланде. На ней обсуждались вопросы, касавшиеся Эльзаса и Лотарингии. Выходя из вокзала города, я почувствовала, что за нами следят. Но Димитров не проявил ни малейшего беспокойства. Вообще он всегда держался очень уверенно, хотя его представительная внешность привлекала внимание; я часто замечала это при встречах с ним в кафе и ресторанах.

Георгий Димитров имел привычку все писать от руки, то есть не диктовать, по крайней мере когда писал на немецком языке. Он высоко оценивал мое знание немецкого языка, но бывал недоволен, если в письмах братским партиям появлялось выражение: «Вы должны...» Он говорил, что братской партии можно

лишь рекомендовать принять те или иные меры. Кроме того, он придавал большое значение аккуратному оформлению писем и требовал, чтобы в них не было орфографических ошибок. Димитров считал это не только неучтивым, но и, как наборщик, не переносил плохого вида печатных материалов.

Однажды в доме, где мы работали, я увидела, что пишущая машинка не до конца прикрыта футляром. Я сказала ему, что ей, вероятно, кто-то пользовался. «Да, это я печатал,— ответил он.— Видите ли, революционеру нужно знать и уметь как можно больше, даже готовить пищу, так как это ему может пригодиться в подполье».

От Димитрова я многое узнала об успехах Советского Союза. Любые вопросы он разъяснял всегда с большим терпением и большой силой убеждения, укрепляя у меня чувство любви и верности к первому рабоче-крестьянскому государству.

Много лет спустя — это было уже во время войны, в Советском Союзе — я поняла, что Димитров ценил мое мнение о людях или суждения по тем или иным проблемам. Однажды, как бы между прочим, он спросил меня, не поеду ли я вместе с ним в лагерь военнопленных, так как его интересует мое мнение о некоторых из них. В ответ на мое возражение, что есть ведь более ответственные и более понимающие товарищи, которые могли бы сделать это лучше меня, он сказал, что это действительно так, но его все же весьма интересует мое мнение. Это, разумеется, подняло меня в собственных глазах. Хотелось бы еще сказать, что, когда он замечал у кого-то из товарищей какие-либо способности, он всегда стремился помочь развить их. Он никогда не забывал ни партийных, ни беспартийных товарищей, которые работали вместе с ним или создавали условия, облегчавшие его деятельность, и стремился узнать об их дальнейшей судьбе. После 1945 года он несколько раз просил меня разыскать таких людей и, если мне это удавалось, отправлял им через меня посылки с продуктами и сладостями.

Последний раз я разговаривала с Димитровым летом 1948 года, когда сопровождала В. Пика и О. Гротеволя во время их поездки в страны народной демократии. Это было в день его рождения. Когда я поздравила его, он сказал, что хочет в свою очередь поздравить меня, так как товарищ Пик рассказал ему о моей работе в качестве заведующей Отделом кадров ЦК и это его порадовало. Поскольку я столь многим обязана Георгию Димитрову, эта последняя встреча с ним стала одним из самых дорогих моих воспоминаний.

1966 г.

Фридрих Гексман

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ ВСЕМ

Мы, австрийские коммунисты, знали Георгия Димитрова как выдающегося руководителя борьбы рабочего класса и братской партии Болгарии еще в годы после первой мировой войны, задолго до того, как он приобрел всемирную известность. Лично и более близко я познакомился с ним позднее — впервые на одном из совещаний в Вене, а потом в течение более продолжительного периода, когда работал в Москве сотрудником Коммунистического Интернационала.

В 1930 году Георгий Димитров прибыл в Вену в качестве представителя Коминтерна на совещание руководящих товарищей нашей партии. Это было время, когда политическая обстановка значительно накалилась, произошла поляризация сил: реакция укрепляла свои позиции, но вместе с тем повышалась и готовность рабочего класса к борьбе. Нашей маленькой партии необходимо было проявить большую активность, наступательность и многократно умножить усилия для установления единства действий с различными организациями рабочего класса. Рычагом для осуществления этой цели была активизация движения безработных. (В Австрии их насчитывалось тогда несколько сот тысяч.) Тем временем наша партия вступила, образно говоря, в пору совершеннолетия. Советы Димитрова, отличавшиеся полным пониманием возникших перед партией проблем, подействовали благотворно. Он прибыл к нам не с общими формулами и указаниями, а рассмотрел положение со всех сторон, привел примеры из опыта борьбы братских партий, так сказать, на выбор: пожалуйста, выбирайте, что из этого вы могли бы взять с учетом ваших сил? Однако руководящим началом всех его рекомендаций было: от пропаганды — к действию. Заключения и выводы мы делали сами. Это был обмен мыслями между равными, показатель доверия к нашей партии, в чем мы так сильно нуждались, ибо уже ощущали приближение грядущих событий.

Потом я долго не видел Георгия Димитрова. Мы встретились лишь в 1938 году в Москве. Прошло восемь — и притом каких! — лет. В 1933 году в Германии пришел к власти фашизм; процесс о поджоге рейхстага. 1934 год — в Австрии февральские вооруженные бои; австрофашизм; наша партия и все рабочие организации перешли на нелегальное положение; Народный фронт во Франции; освободительная борьба в Испании; VII всемирный конгресс Коммунистического Интернационала.

После трехлетнего тюремного заключения меня, хотя я и ос-

тавался австрийским гражданином, освободили при условии выезда из Австрии. Через Париж и Прагу я добирался до Москвы. В Прагу прибыл весной 1938 года, как раз вовремя, чтобы вместе с товарищем Копленигом и его сотрудниками из Заграничного бюро нашей партии принять участие в обсуждении вопроса, какой должна быть позиция нашей партии в движении сопротивления против нависшей угрозы внезапного нападения немецких фашистов на Австрию. Мы пришли к единодушному мнению: наша партия должна обратиться с призывом ко всем силам и слоям австрийского народа, готовым бороться за целостность и самостоятельность Австрии, объединиться в борьбе против присоединения Австрии к фашистской Германии при одном-единственном условии — восстановлении демократических свобод и прав.

Я прибыл в Москву под впечатлением этих дебатов и информировал Георгия Димитрова и других товарищей из Исполкома Коминтерна о положении в нашей стране и партии и о совещаниях в Праге. Помнится, что в своем изложении я был слишком резок, будто ожидал возражений. Это было вызвано тем обстоятельством, что у себя в стране мы вели острые споры с революционными социалистами, которые отрицали существование самостоятельного австрийского народа, австрийской нации и от которых ждали, что они окажут сопротивление созданию народного фронта. Кроме того, я не был уверен, что перспективы создания народного фронта в Австрии найдут единодушную поддержку и в нашей партии. В ходе последовавшего обсуждения я был удивлен и поражен политической прозорливостью Георгия Димитрова, который сразу схватил суть проблемы, поправил некоторые мои формулировки, отверг ошибочные утверждения. Он счел правильными заключения нашей партии и сделал вывод, что Компартии Австрии следует поддержать любое правительство, которое после восстановления демократических прав и свобод готово будет вести борьбу против вторжения немецких фашистов в Австрию. (Впоследствии эта позиция оказалась правильной — наша партия единодушно восприняла эту линию; рабочий класс и широкие народные массы, даже часть офицерских кадров и армии готовы были дать отпор германским фашистам. Но все оказалось тщетным из-за капитуляции канцлера Шушнига и последовавшей за этим растерянности. Внезапное вторжение немецко-фашистской армии опередило создание, чему сопротивлялись капитулянты, нового фронта сопротивления.)

В лице Г. Димитрова мы, австрийские коммунисты, имели решительного защитника идей нашей партии по национальному вопросу. Еще за несколько лет до оккупации Австрии наша партия противопоставила вводившему в заблуждение лозунгу австрофашизма «один (немецкий) народ — два государства» и оккупаци-

онному лозунгу Гитлера «один народ, одно государство, один фюрер», подрывавшим суверенитет Австрии, ослаблявшим волю нашего народа к сопротивлению, ту историческую истину, что австрийцы — это отдельный народ, отдельная нация. В этой национальной альтернативе уже была заложена мысль и перспектива превращения единого фронта рабочего класса в народный фронт борьбы против немецко-фашистской оккупации, сочетание социально-политической борьбы с австрийской национальной борьбой за свободу.

В то время как часть крупной и мелкой буржуазии бросила свою собственную страну на произвол судьбы, коммунистическая партия стала инициатором сохранения австрийского национального сознания, а рабочий класс все более и более превращался в носителя этого сознания.

Позиция Георгия Димитрова по этому решающему вопросу была недвусмысленной. После одного из совещаний он сказал: «Австрийцы — отдельный народ. Это и этнически правильно. Это коренное местное население. Австрийцы — самостоятельная национальная группа».

Сегодня, когда мы оглядываемся назад, все это кажется так просто. Но тогда это не было столь естественным, даже если учесть, что у фашизма в Австрии была очень сильная опора и что в захватнической войне поведение австрийских дивизий едва ли отличалось от действий немецко-фашистских воинских подразделений. Абсолютно не была ясна и дальнейшая судьба Австрии — возродится она вновь или незаметно превратится в захудалую провинцию германского рейха. Признание австрийцев нацией со стороны Димитрова налагало на нас огромную ответственность и предвосхищало историческое решение национального вопроса.

Хочу напомнить еще об одном качестве Георгия Димитрова, которое на нашем партийном языке называется «отношение к кадрам». Под этим я подразумеваю искусство общаться с людьми и руководить ими. Им обладает не каждый. Приходилось недоумевать, как у отдельных руководящих товарищей из братских партий сочетались самые большие теоретические и политические знания с удивительным неумением общаться с людьми. И плохо, когда такие случаи повторяются.

Приведу несколько примеров, которые сохранились в моей памяти наряду со многими другими, свидетельствующих об умении Георгия Димитрова правильно оценить качества и способности своих сотрудников, его чувстве справедливости и искусстве взвешивать влияние субъективных факторов как в работе отдельных товарищей, так и в деятельности партий. Об одном руководителе отдела очень многие товарищи говорили, что он не обладает необходимыми данными для такой работы. Димитров

на это ответил: «Знаю его недостатки, но в своей ограниченной области он справляется со своими задачами, как никто другой».

Однажды Димитров вызвал меня для объяснения, так как два руководящих болгарских товарища выразили неудовольствие, что не получают достаточной информации от руководимого мною сектора. Действительно, пробелы в информации случались из-за технических трудностей и частой смены сотрудников в моем секторе, иногда больше, иногда меньше. Обвинения, оправдания, аргументы за и против... После того как положение прояснилось, Димитров сказал своим боевым товарищам: «Да, друзья, думаю, что мы стареем». Я тогда несколько смутился, так как в сравнении с обоими функционерами братской болгарской партии, к которым я питал величайшее уважение, я был подчиненный работник. На мою реплику, что я предпочел бы разговор Димитрова со своими товарищами в мое отсутствие, он ответил: «Ну, ну, пусть это останется между нами. А вы постарайтесь найти себе сотрудников, в которых нуждаетесь».

Или пример из партийной жизни. Вышло так, что нужно было один за другим обсудить вопросы о политике маленькой и крупной коммунистических партий. Наедине мы выразили Димитрову свое недоумение, что маленькая партия, которая допустила несравнимо больше и притом более серьезных ошибок, отделалась легко (критика скорее носила форму напутствующих рекомендаций), а большая партия, допустившая лишь несколько недостатков тактического характера, подверглась намного более острой критике. Георгий Димитров ответил: «Маленьким надо помогать, их нужно ободрять, а большие и выдерживают больше, кроме того, их ошибки сказываются в больших масштабах».

При своем взрывном темпераменте Димитров никогда не увлекался оскорбляющими фразами. Самым сильным словом у него было «неслыханно».

Думается, что Г. Димитров обрел эту способность распознавать людей и руководить ими в нелегкой школе жизни; она была результатом опыта его общения с боевыми товарищами, анализа и оценки их поведения, колебаний и развития в ходе сложных битв, в самых разнообразных условиях жизни и борьбы.

Таким я видел Георгия Димитрова издали и вблизи как человека, у которого счастливо сочетались все необходимые качества руководителя-коммуниста. Он никогда не оставлял свои дела неоконченными. Все, что он говорил сегодня, позднее находило свое продолжение и дополнение. «Мне кажется, что это было правильно» — часто употреблявшаяся им фраза. Было правильно, но за этим «мне кажется» скрывался уже дальнейший поиск. Он никогда полностью не удовлетворялся сделанным, всегда искал и, может быть, именно поэтому был более совершенным, чем считал себя сам. Это был цельный человек, во всем скромен, чист и

естествен. Величайший сын болгарского народа, болгарский революционер и патриот, он был одновременно пламенным интернационалистом, и поэтому Георгий Димитров принадлежит нам всем.

1965 г.

Жак Дюкло

ЗАЩИТНИК СВОБОДЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

С Георгием Димитровым я познакомился в Коминтерне в 1929 году в Москве. Я знал о его революционной деятельности в Болгарии, знал, что он играл первостепенную роль в рабочем движении своей родины, имел также возможность беседовать с ним, как и с Василом Коларовым, о положении во Франции, к которой тот и другой проявляли большой интерес.

Однако лучше узнать Георгия Димитрова мне представился случай лишь в 1932 году, когда мы вместе работали в Западноевропейском бюро Коммунистического Интернационала в Берлине. У Димитрова был псевдоним Гельмут. Я тоже находился на нелегальном положении, и меня называли Лауер. Задача Западноевропейского бюро Коминтерна состояла в том, чтобы оказывать помощь партиям, нуждавшимся в советах по той или иной проблеме. Но в его компетенцию не входило решение проблем таких крупных партий, как Коммунистическая партия Германии или Французская коммунистическая партия.

Но в ходе дебатов мы, конечно, имели возможность обсуждать то, что происходило в Германии, тем более что положение там становилось все более напряженным в связи с активизацией нацизма. Мы находились в Берлине, когда 20 июля 1932 года произошел государственный переворот. Канцлер фон Папен прибегнул к арестам и устранил министров социал-демократического правительства Пруссии, возглавлявшегося Отто Брауном. Таким образом, фон Папен, который впоследствии во многом способствовал приходу Гитлера к власти, уничтожал препятствия, мешавшие проведению его политики. И действительно, препятствия, связанные с существованием прусского социал-демократического правительства, были устранены, и фон Папен получил возможность положить начало так называемой политике «централизации», которую продолжил и углубил Гитлер.

Переворот 20 июля 1932 года вызвал тревогу в стране. Он походил на начало операции, имевшей целью захват власти в Германии гитлеровцами и срыв выборов в рейхстаг, назначенных на 31 июля, то есть государственный переворот был осуществлен в разгар предвыборной кампании.

В тот же день берлинская пресса сообщила о роспуске социал-демократического правительства Пруссии. Прочитав это, я направился к Димитрову в «Байернхоф». Это был ресторанчик недалеко от Потсдамерплац, где Димитров проводил некоторые нелегальные встречи. Впрочем, после прихода Гитлера к власти местный официант, который несколько раз видел там Георгия Димитрова и заметил его иностранный акцент, донес на него и Димитрова арестовали.

Едва ли нужно говорить, что, обсудив положение, сложившееся в результате переворота фон Папена, мы с Георгием Димитровым отметили надвигающуюся серьезную опасность. Не занимаясь долго обменом мнениями, мы разошлись после того, как Г. Димитров назначил мне встречу в доме одного из наших друзей, куда в тот вечер должен был прийти Эрнст Тельман.

Каждую нелегальную встречу с Генеральным секретарем Коммунистической партии Германии нужно было очень тщательно подготавливать, так как он был широко известен. В Германии его повсюду знали в лицо — во время предвыборной кампании его портреты были расклеены по всем стенам. Если Георгий Димитров и я могли еще пройти незамеченными, поскольку нас мало кто знал в Берлине, то для того, чтобы незаметно провести Тельмана в дом, где предстояла встреча, требовалась большая предосторожность.

Помню эту встречу, словно она состоялась вчера. Вот мы втроем. Снова вижу проницательный взгляд Димитрова, высказывающего свое беспокойство Тельману в связи с акцией фон Папена. Тельман, задумчивый, озабоченный, слушает объяснения Димитрова и время от времени кивает головой, подтверждая опасения своего собеседника.

С волнением вспоминаю этих двух деятелей, которых уже нет в живых, и нашу беседу 20 июля 1932 года. Все мы были единодушны тогда в том, что происшедшие события подготовили приход Гитлера к власти, и как-то само собой всплыл исторический прецедент — крупная забастовка 1920 года, сорвавшая военный заговор Каппа — Лютвица.

Как сейчас слышу: Г. Димитров спрашивает Эрнста Тельмана, нельзя ли подумать опять об объявлении забастовки, чтобы дать отпор правительству Папена, а Эрнст Тельман объясняет, что это очень трудно, даже невозможно сейчас достичь подобного результата.

Действительно, в 1920 году именно социал-демократы, находившиеся у власти, выдвинули лозунг забастовки против военного заговора Каппа — Лютвица. Но в случае с фон Папеном, выдвинутым на пост канцлера их кандидатом Гинденбургом, социал-демократические лидеры, которые были противниками единства действий с коммунистами, удовлетворились тем, что призвали немецких трудящихся голосовать 31 июля за кандидатов социал-демократов.

Из-за оппозиции социал-демократов в отношении забастовочного движения Коммунистическая партия Германии, позиции которой в профсоюзах были довольно слабыми и которая имела на предприятиях очень мало организаций, так как многие ее члены были безработные, не могла одна выступить с призывом к забастовке, ибо он не нашел бы отклика у трудящихся масс.

Победа нацистской партии явилась главным итогом выборов 31 июля, и это давало основание опасаться, что рабочий класс ожидают крайне трудные времена.

Остальное известно. В декабре я уехал в Москву, а Георгий Димитров остался в Берлине. Снова мы встретились с ним в январе 1933 года, когда я возвращался в Париж, где была объявлена амнистия, и я опять мог работать легально.

На выборах 6 ноября 1932 года Гитлер потерял 2 миллиона голосов, и это встревожило магнатов Рура, банкиров и других приверженцев нацизма, которые решили, что надо немедля ставить Гитлера у власти.

В этих условиях 30 января 1933 года престарелый маршал Гинденбург назначил Гитлера — авантюриста и подонка венских свалок — рейхсканцлером. Однако новому канцлеру крайне не хватало поддержки большинства немецкого народа.

Более того, силы реакции, поставившие Гитлера у власти, были разъединены, и его партия не имела большинства в рейхстаге. Все это не прибавляло устойчивости гитлеровской власти.

Именно тогда гитлеровцы задумали сделать ход, рассчитывая раз и навсегда покончить с шаткостью своих позиций. Они решили поджечь рейхстаг и объявить, что это преступление — дело рук коммунистов, чтобы, воспользовавшись созданным таким образом психологическим эффектом, организовать по всей Германии варфоломеевскую ночь для коммунистов, социалистов и других демократов.

Осуществление этого сатанинского плана возложили на Геринга, который, как известно, впоследствии на Нюрнбергском процессе был приговорен к смертной казни.

Геринг был председателем рейхстага. Резиденция председателя соединялась с центральным зданием подземным ходом. Этим ходом вечером 27 февраля 1933 года и воспользовалась группа нацистских поджигателей, чтобы проникнуть в рейхстаг.

Около 21 часа языки пламени, вырвавшиеся из здания парламента в Берлине, возвестили Германии и всему миру, что совершена величайшая политическая провокация XX века.

В ожидании пожара в Берлине собрались все крупные нацистские вожаки. Вот почему спустя всего лишь несколько минут после официального сообщения о пожаре Гитлер и Геббельс могли прибыть к месту происшествия, где уже находился Геринг, чтобы разыграть заранее подготовленную постыдную комедию.

Задумавший это преступление Гитлер воскликнул, стоя перед рейхстагом: «Это перст божий!»

А Геринг, организовавший поджог, опубликовал официальное коммюнике, где в поджоге рейхстага обвинялись коммунисты. «Коммунистическая партия Германии,— посмел утверждать Геринг,— хотела таким образом подать сигнал к восстанию, которое потопило бы Германию в огне и крови».

Гитлер, Геринг и Геббельс, три главных виновника этого преступления, заявили, что нужно было спасти Германию «от величайшей опасности, которая когда-либо угрожала ей за всю ее историю».

Именно под этим лживым предлогом в ту ночь, когда вспыхнул пожар, и началось избиение всех демократов.

Поджог рейхстага был тщательно подготовлен. Гитлер хотел превратить его в крупную политическую операцию, призванную укрепить позиции нацизма, однако процесс по делу о поджоге рейхстага дал совсем иной результат.

Процесс начался в Лейпциге 21 сентября 1933 года. На скамье подсудимых кроме Димитрова находились еще два болгарина — Попов и Танев, германский депутат Торглер и известный всем Ван дер Люббе.

При допросе Георгий Димитров произнес большую речь. Она произвела огромное впечатление повсюду, и особенно во Франции, где назревали объективные условия для создания народного фронта.

По поводу этой речи газета «Нойе лейпцигер цайтунг» писала: «Нелегко было д-ру Бюнгеру удержать на скамье подсудимых этого вулканического человека. Он перемещал микрофон, как ему было удобно, не забывая никогда косвенно обращаться к иностранным корреспондентам. Он искал отклик (в чем можно было убедиться, взглянув на иностранную прессу) и нашел его».

Вся мировая общественность следила за Лейпцигским процессом, проявляя высокую бдительность и критический подход.

Поскольку я хорошо знал Георгия Димитрова и горячо любил его, я был одним из тех, кто от всего сердца участвовал в кампании за его освобождение. Освобождения Димитрова требовали настойчиво и энергично все, так как всё доказывало его неви-

новность и уличало в преступлении Геринга — этого современного Нерона — и его шефа Гитлера.

Случай увидеться с нашим великим товарищем представился мне уже в Москве, после его освобождения. С большим волнением встретился я вновь с этим неутомимым борцом, с которым мы были братьями по оружию во время нашей совместной нелегальной работы в Берлине. Мы вспоминали с ним наше прошлое.

Потом я встречался с Димитровым на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, когда он одобрил и поддержал проводившуюся Французской коммунистической партией политику народного фронта.

Анализируя тогдашние события, которые характеризовали международную политику, Георгий Димитров окончательно убедился в необходимости разоблачения классового характера фашизма. Это было тем более необходимо, что среди различных слоев населения, в том числе и среди рабочего класса, множились ошибочные взгляды, которые распространяли руководители социал-демократии.

После VII конгресса я опять имел случай увидеть Георгия Димитрова в конце декабря 1935 года и в начале января 1936 года.

Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала направил меня тогда в Мадрид, чтобы установить связь с руководителем испанской социалистической партии Ларго Кабальеро и предложить ему создать народный фронт с коммунистической партией и другими демократическими силами по примеру Франции.

Дебаты были трудными, но в конце концов Ларго Кабальеро принял это предложение. Когда я отчитался о выполнении порученного мне задания, Георгий Димитров был доволен результатом. Одновременно я уведомил также руководство Коммунистического Интернационала о том, что́ мы намереваемся предпринять на съезде в Виллербане.

В частном разговоре Димитров поделился со мной своей радостью по поводу осуществления великой идеи единого антифашистского фронта.

Больше мне уже не довелось увидеться с Георгием Димитровым, но я получал от него весточки и навсегда сохранил в своей памяти дорогие воспоминания. Я помню его как сердечного и отзывчивого друга, как пламенного борца, посвятившего себя борьбе за торжество своего идеала, как коммуниста, который никогда не отступал от своих принципов, от своего долга, как отважного коммуниста, которого следует всегда ставить в пример грядущим поколениям молодых революционеров.

Если когда-нибудь новый Плутарх напишет книгу о жизни

знаменитых людей, то Георгий Димитров непременно займет в ней достойное место среди самых пламенных учеников Маркса и Ленина, среди самых славных борцов за великое дело коммунизма.

1966 г.

Александр Абуш

«КОРИЧНЕВАЯ КНИГА» О ПОДЖОГЕ РЕЙХСТАГА

Это был один из тех редких случаев, когда книга, подобно брошюре Эмиля Золя «Я обвиняю» по делу Дрейфуса, стала оружием и помогла в справедливой борьбе. Она взволновала миллионы людей и приобщила их к борьбе в качестве сторонников или участников. «Коричневая книга» вела летом 1933 года важное предварительное сражение в первой моральной битве против режима поджигателей рейхстага, героем которой в Германии стал болгарин Димитров. Так сама «Коричневая книга» стала частицей истории.

«Коричневая книга» была подготовлена коллективом немецкого подпольного антифашистского движения Сопротивления. Два главных ее редактора — Андре Симон (Отто Кац) и я, наш ближайший сотрудник Рудольф Фюрт (Файстман), наш лектор Макс Шредер, а также ряд немецких писателей, подготовивших отдельные главы о нацистском терроре,— все мы выполняли за рубежом лишь поручение антифашистских борцов внутри страны. Уже в марте — мае обвинение против фашистов звучало в нескольких небольших изданиях. Одно из них, сохранившееся в моей памяти, называлось «Под знаком креста» и вышло под видом программы фильма «Нерон» американского режиссера Сесиля де Миля, который как раз в то время шел на экранах немецких кинотеатров. Но данное нам поручение имело значительно бо́льшую цель — в свободной стране должен был прозвучать голос порабощенной Германии. Кроме того, надо было составить обвинительный акт против нацистов, содержащий неопровержимые доказательства их вины, и с его помощью настолько усилить международное движение протеста, чтобы появилась возможность организовать перед лицом мировой общественности контрпроцесс.

В середине мая, преследуемый гестапо, я еще вел работу в Рурской области. В начале июня кружным путем, через Дрезден и Прагу, я прибыл из Берлина в Париж. Отчетливо представляю себе угловую комнату в доме, где сдавались меблированные

квартиры, на улице Сен-Оноре. Здесь, по существу, и родилась «Коричневая книга». Сюда стекались сведения от сотен добровольных сотрудников из Германии и сообщения беженцев. Здесь внимательно следили за немецкой и международной прессой, сравнивали высказывания нацистских главарей о пожаре, собирали документы, использовали информацию нелегальных антифашистских организаций. Материалы получали в организованном порядке и от нелегальной КПГ. Сторонники всех антифашистских партий стихийно объединились в единый фронт с целью разоблачения величайшей в мировой истории политической провокации.

Мы располагали всего несколькими неделями, в течение которых предстояло написать и отпечатать «Коричневую книгу». Во время ее подготовки аргументы обвинения постоянно усиливались и лучше обосновывались, непрерывно поступали все новые сообщения о жестоком терроре нацистов. Мы работали лихорадочно, стараясь обогнать время.

Сначала, 1 августа, «Коричневая книга» вышла на немецком языке. Затем быстро, одно за другим, появились еще 17 ее изданий на других языках. Доказательства виновности нацистов в поджоге рейхстага, впервые обобщенные в «Коричневой книге», полностью изобличали правительство Гитлера. Прежде чем верховный прокурор Вернер обнародовал сфабрикованное на основе грубой лжи обвинительное заключение против арестованных коммунистов, был опубликован неопровержимый обвинительный акт, доказывающий, что нацистские вожаки — единственные, кто мог ожидать для себя от пожара политическую выгоду. В книге доказывалось, что поджигатели могли совершить это дело, проникнув в рейхстаг лишь через подземный ход из дворца Геринга; что голландец Мариус Ван дер Люббе, задержанный на месте пожара, является орудием фашистов. Главный прокурор еще держал в секрете свое официальное обвинительное заключение, а «Коричневая книга» уже прошла через миллионы рук, взбудоражила умы, подействовала как зов мировой совести.

«Коричневая книга» проникла и в Германию, замаскированная под издание рекламной универсальной библиотеки — на тонкой бумаге, малого формата под заглавиями: «Герман и Доротея» Гёте и «Валленштейн» Шиллера. В предисловии к этому нелегальному изданию мы тогда с полным основанием писали: «Вопреки воле Гитлера и Геринга, немецкие рабочие должны узнать, что мир пришел в движение, международная солидарность жива. Во всех странах рабочие, интеллигенция и даже буржуа собираются на массовые демонстрации, проходят по улицам, громко провозглашая: «Рейхстаг подожгли не коммунисты, а Геринг!»

«Коричневая книга» явилась плодом международной солидарности. Нам оказывал помощь международный комитет защиты жертв германского фашизма, возглавлявшийся профессором Альбертом Эйнштейном и лордом Марли. Комитет создал Международную следственную комиссию для выяснения обстоятельств поджога рейхстага, в которую вошли восемь независимых юристов из Англии, Франции, Северной Америки, Швеции, Нидерландов, Дании и Бельгии. После продолжавшейся несколько месяцев подготовительной работы по проверке собранного материала о пожаре в рейхстаге комиссия юристов — единственная в своем роде в истории политических процессов — собралась 14 сентября 1933 года в Лондоне на контрпроцесс. За три дня до этого французский член комиссии известный адвокат Моро-Джаффери в пламенной речи перед 10 тысячами парижан на митинге в зале Ваграм выдвинул против Геринга обвинение: «Клянусь своей душой и совестью и заявляю, что это сделал Геринг. Геринг отдал приказ о поджоге рейхстага. Геринг, это ты поджигатель!»

Пасмурный сентябрьский день в Лондоне. В зале королевского юридического общества собрались представители интеллигенции Англии, среди которых находился известный писатель Г. Дж. Уэллс, и политические деятели страны. Здесь были представлены крупнейшие газеты всего мира. Когда королевский советник Д. Н. Притт, стройный и энергичный человек, открыл заседание и пригласил всех свидетелей высказываться без ограничений, все присутствующие почувствовали, что здесь хотят выяснить правду, и только правду. «Коричневая книга» тоже являлась одним из доказательств, но каждое ее утверждение еще и еще раз проверялось на основе показаний тридцати свидетелей и экспертов. В числе их были: бывший директор газеты «Фоссише цайтунг» Георг Бернгард, поэт Эрнст Толлер, социал-демократ доктор Герц, замученный впоследствии в Бухенвальде Рудольф Брейтшейд, депутат рейхстага от коммунистической партии Вильгельм Кёнен, за чью голову правительство Гитлера обещало награду, и Отто Кюне, который во время пожара был секретарем коммунистической фракции рейхстага. На скамье свидетелей занимали места английские и американские журналисты. В меморандуме депутата немецкой национальной партии Оберфорена, которого нашли мертвым в своем доме 7 мая 1933 года, указывалось, что Геринг дал распоряжение о поджоге рейхстага, а СА — группенфюрер из Силезии Гейнес («ликвидированный» тем же Герингом 30 июня 1934 года) — руководил группой поджигателей, которая проникла в рейхстаг из дворца Геринга через подземный ход и после поджога возвратилась тем же путем, оставив на месте преступления одного Ван дер Люббе.

На контрпроцессе в Лондоне не было скамьи подсудимых.

Но перед всем миром все яснее вырисовывался облик подсудимых, которых международный трибунал признал виновными,— облик вожаков нацизма. 20 сентября, накануне сфабрикованного судебного процесса в Лейпциге, Д. Н. Притт огласил юридически глубоко обоснованный и четко сформулированный приговор первой сессии контрпроцесса, который заканчивался констатацией наличия «серьезных оснований для подозрения, что рейхстаг был подожжен руководящими лицами национал-социалистской партии или же по их приказанию. Комиссия считает,— говорилось далее в документе,— что любой юридический институт, который вершит правосудие, должен обстоятельно расследовать эти сомнения». Когда председатель суда доктор Бюнгер 21 сентября 1933 года открыл первое заседание Лейпцигского процесса, решающее предварительное сражение его нацистскими хозяевами в глазах мирового общественного мнения уже было проиграно.

Одним из активнейших участников заседаний следственной комиссии в Лондоне и Париже был шведский адвокат Георг Брантинг. Я хочу сказать также о деятельности Элен Вилкинсон, бывшего министра просвещения в лейбористском правительстве. Она неустанно трудилась, помогая международному комитету. Невысокого роста, рыжеволосая женщина появлялась всюду, где могла помочь в разоблачении нацистских поджигателей.

«Коричневой книге» выпала честь стать, несмотря на попытки организаторов суда не допустить ее использования на Лейпцигском процессе, своего рода дополнительным обвинителем, перед которым защищались Бюнгер и Геббельс. Однако «Коричневая книга» постепенно отступила на задний план, уступив место главному обличителю нацизма, которым стал во время своей незабываемой борьбы с Имперским судом подсудимый Димитров. В своих кратких, но разящих и метких вопросах он прямо изобличал подлинных виновников: «Не был ли пожар в рейхстаге сигналом к разгрому рабочих партий и средством ликвидации разногласий в правительстве Гитлера?» Этот вопрос Имперский суд произвольно отклонил, но это был центральный вопрос в ходе всего процесса.

Конечно, бесполезно было ставить этот вопрос перед юристами, которые по приказу Ганса Франка, будущего убийцы миллионов евреев и поляков, поклялись на площади перед зданием Имперского суда в Лейпциге, что, как немецкие юристы, они будут «до конца своей жизни следовать за фюрером по указанному им пути». Таким образом, имперские судьи скатились до положения слепых исполнителей воли преступного правительства. В волнующей неравной борьбе, за барьерами, отделяющими скамью подсудимых, болгарин Димитров, выступавший и от имени всех немецких антифашистов, вдребезги разбил провокаци-

онные обвинения. Представитель запрещенной партии, которого месяцами держали в кандалах, перед всем миром защитил себя как коммуниста, как личность. Бесстрашный революционер, обладающий духовным превосходством, одержал в глазах всего мира моральную победу над Герингом и Геббельсом. «Вы, наверное, боитесь моих вопросов, господин премьер-министр? — крикнул он Герингу, который ответил ему бешеным ревом: «Уберите его из зала!..»

«Секрет» Димитрова состоял в том, что он был связан прочными духовными узами с социалистическим рабочим движением. Только подлинный народный трибун, как Димитров, который всегда чувствовал себя борцом, выступавшим в защиту своих немецких друзей, томившихся в застенках и в концлагерях гестапо, мог даже в строжайшей изоляции, по тысячам мельчайших деталей тюремной жизни ясно почувствовать действие живой международной солидарности. Сила Димитрова росла — он опирался на сплоченное международное движение протеста, а его мужество, в свою очередь, усиливало во всех странах само это народное движение. Димитров одержал убедительную победу в этой первой морально-политической битве против гитлеровской банды.

1947 г.

Айвор Монтегю

КАК БЫЛ ОРГАНИЗОВАН КОНТРПРОЦЕСС

Нынешнее поколение может узнать, какими были в сущности нацисты, лишь из вторых рук. Однако сведения об огромном причиненном ими зле не находят места в учебниках ФРГ. Да и аппарат, пропагандирующий «холодную войну» и поддерживаемый НАТО, нацелен на то, чтобы по возможности скрыть правду о фашизме и очернить героев антифашистской борьбы, с тем чтобы миллионы молодых людей не могли извлечь из истории необходимые для себя уроки, чтобы легче было ввести их в заблуждение. Но, несмотря ни на что, трудно скрыть правду об агрессивных войнах Гитлера, о масштабах убийств и жестокости в лагерях смерти, о зверствах «арийских» варваров, равных которым нет в истории человечества.

Однако время, о котором сейчас идет речь, было тогда еще впереди.

Все мощные средства воздействия на общественное мнение, которыми располагали капиталистические правительства Запа-

да,— пресса, действующая не столько по прямым приказам, сколько из классовой солидарности с контролирующими ее миллионерами, и более современные средства: радио, кино и пр.— были направлены на то, чтобы обелять новый режим в нацистской Германии, придать ему респектабельность, с тем чтобы он был принят как будущий «союзник в борьбе против большевизма». Оппозиционно настроенные люди, понимавшие положение и предвидевшие последствия, составляли меньшинство. К оппозиции принадлежали наиболее активные силы рабочего класса, коммунисты и социалисты из лейбористской и социал-демократической партий, профсоюзов, а также горстка либерально и прогрессивно настроенных людей из интеллектуальных кругов.

Обладая некоторыми конституционными свободами в современном капиталистическом государстве, эти силы имеют ограниченные средства по сравнению с огромным аппаратом, имеющим большие традиции и влияние, аппаратом администрации и других органов. Но именно этим силам выпала задача проникнуть за фальшивый фасад «крестового похода против большевизма», воздвигнутый Гитлером и его приспешниками, раскрыть перед массами факты и, пока не поздно, попытаться предупредить мир о грозящей ему опасности. Эту историческую миссию выполнил исполин Димитров, превративший свою защиту на процессе в Лейпциге в обвинение фашизма.

Весной 1933 года мы, несколько человек в Великобритании, входивших в Комитет защиты жертв германского фашизма, получили предложение провести в Лондоне международное следствие в целях выяснения обстоятельств пожара в рейхстаге. Это надо было сделать раньше, чем начнется Лейпцигский процесс. Нам предстояло раскрыть факты и заслушать показания, которые следствие в Германии, возможно, попытается скрыть от суда, заслушать свидетелей, которые не смогут без риска для жизни поехать в Германию, чтобы дать показания на суде в Лейпциге.

Выводы созданной Международной следственной комиссии сразу заставили лейпцигский суд и целый ряд лжесвидетелей обороняться. Покорным нацизму судьям, вместо того чтобы спокойно навязывать лживую версию, составленную Герингом, Геббельсом и их сообщниками, пришлось выкручиваться, пытаясь оправдать сам факт привлечения обвиняемых к ответственности. Выводы комиссии и по сей день остаются неопровержимыми и убедительными.

Приближалась дата начала процесса в Лейпциге. У нас оставалась всего одна ночь, чтобы завершить работу комиссии и своевременно представить ее заключение вниманию мировой общественности, превратить обвинителей в обвиняемых и поставить судей перед необходимостью работать в тени нашего следствия. Нужно было обобщить факты, извлечь истину из всех

утверждений, открыть в этой истине крупицу чистого золота, которое не поддается действию никакой кислоты и выдержит проверку временем. Все это надо было выразить словами, приемлемыми для всех столь разных участников комиссии, имевших разные требования. И проделать всю эту огромную работу вовремя было бы немыслимо, если бы нас не объединяла общая цель, беспредельная честность каждого, несмотря на различия в политических взглядах и в подходе к делу. И это мог осуществить только Д. Н. Притт — блестящий мастер анализа и примирения. Всю ночь шло заседание в его номере гостиницы. Члены комиссии, подкрепляясь бутербродами, приготовленными моей женой, спорили по каждому слову, каждой запятой текста параграфов, которые формулировал и печатал на пишущей машинке в соседнем помещении председатель.

Принятое заключение комиссии было оглашено перед представителями мировой прессы. Прежде чем судьи в Лейпциге заняли свои места, весь мир был уже осведомлен о сути вещей и все наблюдатели заранее знали, чего следует ожидать.

Вряд ли кто из нас предполагал, что главный удар по фашистской провокации нанесет Георгий Димитров — закованный в кандалы, отрезанный от всего мира. Его политическая дальновидность, его поведение вызвало такое всеобщее восхищение, что пересилило все политические течения. Он завоевал горячие симпатии не только трудящихся масс, но и самых широких кругов общественности. Наша работа, по сути дела, свелась к оказанию помощи защите, а после вынесения оправдательного приговора — к заботе об освобождении и безопасности обвинявшихся.

В ходе процесса становилось все яснее, сколь несостоятельны обвинения, предъявленные подсудимым. Лейпцигский процесс подходил к концу. Каким же будет приговор? В эти дни к нам неожиданно пришел Войгт и сообщил, что он получил информацию о новом коварном замысле врага: нацисты готовятся инсценировать линчевание обвиняемых. Группа «возмущенных граждан» отобьет заключенных у охраны, захватит их и учинит над ними расправу. Необходимо, сказал он, чтобы английские наблюдатели находились в зале суда, дежурили на прилегающих к нему улицах,— только это может сорвать планы фашистов. Таким предупреждением нельзя было пренебречь. Я и Доротти Вудман выехали в Германию. Так оказалось, что мне выпала честь быть в тот исторический день в Лейпциге. Теперь весь мир знает, что не было никакой попытки покушения. Когда я покидал здание Имперского суда, проходивший мимо меня рабочий остановился и спросил шепотом, какой вынесли приговор. «Невиновны!» В его глазах вспыхнули искры радости, и он повторил вслед за мной: «Невиновны!» И эти искры, которые не смогли погасить ни угрозы Геринга, ни ложь Геббельса, заставили меня

усвоить раз и навсегда, что смелость, проявленная в борьбе, всегда найдет отклик в сердцах людей. Этот случай был для нас чудесной наградой за наши скромные усилия.

Но это еще было не все. Обвиняемых, признав невиновными, держали в тюрьме. Торглер не выдал своих товарищей, но в конце концов примирился с фашистским режимом, заплатив за свое освобождение политической капитуляцией. А что станется с болгарами?

Я снова приехал в Германию, на этот раз аккредитованный лидером официальной оппозиции в палате лордов — лордом Марли, чтобы потребовать освобождения Димитрова и его товарищей. Наше требование поддержали и другие влиятельные лица. Весь мир требовал освобождения болгар. Но что будет с заключенными, пока продолжается эта кампания? Опыт подсказывал, что они могли попасть в лапы гестапо. Каждый день их могли увезти. Куда? Какая судьба их ожидала? Необходимо было зорко следить за тюрьмой. Группа известных английских писательниц и журналисток решила остаться в Лейпциге вместе с матерью Димитрова и поочередно сопровождать ее при посещениях тюрьмы для передачи продуктов и писем. Первой сопровождающей была Доротти Вудман, которая, проявив характерную для нее настойчивость, сумела проникнуть за стены тюрьмы. Вторая на очереди была известная писательница Анабелла Вильямс-Эллис. Третья — Катрин Карсуэл, шотландка, биограф Бернса. Они сменяли друг друга на дежурстве. Таким образом, мой кабинет в лондонской киностудии, где я тогда работал, поддерживал связь с Лейпцигом едва ли не каждый час. Во время одного из утренних посещений матери Димитрова и ее сопровождающей заявили, что Димитров и его товарищи перевезены из тюрьмы по приказу сверху. И тюремные власти не сказали куда. Бдительность была вознаграждена — через несколько минут Лондон уже получил это известие. Из студии мы сообщили об этом редакциям вечерних газет. Продавцы газет выставили на улицах плакаты с надписями: «Где Димитров?», громко сообщая прохожим об экстренных выпусках газет. Я убежден, что «исчезновение» заключенных произошло по самому высочайшему приказу, без ведома нацистского министерства внутренних дел. Это я понял по тону и содержанию ответа мне, когда я позвонил по телефону чиновникам министерства в Берлин. Сообщив им о недовольстве лондонской общественности, я потребовал объяснения. По-моему, они были искренне удивлены, и их ответ, что они ничего не знают, не был притворством.

Прошло немного времени, и мир узнал радостную весть, что трем оправданным болгарам предоставлено советское подданство, с разрешения властей они покинули Германию и находятся на пути в СССР. Гитлер проиграл и решил избавиться от того,

что начало создавать ему серьезные затруднения. Была одержана первая крупная победа над фашизмом, победа, достигнутая благодаря смелости одного человека и единству действий многих людей.

1965 г.

Георгий Станкулов

В ЗАЩИТУ СВОЕГО СЫНА

Борьба в Болгарии за спасение Георгия Димитрова была исключительно тяжелой. Правительство блока во главе с Мушановым запрещало какие бы то ни было публичные действия. Но, несмотря на это, в стране проходили собрания протеста. Одно из них состоялось в столичном квартале Коньовица, в нем приняла участие и мать Г. Димитрова. Кроме того, в адрес нашего правительства направлялись телеграммы и письма протеста от собраний рабочих предприятий и населения по месту жительства, содержавшие требование выступить за прекращение процесса и освобождение безвинно задержанных болгар — Георгия Димитрова, Благоя Попова и Васила Танева.

В свою очередь болгарская секция Международного юридического союза позаботилась о том, чтобы направить в качестве защитника на Лейпцигский процесс болгарского адвоката. Туда выехали Стефан Дечев и Петр Григоров. Причем на выезд Стефана Дечева полиция визу не дала, и нам пришлось организовать ему нелегальную поездку на австрийском пароходе по Дунаю через порт Оряхово.

В Видине болгарские власти производили тщательную проверку, но австрийские матросы спрятали Дечева, понимая важность его поездки: ведь он отправлялся в Лейпциг для защиты Георгия Димитрова.

Не менее сложной была задача отправить в Лейпциг мать Г. Димитрова — бабушку Параскеву и старшую из его сестер — Магдалину Барымову. Однажды, придя домой на обед, я застал там д-ра Ивана Пашова, Илию Тимова и какого-то французского товарища. Насколько мне помнится, его фамилия была Кордье. Они объяснили, что пришли ко мне в связи с международной кампанией за спасение Георгия Димитрова. Кордье сказал, что хотел бы встретиться с матерью Димитрова и что нужно предпринять все возможное для ее поездки за границу. Он снял ботинок, отпорол подметку и достал оттуда 10 тысяч франков, а также адрес, куда должна явиться бабушка Параскева, когда приедет в Париж.

В то время болгарину было довольно трудно находиться в обществе иностранца и остаться не замеченным полицией. Но наша партия пользовалась влиянием среди широких рабочих масс. Через ячейку компартии я попросил прислать мне автомашину с верным партийным товарищем-шофером. Прислали шофера по имени Продан, отчества которого не помню. Я уже не раз пользовался его услугами для нелегальной переброски товарищей до Оряхово, откуда они затем переправлялись в Румынию. В свое время он перевез из Софии в Оряхово Благоя Попова (одного из подсудимых во время Лейпцигского процесса), который вынужден был эмигрировать, так как случился провал в Центральном Комитете БКП.

Чтобы освободиться от возможной слежки полиции, мы с Кордье попросили шофера сначала выехать за город по дороге на Вакарел и, когда убедились, что нас не контролируют, повернули обратно. В пути я рассказал попутчику о кампании в Болгарии в защиту Димитрова. Вернувшись, мы направились в дом бабушки Параскевы — ныне здесь дом-музей Георгия Димитрова. Кордье внимательно познакомился с домом Димитрова. К сожалению, бабушка Параскева уехала куда-то в провинцию. Французский товарищ взял биографические данные всей семьи Димитрова, сведения о его убитых братьях-революционерах Тодоре и Николае, а также их фото, и мы расстались. Этот же товарищ потом встретил мать и сестру Димитрова в Париже, когда они туда приехали.

Интересно отметить и другой момент, связанный с борьбой в защиту Георгия Димитрова. На процессе пытались утверждать, будто бы Димитров террорист, участвовал в организации взрыва в соборе «Св. Неделя» и за это именно был осужден. Неофициальная защита за границей попросила нас достать копию приговора по делу о взрыве в 1925 году. Эту задачу возложили на меня. Дело хранилось в Военном суде, и к нему не было доступа без специального разрешения полиции. Через одного знакомого мне там архивариуса я подал заявление от имени матери Димитрова с просьбой о выдаче копии приговора. Однако полиция изъяла дело и не разрешила выдать такую копию. Тогда я попробовал другим способом найти подтверждения приговора. Мы запросили свидетельство о судимости Димитрова в Софийском окружном суде. Уже по этой записи можно было бы видеть, что Георгия Димитрова осудили за политические деяния. К нашему удивлению, в выданном свидетельстве значилось, что Георгий Димитров не был судим. Это свидетельство мы сумели легализовать через консульский отдел министерства иностранных дел, и оно было использовано в Лейпциге защитой.

Никогда не изгладится из моей памяти пример безграничной материнской любви, проявленной во время Лейпцигского

процесса бабушкой Параскевой. Она лично ходила и к нашим полицейским начальникам, и к гитлеровским боссам, борясь за право матери видеть своего сына, которому угрожала смертельная опасность. Ее смелость и бесстрашие удивляли всех нас, и не случайно сын бабушки Параскевы — Георгий Димитров овладел умами и сердцами всех прогрессивных людей. Нельзя не вспомнить здесь и о беспредельной преданности его сестры Магдалины Барымовой, которая вместе со своей матерью как в Болгарии, так и за границей участвовала в борьбе за спасение Георгия Димитрова.

1959 г.

Лили Кайт

ВОСПОМИНАНИЯ О БОЛЬШОМ, О ДОБРОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Первая «встреча»

От Берлина до Лейпцига — часа три езды. Когда мы с моим коллегой Иваном Беспаловым, представителем ТАСС, вечером 20 сентября 1933 года сели в лейпцигский поезд, нам и в голову не приходило, что мы скоро окажемся в ярких лучах «юпитеров». Процесс о поджоге рейхстага начинался в Лейпциге на следующий день. Министерство Геббельса, верное своей политике систематической дискриминации, отказало нам, единственным представителям советской прессы, аккредитованным в Германии,— я с 1925 года представляла московские «Известия» в Берлине,— в доступе на процесс. Разумеется, это не могло помешать нам отправиться в Лейпциг, чтобы информировать советских читателей о ходе суда и политической атмосфере, царившей в то время среди немецкой и зарубежной общественности, глубоко взволнованной этим беспримерным процессом.

В Лейпциге — угодно это было или неугодно нацистскому руководству — мы поселились в той же гостинице «Дойчер кайзер», где уже разместилось большинство допущенных на процесс иностранных журналистов.

Нацистам это было неугодно, и, следуя своей изоляционистской стратегии, они ничего умнее не придумали, как мобилизовать против нас гестапо. На рассвете 22 сентября меня арестовали и прямо из постели доставили в лейпцигскую тюрьму. Такая же участь постигла и Беспалова. Но скоро нацисты испугались собственной дерзости. В тот самый момент, когда тюремная надзирательница собиралась преподать мне «инструкции» на первую ночь моего тюремного одиночества, вдруг появился

эсэсовец, чтобы пригласить меня «к господину полицей-президенту». Там уже находился Иван Беспалов. Нам были принесены обычные извинения за «ошибочные действия подведомственных инстанций» — и мы были свободны.

В то время, когда мы пересекали тюремный двор, туда въезжала закрытая машина. «Да гоммен зе опен фонс герихт» («Это прямо с суда»),— пояснил сопровождавший нас нацист на чистом саксонском диалекте. Закончился второй день процесса, и случаю было угодно, чтобы моя первая встреча с великим революционером и остальными подсудимыми произошла как раз на территории лейпцигской тюрьмы.

Мировая общественность пока только и знала что имя этого человека: Георгий Димитров. А уже через 24 часа это имя с изумлением и восхищением повторялось на всех пяти континентах. Его первое выступление на процессе — допрос 23 сентября — сразу же показало, что в его лице мир имеет дело с личностью исключительного масштаба.

Весть о нашем аресте, разумеется, произвела сенсацию среди иностранных журналистов. Когда мы целые и невредимые вернулись в гостиницу, где они — после затянувшегося судебного заседания — только что уселись за обед, ножи и вилки моментально полетели на стол, и все ринулись к телефонным будкам.

Однако у этой истории был еще эпилог, едва ли предвиденный нацистами. Если правительства других стран (в том числе и США) никак не реагировали на придирки и даже угрозы по адресу представителей их собственной печати в третьем рейхе, то Советское правительство ответило на наш — не первый уже — арест решительной нотой и незамедлительной высылкой всех немецких журналистов из пределов Советского Союза. Одновременно мы с Беспаловым были отозваны из гитлеровской Германии.

По указанию моей редакции я временно переехала в Прагу, откуда продолжала посылать отчеты о процессе.

3 ноября я получила от «Известий» телеграфное сообщение о том, что конфликт с гитлеровскими властями урегулирован дипломатическим путем — кстати сказать, на все 100 процентов в пользу советской стороны. Более того, нам было официально предоставлено право присутствовать на процессе. В тот же день я возвратилась в Берлин.

Я вижу и слышу Димитрова...

Еще звучит у меня в ушах: «Вы увидите Димитрова?» Это произнесла с просветленным лицом пражская телеграфистка, которой я вручила свою последнюю телеграмму из Чехословакии.

Да, еще один-единственный день — Имперский суд на время переехал в Берлин,— и это событие произойдет. Больше четырех недель длился уже процесс, и каждый новый день вносил новую грань в светлый образ Георгия Димитрова. И вот наступило 4 ноября. Мне повезло. Первый же день моего присутствия на процессе совпал с историческим поединком Димитров — Геринг.

Наши корреспондентские столы стоят в каких-нибудь четырех-пяти метрах от мест подсудимых. Теперь я вижу совсем близко прекрасную, скульптурную голову Димитрова. Он поднимается — мощная фигура, заметно похудевшая в заключении, вся напряжена. Я слышу его голос. Чужой для него немецкий язык звучит в его устах как-то особенно жестко,— по обстоятельствам, мелькает у меня в голове. Слышится в этом голосе огромное гневное волнение, но Димитров до конца владеет собой. Совсем не то приглашенный в качестве «свидетеля» всемогущий премьер-министр Пруссии Герман Геринг, нацистский вождь № 2. Его вначале такое самоуверенное поведение под огнем разоблачающих, больно бьющих в цель вопросов и реплик Димитрова скоро перешло в пароксизм безудержной ярости. Кто об этом не знает...

Тридцать четыре года спустя я сижу перед своим магнитофоном, и вся эта потрясающая сцена вновь проходит предо мной. До меня доносятся мужественные слова, которыми Димитров отвечал на бранные выкрики Геринга, обозвавшего коммунизм «преступным мировоззрением»: «Известно ли господину премьер-министру, что эта партия (коммунистическая.— *Прим. ред.*), которую «надо уничтожить», является правящей на шестой части земного шара, а именно в Советском Союзе... в величайшей и лучшей стране мира... Известно ли это?»

Магнитофонная лента точно передает издевательский смех в зале. Но что это? Куда девалась непристойная реплика, брошенная взбесившимся Герингом по адресу Советского правительства, когда он публично и нагло осмелился поставить под сомнение надежность Советского Союза как делового партнера? Блокнот с моими записями на процессе подтверждает, что память меня не обманывает. Ага, нацистское руководство постфактум вырезало эту фразу — из опасения возможных весьма неприятных для него последствий. Очевидно, с него пока что довольно было поражения в конфликте из-за дискриминации и ареста советских журналистов. Но, как говорится в народе, что написано пером, не вырубишь топором.

Само собой разумеется, нацисты не в состоянии были предупредить убийственное впечатление, вызванное за рубежом всем ходом судебного заседания. «Угрозы, которые Геринг в своем безрассудном бешенстве изрыгал по адресу Димитрова, сразу обесценили все судебное разбирательство»,— писала на следую-

щий день реакционная «Нойе цюрихер цайтунг». «Я очень доволен...» — громко сказал Димитров. И прежде чем его удалили из зала по приказу Геринга, как «свидетеля», отнюдь не правомочного это делать, Димитров успел еще, по своему обыкновению, поставить точку над «и»: *«Вы, наверное, боитесь моих вопросов, господин премьер-министр?»*

По судебной стенограмме нетрудно было бы составить целую коллекцию таких крылатых слов Димитрова...

Чрезвычайно интересно проследить за различными, взаимно переплетающимися, друг друга дополняющими линиями, в своей совокупности создающими картину мáстерской наступательной защиты Димитровым дела коммунизма («содержание моей жизни»,— как он выразился перед судом). Вот опирающаяся и на конкретные факты, и на коммунистическую идеологию демонстрация абсурдности судебного разбирательства, исходящего из тезиса о поджоге рейхстага как «сигнале» к коммунистическому восстанию. Вот — как по конвейеру — моральный разгром свидетелей обвинения (Димитров на заседании от 31 октября): «Этот круг открылся депутатами рейхстага от национал-социалистской партии, национал-социалистскими журналистами и замкнулся вором». Вот остроумное использование заключений «компетентных» чиновников полиции и гестапо, чтобы нанести последний удар по трухлявой конструкции обвинения. Вот, наконец, смелое вскрытие так называемого генигсдорфского комплекса[1] и показ того, что отчаянно напряженная ситуация, существовавшая в начале 1933 года внутри «национального лагеря», толкала нацистов на инсценировку поджога рейхстага — как маневра, отвлекающего от внутренних трудностей, и как предлога, позволявшего нацистам отменить все конституционные права. Неудивительно, что суд всякий раз, как Димитров касался этих щекотливейших вопросов — а он это делал снова и снова,— в паническом страхе всячески мешал Димитрову говорить — даже во время его заключительной речи.

Существует, однако, еще одна линия, без которой невозможно себе представить Димитрова на процессе, линия, значение которой далеко выходит за рамки процесса и которая независима от его исхода. Я здесь имею в виду, как образцово Димитров, в своем положении заключенного, показал себя настоящим вождем рабочих масс. В период, когда загнанная в подполье Коммунистическая партия Германии была сильно ограничена в своих действиях, Димитров принял на себя задачу сказать рабочему классу, терроризованному и политически обезглавленному

[1] Имеется в виду пребывание Ван дер Люббе незадолго до поджога рейхстага в полицейской ночлежке местечка Генигсдорф, где он имел контакты с нацистами.— *Прим. ред.*

фашизмом, *что* ему делать, и влить в него боевой дух и веру в будущее.

Вот пример.

Геринг, а затем имперский прокурор Вернер возлагали большие надежды на свой тезис, согласно которому коммунисты, в связи с захватом власти Гитлером, непременно должны были «что-нибудь да предпринять — теперь или никогда»... Димитров выбил у них козырь из рук. «Чтобы успешно бороться с противником,— заметил он иронически,— прежде всего нужно хорошо его знать». И он извлекает из арсенала опытного революционера и пролетарского вождя ряд исторических примеров, убеждающих в том, что ни одна коммунистическая партия даже после тяжелого поражения не теряет голову и не дает противнику спровоцировать ее на авантюристический шаг. Он приводит в пример Болгарскую коммунистическую партию, которая после разгрома 1923 года, в условиях подполья, еще больше окрепла. Он ссылается на великий пример русских большевиков в канун Октябрьской революции: «Русские большевики, будучи нелегальной партией, подвергавшейся кровавым преследованиям, организовали и провели победоносную Октябрьскую революцию в 1917 году и захватили власть». Это были гордые, изумительно бодрящие слова. Они были сказаны не столько для того, чтобы парировать жалкие «доводы» Геринга и Вернера, сколько для того, чтобы они были услышаны за стенами суда. И они были услышаны.

Другой пример. Димитров напоминает немецкому рабочему классу длинный ряд роковых упущений в прошлом. Он приводит слова Гёте о том выборе, перед которым жизнь ставит человека: кем ему быть — молотом или наковальней. Я снова включаю магнитофон — звучат слова, сами как удар молота: «Эту истину германский рабочий класс в целом не понял ни в 1918 году, ни в 1923 году, ни 20 июля 1932 года...» И это был не просто экскурс в прошлое, это было суровое предостережение.

Или же незабываемый диалог между Димитровым и доставленным из концлагеря коммунистическим депутатом рейхстага Теодором Нейбауером (впоследствии обезглавленным нацистами). Здесь, обсуждая события прошлого, они с максимальной ясностью и настоятельностью давали понять трудящимся массам, что их главная, неотложная задача теперь, как никогда, состоит в создании антифашистского единого фронта, включая и рабочих социал-демократов. Образовать такой единый фронт, ныне реализованный в социалистической ГДР, как известно, тогда не удалось из-за позиции лидеров социал-демократов.

Требовались выдающийся ум и величайшая гибкость Димитрова, чтобы перед лицом суда, готового каждую минуту лишить его слова, даже прибегнуть к крайней мере — удалить его из

зала, до самого конца процесса косвенно обращаться к рабочим массам. И мощная антифашистская волна, поднявшаяся во всем мире, как известно, сильнейшим образом влияла на весь ход процесса.

Как ребячливо выглядит на фоне этой колоссальной направляющей работы представление о революционере Димитрове, которое авторы иных художественных произведений пытаются создать у своих читателей: то Димитров, стоя на тюремном дворе, адресует пламенные речи окнам тюремных камер, то он на процессе своим сверхмощным голосом заставляет дрожать стекла... Нехорошо. Обидно и мелко.

Волнующая пора сотрудничества

23 декабря 1933 года закончился «процесс Димитрова» — так его давно уже называют во всем мире, под таким именем он и войдет в историю. Димитров был оправдан, но не был освобожден. Как пленника Геринга, в подземных казематах гестапо ждало его медленное угасание, а еще вернее — насильственная смерть. И только решительные действия Советского правительства избавили героя Лейпцига от подобной судьбы: лишенный гражданства на своей болгарской родине, для защиты и прославления которой он нашел на процессе слова вечного звучания, он получил гражданство от Советской страны.

Димитров в Советском Союзе, в Москве. Тут мне довелось вступить с ним и в личный контакт. Это случилось после моей высылки из гитлеровской Германии в 1934 году. Он пригласил меня к себе в Архангельское, под Москвой, где он находился тогда на лечении в санатории ЦК партии. Помню до сих пор, как от души смеялся он над моим разочарованным выражением лица, когда признался, что не заметил нас, советских журналистов, в зале суда. А мы так старались довести до него магнетические токи нашей самой горячей симпатии и восхищения!

Однако он с интересом слушал о том, что делалось за кулисами процесса. А я узнала, что он среди других работ готовит книгу о процессе, и предложила в его распоряжение свои записи, сделанные на суде.

Но лишь поздней осенью 1935 года (в связи с этой самой книгой) между нами установился тесный рабочий контакт. Я получила возможность в качестве его гостьи сопровождать Георгия Димитрова из Кисловодска на Южный Кавказ, где он собирался продолжить свой «отдых». Кавычки здесь вполне на месте. Потому что отдыхать для него значило в лучшем случае пере-

менить обстановку,— интенсивность работы почти не менялась. В этом мне скоро пришлось убедиться в чарующем Новом Афоне, расположенном на Черноморском побережье. Почти ежедневно из Москвы прибывали объемистые пакеты, над которыми он просиживал по многу часов, и помогала ему небольшая группа технических сотрудников. Лишь изредка эта работа перемежалась прогулкой верхом по волшебной красоты окрестностям, доставлявшей ему огромнейшее удовольствие (в Москве он потом еще некоторое время продолжал такие прогулки верхом). Но и будущая книга о процессе не была забыта. Не один вечер провел он за внимательным изучением написанного в основном еще в 1934 году первого варианта книги. (С этим вариантом я ознакомилась в Москве летом 1935 года.) Я читала ему вслух страницу за страницей. Увы, выводы были неутешительны. Георгий Михайлович решил: работу нужно начинать сначала...

И после возвращения в Москву в конце декабря именно с этой порученной мне работы над новым вариантом книги начался для меня новый год — год 1936-й.

Он начался большими ожиданиями. Работа двигалась. Как и всякий, должно быть, кто имел счастье работать в живом контакте с Георгием Димитровым, я постоянно ощущала живительное, активизирующее, дисциплинирующее влияние его личности.

27 февраля у себя дома, в тесном кругу близких и своих соратников из Президиума ИККИ — здесь были Мануильский, Пик, Эрколи, Готвальд и другие,— Георгий Михайлович отмечал вторую годовщину своего освобождения из когтей Геринга. Остроумные тосты, которые Мануильский по очереди адресовал всем присутствующим, явно доставляли большое удовольствие Георгию Михайловичу. Предо мной был счастливый, радостный Димитров...

Они были достаточно редки в его жизни, такие часы разрядки. И им суждено было стать еще более редкими. Параллельно с обострением обстановки на международной арене все больше нарастал объем работы рулевого Коминтерна. Все позже возвращался он вечерами на свою подмосковную дачу в Волынском. После ужина та же машина отвозила меня в Москву (моя «штаб-квартира» находилась теперь тут же, где помещался «лейпцигский архив», чудом благополучно вывезенный Димитровым из нацистской Германии). Все продолжительнее становились вынужденные паузы в работе Димитрова над книгой, как ни занимал его мысли этот проект. По своей концепции эта книга Димитрова, не ограничиваясь весьма обширным историко-документальным материалом, должна была специально обращаться к молодому поколению рабочих. На примере Ван дер Люббе, этого бессознательного орудия нацизма, она должна была продемонстрировать опасность, какую таит в себе отход от

пути борьбы за коммунистические идеалы, опасность деградировать до уровня люмпен-пролетариата, из среды которого фашизм черпает немалую часть своих резервов.

* * *

Наступила осень. Работа над книгой оборвалась: Димитров заболел. То был временный перерыв,— так мы думали, так мы надеялись. Получилось по-иному. Все более драматическое развитие событий в Испании и в нацистской Германии, а затем война неодолимо стали на пути продолжения и завершения этой работы...

И вдруг 2 июля 1949 года потрясающая весть о кончине великого революционного вождя и государственного деятеля. С благоговейным изумлением снова и снова обращаешься памятью к его образу, в котором так идеально объединялись величайшая боевая энергия, мужество, огненный темперамент с редкостной трезвостью ума и прозорливостью, максимальной внутренней организованностью и дисциплиной. И к тому же — великая человеческая доброта, постоянная готовность к борьбе за победу всего передового, всего прекрасного в жизни — черты, которые ставят Георгия Димитрова в ряд величайших гуманистов нашей эпохи.

То была невозместимая потеря не только для всех, кто стоял к нему близко,— его оплакивали миллионы. Из глубины души исходили слова телеграммы, отправленной мною под непосредственным впечатлением горестной вести его родным в Софии: «Он был так добр, как только великий человек может быть добрым».

1967 г.

Боян Дановский

В ДНИ ЛЕЙПЦИГСКОГО ПРОЦЕССА

Мои воспоминания о Георгии Димитрове в основном связаны с Лейпцигским процессом. Непосредственных впечатлений о самих заседаниях суда у меня нет, так как гитлеровские власти не разрешили мне присутствовать на них. Ответ на мою просьбу мне был дан в письменной форме: в связи с тем что мы не располагаем свободными билетами, мы не можем обеспечить вам доступ в зал суда. Связь с Димитровым я поддерживал через его мать — бабушку Параскеву и его сестру Магдалину Барымову, которые ходили к нему на свидания

в тюрьму. Таким образом, мои впечатления связаны с событиями, встречами и разговорами, имеющими прямое отношение к процессу.

Митинг в Париже

Осенью 1933 года в Париже в зале «Мютюалите» состоялся огромный митинг. Выступало много ораторов: писатели, рабочие, депутаты, адвокаты, антифашисты. Но вот на трибуне появилась 72-летняя старушка в темном платке. Это была бабушка Параскева.

Тысячи глаз устремились к этой худенькой, скромной болгарской матери, которая потеряла в революционной борьбе пролетариата трех сыновей, а сейчас призывала мировую прогрессивную общественность защитить, спасти четвертого, самого старшего сына — Георгия Димитрова, жизнь которого была в опасности: он находился в лапах современных каннибалов.

Этот митинг был организован в защиту Георгия Димитрова и его товарищей, которые обвинялись в поджоге рейхстага. Мать Георгия Димитрова стояла перед чужими людьми и говорила. Говорила она по-болгарски, взволнованно, но сдержанно, без слез, как и подобало матери героя. Она говорила просто и непринужденно о том, что рада видеть здесь так много людей, воодушевленных ненавистью к угнетателям и любовью к ложно обвиненным. Такие собрания, говорила она, давно уже запрещены у нее на родине, где у власти стоят враги народа.

Мать Георгия Димитрова говорила и о том, что ее сын не был и не может быть преступником, поджигателем. Всю свою жизнь он борется за счастье людей. Бабушка Параскева благодарила всех тех, кто взял на себя миссию доказать невиновность ее сына и его товарищей, защищать их честь и жизнь.

Этот митинг, на котором выступала худенькая, бледная болгарская мать, был одним из самых волнующих моментов борьбы с фашистскими варварами, свидетельством неудержимого стремления человечества к свободной, построенной по законам разума, счастливой жизни. Рабочий класс всего мира, все люди с ясным умом и человеческим сердцем боролись за освобождение закованного в кандалы болгарина. Общественность всех стран была охвачена негодованием. Имя Георгия Димитрова произносилось с восторгом и любовью во всех уголках земного шара.

Через несколько дней после митинга мне было предложено сопровождать мать и сестру Георгия Димитрова в Берлин, а потом в Лейпциг. Перрон Парижского вокзала был полон провожающих. Здесь были рабочие, журналисты, ученые, люди с белой кожей и темнокожие. Среди провожающих находился и со-

ветский писатель Михаил Кольцов. Когда поезд тронулся, он сказал нам: «Ничего не бойтесь, за вами — пролетариат всего мира».

Пока мы, то есть я, бабушка Параскева и Магдалина, ехали в Берлин, я старался вспомнить лицо Георгия Димитрова, его голос, жесты, представить, как он выглядит сейчас, в тюремной камере. Приблизительно год тому назад я впервые встретил его в ресторане «Байернхоф». Это был тот самый ресторан, где его арестовали.

Кажется, это было в конце лета 1932 года. Георгий Димитров с несколькими товарищами, которых я не знал, сидел за одним из столиков. Тогда еще я не был с ним знаком. Видел его только на фотографиях.

Я рассказал Георгию Димитрову, что в Германии я изучаю театральную режиссуру, что скоро намерен возвратиться в Болгарию и создать в Софии рабочий театр. Я поделился с ним своими мыслями о задачах будущего театра. Димитров слушал меня внимательно и доброжелательно. И позже, во время других встреч, я замечал в нем эту черту, свойственную великим людям. Он обладал удивительной способностью внимательно выслушивать людей, изучать своего собеседника, вникать в ход его мыслей, стараясь не навязывать своих. Даже тогда, когда его собеседник в чем-либо ошибался. Ему совсем нетрудно было понять, что во многом я еще ошибаюсь, что я новичок в политике, что мне еще предстоят и колебания, и блуждания. Но ни разу он не прервал меня, не дал мне малейшего повода усомниться в своих силах. Наоборот, его взгляд как бы говорил: что ж, дело хорошее, дерзайте.

Выслушав меня, Георгий Димитров коротко, лаконично и ясно набросал путь, по которому нужно идти. Самое главное — тесная связь с партией, которая будет уведомлена об этом начинании и окажет ему всяческую поддержку.

Потом, когда в Софии был создан коллектив «Трибуна» и театр «Народная сцена», мне стал ясен истинный смысл слов Георгия Димитрова. Поддержка... это были сердца и умы, любовь и воодушевление софийских рабочих, которые взяли всю нашу театральную деятельность под свое могучее покровительство. Димитров обещал снабжать нас необходимыми материалами и литературой. Один из товарищей, который сидел с ним рядом, что-то записывал. «И, наконец,— сказал он,— не надо афишировать этого раньше времени (передаю его слова по памяти), не торопитесь попасть в руки полиции. Она и без того скоро о вас пронюхает. Работайте как можно дольше легально. Театр — это сильное оружие в нашей борьбе, но он должен иметь возможность существовать, давать представления. Наша рабочая публика может понять и намеки, и то, что говорится между строк».

В Берлине

Со времени моей первой встречи с Георгием Димитровым прошел год. В Софии был создан рабочий театр, но он просуществовал всего год, а потом полиция его закрыла. И вот я опять в Берлине. В первую же ночь в нашу гостиницу ворвались агенты гестапо и учинили нам допрос. Допрашивали каждого в отдельности. Кто мы такие, зачем приехали, кто нас послал, кто нам платит, что мы знаем о прошлом Георгия Димитрова и т. д. После допроса меня догнал в коридоре один светловолосый агент и не без иронии подмигнул мне, мол, легко отделались на этот раз, не правда ли? Мне хорошо запомнилась отвратительная рожа этого гестаповца. Именно он выгнал меня из зала заседания суда, когда я первый раз сопровождал туда мать и сестру Георгия Димитрова и сумел пробраться в зал без билета. Через несколько дней я увидел этого же агента в вестибюле нашей гостиницы. Он сидел в кресле, углубившись в чтение газеты. На этот раз я решил «поинтимничать» с ним и спросил у него, как продвигается его слежка за нами. Глупец, не знаю почему, он вдруг удивленно посмотрел на меня и сказал, что видит меня впервые, что он торговец, только что прибывший из Гамбурга. Позже, после окончания процесса, когда мы вернулись из Лейпцига в Берлин, тот же тип ворвался в мой номер гостиницы, ринулся к столу и, положив руку на исписанные листки бумаги, спросил: «Что вы пишете?» Я предложил ему прочитать написанное. Убедившись, что листки не содержат ничего предосудительного, он уселся с явным намерением завязать «дружеский» разговор. Он спросил меня, как я себя чувствую в Германии. Я ответил, что власти предложили мне покинуть Саксонию. Он опять стал разыгрывать комедию: «Боже мой, разве это возможно?» — «Да, оказывается, многое возможно. И даже то, что Димитров и его товарищи, оправданные Имперским судом германского рейха, продолжают сидеть в тюрьме». Выражение лица светловолосого агента вдруг стало жалобным, скорбным. «Что поделаешь, господин!.. Эти вопросы решают наверху! А мы что? Мы всего лишь жалкие пешки. От нас ничего не зависит...» На какой-то миг я поколебался: а что, если он говорит искренне? Может, гитлеровцы после такого убийственного для них процесса наконец поняли, как жалко и трагично их положение?

Когда бабушка Параскева и Магдалина возвратились с первого заседания суда (дело Георгия Димитрова и его товарищей тогда слушалось в Берлине), я обратил внимание на то, как изменилась эта старая женщина. От того, что она после долгой разлуки и мучительных тревог наконец увидела своего любимого сына, от его взгляда, который он успел бросить ей в зале суда,

от его уверенности в себе и самообладания перед судьями, она вся преобразилась, выглядела бодрой. Конечно, поплакала немного, чтобы легче стало на душе. Она и потом плакала, но както особенно, по-своему, тихо и приглушенно, плакала и в самые черные дни процесса, когда жизнь ее сына висела на волоске. Плакала она у себя в комнате так, чтобы никто не видел. Но бабушка Параскева не проронила и слезинки ни перед фашистскими палачами, ни перед иностранными журналистами. Она умела владеть собой даже в самые тяжелые минуты.

На следующее утро я сопровождал мать Георгия Димитрова и его сестру в берлинскую тюрьму Моабит. Им было разрешено свидание. Дожидаясь, когда они выйдут из тюрьмы, я прохаживался взад-вперед перед этим огромным, холодным и мрачным зданием. У дверей стоял часовой — высокий толстый полицейский. Он подозвал меня. Между нами произошел следующий разговор:

— Что вы здесь делаете?

— Жду мать и сестру Димитрова. Они пошли на свидание с ним.

— Вы, случайно, не болгарин?

— Да.

— Все вы, болгары,— грязные коммунисты. По всех вас веревка плачет. Вот вздернем мы вашего Димитрова...

В Лейпциге

Так как я не был допущен в зал суда в Лейпциге, у меня была возможность следить за ходом процесса только по рассказам бабушки Параскевы и Магдалины Барымовой. Они делились со мной новостями после каждого очередного свидания с Георгием Димитровым в тюрьме. Кроме того, я регулярно читал газеты — немецкие и зарубежные. Нацистская печать, безусловно, лгала, бесстыдно извращая все, что происходило на процессе. Но эта ложь была настолько красноречивой, что она никак не могла прикрыть нараставшие с каждым днем раздражение и злобу нацистов, ибо с каждым новым днем болгарский коммунист все больше и больше разоблачал их измышления, чем спутал все их планы, сумев показать подлинное лицо фашизма, его звериную природу, человеконенавистническую идеологию и практику. Вот что говорил позднее сам Димитров о гитлеровских газетах тех дней: «Мимоходом мне хотелось отметить, что своими глупыми и грязными выпадами эти газеты оказывали мне, хотя и косвенно, большую помощь, ибо я всегда мог знать, когда мои удары попадают прямо в цель».

Атмосфера, в которой протекал процесс, была в основном враждебной, исполненной злобной настороженности. Дошло до

того, что все мои попытки встретиться с официальным защитником Димитрова, адвокатом Тейхертом, оказались безуспешными. Он скрывался, избегая встреч с матерью и сестрой обвиняемого, которого взялся «защищать».

С другой стороны, было немало проявлений искренней симпатии. Гостиница, в которой мы жили в Лейпциге, превратилась в штаб-квартиру посланцев доброй воли из разных стран. Они собирались здесь, чтобы следить за поединком двух идеологий, за героической борьбой болгарского коммуниста, над жизнью которого нависла смертельная опасность, в знак протеста против суда злейших человеконенавистников, каких только видел мир. Среди этих посланцев было только двое коммунистов: видный английский общественный деятель Айвор Монтегю и американский адвокат Галлахер. Остальные были людьми самых разных политических убеждений. Были и убежденные антифашисты, и такие, у которых совесть проснулась под влиянием светлого ума и пламенного героизма Георгия Димитрова. Однажды я беседовал с корреспондентом одной английской консервативной газеты. Этот уже немолодой человек был искренне взволнован, готов был, по его словам, после того как он услышал выступление Димитрова в зале суда, сейчас, в этом возрасте, в корне изменить свои убеждения и начать жизнь сначала, если бы не причины религиозного характера... Трогательными были проявления симпатии и со стороны немцев, хотя это грозило им большой опасностью. Однажды по дороге в тюрьму я вместе с бабушкой Параскевой и Магдалиной зашел в небольшой магазинчик купить для Димитрова сигарет. Пакет получился объемистый, мы купили сигарет на целую неделю. В магазине, кроме нас троих и продавца, никого не было. Я взял пакет и спросил у него, сколько стоят сигареты... На его лице появилась загадочная улыбка... «Ничего не стоят»,— сказал он. Для меня это было большой неожиданностью. Бабушка Параскева и Магдалина заметили мою растерянность и поинтересовались, что случилось. Тогда немец, повернувшись к старой женщине и, казалось, забыв, что она не понимает его языка, взволнованно сказал: «Я вас узнал. Передайте привет вашему сыну в тюрьме. Передайте ему привет от всех честных немцев. А сигареты пусть будут скромным подарком от меня».

Как-то мы шли втроем по одной из тихих лейпцигских улиц. Неожиданно к нам подошел скромно одетый молодой человек. Не успели мы опомниться, как он нагнулся, поцеловал бабушке Параскеве руку и быстро исчез. Кто был этот молодой человек? Какие чувства заставили его рисковать своей жизнью? Ведь если бы его заметил какой-нибудь гитлеровец или агент гестапо, которые довольно часто таскались за нами по пятам, этому молодому человеку не поздоровилось бы.

На одно из свиданий с Георгием Димитровым мы отправились вдвоем с бабушкой Параскевой. Сестра Димитрова плохо себя чувствовала и осталась в гостинице. С нами была Доротти Вудман, лейбористка, депутат английского парламента. Она прибыла в Лейпциг в связи с кампанией, организованной с целью освобождения Георгия Димитрова и его товарищей. В комнату ожидания вошел полицейский и предложил подняться наверх. Полицейский был новый, раньше я его не видел. Втроем мы поднялись по лестнице. Нас встретил другой полицейский. Он открыл дверь и пропустил за решетку вначале мать Георгия Димитрова, а потом англичанку, вероятно приняв ее за сестру Димитрова. Мне же наказал спуститься в комнату ожидания. Мечта англичанки увидеться с Димитровым сбылась. После свидания обе женщины рассказали мне, как они вошли в камеру, как Димитров сразу смекнул, что мы провели к нему вместо Магдалины совсем другую женщину. Он обнял мать, потом свою мнимую сестру, понял, что она не болгарка, и так себя вел во время свидания, что надзиратель и переводчик ни о чем не догадались.

Впрочем, переводчик, которого гитлеровцы наняли следить за разговорами Георгия Димитрова с родными во время свиданий, хорошо знал Магдалину и, наверное, все понял. Это был старый хорват, совсем седой, с пожелтевшими от табака усами. Но только об этом случае он ничего не сказал фашистам. С каждым днем его симпатии к нам становились все более явственными. Он плохо знал болгарский язык, но это не мешало ему понимать, что во время свиданий Димитров передавал через свою мать и сестру тайные поручения, которые я потом сообщал по телефону в Комитет защиты подсудимых, находившийся в Париже. Окончательно же убедились в преданности этого хорвата мы тогда, когда после вынесения оправдательного приговора Георгий Димитров на свидании с матерью передал ей текст телеграммы премьер-министру Болгарии. Текст телеграммы был написан карандашом на нескольких листках бумаги. Хорват нас не выдал.

Мне бы хотелось сказать несколько слов об этой телеграмме. В ней Георгий Димитров просил у премьер-министра разрешения вернуться на родину. Любая корреспонденция, посылаемая из тюрьмы, проходила через цензуру, и, само собой разумеется, телеграмма Георгия Димитрова была бы задержана. А после того как я получил ее из рук бабушки Параскевы, она появилась во всех газетах мира. Гитлеровцы пришли в ярость. Они никак не могли объяснить себе, каким образом текст телеграммы попал за стены тюрьмы под носом у надзирателя и переводчика, в обязанности которых входило следить за каждым словом, за каждым сколько-нибудь подозрительным движением заключенного и его близких. Вскоре после этого случая Георгия

Димитрова и его товарищей перевели в Берлин, и мы тоже покинули Лейпциг. Какова дальнейшая судьба этого хорвата, я, к сожалению, не знаю.

В гостинице, где мы жили, был один служащий, совсем еще молодой человек, судя по шраму на лице и восторженному вскидыванию руки в гитлеровском приветствии, заклятый гитлеровец. Но даже в помутившейся голове этого молодого немца процесс оставил след. После вынесения оправдательного приговора Георгию Димитрову и его товарищам он отозвал меня в сторону и поделился следующими соображениями: по его мнению, Гитлер — тупица, который может только драть глотку и больше ничего, Геринг — желчный, надутый индюк. «Но,— продолжал разглагольствовать молодой немец, вдруг преисполнившись доверием ко мне,— если бы наш Геббельс и ваш Димитров нашли общий язык... Германия была бы спасена». Позднее, встретившись с Георгием Димитровым в Москве, я рассказал ему об этом разговоре. Димитров от души смеялся.

Швейцар гостиницы был человек средних лет, который всегда прилежно вскидывал руку и выкрикивал: «Хайль Гитлер!» В день, когда Димитрову был вынесен оправдательный приговор, он пригласил меня к себе на ужин. Мне было интересно, как рассуждает типичный представитель среднего сословия Германии: не бедняк и не богач, не буржуа и не пролетарий. Я попал в прилично обставленный мелкобуржуазный дом. Швейцар, его жена и дочь избегали разговоров на политическую тему, однако проявляли большой интерес к Болгарии, расспрашивали о Димитрове, о его семье. Они, как и многие иностранные журналисты, были убеждены в том, что Георгий Димитров закончил несколько факультетов, что он был профессором права в Софийском университете, и не верили своим ушам, когда я рассказывал им, что Георгию Димитрову еще в раннем детстве пришлось бросить школу и зарабатывать себе на жизнь, что с ранней юности он активно участвует в профсоюзном движении.

После ужина мы слушали по радио коммюнике нацистской партии. Коммюнике было резким, злобным, устрашающим. Партия Гитлера не желала соглашаться с вынесением оправдательного приговора. В комнате воцарилось тягостное молчание. Наивной оказалась моя вера в то, что фашисты примирятся со своим поражением и что на следующий день Георгий Димитров окажется на свободе и мы вместе с его матерью и сестрой сядем в поезд и покинем Германию. По немногословности коммюнике и уже по одному его тону можно было судить, что жизни Георгия Димитрова угрожала опасность...

После довольно продолжительного молчания хозяин дома подошел к радиоприемнику и начал искать другую станцию. Вдруг раздалась мелодия «Интернационала».

Это была Москва. Вот тогда-то его жена шепотом рассказала мне о том, что ее муж с того времени, как начался процесс и на суде прозвучал голос Димитрова, не ложился спать, не услышав «Интернационала» и боя кремлевских курантов. И я подумал, что такое, наверное, происходит по вечерам в тысячах других домов во всех странах мира. Тысячи маленьких, простых людей, позабывших светлые порывы своей молодости, навеки похоронивших под грузом лет былой протест против существующего строя, почти примирившихся с господством фашизма, слушали Георгия Димитрова, и в них просыпалась совесть.

На следующий день мы вместе с Доротти Вудман отправились в дирекцию саксонской полиции и потребовали освободить оправданных подсудимых. Один из полицейских начальников заявил нам, что пока никаких распоряжений на этот счет он не получал. На следующий день мы опять пошли в полицию. Так продолжалось несколько дней подряд. Мы протестовали по поводу того, что Димитрова и его товарищей держат в тюрьме незаконно. И всегда получали один и тот же ответ еще в коридоре. В последний раз усатый полицейский начальник втолкнул меня в одну из комнат и, доброжелательно положив руку на плечо, сказал: «Думаю, что завтра у меня для вас будут хорошие новости». Я был озадачен: неужели совесть заговорила даже у полицейских? На следующий день усатого полицейского не оказалось. Нас вызвали к самому директору саксонской полиции. С нами была и Доротти Вудман. Этот директор — отвратительный тип с перекошенным злобой лицом, дребезжащим голосом, страдающий, вероятно, склерозом, артритом или сифилисом,— разразился по адресу Димитрова, коммунистов и всех нас такими ругательствами, так размахивал кулаками, угрожая перевешать всех нас, что мы окончательно пали духом. Фашисты вовсе не собирались выпускать на свободу такого опасного врага.

Вечером по Лейпцигу разнесся слух о том, что горит здание радиостанции. Неудивительно, что в той атмосфере, в какой мы жили, нам пришло в голову самое худшее. Вдруг гитлеровцы подстроили новую провокацию, чтобы покончить с опасным коммунистом? Узнать какие-либо подробности было невозможно. В тюрьме нам заявили, что ни Димитрова, ни его товарищей у них уже нет. Как тут быть? Мы с англичанкой Доротти Вудман взяли такси и отправились на радиостанцию, которая находилась далеко от города. На радиостанции мы отрекомендовались английскими журналистами. Доротти Вудман имела соответствующее удостоверение, а у меня его не потребовали. Нас встретили какие-то начальники, мрачные и злые, напоминающие убийц. Они сказали, что пожар уже погашен. Сообщить что-либо о причинах пожара отказались. Мы возвратились в Лейпциг еще

более обеспокоенные. Иностранные журналисты пытались узнать что-нибудь у меня, а я у них. Одно было ясно: Димитрова и его товарищей в лейпцигской тюрьме нет. Вот тогда-то мы с бабушкой Параскевой и Магдалиной и решили поехать в Берлин. В Берлине мы стали добиваться аудиенции у министра внутренних дел Фрика. Нам назначили время. Принял нас не министр, а один из высокопоставленных чиновников. Он заявил нам, что, дескать, они не выпустят Димитрова из тюрьмы, потому что мы поднимаем вокруг него отвратительную шумиху. И еще: Георгий Димитров, мол, останется в тюрьме, так как нет такой страны, которая бы согласилась его принять. Немецкие власти вовсе не желают видеть его разгуливающим по берлинским улицам.

Я пошел в болгарское посольство. Там меня принял посол Поменов. Я спросил у него, что ответило болгарское правительство на телеграмму Димитрова. И не считает ли он своим долгом вступиться за троих болгар, оправданных высшей судебной инстанцией рейха и все еще незаконно задерживаемых берлинским гестапо. Поменов ответил, что ни ему, ни правительству Болгарии ничего не известно о телеграмме, что у него нет никаких намерений что-либо предпринимать в защиту арестованных, так как он получил от правительства Мушанова инструкцию не считать их болгарскими подданными. Тогда я спросил царского посла, понимает ли он, какой удар наносит такое решение престижу Болгарии. Весь мир узнает, что болгарское «демократическое» правительство отказывается признать своим подданным человека, имя которого гремит во всех странах, а это означает, что оно солидарно с фашистами. После этого Поменов изменил свою тактику и настоятельно стал просить меня ничего не сообщать иностранным корреспондентам, так как директива Мушанова была абсолютно секретной. Понятно, почему эта инструкция была секретной. Находящиеся у власти «демократы» не посмели открыто отказать в болгарском подданстве болгарину, который поразил мир своим исключительным мужеством, своей пламенной защитой человеческого прогресса от надвигающегося гитлеровского варварства. Это был болгарин, которому столь сдержанная и далеко не прокоммунистически настроенная газета «Таймс» посвятила восторженную передовую статью. «Демократы» не посмели на глазах у демократических сил всего мира открыто встать на сторону гитлеровской Германии. Свои грязные махинации они вершили за кулисами. По всему было видно, что их точка зрения полностью совпадала с мнением высокопоставленного чиновника из министерства внутренних дел в Берлине.

Следующий разговор о судьбе Георгия Димитрова состоялся уже в посольстве Союза Советских Социалистических Респуб-

лик. Это был первый луч света, первый радостный день после нашего прибытия в Германию. Меня встретили широкими, приветливыми, братскими улыбками. После того как я рассказал о своих посещениях министерства внутренних дел Германии и болгарского посольства, советские товарищи сказали мне: «Передайте матери товарища Димитрова, пусть она больше не тревожится. Есть такая страна, которая предоставит гражданство Георгию Димитрову и примет его как родного сына».

После бури

Меня вызвали в гестапо и предложили в течение трех дней покинуть Германию. Бабушка Параскева и Магдалина должны были остаться одни в фашистском логове. Я уехал в Москву.

Мне хотелось бы передать тот разговор, который состоялся у нас с Георгием Димитровым уже на свободной братской советской земле в апреле 1934 года в одном из санаториев под Москвой. Несмотря на то что в Германии здоровье Георгия Димитрова очень пошатнулось и теперь его восстанавливали советские врачи, выглядел он бодрым и жизнерадостным. Мы говорили с ним о процессе, о том, какое отражение он получил за стенами суда, о поединке с Герингом и Геббельсом. Димитров сказал, что совершенно напрасно печать уделяла так много внимания появлению на процессе в качестве свидетеля Геринга. По его мнению, более сильным и значительным было его столкновение на суде с Геббельсом. Говорили мы и об искусстве, о театре, о моих впечатлениях от посещения московских театров. Мы продолжали наш разговор в сосновом лесу, раскинувшемся вокруг санатория. И каждый, кого бы мы ни встретили,— была ли то санитарка или лесничий — хотел пожать руку любимому Георгию Михайловичу. Для всех герой Лейпцига находил приветливое слово, со всеми шутил. При встрече с Димитровым глаза у каждого загорались восторгом. Как и раньше, я был поражен ясностью его ума, его умением внимательно выслушивать собеседника, мудро, по-отцовски наставлять на путь истины. Он обладал тем ценным свойством руководителя-коммуниста, которое делало его другом людей.

Я видел Георгия Димитрова 1 Мая на трибуне Мавзолея на Красной площади. Возле него стояла щупленькая, маленькая старушка — бабушка Параскева, радостная и гордая, а рядом с ней — Максим Горький. Перед Мавзолеем Ленина проходили колонны демонстрантов — радостные москвичи. Тогда несбыточной казалась мне мечта, которая осуществилась 10 лет спустя: увидеть Георгия Димитрова на другой трибуне, перед сво-

ими соотечественниками, у штурвала освобожденной и обновленной родины.

Мне хочется закончить свои воспоминания рассказом о приеме, который был устроен в честь народной артистки Болгарии Адрианы Будевской во дворце Враня. Георгий Димитров, чокнувшись со мной, шутя спросил: «Ну как, здесь, кажется, не то, что в Лейпциге?» Что я мог ему ответить? Передо мной стоял один из колоссов истории человечества, сердечный и мудрый, сделавший так много во имя лучшей жизни болгарского народа и всех народов нашей планеты.

1968 г.

1934
1944

Флоримон Бонт

ЭТА ВСТРЕЧА ЖИВА В МОЕЙ ПАМЯТИ

Это было в Москве 27 февраля 1934 года.

По радио передали невероятную новость.

«Из фашистской тюрьмы освобожден Георгий Димитров. Из Берлина он летит самолетом. Сегодня после обеда приземлится на аэродроме в советской столице».

Зловещий Геринг, показавший когти хищника, был вынужден отпустить свою жертву.

Единодушный протест трудящихся всего мира и энергичное вмешательство Советского правительства вынудили гитлеровских палачей отступить.

С ошеломляющей быстротой новость разнеслась по всем фабрикам и учреждениям, вызвав неописуемую радость.

Стояла очень холодная погода, бушевала снежная буря. Но, несмотря на это, на предприятиях тут же были выделены делегации, которые с оркестрами во главе быстро направились к аэродрому.

На посадочной полосе лежал толстый снежный покров. Медленно текут минуты. Наконец к 19 часам в небе появился самолет с Георгием Димитровым на борту.

Это послужило как бы сигналом, и раздались продолжительное «ура» и бурные аплодисменты множества собравшихся людей.

Когда герой процесса в Лейпциге вышел из самолета, его встретили звуки «Интернационала».

Георгий Димитров выглядел уставшим, даже истощенным.

Через два дня он принял меня как первого корреспондента газеты «Юманите» в Москве. С ним был товарищ Чернин, заведующий службой печати при Президиуме ИККИ. Посредине комнаты стоял накрытый стол: традиционный самовар, три чашки, печенье.

Улыбающийся Георгий Димитров подошел ко мне с дружески протянутой рукой и, прежде чем я успел что-то сказать, начал высказывать свою глубокую благодарность за горячую поддержку его борьбы центральным органом Французской коммунистической партии.

Я передал ему братские поздравления ЦК Французской коммунистической партии. Уверенный, что выражаю единодушные чувства трудящихся Франции, я рассказал ему о той безграничной радости, которую они испытывают в связи с вестью о его освобождении из мрачных застенков гитлеровской Германии.

У меня с собой были несколько номеров газеты «Юманите» из моей коллекции. Они отражали последнюю неделю процесса, когда все французы и француженки — антифашисты удвоили свои усилия в общей борьбе и с волнением и беспокойством ожидали вынесения приговора.

И вот Георгий Димитров здесь, передо мной, мы сидим за одним столом. На висках волосы уже посеребрены. Сильный, широкоплечий, атлетического телосложения, с лицом, излучающим доброту, дружелюбие, готовность прийти на помощь. Он производил впечатление человека умного, спокойного и волевого.

Я наблюдал за ним внимательно, следя за его малейшей той или иной реакцией, пока он перелистывал страницу за страницей номера газет, читал заголовки, рассматривал фотографии и карикатуры, знакомился с самыми характерными призывами о создании единого фронта всех трудящихся.

Внезапно он остановился. На его лице отразилось сильное волнение, глаза заблестели.

Что бы это могло значить?

На верхней части страницы, левее заголовка, он заметил окруженный широким белым полем портрет своей старой матери, такой еще смелой и такой неустрашимой, несмотря на бремя лет, лежавших на ее худеньких плечах, несмотря на пронизывающую боль и невыносимые муки в течение двенадцати месяцев, проведенных в тревоге за судьбу любимого сына.

Он вымолвил только одно слово:

— Мама.

Какое волнение, какая глубокая сыновняя любовь были вложены в это слово, так нежно произнесенное видным революционером, закаленным в самых тяжелых испытаниях суровой нелегальной борьбы против буржуазии на своей собственной родине и во всем мире, против кровожадного фашизма и империалистической войны!

Стараясь быстрее преодолеть охватившее его волнение, Георгий Димитров обратился ко мне:

— Мне доставило большое удовольствие то, что ты принес эти номера газет. Верно, это всего лишь несколько газет, но для меня они не имеют цены, потому что это наша «Юманите», газета, которая стояла в авангарде пламенной борьбы против фашизма и которая ведет постоянную ожесточенную борьбу за рабочее единство, являющееся необходимым условием для победы сил прогресса, социализма и мира.

Потом, помолчав, добавил:

— Извини, но я был так оторван от всего, живя в печальном одиночестве моей камеры. Чудовищная фашистская реакция постаралась плотно изолировать меня от внешнего мира, и я теперь испытываю большое удовольствие, когда читаю репортажи о крупных антифашистских демонстрациях, которые вы так тщательно организовали и которые завершились с таким блестящим успехом. Из фашистских газет, а они были единственными, которые мне иногда удавалось читать, я улавливал огромное значение мощных рабочих демонстраций во Франции в защиту нашего благородного дела.

В глубине души я чувствовал, что французский рабочий класс и все антифашисты принимают самое активное участие во всемирной кампании против гитлеровского фашизма и в энергичной и упорной борьбе за ускорение моего освобождения.

* * *

Мой карандаш бегал по листу блокнота быстро, как только мог. Я старался не пропустить ни одного слова Георгия Димитрова. И не смел его прервать даже тогда, когда он останавливался на миг, чтобы подумать.

Он рассказал мне, что во время процесса суд сообщил ему в Моабите, что Ромен Роллан, Андре Жид и Анри Барбюс прислали ему письма и телеграммы с выражением горячей солидарности.

Я осмелился спросить его, мог ли он ознакомиться с содержанием этих писем и телеграмм.

— Нет, конечно нет! Мне не показали ни одного из них. Фашистский суд их конфисковал под лживым предлогом, что они представляют крайне большую опасность для порядка и спокойствия в тюрьме. О чем таком можно было серьезно говорить, когда я был закован в цепи и помещен в отдельную камеру. Эти бесценные документы присоединили к моему досье.

Я задал ему следующий вопрос:

— Была ли у тебя возможность прочесть те бесчисленные письма и петиции с тысячами подписей, направленные из Франции?

Георгий Димитров пояснил:

— Нет, никакой. В мой адрес поступали, я это знаю, письма и телеграммы со всех концов Франции, но все они были конфискованы по той единственной причине, о которой я уже сказал. Могу только добавить, что некоторые из указанных писем, присланные из Франции, были мне показаны в запечатанном конверте. У меня было только одно право: поставить подпись на расписке, что я их получил, не имея возможности ознакомиться

с их содержанием. И я подписывал расписки, чтобы письма не возвращали назад их отправителям. Администрация тюрьмы их забирала и сохраняла. Во время процесса я направлял суду протест за протестом. Мне хотелось незамедлительно ознакомиться, хотя бы на слух, с содержанием этих писем. Я настаивал, но не получил никакого положительного ответа на мои многократные требования.

Далее Георгий Димитров продолжал с иронией:

— Суд требовал соблюдения порядка и спокойствия. Но это же было изощренное лицемерие, а предлог их — явная ложь. Прочтение письма угрожало беспорядками в тюрьме, какая грубая тартюфщина! В сущности, судьи нацистского суда недвусмысленно хотели лишить меня особенно острого, сильного, эффективного дополнительного оружия для моих выступлений на процессе.

Я напомнил Георгию Димитрову, какую важную роль сыграли во Франции Комитет защиты и талантливый адвокат Марсель Виллар, посвятивший всю свою жизнь делу защиты деятелей рабочего движения всего мира, попавших в руки врагов. Спросил, ознакомили ли его нацистские судьи из Лейпцига с документами и действиями, предпринятыми комитетом.

Георгий Димитров ответил:

— Нет. И в этом случае фашистский суд поступил точно так же, но с еще большим лицемерием.

В действительности суд передавал все документы в руки так называемой «защиты» — определенному в служебном порядке адвокату Тейхерту, который получил официальное указание, строгий приказ ничего не сообщать мне о них. Впрочем, их поведение в данном случае было для меня самым ярким признаком большой активности трудящихся масс, мощи их демонстраций.

Я понимал, что кампания, руководимая Французской коммунистической партией, проводится большая. В ней я видел неопровержимые доказательства непреодолимой силы широкого антифашистского движения, активного участия в борьбе рабочего класса, крупнейших представителей науки, литературы и искусства.

В этих условиях я действительно осязаемо чувствовал, что имею право говорить на фашистском суде не только от своего имени как обвиняемый, но также и прежде всего от имени народных масс всего мира.

Я сознавал, что выражаю самые горячие чувства и непоколебимую волю к антифашистской борьбе не только десятков миллионов трудящихся всего мира, в том числе Франции, но и миллионов германских тружеников фабрик, мастерских, корабельных верфей и всех тех, кого, как животных, согнали в ад-

ские концлагеря, тех, кто был брошен в грязные, удушливые тюрьмы.

Полностью отдавал себе отчет в том, что должен превратить скамью подсудимых в международную трибуну, чтобы дать новый энергичный импульс поднимающейся антифашистской волне негодования, которая в конечном итоге со всей своей неудержимой силой разоблачит чудовищную гитлеровскую провокацию.

— Я очень радовался,— продолжал Георгий Димитров,— когда в течение последних недель, последних моих дней в тюрьме узнавал из запутанных и тенденциозных сообщений официальной фашистской немецкой печати, особенно из газеты «Фолькишер беобахтер», с каким огромным воодушевлением поднялись народные массы Франции в феврале 1934 года против фашизма в их стране, с какой решимостью они выковали в повседневной борьбе единый фронт.

Мне трудно подыскать слова, чтобы выразить силу моего волнения, когда из иронических и злобных писаний какой-то фашистской сатирической газетки я узнал, что защита обвиняемых и мое имя были тесно связаны с грандиозной демонстрацией — более миллиона человек, с мощной общей стачкой 12 февраля и всеми другими массовыми выступлениями французского рабочего класса и свободолюбивых людей всего мира.

Как воодушевляет сознание, что тебя поддерживает общественность!

Однажды я обнаружил в гитлеровской газете одну из тех грубых по форме карикатур, на которые нацисты держали монополию. Она претендовала на изображение рабочей демонстрации в Париже. Видны были рабочие, несущие плакаты с именем Георгия Димитрова. Парижане и парижанки будто бы устроили демонстрацию, потому что предыдущим вечером я был лишен десерта. Под рисунком был помещен нелепый текст. Он гласил: «Берегись, чтобы тебе не стало хуже». Вот так, вопреки всем усилиям господ тюремщиков, несмотря на низость нацистов, правда доходила до меня даже в тюрьме.

Георгий Димитров подчеркнул, что эти мощные движения, в том числе и героическая борьба австрийских рабочих, явились настоящим бальзамом для его ран, как душевных, вызванных моральными истязаниями, так и физических, причиняемых оковами.

— Да, само поведение и восхитительное геройство австрийских рабочих были для меня ярким доказательством правильности нашей позиции и наших атак на фашистском суде.

Он говорил мне также о той глубокой радости, которую он испытывал, когда ему представлялся случай прочесть отдельные письма, время от времени проникавшие через нацистскую цензуру и доходившие до него уже после его оправдания.

— Были письма от рабочих социал-демократов Вены. Одно из них, помеченное январем, подписали множество трудящихся. Указан был и адрес отправителей: «Карл Маркс хоф» — те дома, которые через несколько недель стали одной из самых прочных и самых стойких крепостей в ожесточенной борьбе мужественного австрийского рабочего класса.

Эти рабочие очень просили меня написать им несколько слов в подтверждение того, что я получил их письмо. Я смог им ответить, но очень осторожно, на эзоповском языке, в хорошо продуманных и завуалированных выражениях. В своем письме я поделился мыслями с моими австрийскими друзьями, выразил им свою самую горячую благодарность, заверил их в своей полной солидарности и одобрил их твердое постоянство в общей борьбе рабочих социал-демократов и их товарищей — коммунистов, потому что сила в единстве и это нужно постоянно повторять. И действительно, единство действий является необходимым условием победы трудящихся.

Я спросил: «А получили ли они то письмо?»

Димитров ответил:

— Вот этого я до сих пор не знаю. Но что бы ни произошло, я счастлив сегодня, что могу повторить мой призыв к единому фронту, не прибегая к завуалированным фразам, и что благодаря нашей газете «Юманите» могу адресовать этот призыв трудящимся социалистам Франции и всех стран.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Этот призыв, которым завершается «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, значит больше любого категорического приказа.

Конечно, печальное известие о положении рабочих Вены наполнило мое сердце болью и сожалением, но вопреки всему у меня окрепло убеждение, что эта трагедия внесет свой вклад в создание благоприятных условий для будущих победоносных сражений.

* * *

Наше интервью закончилось.

Георгий Димитров дружески похлопал меня по плечу и сказал:

— Сейчас я должен выполнить одну приятную обязанность. Хочу тебя попросить: передай мою самую горячую братскую благодарность всем трудящимся Франции и всем, кто принял такое деятельное и решительное участие в мощной антифашистской кампании. Передай мою глубокую признательность нашей «Юманите», которая под руководством Центрального Комитета Французской коммунистической партии и ее Генерального секретаря, моего дорогого друга Мориса Тореза, сыграла такую важную роль в мобилизации народных масс.

Прими на себя также заботу подчеркнуть, что я безгранично благодарен великому Советскому Союзу, его рабочим, крестьянам и интеллигенции, его правительству и его славной партии, которые оказали мне исключительную честь, приняв как собственного сына, и дали возможность продолжить борьбу за справедливое дело.

И Георгий Димитров, как бы выковывая каждое свое слово, ударяя кулаком по столу, продолжал:

— Да, сейчас я свободен. Но мужественный руководитель Коммунистической партии Германии, наш Эрнст Тельман, и десятки тысяч других бесстрашных коммунистов, социалистов и антифашистов томятся в страшных концентрационных лагерях и мрачных тюрьмах Гитлера, Геринга и Геббельса, где переносят самые ужасные унижения и самые жестокие истязания. Мы должны освободить их.

По сути дела, Тельману и его товарищам постоянно грозит смертельная опасность. В любой момент им грозит подлое убийство после какой-нибудь грубой провокации, умело подстроенной главарями гитлеровского варварства. Вопрос жизни и смерти, дело чести для международного пролетариата — всеми силами и средствами вырвать Тельмана и его собратьев из окровавленных когтей хищных гитлеровцев.

* * *

После этого прочувственного призыва я простился с Георгием Димитровым, поблагодарив его за такой дружеский, братский и сердечный прием, который был мне оказан как постоянному корреспонденту газеты «Юманите» в Москве.

С тех пор прошло 32 года.

Но эта встреча жива в моей памяти.

Вдохновленные его героическим поведением, мы, французские депутаты-коммунисты, смело предстали в 1940 году перед военным судом Парижа, осудившим нас на пять лет тюрьмы и лишившим нас гражданских и политических прав.

Заявляю с гордостью, что мы всегда без каких бы то ни было отклонений следовали по пути, так самоотверженно начертанному Георгием Димитровым, любимым и обаятельным сыном болгарского народа, мы следовали по этому пути, потому что это был путь чести.

1966 г.

Альфред Курелла

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ

Георгий Димитров был для меня великим учителем. Без него я не могу представить себе своего политического развития, точнее говоря — своей политической зрелости. И все это несмотря на то, что я познакомился с ним и работал вместе известное время уже тогда, когда сам имел за плечами немалую «политическую карьеру» и занимал различные достаточно ответственные политические посты.

В своей политической деятельности мне суждено было соприкасаться со многими видными руководителями рабочего класса и представителями интеллигенции. С рядом из них я познакомился ближе в ходе продолжительной совместной работы. И среди них, за исключением В. И. Ленина, я не встречал такого, кто бы, как Димитров, соединял в себе самые различные выдающиеся качества и способности. Почти целый год, с начала марта 1934 до середины февраля 1935 года, я работал в тесном сотрудничестве с Георгием Димитровым, хотя познакомился с ним и часто встречался для решения общих политических задач еще задолго до этого. Во время нашей продолжительной и близкой совместной работы мы виделись каждый день, да и помимо работы, которая связывала нас, вели личные беседы. Именно тогда у меня окрепло впечатление, сложившееся после наших первых встреч в конце 20-х годов и позже, в 1930—1932 годах, в Берлине, где он жил тогда и работал как руководитель Западноевропейского бюро Исполнительного комитета Коминтерна.

Хочу поделиться своими воспоминаниями не в хронологическом порядке. Скорее, даже ограничиться тем, чтобы отметить отдельные яркие черты в характере моего великого учителя и большого друга.

Одна из них, абсолютная и строгая, назовем ее «любовь к действительности», способность и привычка видеть события, оценивать и рассматривать их точно такими, какие они есть, произвела на меня во время нашей первой встречи с Димитровым самое сильное впечатление. Этот человек никогда не обманывал ни себя, ни других, требуя того же в отношении к самому себе. Эта встреча с ним состоялась на одном из заседаний в Москве, приблизительно в 1926 или 1927 году, где Димитров говорил об уроках поражения болгарского восстания в 1923 году. Он выложил на стол все карты, докладывал о положении дел так, как оно было на самом деле, беспощадно критикуя ошибки, особенно свои собственные, и объясняя, чем они были вызваны. Такое отношение к окружающему, полную трезвость анализа я наблюдал в нем и позднее. Вместе с тем ему было присуще и не-

что такое, что на первый взгляд как бы противоречило той черте, о которой я только что говорил. За исключением Ленина, мало кто имел такую способность, как у великого болгарина, предвидеть невидимые пути событий, мысленно проследить их развитие в неизвестном будущем и извлечь из этого анализа выводы для практической деятельности на нынешнем этапе. Ленин называл это способностью мечтать, причем сразу уточнял, что под этим подразумевает не сны Обломова. Эту способность, может быть, лучше назвать единством между стратегическим и тактическим мышлением. Подобное выражение было бы вполне уместно отнести к Димитрову еще и потому, что, сколько я его знал, он всегда проявлял большой интерес к военным наукам.

Георгий Димитров избрал меня своим личным секретарем сразу после своего возвращения в Москву 27 февраля 1934 года. С первого дня нашей совместной работы его мысли были направлены на то, чтобы использовать крупную победу, одержанную в Лейпциге, в интересах мирового коммунистического движения или, точнее, прогресса человечества. Он всецело сознавал международное значение своей борьбы на процессе. Но об этих событиях всегда говорил в третьем лице, всячески стремясь избежать всего, что могло бы подчеркнуть его личное участие, его заслугу в этом деле. Так, например, в своих первых отчетах и интервью о процессе он почти ничего не говорил о себе. В один из первых дней нашей совместной работы он принял мое предложение написать поподробнее о ходе процесса и о тактике, которая привела к победе. Когда рукопись, в которой процесс описывался от первого лица, была уже готова, Димитров все-таки решил отказаться от этой формы повествования и поручил мне переработать изложение.

Нечасто я встречал коммунистов, чья мысль была бы так глубоко проникнута высшим идеализмом (в моральном, не в философском смысле). Для него цели рабочего движения были самым тесным образом связаны с великими идеалами, которые волновали выдающихся мыслителей человечества. В свете этих человеческих идеалов он видел и свою борьбу с фашизмом. Это позволило ему во время процесса использовать и великие мысли немецких писателей и философов в качестве аргументов против врагов. Вместе с тем он проявлял твердый реализм в оценках и в своем отношении как к событиям, так и к людям. Он изучал и знал их слабости (включая свои собственные). В битве на суде это помогло ему чрезвычайно.

Георгий Димитров относился к тем руководящим деятелям мирового коммунистического движения, которые обладали всесторонней культурой, и кто непрестанно работал для ее повышения. Известно, что Димитров не пропускал возможности даже во время ареста углублять свои знания. Производит

впечатление, что наряду с крупными сочинениями по общей истории, истории культуры и искусства, философскими и экономическими трудами он изучал и прусское уголовное право. Сочетание общей культуры с интенсивным сосредоточением на технике мелкой, повседневной работы по агитации и пропаганде производило особенное впечатление.

В наших беседах Георгий Димитров не раз возвращался к тому, что считал самым важным уроком из своего опыта на Лейпцигском процессе. Он прямо называл это ядром метода коммунистической борьбы: с одной стороны — открыто, прямо и ясно отстаивать основные идеи и решающие аргументы коммунизма, а с другой — глубоко понимать нередко встречающееся туманное и неточное отражение действительности в сознании различных общественных слоев, включая и рабочий класс. Эти настроения и мысли, считал он, эту «идеологию» необходимо тщательно изучать и знать в деталях. Однако ни в коем случае нельзя приспосабливаться к ним. Не путем уступок и компромиссов необходимо завоевать этих людей на свою сторону или предостеречь их от серьезных ошибок, а только открытой, откровенной и уверенной защитой основных идей коммунизма.

В первые же дни нашей совместной работы, в марте 1934 года, он говорил о необходимости изменения тактики коммунистического движения именно на основе опыта Лейпцигского процесса. На него самого произвело неизгладимое впечатление то, сколь широким оказался отзвук во всем мире на его последовательно коммунистическое поведение в Лейпциге. Выражение одобрения, о чем он узнавал отчасти из потоков писем, отчасти из заявлений в газетах самых различных политических направлений, исходило от всех слоев и классов населения, которые не имели прямой заинтересованности в существовании монополистического капитала и не были заражены фашизмом. Следовательно, здесь крылась предпосылка для возможности создания широкого фронта борьбы с фашизмом — этим самым страшным порождением монополистического капитала, фронта, который, не отступая ни на шаг от стратегической цели коммунизма, смог бы расширить свои границы вплоть до лагеря буржуазии. Потому что только в борьбе против войны, варварства и бесчеловечности, в борьбе за мир и человечность может быть построен мост, который для большинства человечества стал бы дорогой к социализму.

В заключение хочу отметить еще одну особо отличительную черту в характере Димитрова. Димитров строго осудил Торглера, также обвинявшегося на Лейпцигском процессе, который, очевидно, из страха за свою жизнь пошел по пути «смягчения своей вины» и приспособления к тактике фашистского официального защитника Зака. Рассказывая о процессе, Димитров сопо-

ставлял поведение некоторых немецких коммунистов, вызванных для дачи показаний из концлагерей или тюрем. Они блестяще защитили свои коммунистические убеждения и говорили только правду, не боясь последствий. Но в то же время Димитров проявлял понимание в отношении некоторых других свидетелей, которые не смогли продемонстрировать такую твердость, поскольку их показания, очевидно, были вырваны в результате пыток.

Еще более сильным контрастом была нежность, с которой Димитров рассказывал о своей матери. Почти с нежностью, во всяком случае с чувством глубокой человеческой симпатии, говорил Димитров о своем старом боевом товарище и друге Эрнсте Тельмане.

Все его лучшие качества позволили Димитрову совершить в политике Коммунистического Интернационала поворот, который имел большое значение для дальнейшего упрочения позиций коммунизма в мировом масштабе и который в огромной степени помог нам, немецким коммунистам, найти в тяжелых послевоенных условиях правильный путь для построения демократического и социалистического общества.

1966 г.

В. П. Мануильская

ВОСПОМИНАНИЯ

К перрону Киевского вокзала подходит поезд.

В наглухо закрытом вагоне совершает свой последний путь Москва — София великий сын болгарского народа Георгий Димитров.

Глыбой навалилось огромное горе.

Нет! Не может этого быть...

Сквозь слезы, застилающие глаза, как из тумана, нахлынули воспоминания... 1933 год. Со скамьи подсудимых Имперского суда нацистов, обвиненный в поджоге рейхстага, полный презрения к смерти, Димитров смело бросает в лицо врагам обличающую их правду.

Провокационный поджог рейхстага был задуман нацистами как предлог для разгрома рабочего движения и Коммунистической партии Германии.

Гитлеровцам мнилось, что они легко справятся с «диким» болгарином. Но они жестоко просчитались.

Димитров не только разоблачил их гнусную провокацию.

Своим беспримерным поединком с правителями третьего рейха, в котором с не знающим границ мужеством, убежденностью,

силой, эрудицией и блеском он защищал коммунистическое мировоззрение и гневно изобличал фашистских поджигателей рейхстага и их страшные преступления, Димитров приковал к процессу внимание всего мира.

Своим бесстрашным поведением и всей своей борьбой революционера, с его ненавистью к эксплуататорам, угнетателям, фашистским насильникам и с безмерной преданностью народу, с его оптимизмом, любовью к жизни и готовностью отдать эту жизнь ради великой цели Димитров завоевал сердца трудящихся.

Его страстный призыв к беспощадной борьбе с фашизмом пробился сквозь стены суда далеко за пределы нацистской Германии. Он зажег священную ненависть к фашизму и привлек новые миллионы борцов в ряды антифашистов.

Заточение Димитрова в камеру смертников после вынесенного ему оправдательного приговора подняло такую бурю негодования всех честных людей мира, что фашистские главари были вынуждены открыть двери тюрьмы.

27 февраля 1934 года, в годовщину поджога рейхстага, под вечер, в Секретариате Исполкома Коминтерна раздался телефонный звонок:

— Вы знаете радостную новость? Через час прилетает в Москву товарищ Димитров.

Это звонил Дмитрию Захаровичу Мануильскому начальник Главного управления Гражданского воздушного флота Уншлихт.

Весть о прибытии Георгия Михайловича в Москву быстро распространилась среди работников Исполкома Коммунистического Интернационала. Через 10 минут машины с коминтерновцами уже мчались по направлению к аэродрому. Встречать Димитрова выехали находившиеся в Москве представители братских компартий, члены делегации ВКП(б) в ИККИ, друзья и товарищи Димитрова.

Все с нетерпением ждали самолета. Наконец в небе раздался нарастающий гул и к посадочной площадке подрулил самолет. Дверцы открылись, и на пороге показалась такая знакомая, но сильно исхудавшая фигура Георгия Михайловича. За ним стояли, привлекавшиеся вместе с Димитровым к суду в Лейпциге, Благой Попов и Васил Танев.

Трудно передать словами необычайное выражение лица Георгия Михайловича (ведь только в самолете он узнал, куда летит). В нем отражались и растерянность, и удивление, и бесконечная радость. Я увидела, как на глазах Стеллы Благоевой и Дмитрия Мануильского выступили слезы. Кто-то крикнул: «Честь и слава герою Лейпцига! Прими наш братский привет!»

Георгий Михайлович быстро спустился по ступенькам при-

ставленной к самолету лестницы и сразу же попал в крепкие объятия встречавших его друзей.

После недолгого, но сердечного митинга дружбы мы двинулись на машинах в общежитие работников Коминтерна — гостиницу «Люкс». В 30-х годах там останавливалось немало деятелей братских компартий. Жил в «Люксе» Вильгельм Пик, представитель старой гвардии немецкого рабочего класса, который вместе с Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург и группой спартаковцев закладывал первые камни в фундамент Коммунистической партии Германии и впоследствии стал первым президентом Германской Демократической Республики. И прошедший суровую школу коммунистического подполья — руководитель итальянских коммунистов — Пальмиро Тольятти. Жила в «Люксе» и Долорес Ибаррури, имя которой уже тогда было широко известно испанскому народу. Жил в «Люксе» и Васил Коларов — друг и соратник Димитрова, и дочь основоположника Болгарской коммунистической партии Стелла Благоева — известная болгарская революционерка. И мужественный сын немецкого народа бессмертный Тельман, и много, много других товарищей, и погибших впоследствии в фашистских концлагерях, повешенных и расстрелянных фашистами, сложивших свои головы в движении Сопротивления и на фронтах мировой войны, и тех, кто после разгрома фашизма возглавил народно-демократические республики. Жил в «Люксе» и уехал оттуда в свою последнюю, перед арестом в Германии, поездку и Георгий Михайлович Димитров со своей женой Любой Ивошевич, скончавшейся в 1933 году. Для проживавших в «Люксе» «общежитие» не было только сочетанием двух слов. Это было действительно общежитие товарищей, съезжавшихся со всех уголков земного шара, которых объединяла не общая крыша гостиницы и не только совместная работа, а общие идеи, идеалы, общая мировая партия, к которой они принадлежали.

Взаимоотношения были простые, сердечные и очень демократичные. В гости друг к другу ходили без специального приглашения, когда вздумается — «на огонек»... Жили коминтерновцы скромно. Каждый занимал одну или две комнаты в зависимости от состава семьи. Для всех была одна столовая и буфет. На каждом этаже находилась ванная комната и маленькая кухня с газовой плитой, на которой по утрам мы жарили яичницу и варили черный кофе.

Георгия Михайловича временно поместили на втором этаже, по соседству с комнатой, где жил венгерский коммунист, впоследствии академик, товарищ Варга.

Не успел Димитров переступить порог своей комнаты, как к нему нагрянули товарищи, не сумевшие по той или иной причине встретить его на аэродроме. Каждый стремился хотя бы издали

взглянуть на него, услышать его голос, положить на стол цветок. Припоминаю, как один из хозяйственных работников «Люкса» принес обычный кусочек мыла, похожий не то на пирожок, не то на коробочку, и, вместо того чтобы положить мыло на умывальник, видимо растерявшись от радости, настойчиво норовил всунуть его в руку Георгия Михайловича. Заметив усилия этого товарища пробиться к нему, Димитров пришел ему на помощь:

— Вот, кстати,— сказал он, приветливо улыбаясь.— Спасибо вам. Давно собираюсь помыть руки, да не захватил с собой мыла.

После освобождения из фашистского застенка Димитрову все доставляло огромную радость: и заботливо убранная комната с букетом цветов на окне, и вид из окна на улицу Горького, и даже московский воздух, который казался ему особенно чистым и прозрачным. Но больше всего он, конечно, радовался встрече с товарищами. Он переводил взгляд своих теплых, сияющих глаз с одного лица на другое, и казалось, что он никак не может наглядеться на них.

После первых минут встречи и состоявшейся затем пресс-конференции Георгий Михайлович остался в кругу самых близких друзей.

* * *

Оторванный больше года от любимого дела — смысла и содержания его жизни, Георгий Михайлович рвался к работе. И было сделано все, что можно, чтобы он скорее приступил к ней.

Серьезное лечение, душевная забота и огромное внимание, которыми он был окружен, способствовали его быстрой поправке. Через несколько недель врачи разрешили ему понемногу включаться в дела Коминтерна.

Но работать с «оглядкой на здоровье» Димитров не умел. С самозабвением, размахом и щедрой отдачей всех сил, как он все всегда делал, он ушел в нее с головой. Напряженная работа в Исполкоме Коминтерна, совещания, встречи, беседы, доклады, заседания и собрания в ИККИ и вне его поглощали все его время. А впереди предстояли еще более горячие дни подготовки к VII конгрессу Коминтерна.

Однако год, проведенный в лапах фашистов, камера в Моабите, к стене которой он был прикован короткой цепью, кандалы на руках и ногах, трехмесячный судебный процесс, темная сырая подземная камера смертников сильно подорвали здоровье Георгия Михайловича.

Незадолго до VII конгресса Коминтерна по настоянию врачей Георгий Михайлович был направлен в подмосковный санаторий «Барвиха», где ему разрешили немного заниматься делами. Од-

новременно с Димитровым был предоставлен отпуск для лечения в той же «Барвихе» и Мануильскому. Дмитрий Захарович терпеть не мог лечиться. Уговорить его поехать в дом отдыха или санаторий стоило обычно немалого труда. Но на этот раз уговаривать его долго не пришлось. Почему — скоро выяснилось. Оказалось, что Георгий Михайлович и Дмитрий Захарович, тоже загруженный повседневной работой, заранее договорились использовать свой отпуск для подготовки к VII конгрессу.

«Барвиха», расположенная в большом сосновом лесу на берегу озера, в ясную погоду совсем синего, окруженная полями и березовыми перелесками, славилась не только своим месторасположением и хорошо поставленным лечением. Главным ее достоинством была тишина. Лечащихся в «Барвихе», в отличие от других санаториев, не развлекали ни легкой музыкой из поставленных на каждом шагу репродукторов, ни самодеятельными ансамблями песни и пляски. Только скрип старых сосен в парке да грачи весной и стаи улетающих птиц осенью нарушали величественный покой санатория. Лучшего места для отдыха (а особенно для работы) трудно было найти.

Дата созыва VII конгресса была уже намечена, и времени для его подготовки оставалось в обрез. Если бы Георгий Михайлович поехал в «Барвиху» один, то он, несомненно, тут же целиком ушел бы в работу. Так же поступил бы и Дмитрий Захарович. Но, заботясь о здоровье друг друга, они решили первое время строго придерживаться назначенного им режима и уделять коминтерновским делам не более трех-четырех часов в день. Недели через две, отдохнув немного, они принялись за дело «по-коминтерновски». Как-то вечером вдвоем они долго бились над одной никак не получавшейся формулировкой. Бросив карандаш на стол, Георгий Михайлович начал шагать по комнате, затем подошел к Мануильскому и спросил:

— Дмитрий Захарович, скажи мне, пожалуйста, твоя голова хорошо работает?

Не отрываясь от листка бумаги со злополучной формулировкой и повторяя ее вслух в разных вариантах, Дмитрий Захарович ответил:

— Вообще никудышно!

— Я спрашиваю тебя не вообще,— засмеявшись, сказал Георгий Михайлович,— а в последнее время.

— Хуже, чем обычно.

— Представь, и моя тоже! Гм... Отчего был это? Если бы одна голова не работала, то не стоило бы об этом и говорить! Мало ли отчего она может не работать! Но если сразу две, то, по-видимому, есть какая-то общая причина. Не кажется ли тебе, что искать ее надо в салатах и овощных суфле, которыми нас усиленно кормят?

Дмитрий Захарович, недолюбливавший вегетарианские блюда, сразу охотно согласился:

— Думаю, что в них! И особенно в манной каше,— сказал он улыбаясь.

На следующий день Димитров и Мануильский поделились возникшим у них предположением об отрицательном влиянии строгой вегетарианской диеты на подготовку к VII конгрессу Коминтерна с посетившим их лечащим врачом. Выслушав их внимательно и расспросив о режиме дня и на какое количество часов в день Георгий Михайлович и Дмитрий Захарович превысили дозволенную им норму работы, он, смеясь, сказал:

— Пеняйте на себя, товарищи! Если бы мы знали об этом раньше, то давно назначили бы вам питание, которое получают во время мировых турниров мастера по шахматам.

Темп работы по подготовке к конгрессу нарастал с каждым днем. Санаторные палаты Димитрова и Мануильского помещались рядом. Днем Дмитрий Захарович перебирался к Димитрову, а его палата была превращена в «штаб мировой революции», как ее вскоре в шутку стали называть.

Часам к девяти утра в «Барвиху» начинали съезжаться работники Исполкома Коминтерна. Стук пишущих машинок, телефонные звонки, громкие споры, горячие дискуссии по важнейшим вопросам стратегии и тактики Коминтерна — все это ворвалось резким диссонансом в торжественную тишину санатория.

Георгий Михайлович работал по 12—14 часов в сутки и, как это ни удивительно, с каждым днем выглядел лучше и лучше. Глаза его приобрели юношеский блеск, движения стали энергичными и молодыми. Но, несмотря на явные признаки улучшения его здоровья, врачи, видимо не очень доверявшие его внешнему виду, никак не хотели соглашаться с самовольно установленным коминтерновцами новым «санаторным режимом». Считая виновником всего этого «беспорядка» Дмитрия Захаровича, они настойчиво просили его поскорее вывести из «Барвихи» этот нарушивший покой медицинского синклита «штаб мировой революции».

Близился отъезд Георгия Михайловича из санатория.

Было ясное воскресное утро. Дмитрий Захарович просматривал только что привезенные из Москвы газеты и собирался приступить к работе, когда кто-то постучал в дверь. Это был Георгий Михайлович. С чуть виноватым видом он сообщил, что врачам удалось «на прощание» уговорить его не подходить сегодня до обеда к письменному столу, и предложил нам отправиться вместе с приехавшими к нему Благоевой и Коларовым куда-нибудь подальше в лес.

Минут через десять мы выходили из ворот барвихинского парка. После надоевших хоженых и перехоженных аллей и ал-

леек «Барвихи» Георгий Михайлович с наслаждением шагал по мокрой еще от прошедшего ночью дождя заросшей мхом лесной тропинке.

Охваченные прелестью утра, погруженные каждый в свои мысли, гуськом, изредка перебрасываясь отдельными словами, мы углублялись все дальше в лес и не заметили, как он неожиданно кончился и мы оказались на его опушке, заросшей молодыми осинками. Сквозь просветы редких деревьев виднелись холмы, лужайки, березы, орешник, а дальше, до самого горизонта, лежали освещенные солнцем поля и луга.

Залюбовавшись этим поленовским уголком природы, Благоева воскликнула:

— Товарищи! Взгляните на эту чудесную синюю даль и сиреневые, похожие на сны, цветы.

Георгий Михайлович улыбнулся.

— Стелла, дорогая,— сказал он,— сны — это первые, весенние приветливые цветы, а эти — мохнатые, эти коварные, они любят болотные места и лесную топь. Мы с Василом их, или очень похожих на них, хорошо знаем еще по Болгарии.

— Топь так топь, забираться в нее мы не обязаны,— засмеявшись, парировала шутку Стелла.— Но лучшего места для привала, чем эта милая лесная опушка, нам не найти.

Все охотно согласились с ней, и под сенью старого корявого дерева мы удобно расположились на отдых.

Настроение было прекрасное. Георгий Михайлович много шутил, смеялся, с увлечением рассказывал эпизоды из своей богатой революционными событиями жизни.

Вернувшись с прогулки, я записала эти воспоминания Георгия Михайловича и других товарищей, но, к сожалению, почти все мои заметки были утеряны во время войны и эвакуации. Случайно сохранилось только несколько листков конца беседы. Привожу их в том виде, как они были записаны в то далекое время.

После рассказа Коларова все глубоко задумались и долго молчали. Потом заговорил Дмитрий Захарович. Наполнив стакан минеральной водой, Мануильский подошел к Георгию Михайловичу и в форме задушевной шутки сказал:

— Прости меня, Георгий, что приходится провозглашать тост за тебя со стаканом боржома в руках. Если бы я знал, что мне это предстоит сегодня, я захватил бы с собой вино из самых нежных, самых душистых гроздьев винограда, вобравших в себя самые теплые, самые ласковые лучи солнца, с любовью выращенные лучшими виноградарями, которыми так богата твоя родина. Сегодня правители Болгарии отреклись от тебя и лишили права быть ее гражданином. Наш народ с гордостью назвал тебя своим сыном. Два смертных приговора преграждают тебе путь на родину. Но недалек тот час, когда, отправив, при твоем непо-

средственном участии, фашистов и их подпевал на свалку истории, народ Болгарии будет складывать о тебе песни...

— Не увлекайся,— смеясь, остановил его Георгий Михайлович.

Мануильский махнул рукой:

— Я не увлекаюсь, Георгий. Не мешай!.. будет складывать о тебе песни, и благодарные потомки никогда не забудут человека, который в самые трудные для коммунистов годы своим личным примером и мужественной борьбой нанес гитлеровцам первое поражение и вдохнул в народы веру в свои силы и уверенность в конечной победе.

А теперь, товарищи, разрешите мне ответить на вопрос Стеллы: где и когда свела меня судьба с Георгием Михайловичем. Еще не будучи знаком с ним лично, я слышал о нем и его революционных делах много легенд. Последнюю мне рассказали незадолго до нашей встречи. Я узнал, как он и Коларов, избранные делегатами на II конгресс Коминтерна и стремясь во что бы то ни стало увидеть и услышать Ленина, добирались в Советскую Россию. В те времена все пути-дороги сюда из Болгарии были заказаны, кроме одного-единственного — морем до Одессы. Этот путь они и избрали. На утлой рыбачьей лодчонке с самодельным парусом, по бурному Черному морю, рискуя ежеминутно быть поглощенными разыгравшейся стихией, три дня и три ночи они плыли...

— И не доплыли!..— с большой грустью сказал Димитров.

— И вместо Москвы и II конгресса Коминтерна попали мы, многогрешные, в поле зрения сторожевого корабля и в румынскую тюрьму,— закончил фразу Коларов...

— А увидел я впервые Георгия Михайловича,— продолжал Дмитрий Захарович,— на III конгрессе Коминтерна. Среди болгарской делегации резко выделялось лицо, обрамленное черной курчавой бородой. Не отрывая темных, горячих глаз, с огромным вниманием слушал он Ленина. Это был Димитров. После доклада Владимира Ильича я подошел к Георгию Михайловичу, и мы долго с ним разговаривали. Я подумал: такого — хорошо иметь другом... И не ошибся, товарищи!

— Но что такого нельзя иметь врагом, не поняли фашистские мерзавцы,— сказала Благоева.

— Ты не права, Стелла,— возразил Георгий Михайлович.— Они это отлично поняли, правда с некоторым запозданием, за что им пришлось заплатить ролью кровавых шутов на мировой арене Лейпцига.

Солнце уже сильно продвинулось на запад, пора было возвращаться в санаторий, но уходить никому не хотелось.

— Дмитрий Захарович, ты обещал рассказать нам о том, как узнал о поджоге рейхстага. Как вы думаете, товарищи, надо выполнять обещание? — спросил Георгий Михайлович.

— И попадет же нам с Георгием Михайловичем за самовольную, да еще такую длительную, отлучку! — прищурив смеющиеся глаза, вздохнул Мануильский.

— Но раз обещал, ничего не поделаешь — придется выполнять!

— О поджоге рейхстага я узнал, наверно, часов на восемь — десять раньше, чем узнал сам «виновник» этого события, Георгий Михайлович. Ты, наверно, еще спокойно занимался своими делами, а может быть, в каком-нибудь мюнхенском «Ашингере» допивал перед дорогой последнюю кружку знаменитого мюнхенского пива или не пил его, но, во всяком случае, находился еще в полном неведении о бушевавшем в центре Берлина страшном пламени пожара, освещавшем зловещим красным заревом его вечернее небо. Должен сознаться, что и я в тот злополучный вечер не мучился никакими предчувствиями, рано лег спать и быстро и спокойно уснул. Но насладиться сном долго не пришлось. Не прошло и получаса, как раздался телефонный звонок. Я натянул на голову одеяло и решил продолжать спать, но настойчивые звонки не прекращались. Я подумал, кто так упорно звонит, все равно не отстанет, пока я не отзовусь. Резко поднявшись, я подошел к телефону. В аппарате зазвучал приятный голос Кирова.

Сергея Мироновича я знал еще со времен гражданской войны. Был он человек живой, полный молодого энтузиазма, общительный, любивший жизнь, товарищей, шутку, смех.

— Ты уже спишь? — спросил он меня.

— Да, вздремнул.

— Как же ты можешь спать,— сказал укоризненно Сергей Миронович,— когда горит рейхстаг, подожженный фашистами.

— Ты откуда говоришь? — спросил я у Сергея Мироновича.

— Из Ленинграда.

Я вспомнил, как несколько лет тому назад меня так же неожиданно разбудил Киров и сообщил о восстании на острове Исландия. Я недоуменно поводил глазами и переспрашивал:

— Где восстание? Какое восстание?

В ответ на это в аппарате послышался какой-то шепот и тихий сдержанный смех, и затем укоризненный голос Кирова сказал:

— Стыдно Коминтерну спать, когда народные массы Исландии подымаются на борьбу. Неужели ты ничего не знаешь об этом?

Продолжая растерянно хлопать глазами, я ответил:

— Да, прошляпили, черт нас возьми!

В трубке раздался веселый хохот.

Однако в сообщении Кирова о поджоге рейхстага, в отличие от того ночного разговора, когда он разыграл меня, слышались большая озабоченность и тревожные ноты.

— Я сейчас узнаю и позвоню тебе.

— Нет, лучше я подожду у телефона,— ответил Киров.

Связавшись немедленно с Информотделом Коминтерна, я установил, что, к сожалению, сообщение Кирова на этот раз не является шуткой.

— Да, это была такая «шутка», которая едва не стоила головы Георгию Михайловичу. Сколько раз его жизнь висела на волоске, и всегда глубокая убежденность в правоте своего дела и мужественная защита помогали Георгию выходить победителем из самых, казалось бы, безнадежных положений,— сказал Коларов.

Димитров заметил:

— Никто, конечно, не сомневается в том, что нацистские правители не выпустили бы на свободу коммуниста, да еще не прекратившего борьбы против них. Спасти его не могли бы не только никакие его личные качества, но и самые энергичные протесты коммунистов всего земного шара. В Лейпциге это могло произойти только потому, что протест коммунистов был решительно поддержан самыми широкими народными массами всех стран и фашисты натолкнулись на такую силу, против которой они не могли устоять.

Лейпциг был блестящим примером того, чего могут достичь трудящиеся: рабочие, крестьяне и честные интеллигенты, объединив свои действия для достижения определенной цели в национальном и международном масштабе. Мы, коммунисты, должны крепко задуматься над этим и сделать выводы, особенно теперь, когда намечаем тактические задачи, стоящие перед секциями Коминтерна.

...Заполненные работой, незаметно пробежали дни, остававшиеся до отъезда Георгия Михайловича из санатория.

Дружески распрощавшись с врачами и всеми барвихинцами и принеся им свои глубокие извинения за доставленные беспокойными коминтерновцами хлопоты и треволнения, Георгий Михайлович покинул эту тихую подмосковную обитель.

* * *

Задушевная простота в подходе к товарищам, искренняя забота о них и исключительное умение владеть собой были неотъемлемыми качествами Георгия Михайловича.

Вспоминаю тревожные дни осени 1941 года.

Фашисты рвались в Москву. Где-то в ее окрестностях сброшен вражеский десант. Оставшихся в Москве ребятишек эвакуируют на восток. Отправляют также больных и стариков.

Вечер. Окна затемнены. На дворе не видно ни зги. Сквозь жалобно завывающий ветер слышатся сильные взрывы, отдающиеся в сердце глубокой болью. Это фашистские стервятники,

прорвавшиеся в московское небо, бомбят Мытищинский вагонный завод.

Раздается телефонный звонок. У аппарата Георгий Михайлович. Бодрым, спокойным голосом он сообщает о своем состоявшемся несколько минут тому назад телефонном разговоре с Дмитрием Захаровичем. Я понимаю, конечно: говорит он об этом только потому, что тоже услышал взрывы и знает, что я не могу не волноваться о Дмитрии Захаровиче — его дорога домой лежит через Мытищи. На мой вопрос о Мите — сынишке Георгия Михайловича — он охотно и тепло рассказывает о нем и с большой грустью, которую не удается скрыть, делится своим намерением отправить его вместе с матерью завтра из Москвы. А затем как-то совсем неожиданно предлагает мне поехать с Розой Юльевной и Митей в Куйбышев и пожить там с ними какое-то время, поскольку я недавно перенесла серьезную легочную операцию. Всегда вспоминаю и бережно храню те несколько строчек, которые Георгий Михайлович прислал мне в крымский санаторий после этой операции. В них он пожелал мне прежде всего то, что было так свойственно ему самому: терпения и выдержки, чтобы добиться восстановления здоровья и трудоспособности.

Покидать Москву мне очень не хочется. Я благодарю Георгия Михайловича за его заботу, но ехать в Куйбышев отказываюсь. Георгий Михайлович не уступает. Терпеливо и долго объясняет, почему он настаивает на моем отъезде. Он заверяет, что немцам как своих ушей не видать Москвы и расстаться мне с ней придется ненадолго. Но создавшиеся в данное время в Москве трудные для работы условия не исключают возможности эвакуации Исполкома Коминтерна. Если я заболею, что весьма вероятно в эти ненастные туманные дни, и не смогу выехать вместе с коминтерновцами, то плохо будет не только мне, но и Дмитрию Захаровичу, которого я свяжу по рукам.

Все-таки я тогда не послушала совета Георгия Михайловича, а он в тот печальный вечер «как в воду глядел».

В конце 1941 года Георгий Михайлович выехал в Уфу, куда был эвакуирован Исполком Коминтерна. Жил он там с женой и сыном в небольшом деревянном домике, который встает у меня в памяти почему-то всегда сильно занесенным сверкающим на солнце снегом. Наверно, потому, что месяцы, прожитые в Уфе, связываются у меня со снегопадами, солнцем и метелями.

Помню длинную светлую комнату. Георгий Михайлович и мы с Дмитрием Захаровичем сидим за столом, заваленным газетами и журналами, Роза Юльевна хлопочет по хозяйству, а Митя, чудесный парнишка лет пяти, с большими серыми глазами, живой и ласковый, награжденный природой большим воображением и ораторским талантом, взобравшись на стул, «докладывает» о «текущем моменте». Переплетая сказочные мотивы с

войной против фашистов и лукаво поглядывая на отца, он нарочно вставляет в свою «речь» самые фантастические слова. Георгий Михайлович подхватывает сына на руки и, сажая к себе на колени, спрашивает:

— Ты почему, Митя, опять придумывал слова?

Митя весело хохочет и, медленно соскальзывая с колен отца, крепко обнимает его за шею и повисает на ней. Затем он мчится в переднюю (в «сени», как он ее называл) и, нахлобучив ушанку, летит обратно и просит отца «завязать ему веревочки». Георгий Михайлович души не чаял в Мите.

Через год после возвращения из эвакуации в Москву Митя умер от дифтерита. Умирал он очень тяжело. Двенадцать дней длилась агония. И хотя был он еще таким маленьким и, конечно, понятия не имел, что такое смерть, накануне ее, не отрывая от отца наполненных слезами огромных глаз, все спрашивал его: «Папа, а я не умру? Я не хочу умирать». Георгий Михайлович ласково гладил его мокрую от пота головку и утешал:

— Скоро, Митя, мы с тобой будем на лодке кататься...

Митя умер в полном сознании и до последней минуты не выпускал руку отца из своей худенькой ручонки.

Никогда в жизни я не забуду зацементированный квадрат московского крематория, на котором был установлен небольшой открытый гробик. В нем лежал с восковым личиком Митя. Под звуки трагической музыки гроб с Митей стал медленно опускаться вниз. Что творилось с Розой Юльевной, лучше не вспоминать. Да и мы все, потрясенные случившимся, едва держались на ногах. А Георгий Михайлович стоял не шелохнувшись, и только глаза его отражали нечеловеческую муку, и лицо было таким же восковым, как у Мити.

После кремации мы все поехали к Георгию Михайловичу. В большой комнате у стола, как-то сразу сильно осунувшийся, стоял Георгий Михайлович. Хотелось подойти к нему, сказать что-то очень хорошее, теплое, сердечное, передать ему, как мы все любим его, но слова застревали в горле и боязнь расплакаться у него на глазах связывала, сковывала все движения. Даже Дмитрий Захарович, умевший всегда в тяжелые минуты найти для друга нужное слово, которое сняло бы с него какую-то частицу обрушившейся тяжести, даже он, начав говорить, оборвал на полуслове фразу, так как никак не мог справиться со своим голосом.

Георгий Михайлович заметил, что происходит с товарищами. Он заговорил первый, и заговорил так, как будто не мы его, а он должен был утешить нас.

* * *

Окончился траурный митинг на перроне вокзала Киева. Я зашла в купе проститься с родными Георгия Михайловича. У окна, спиной к двери, стоял его приемный сынишка, такой же маленький и худенький, каким был Митя, когда ушел из жизни, и голова такая же темная. Я невольно вздрогнула.

Мы крепко обнялись с Розой Юльевной и Еленой Михайловной.

Говорить мы ни о чем не могли.

Поезд бесшумно тронулся. Промелькнули и исчезли два зеленых огонька последнего вагона.

Прощай навсегда, дорогой товарищ!

Возвращаясь с вокзала домой мимо лесной опушки заповедника «Пуща водица», я еще раз вспомнила другую лесную опушку и тост Мануильского, провозглашенный за Георгия Михайловича, прерванный им в том месте, где Дмитрий Захарович говорил о песнях, которые будет складывать болгарский народ о Димитрове.

Много песен сложено теперь о нем, и поют их не только в его родной Болгарии и странах, навсегда покончивших с капитализмом, но и там, где он еще угнетает народы. Песнь о великом революционере вдохновляет их на борьбу с фашизмом, в которую Георгий Михайлович внес такой богатый вклад. Над гробом Димитрова представитель коммунистов Греции говорил:

«Товарища Георгия Димитрова наш народ очень любил. Героическая песня о нем стала одной из самых популярных песен на нашей исстрадавшейся от фашизма мученической земле».

* * *

Страшная весть о кончине Г. Димитрова, застигшая Дмитрия Захаровича Мануильского в Нью-Йорке, глубоко его потрясла.

Когда он вернулся с Ассамблеи ООН и узнал, что, умирая, Георгий Михайлович очень хотел его видеть и с нетерпением ждал его, Дмитрий Захарович был вне себя от горя.

Вскоре он сам заболел смертельной сердечной болезнью. И нет сомнения, что одной из причин ее была неожиданная смерть Георгия Михайловича, которого он очень любил всем своим беспокойным, горячим сердцем и вспоминал до последнего дня своей жизни.

1966 г.

Енчо Стайков

ШИРОТА МЫСЛИ, ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

С Георгием Димитровым я познакомился ближе в 1935 году. По решению Центрального Комитета партии мы тогда с Сыби Димитровым были назначены делегатами из Болгарии на VII конгресс Коммунистического Интернационала. После военного переворота 19 мая 1934 года мы, как и все члены ЦК Рабочей партии, были вынуждены находиться на нелегальном положении.

Собрались мы в Варне. До Советского Союза предстояло добираться нелегально через море, на лодке. Вместе с нами должны были отплыть в СССР и 12 политических эмигрантов.

Конгресс открылся и начал свою работу 25 июля 1935 года, а мы все еще не могли отправиться в путь, продолжая скрываться в варненских виноградниках. Наконец однажды ночью нам удалось незаметно выйти в море и взять курс к советскому берегу. Однако уже на третий день у нас кончились продовольствие, питьевая вода и самое главное — бензин. К счастью, попутный ветер пригнал нашу лодку в район Одессы. Там советский катер взял нас на буксир и доставил к пристани.

На следующий день мы с Сыби Димитровым выехали поездом в Москву. И вот мы в Колонном зале Дома союзов, где работал VII конгресс Коммунистического Интернационала. Только мы заняли свои места в зале заседания, как нас с Сыби пригласили за сцену, где мы совсем неожиданно встретились с Георгием Димитровым. Он поздравил нас с благополучным прибытием и коротко расспросил о положении в стране.

Прения по докладу Георгия Димитрова уже закончились. Однако мы получили возможность услышать его прекрасное заключительное слово. В нем он вновь рассмотрел узловые проблемы борьбы против фашизма.

Георгий Димитров особенно подчеркнул наше отношение к борьбе за демократические права и свободы. «Являясь сторонниками советской демократии,— отметил он,— *мы будем отстаивать каждую пядь демократических завоеваний, которые рабочий класс вырвал годами упорной борьбы, и будем решительно драться за их расширение*». Далее Димитров подчеркнул: «Сейчас фашистская контрреволюция атакует буржуазную демократию, стремясь установить над трудящимися режим самой варварской эксплуатации и подавления их. Сейчас трудящимся массам в ряде капиталистических стран приходится выбирать *конкретно* на сегодняшний день не между пролетарской дикта-

турой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом».

Никогда в моей памяти не изгладится воспоминание о последнем заседании конгресса, которое состоялось 20 августа 1935 года. После избрания руководящих органов Коминтерна и заключительной речи Георгия Димитрова все делегаты встали и бурными аплодисментами приветствовали принятые решения. Георгий Димитров был избран генеральным секретарем Коммунистического Интернационала. В зале раздавались восторженные возгласы, делегаты пели революционные песни, на всех языках звучал «Интернационал». Решения были приняты, и теперь предстояла самая ответственная задача — претворить их в жизнь. В скором времени делегаты конгресса, прибывшие со всех концов мира легальными или нелегальными путями, разъедутся по своим странам. Там они будут вести жестокую, но славную борьбу за выполнение решений VII конгресса Коминтерна.

Сразу же после конгресса состоялось совещание Балканского секретариата при Исполкоме Коммунистического Интернационала с участием Заграничного бюро[1] ЦК БКП и болгарской делегации на конгрессе. Совещанием руководил Клемент Готвальд, избранный на VII конгрессе одним из секретарей ИККИ.

После совещания Заграничное бюро нашей партии выработало директивы по выполнению решений VII конгресса Коминтерна, которые после принятия замечаний, сделанных Георгием Димитровым, были направлены в Болгарию.

В то время партия в крайне тяжелых условиях восстанавливала свои организации после ударов, нанесенных ей в результате военного переворота 19 мая 1934 года. Делались первые шаги по претворению в жизнь указаний Георгия Димитрова о новом курсе партии, а также резолюции Политсекретариата ИККИ о работе БКП от 14 августа 1934 года.

В начале октября было проведено заседание Заграничного бюро ЦК БКП, на котором Георгий Димитров дал очень важные указания. На заседании рассматривались политическое положение и задачи по перегруппировке общественно-политических сил в Болгарии. После доклада Васила Коларова начались прения. В своем выступлении Димитров отметил, что прежде всего важно хорошо знать положение в стране, постоянно изучать его, чтобы правильно ориентироваться в происходящих там событиях.

[1] В октябре 1923 г. после приезда в Вену Г. Димитрова и В. Коларова был создан Заграничный комитет БКП, задачей которого было содействие восстановлению партии и поддержание связи между ее внутренним центром и Коминтерном. Существовал до марта 1924 г., когда был преобразован в Заграничное представительство БКП. На II партконференции (конец 1927 г.— начало 1928 г.) были сформированы Центральный Комитет для работы внутри страны и Заграничное бюро, прекратившее свою деятельность после 9 сентября 1944 г.— *Прим. перев.*

Без конкретного изучения положения дел в стране невозможно проводить большевистскую политику в массах. Сейчас в Болгарии существует много острых противоречий, столкновений, каких раньше не было. Все это находит отражение и в армии. Накладывает свой отпечаток и воздействие из-за рубежа.

Георгий Димитров отметил также наличие в стране условий для создания широкого единого и народного фронта. Необходимо, однако, выдвигать такие внутриполитические, экономические и внешнеполитические лозунги, которые могут объединить массы. Такая программа будет служить демаркационной линией между народом и его врагами. Он подчеркнул, что партия должна вести конкретную политическую борьбу. Между реакционными силами существуют противоречия, эти силы изобличают сами себя, а мы вместо того, чтобы использовать факты, которые они сами дают нам в руки, и поколебать последних их приверженцев, говорим общие фразы.

Георгий Димитров подчеркнул, что из центра нужно давать лишь общее направление, а уж конкретные решения должен принимать Центральный Комитет на месте, внутри страны, с учетом конкретной обстановки. Это, сказал он, является новым курсом Коммунистического Интернационала.

Заграничное бюро рассмотрело и вредные для партии последствия ошибочной политики левосектантского руководства. Это было сделано на ряде заседаний Заграничного бюро с участием московского актива партийной эмиграции и нашей делегации. На этих заседаниях выступили многие товарищи, которые проанализировали, как родилась левосектантская фракция в среде эмиграции, подвергли критике ее ошибочные взгляды, ее неправильное отношение к прошлому партии, вредное деление кадров на молодых и старых, попытки перенести фракционную борьбу в страну и др.

Особенно сильное впечатление произвело зачитанное Антоном Ивановым февральское 1930 года заявление Георгия Димитрова в Президиум ИККИ о положении в нашей партии и опасности для нее со стороны взявших верх мелкобуржуазных сектантских элементов.

Неправильная политика левосектантского руководства и ее отрицательные для партии последствия особенно стали очевидны в свете решений VII конгресса.

Мне следовало поспешить с возвращением в Болгарию, так как готовился VI пленум ЦК БКП, где я должен был выступать с докладом о решениях VII конгресса Коммунистического Интернационала. В связи с этим я был принят Георгием Димитровым. Эта встреча оставила у меня глубокое впечатление.

Георгий Димитров говорил по многим вопросам, однако особое внимание уделил он решениям VII конгресса, отметив то

новое, что они дали коммунистическим партиям. Он вновь обратил внимание на необходимость тщательного изучения фактов, хорошего знания действительности и процессов, происходящих в общественно-политической жизни. Если мы хотим, чтобы наши анализ и выводы были верными, мы должны остерегаться общих формул и схем. Димитров не случайно задерживал мое внимание на этом вопросе. Доктринерство уже успело пустить корни в среде наших кадров, и требовалась настойчивая работа, чтобы преодолеть сектантскую ограниченность, подмену марксистско-ленинского анализа шаблонами и схемами.

Георгий Димитров с удовлетворением отметил, имея в виду состоявшийся конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи, что молодежь с готовностью восприняла новые политические положения, принятые VII конгрессом Коминтерна.

Он особенно подчеркнул важность широкой массовой работы среди трудящихся, сочетания нелегальной и легальной форм работы, необходимость, несмотря на террор, найти возможность для выхода из подполья, чтобы поддерживать живую связь с людьми. И не в том заслуга, заметил он, чтобы тайком сунуть кому-нибудь в карман нелегальную листовку, которую человек наверняка вытащит на глазах у публики и придет в замешательство. Гораздо важнее, вопреки тяжелым нелегальным условиям, найти подходящие формы непосредственного общения с людьми, влиять на них самыми различными способами.

Георгий Димитров дал также ряд конкретных напутствий в связи с работой нашей партии по осуществлению решений VII конгресса Коммунистического Интернационала. Более подробно он остановился на вопросе создания народного фронта, вновь указав, что при осуществлении этой задачи нужно выдвигать такие лозунги, которые соответствуют конкретной действительности, происходящим в ней изменениям.

Георгий Димитров говорил и о нашей работе среди политзаключенных. В то время фашистские тюрьмы в Болгарии были переполнены осужденными коммунистами и комсомольцами, которые на протяжении длительного времени воспитывались в левосектантском духе. По этому вопросу проводилось специальное заседание Заграничного бюро, но Димитров еще раз остановился на нем. Он отметил, что нужно прекратить проведение различного рода акций в тюрьмах, так как не они решат судьбу фашистской диктатуры. Политзаключенные должны использовать свое время в тюрьмах прежде всего для учебы, овладения марксизмом-ленинизмом, для подготовки к тому, чтобы после выхода на свободу включиться в борьбу, которую ведет партия.

С особым, теплым чувством говорил Георгий Димитров о болгарском народе, его боевых качествах, о том, что это закаленный и сильный народ, свято сохраняющий революционные традиции.

«То, что сказано мной на Лейпцигском процессе в защиту болгарского народа от хулы гитлеровцев,— подчеркнул он,— было не случайностью, а моим твердым убеждением».

Как известно, Димитров в своем докладе на VII конгрессе подробно остановился на вопросе о том, что коммунисты должны связывать свою сегодняшнюю борьбу с революционной борьбой своих народов в прошлом. Он подчеркнул, что коммунисты — решительные борцы против национализма и шовинизма, но не нигилисты по отношению к прошлому своих народов. Этот раздел доклада имел большое значение, так как до VII конгресса отдельные коммунистические партии в большей или меньшей степени недооценивали значение революционной народной борьбы в прошлом. А этим ловко пользовались фашисты, стремившиеся присвоить все положительное из прошлого народа, а отрицательное приписать своим врагам.

Решения VI пленума ЦК БКП, который состоялся в начале 1936 года, имели историческое значение для нашей партии в годы фашистского господства. В них нашло отражение творческое использование решений VII конгресса с учетом болгарских условий, а также новый курс партии, взятый ею в соответствии с указаниями Георгия Димитрова.

После VI пленума развернулась широкая работа по претворению в жизнь его решений. Вопреки жестокому фашистскому террору, партия шаг за шагом восстанавливала свои организации в городах и селах. Крупным успехом стала активная стачечная борьба, организованная партией в 1936 году. Несмотря на трудности и сопротивление лидеров демократических партий, были достигнуты значительные успехи в создании народного фронта, в проведении ряда акций под его знаменем.

Все это говорило о том, что, вооруженная решениями VII конгресса Коминтерна и своего VI пленума, следуя непосредственным указаниям Георгия Димитрова, наша партия вышла из тупика, в который ее завел левосектантский курс, восстановила свои связи с народными массами, провела ряд политических выступлений, что в борьбе против монархо-фашистской диктатуры вновь наступал подъем.

Поэтому, когда вспыхнула вторая мировая война, Болгарская коммунистическая партия оказалась готовой встретить бурные события. Она была достаточно крепка, чтобы организовать революционную борьбу трудящихся, сплотить под трехцветным знаменем Отечественного фронта антигитлеровские силы страны, создать широкое партизанское движение и в обстановке решающих побед Советской Армии привести народную освободительную борьбу к победоносному завершению — 9 сентября 1944 года.

1968 г.

О. В. Куусинен

ЗНАМЕНОСЕЦ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

Георгий Михайлович Димитров был знаменосцем пролетарского интернационализма, пламенным вдохновителем и организатором единого фронта борьбы против фашизма и войны, выдающимся деятелем и руководителем международного коммунистического движения.

Когда я сейчас представляю себе Георгия Михайловича Димитрова, то из впечатлений от многочисленных встреч и бесед перед моими глазами складывается прежде всего образ убежденного марксиста-ленинца.

Всех нас, кто близко знал Георгия Димитрова по совместной работе, поражали некоторые важные черты его характера, вытекающие из глубокого марксистско-ленинского мировоззрения. Это прежде всего его непоколебимая идейная убежденность. Он твердо верил в победу рабочего класса. Причем в торжестве социализма он был уверен не как фаталист, а как марксист-ленинец. Глубокое знание революционной теории, умение проникнуть в самую сущность марксизма-ленинизма порождали у него эту уверенность в окончательной победе коммунизма.

Далее. Вера в эту победу социализма сочеталась у Димитрова со страстной революционной энергией. Он не ждал, чтобы победа пришла сама собой, как это делают некоторые оппортунисты, бездельники. Димитров всегда рвался к работе, боролся за победу, старался приблизить ее.

В борьбе за победу социализма Димитров умело сочетал непримиримую принципиальность с политической гибкостью. Он обладал искусством правильно наметить политическую линию, проявляя при этом тактическую гибкость, столь необходимую для укрепления связи с широкими народными массами.

Эти ценнейшие качества гармонически сочетались в характере Георгия Димитрова и выдвинули его в первые ряды руководящих деятелей международного рабочего движения.

Мы, коммунисты старшего поколения, знали Георгия Михайловича Димитрова как последовательного пролетарского интернационалиста, как видного деятеля международного коммунистического движения еще задолго до того, как в Лейпциге, на фашистском суде, он высоко поднял знамя антифашистской борьбы трудящихся всех стран.

Здесь невозможно проследить всю многогранную деятельность Димитрова в Коммунистическом Интернационале. Это был период большого подъема в истории международного коммунисти-

ческого движения. Период полного расцвета сил и дарования самого Димитрова как выдающегося деятеля международного коммунистического движения. Димитров успешно руководил деятельностью Коминтерна, направленной на укрепление коммунистических партий, расширение их влияния на массы, воспитание руководящих кадров, не зараженных оппортунизмом и сектантством. Георгий Димитров всегда оказывал помощь организациям международного пролетариата, делал все, чтобы они могли полнее усвоить богатейший революционный опыт Коммунистической партии Советского Союза. Он учил руководящих деятелей коммунистических партий избегать схематизма и шаблона в работе, применять принципы марксизма-ленинизма сообразно с конкретной обстановкой. Он воспитывал в них умение самостоятельно ориентироваться в любой, самой сложной обстановке, правильно руководить массами, не рассчитывая на стихийное развитие революционного движения.

В центре всей деятельности Димитрова как руководителя Коммунистического Интернационала находилась борьба за мир, против агрессивной оси Берлин — Рим — Токио. Многое было сделано Димитровым для разоблачения мюнхенской сделки англо-французских империалистов с фашистскими агрессорами. Со страстным воодушевлением он призывал к созданию во всех странах самого широкого фронта народных масс для борьбы против угрозы империалистической войны.

Когда фашистские захватчики развязали войну и вторглись на территорию многих миролюбивых государств Европы, Димитров призвал коммунистов возглавить национально-освободительное движение патриотических сил против фашистских варваров.

Разгром вооруженных сил фашистской Германии и ее союзников славной Советской Армией открыл во многих странах Европы новые, невиданные возможности для сплочения всех трудящихся в единый фронт борьбы против буржуазии, реакции и фашизма.

В течение этого периода Димитров работал главным образом в своей родной Болгарии. Он был основателем Отечественного фронта болгарского народа, вождем коммунистической партии, возглавлял правительство болгарского народно-демократического государства. Но мы знали, что он по-прежнему остается вдохновенным знаменосцем пролетарского интернационализма.

Для Димитрова никогда не существовало никакого противоречия между пролетарским интернационализмом и подлинным социалистическим патриотизмом, наоборот, в его сознании они сливались в одну-единственную революционную движущую силу.

Как известно, это особенно ярко проявилось еще в его речах на Лейпцигском процессе и на VII конгрессе Коминтерна. Мне вспоминается, как позднее, осенью 1948 года, в личной беседе со мной он с огромным увлечением и убежденностью развивал мысль о единстве интернационализма и подлинного патриотизма. Эти идеи четко и ясно сформулированы также в его докладе на V съезде Болгарской рабочей партии (коммунистов), состоявшемся в декабре 1948 года.

В Георгии Димитрове замечательным образом сочетались качества последовательного и убежденного пролетарского интернационалиста и страстного патриота. Чрезвычайно приятно было видеть, как этот великий интернационалист, занимаясь грандиозными проблемами международного рабочего движения, внимательно следил за жизнью и борьбой болгарского народа, направлял по правильному пути деятельность революционных сил в своей родной Болгарии.

Димитров раскрыл глубочайшие исторические корни болгаро-советской дружбы, неоднократно подчеркивал решающую роль Советского Союза в освобождении Болгарии от фашистского ига, в заключении справедливого мирного договора, в восстановлении и развитии народного хозяйства страны. Он был искренним другом Советского Союза, стремился воспитать во всех болгарах чувство любви и дружбы к СССР.

Мы знали Георгия Димитрова как пламенного борца за мир. До последних дней своей жизни он прилагал все силы к расширению и укреплению международного фронта защиты всеобщего мира, над которым в то время нависла новая чудовищная угроза со стороны англо-американских империалистов.

На основе анализа международной обстановки Димитров сделал правильный вывод о возможности создания широкого фронта рабочего класса, всех трудящихся и целых народов против угрозы империалистической войны.

Георгий Димитров всегда призывал нас укреплять революционную бдительность, оборонную мощь стран социализма. Вся жизнь Георгия Димитрова была отдана благородной и самоотверженной борьбе за освобождение трудящихся всех стран от кровавого насилия и варварского капиталистического угнетения. Его деятельность всегда была направлена на торжество дела мира и социализма во всем мире.

Титаническую силу и неиссякаемую энергию Георгий Димитров черпал в марксистско-ленинском учении, в глубочайшем убеждении, что дело освобождения международного пролетариата не может не победить. Борясь за победу этого всемирно-исторического дела, против черных сил империалистической реакции, Димитров пользовался поддержкой миллионов трудящихся всех стран, выражал их волю и чаяния.

Вот почему советские люди вместе с трудящимися всего мира высоко ценили и ценят исторический вклад Георгия Димитрова в великое дело борьбы за торжество идей пролетарского интернационализма, за коммунистическое будущее человечества.

1957 г.

Пальмиро Тольятти

НА ЕГО ПРИМЕРЕ БУДУТ УЧИТЬСЯ ПОКОЛЕНИЯ

Его жизнь — это непрерывная борьба от начала и до конца. И нужно рассказать о ней поколениям, которые сегодня вступают в жизнь и в классовую борьбу, чтобы они извлекли из нее уроки и прониклись энтузиазмом. Сын рабочих и сам рабочий, он начал с тщательной и упорной работы по организации борьбы рабочих своей отрасли против эксплуатации хозяев; он стал руководителем своего профсоюза, всего профсоюзного движения своей страны, революционного течения болгарского социализма. Умный организатор, способный руководитель забастовок, он никогда не ограничивал свои помыслы и свою деятельность убогим практицизмом бюрократа-реформиста, который в тот период, накануне первой мировой войны, уже появился на арене рабочего движения. Для него профсоюзная борьба с самого начала была неразрывно связана с всесторонней борьбой за равноправие трудящихся и, следовательно, с политической борьбой против реакционного режима, за демократию, за приход нового класса к руководству обществом, за социализм. Он прошел школу великого русского революционного движения, которое имело свои ответвления в Болгарии и на долю которого выпало, после краха погрязших в оппортунизме и предательстве социал-демократических и социалистических партий Центральной и Западной Европы, поднять и нести дальше, к новым победам великое идейное наследие революционного марксизма.

Димитров никогда не был педантом. Он не принадлежал к тем, кто начинает свои писания цитатами, кто щеголяет книжной эрудицией, кто стремится вывести утверждаемое им положение из десятков и сотен утверждений, уже сделанных другими, при других обстоятельствах. Его мысль питалась истинной культурой, глубоким, непосредственным знанием классиков марксизма, работы которых он изучал и обдумывал, и глубоким, непосредственным знанием мыслителей и писателей всех стран. Ему были близки Гёте и Данте, так же как Карлу Марксу, Гейне и Вольтер, как и Ленину. Ими жил его дух, и мы, его со-

ратники и друзья, не удивлялись, когда в дни самых напряженных дискуссий видели на его столе рядом с текстом какой-нибудь политической резолюции томик Аристотеля или один из последних романов, вышедших в Париже. Он являл собой наглядный пример, живой образец новой, социалистической культуры, в которой представлены все великие открытия и завоевания прошлого.

Как борец Димитров вступил в открытую, но неравную борьбу с насильнической и вероломной властью реакционных классов, которые господствовали в Болгарии. Его преследовали, арестовывали. Но всякий раз он выходил из испытаний еще более сильным, еще более глубоко убежденным в своем революционном долге, еще теснее связанным с трудящимися массами, которые шли за ним уже не только как за руководителем, но и как за героем. Он сидел в тюрьме за антивоенную деятельность в годы первой империалистической войны, в отношении которой его позиция совпадала с позицией Ленина и русских большевиков. Он был в первых рядах борьбы в бурные послевоенные годы, когда исчезло и то немногое от демократической законности, что оставалось в Болгарии, и болгарский народ попал под иго фашизма, угнетавшего его до 1944 года и свергнутого только с помощью победоносной Советской Армии. Но на долю Георгия Димитрова выпало дать фашизму первый победоносный бой.

Он начался на Лейпцигском процессе, документы которого сегодня нельзя читать без глубокого восхищения. Потому что и Гитлер, и Геринг, и Геббельс были тогда на вершине власти. Они раздавили сопротивление трудящихся классов и незначительных демократических сил Германии; за ними стояла наглая сила крупной буржуазии и немецкого милитаризма; они пользовались поддержкой наиболее сильных правящих групп международной буржуазии; английские консерваторы и французские радикалы, ненавидящие рабочее движение, заискивали перед ними. А Димитров был один, почти неизвестен миру, заперт в карцер, день и ночь в кандалах: ему приписывали абсурдное обвинение в поджоге рейхстага. Против этого одного человека, чтобы поддержать обвинение и добиться смертной казни (это был бы третий смертный приговор в его жизни), новый режим собрал все свои силы. Борец в таких ужасных условиях становится больше чем борцом — он становится героем. Его пример приближается к примерам самых великих героев и мучеников истории и даже превосходит многие из них, ибо его героизм заключается не только в смелости, физической и моральной силе, а прежде всего в силе разума, в продуманной оценке обстоятельств, в которых развивается борьба, в том, что в данном случае сильнейшим является не наглый обвинитель,

а обвиняемый, человек, закованный в цепи, которому угрожает смерть. Димитров исходит из глубокого убеждения, что фашизм, даже будучи властью наиболее агрессивной и варварской части буржуазии, является слабой властью, в основе которой кроются глубокие противоречия. Этой власти можно и нужно дать бой, и можно победить ее на глазах изумленного мира, который сосредоточил свое внимание на этом зале суда. Нет никакой риторики, никакой демагогии или пустой сентиментальности в том, что Димитров делает в этом зале. Там есть только рабочий — борец, коммунист, сражающийся оружием своего разума и применяющий это оружие, чтобы обнажить истинную правду. Посрамленные тираны отступают, теряют самообладание, они повергнуты. Георгий Димитров выигрывает сражение, которое он вел не столько за свою жизнь (на нее он не обращал внимания в тюрьме, напрягая все усилия, что будет сказываться на его организме до последнего часа), сколько за свою честь коммуниста, чтобы своим примером указать путь к сопротивлению и борьбе против фашистской тирании, на который должны стать и станут в трудные последующие годы целые народы.

И именно в этот момент фигура Димитрова — мыслителя и политика встает во весь рост. Мы восхищались этим борцом. Мы превозносили в нем несгибаемого героя. Весь мир увидел тогда в его лице политика — марксиста-ленинца, политика, отличающегося такими новыми, глубоко оригинальными чертами, которых рабочее и демократическое движение почти не знало.

Нам была нужна его деятельность. Нашему движению не удавалось обрести того размаха, который оно получило в первые годы после Октябрьской революции. Точно был дан анализ сущности фашизма. Правильно критиковались капитуляция и предательство социал-демократов. Но из этого правильного анализа и правильной критики мы, казалось, были не способны вывести ничего, кроме ряда формулировок, схем, которые из-за частого повторения устаревали и теряли свою актуальность. В большинстве случаев мы забывали, что хотим понять реальные вещи не только для того, чтобы дать правильные, критические или осуждающие оценки всего и вся, а прежде всего для того, чтобы изменить их, и что критика и осуждение полезны и правильны лишь тогда, когда они призывают к действию, которое изменит прежнее соотношение сил и создаст новую обстановку. К такой необходимости призывал всех нас Георгий Димитров. Под его руководством мы почувствовали и убедились на собственном опыте, что старые пропагандистские схемы больше не оправдывали себя, что было необходимо избавиться от значительной части устаревших словесных и умственных наслоений, чтобы обрести свежесть политической инициативы и с ее

помощью вновь вступить в контакт с широкими трудящимися и народными массами. Мы заново научились говорить общедоступным языком, и не только по форме, но и по содержанию с тем, чтобы все наше движение осознало, что́ такое общечеловеческие блага и ценности всех цивилизованных людей, которым угрожали фашизм и война и которые мы были призваны защищать, ибо это были, конечно, и наши ценности. Защищая их, мы выполняли свою задачу быть авангардом всего человечества, которое любит свободу и мечтает о ней.

Единый и народный фронт для борьбы с фашизмом, единство национальных сил для спасения народов от гибели и, как следствие, поиски новых форм нашей стратегии и тактики и, наконец, даже новых способов постановки и разрешения в новых условиях проблемы прихода к власти рабочего класса — вот конкретные аспекты большой политики, которую коммунисты начали и вели под идейным и непосредственным руководством Димитрова от Франции до Испании, от фашистских или связанных с ними стран до народов, еще находившихся под гнетом империалистического колониализма. Некоторые положения этой политики были развернуты с самого начала, другие, находившиеся еще в зародыше, развивались впоследствии и привели к новым, известным всем ориентациям и решениям. Ломка старых схем и постоянные поиски точного понимания реальных отношений, которым всегда должны соответствовать действия, неизбежно содержали в себе необходимость подчинения нашей политики условиям и традициям нации, что отнюдь не является отрывом от интернационализма, а есть только средство, превращающее интернационализм в живое дело, в единство, возникающее и укрепляющееся в неизбежном разнообразии, а не в пустой и холодной формуле для митингов. Престиж Октябрьской революции, страны социализма, которой она дала жизнь, и ее прогрессивных завоеваний никогда не был так высок у народов, как во времена французского Народного фронта, войны в Испании, Великой Отечественной войны, которую вели против агрессивного и разбойничьего фашизма народы всей Европы; каждый народ защищал себя самого, свои традиции, собственное существование, но всех их вдохновлял пример Востока Европы, возвещавший о приходе новой цивилизации.

Два выдающихся качества делали Димитрова образцом политика-марксиста, величина которого выходила за рамки одной страны, приобретала европейские, мировые масштабы. Он был всегда верен принципам, но в то же время никогда не уклонялся от внимательного изучения и точной оценки реальной обстановки в рабочем движении. Поэтому определение непосредственной цели, которое иногда могло предстать как совершенно неожиданное, потому что никто не знал заранее, каким путем

пойдет развитие событий, у него всегда освещалось пониманием общего процесса, его продвижения вперед, его отступлений, его конечной цели. Я вспоминаю дискуссии, на которых он председательствовал, в руководящих органах Коммунистического Интернационала. Делегации, как и проблемы для обсуждения, собирались со всех концов мира, и темам для дискуссии, иногда осложненной отсутствием опыта и ошибками, не было конца. Выступая, Димитров отличался способностью сразу же вносить ясность и единство в решения даже при самых острых разногласиях. Он всякий раз умел из действительных фактов, которые часто подавались в искаженном виде, выбрать самый важный, основной и, следовательно, решающий для определения наших позиций, путей нашего движения, лозунгов, форм организации и борьбы. В одном случае это были угроза и реальность фашизма, в другом — агрессивные действия империализма, или экономический упадок и обнищание всех трудящихся, или отчаяние, которое охватывало даже средние слои и толкало их в объятия реакции. Так определялся, без опасения совершить ошибку, момент, в который должен был развернуть свою борьбу рабочий и коммунистический авангард, и так отыскивался конец нити, необходимый, чтобы распутать клубок ближайших и последующих задач. Часто выяснялось, что стоило начать с другого конца, и дело представало в правильном свете. Ошибка была следствием схемы, которая применялась без учета действительности, следствием попытки механического переноса из страны в страну формулы или установки без точной оценки различий и вытекающих отсюда нужд.

Все усилия, которые коммунистическое движение должно приложить сейчас и в будущем, чтобы до конца осознать и выполнить свои задачи, получили решающий импульс от Георгия Димитрова, верного ученика великой ленинской школы. Ослабевший физически, на пределе своих сил, он, вернувшись после войны на родину, сумел заложить незыблемые основы народно-демократического строя, связанного практически с болгарскими народными массами и теоретическими исследованиями особенностей новой власти. Этому строю надлежит выполнить роль диктатуры пролетариата, но способами и в формах, соответствующих новой действительности.

Память о Георгии Димитрове, о его славной жизни воодушевляет нас, она поучительна и будет вдохновлять все новые и новые поколения. Мы не забыли и никогда не забудем того, чему он учил нас. Это служит нам постоянным руководящим началом в наших мыслях и в наших делах.

1957 г.

Морис Торез

ПАМЯТЬ О ГЕОРГИИ ДИМИТРОВЕ БУДЕТ ВЕЧНО ЖИТЬ В НАШИХ СЕРДЦАХ

С Георгием Димитровым я познакомился в начале 1925 года в Москве, где мы собрались на сессию Исполкома Коммунистического Интернационала. Он предстал передо мной в ореоле славы, окружавшей болгарских революционеров, которые совсем недавно возглавляли трудную борьбу своего народа против белого террора, охватившего страну после государственного переворота 9 июня 1923 года. Димитров был одним из руководителей Сентябрьского антифашистского народного восстания 1923 года, вместе с Василом Коларовым он входил в Главный военно-революционный комитет, руководил главным штабом повстанцев. Реакция приговорила его заочно к смертной казни. С напряженным вниманием следил я тогда за смелой борьбой болгарского народа.

На одном из заседаний Исполкома Коминтерна на трибуне появился крупный, широкоплечий человек с энергичным лицом и пышной черной шевелюрой. Это был Георгий Димитров. Я навсегда сохранил в своем сердце его образ, от которого веяло силой и спокойствием. Он говорил не спеша, ровно, так что переводчику совсем не трудно было переводить его речь, которая являла собой образец ясности и простоты. Я сразу почувствовал, что передо мной выдающийся человек.

Позднее я встретился с Георгием Димитровым в Берлине, где он руководил Западноевропейским бюро Коммунистического Интернационала. Более всего меня поражало его спокойствие в спорах и уверенность в оценках.

Димитров всегда ратовал за укрепление единства сил рабочего класса, уделяя в то же время огромное внимание кропотливой практической работе, направленной на удовлетворение требований рабочих. Этот человек незаурядного ума всегда проявлял огромный интерес к мелочам революционной деятельности, к конкретным действиям революционеров разных стран, настаивая на точной формулировке выдвигаемых требований, на тщательной подготовке к борьбе.

Во всем чувствовались его крепкая пролетарская закалка, его большой опыт работы в революционных профсоюзах. Его чувство реальности в революционной деятельности было удивительным и никогда ему не изменяло. С другой стороны, он всегда был внимательным к людям, всегда думал об условиях работы, материальном положении и моральном состоянии каждого

революционера. Он поступал так, чтобы каждый борец ощущал помощь и поддержку. Его принципиальная непримиримость в борьбе сочеталась с проникновенным пониманием людей, их нужд и стремлений, знанием их положительных качеств и недостатков.

Разоблачив чудовищную провокацию Геринга, подлинного виновника поджога рейхстага, Димитров стал для людей всего мира образцом борца-коммуниста, подлинным воплощением пролетарского героизма. Фашизм считал, что подчинит своему террористическому, кровавому режиму Европу и весь мир. И вдруг скромный болгарский революционер-эмигрант — в силу обстоятельств оказавшийся жертвой злодейской западни, массового террора против Коммунистической партии Германии — становится трибуном антифашизма, смело обличающим нацистов.

Незаурядный ум, достойные восхищения упорство и смелость позволили Димитрову одному вступить в единоборство с лжесудьями, вскрыть механизм и цели провокации. С трибуны суда он блестяще защитил Коммунистическую партию Германии, выразил свое восхищение Советским Союзом, успехами первого в мире социалистического государства. Димитров заявил, что он горд тем, что является сыном болгарского рабочего класса, беспредельно преданным своему классу и своему народу, имеющему тысячелетнюю культуру и богатые национальные традиции.

Георгий Димитров часто подчеркивал: мало знать, что требуется делать, нужно еще иметь смелость, чтобы это сделать. В подготовке борца он выделял роль характера, моральной устойчивости, коммунистической закалки. Все его поступки, его героическое поведение на Лейпцигском процессе могут служить ярким доказательством правоты его принципов.

С глубоким волнением я посетил во время моей поездки в Германскую Демократическую Республику в октябре 1959 года зал Имперского суда в Лейпциге, превращенный ныне в музей, зал, где Димитров дал бой гитлеровским бандитам. Сегодня мы можем услышать записанный на пластинку его голос, нагонявший страх на нацистских палачей, голос человека, в свое время объединившего на борьбу против фашизма рабочих и честных демократов всего мира.

На защиту Димитрова поднялись рабочие, крестьяне, прогрессивная интеллигенция всей Франции. 8 ноября 1933 года в Париже состоялся грандиозный митинг в знак протеста против Лейпцигского процесса. На этом митинге присутствовала и мать Димитрова.

После освобождения Димитрова я имел возможность приветствовать его в санатории близ Москвы, куда он приехал, чтобы восстановить свои силы после пережитых тяжких испыта-

ний — тюрьмы и судебного процесса. Они стоили ему огромных затрат энергии, здоровье его было подорвано, однако, несмотря на это, он улыбался, был любезен и приветлив.

Я прибыл в Москву по вызову Исполкома Коммунистического Интернационала. Мы должны были приехать с Дорио, фракционная раскольническая деятельность которого становилась все более явной. Товарищи хотели в последний раз попытаться поговорить с ним. Но вместо того чтобы поехать со мной, Дорио остался в Париже под предлогом, что ему необходимо присутствовать на митинге в Сен-Дени. Поэтому к Димитрову я явился один.

Обсудив многие другие вопросы, в частности о том, как французские рабочие и наша партия ответили на первые попытки фашизма перейти в наступление, мы заговорили о Дорио. Димитров сказал мне: «Дорио не приедет. Он не верит в рабочий класс. Он сражен тем, что фашизм, победивший десять лет тому назад в Италии, одержал победу в Германии. Дорио верит, что фашизм установится и во Франции, и спешит дать гарантии врагу. Но он ошибается. Будущее принадлежит рабочему классу, коммунизму».

Последовавшие за этим события показали, что Димитров был абсолютно прав. Дорио быстро скатился по наклонной плоскости и умер как предатель, в фашистском мундире. Рабочий класс Франции и других стран на деле доказал свою силу и способности.

В июле — августе 1935 года состоялся VII конгресс Коммунистического Интернационала. В память всех глубоко врезалось выступление Г. Димитрова. В своей заключительной речи, которую он произнес после избрания его генеральным секретарем Коммунистического Интернационала, Димитров заявил по поводу создания единого и народного фронта: «Мы не выдумали этой задачи из головы. Ее выдвинул сам опыт мирового рабочего движения, и прежде всего опыт пролетариата *Франции.* Заслуга Французской коммунистической партии в том, что она поняла, что́ нужно делать *сегодня,* не послушалась сектантов, дергавших партию и мешавших осуществлению единого фронта борьбы против фашизма, а смело, по-большевистски пактом о совместных действиях с социалистической партией подготовила единый фронт пролетариата как основу для складывающегося антифашистского народного фронта.

Этим делом, отвечающим жизненным интересам всех трудящихся, французские рабочие, коммунисты и социалисты вновь выводят французское рабочее движение на первое, *ведущее место* в странах капиталистической Европы, показывают, что они являются достойными потомками коммунаров и носителями славных заветов Парижской Коммуны».

Слова эти в значительной степени были новыми. Прежнее руководство Интернационала почти никогда не вселяло в нас смелость. Наши попытки сойти с проторенной дороги смущали тех, кому во всем новом чудились лишь невероятные трудности, неудачи и опасности. Помыслы же Димитрова, напротив, были устремлены к новым проблемам, к антифашистской борьбе и единству, столь необходимому для этой борьбы.

Нечего и говорить, что все мы полностью были согласны с Димитровым. Димитров еще раз доказал, какое большое значение имеют экономические требования, как важно выработать программу конкретной деятельности, которая бы отвечала жизненным интересам масс. Он привлек наше внимание и к работе в армии. Он высказывал два главных совета: осуществление единства рабочего класса и всех демократических сил и правильная ориентировка в практической работе.

Мне приходилось встречаться с Димитровым и позднее, в трудные годы войны против гитлеризма. Несмотря на то что здоровье его было сильно подорвано болезнью, он был все так же деятелен и полон энтузиазма. Борьба была беспощадной, она требовала огромных жертв, особенно со стороны Советского Союза, который фактически принял на себя всю тяжесть удара нацистской военной машины. Но Димитров был уверен, что усилия свободолюбивых народов увенчаются успехом. Он говорил о счастливом будущем, о коренных изменениях, которые неизбежно должны наступить.

Интернационал тогда уже не существовал. Но наш дорогой друг следил за тем, чтобы связи между деятелями международного антифашистского движения не ослабевали. Он заботился об их быте, который в ту пору не всегда был устроенным. А какое дружеское участие, какая деликатность чувствовались в его отношении к каждому из них!

Однажды, это было в конце войны, Димитров пригласил к себе нескольких товарищей, коммунистов из разных стран. Он говорил о важных проблемах, об ответственных задачах, которые встанут перед каждым из нас после окончания войны. Сам же он всеми своими помыслами был на родине, мечтал о возрождении своей страны, о строительстве новой, социалистической Болгарии. И, как всегда, был исполнен чувства огромной ответственности перед народом.

Последний раз я виделся с Димитровым в дни празднования 30-летия Октябрьской революции в Москве. Видно было, что недуг сильно подорвал его силы, но он с живым интересом расспрашивал о борьбе, успехах и трудностях французских рабочих.

Печальная весть о смерти Георгия Димитрова дошла до нас во время одного из заседаний нашего Центрального Комитета.

Отдавая последнюю дань уважения великому человеку, мы в знак траура прервали заседание.

Память о Георгии Димитрове, нашем вожде и друге, вечно будет жить в наших сердцах.

1962 г.

Долорес Ибаррури

ПРИМЕР И УРОК НАВСЕГДА

Имя Георгия Димитрова, величие этого человека навсегда войдут в историю международного демократического и коммунистического движения. С этим именем связано наступление нового этапа борьбы против империалистической реакции и ее самого варварского проявления — фашизма. Вся жизнь и деятельность Георгия Димитрова будут живым примером и уроком для борцов за свободу народа.

Мне посчастливилось видеть и слышать Георгия Димитрова в феврале 1934 года в Москве, когда он прибыл из Германии после Лейпцигского процесса, и немного позже — на торжественном собрании старых большевиков, посвященном 65-летию Надежды Константиновны Крупской. В том, что говорил Георгий Димитров, в его четких и продуманных словах чувствовалась глубокая вера в силы немецкого пролетариата, в них разоблачались грязные махинации инициаторов процесса, который был сфабрикован гитлеровцами против международного коммунистического движения и на котором в роли главного обвиняемого должен был предстать Георгий Димитров. Слова, сказанные Георгием Димитровым, проникали прямо в сердце. Каждый из нас гордился тем, что нашим другом и товарищем является такой человек, как Георгий Димитров, высоко поднявший над миром знамя коммунизма, противопоставивший лживым обвинениям свое имя — имя честного коммуниста, болгарского патриота и пролетарского интернационалиста, достоинство человека, закаленного суровой школой революционной борьбы, готового на любые жертвы.

В словах этого выдающегося коммунистического деятеля не было никакого самохвальства и тени личной гордости за одержанную им победу на Лейпцигском процессе. Скромность всегда была отличительной чертой этого человека. «Я только выполнил свой коммунистический долг,— сказал тогда Георгий Димитров.— Каждый коммунист на моем месте поступил бы так же».

Трудно найти другой пример, который мог бы сравниться с примером Димитрова, его спокойствием перед лицом фашистских обвинителей, блестящим умением разбивать любые аргументы судей, спокойствие, с каким он воспринял требование о вынесении ему смертного приговора, его образцовой аргументацией, с которой он защищал не свою жизнь, а честь своей партии, свои коммунистические убеждения.

Было нелегко, но его пример вдохновил коммунистов, послужил им прекрасной школой. После Лейпцигского процесса тысячи коммунистов в разных странах мира, брошенные в мрачные казематы, оторванные от своих семей и товарищей по борьбе, измученные и подвергаемые жестоким пыткам, еще больше закалили свою волю, укрепили свою веру под влиянием героического подвига Георгия Димитрова, имя которого они всегда носили в своем сердце.

Сколько писем, сколько трогательных слов получили мы из застенков и тюрем Испании, от товарищей, которые, не побоявшись смерти, сумели найти в себе силы, по их собственным словам, чтобы быть достойными Георгия Димитрова — не дрожать перед лицом своих судей, выносивших им смертные приговоры, перед палачами, приводившими эти приговоры в исполнение. Хесус Лараньяга, Исидоро Диегос, Доминго Хирон, Касто Гарсиа Росса, Хосе Гомес Гайосо, Рамон Виа, Хаиме Хирабау, Сегундо Вилабой, Кристино Гарсиа и другие герои-антифашисты оформились как революционеры под влиянием примера Георгия Димитрова.

Я разговаривала с Георгием Димитровым на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, сыгравшем решающую роль в деле ликвидации левого сектантства, которое находит свое проявление и в современном коммунистическом движении. Каждое слово Георгия Димитрова, любой его совет, полные революционной убежденности и человеческой теплоты, были для нас, испанских коммунистов, серьезным и незабываемым уроком в борьбе за единство рабочего класса, за сплочение всех республиканских и демократических сил страны, за организацию движения сопротивления фашизму и войне, которую готовили черные силы против нашей страны и всех стран Европы.

Когда же началась кровавая фашистская агрессия против нашей республики, Георгий Димитров стал главным организатором движения солидарности с испанским народом. В течение долгих месяцев кровопролитных сражений Георгий Димитров всеми силами стремился помочь Испанской республике и испанскому народу одержать победу, добиться торжества демократии в Испании.

И после поражения революционных сил испанского народа Георгий Димитров продолжал проявлять неослабевающий ин-

терес к событиям в Испании, к судьбе испанского народа. Он высоко ценил усилия испанского народа, сделавшего попытку задержать наступление фашизма, который намеревался захватить всю Европу.

И сейчас, в дни, когда мощная стачечная волна, имеющая, несмотря на ее экономический характер, глубокий политический смысл, заливает всю Испанию, расшатывая основы франкистской диктатуры, великие уроки, которые дал нам Георгий Димитров, еще больше укрепляют нашу веру и вселяют в нас новые силы. Ими мы руководствуемся в нашей нынешней борьбе, которая является прологом великих битв и которая еще больше сплачивает рабочий класс и все демократические силы страны, готовя их к решительной схватке с силами господствующего режима, за восстановление демократии, отвечающей интересам Испании и испанского народа.

1962 г.

Викторио Кодовилья

УМЕНИЕ ДИМИТРОВА НАХОДИТЬ, ВЫДВИГАТЬ И ВОСПИТЫВАТЬ НОВЫЕ КАДРЫ

Все, кто имел счастье лично знать Димитрова, слышать его мудрые советы, учиться на опыте его плодотворной революционной деятельности, помнят, что этот убежденный революционер, непримиримый и непреклонный в принципиальных вопросах борец, обладавший неиссякаемой энергией и стойкостью, был вместе с тем необычайно добр, человечен и терпелив, никогда не навязывал свою точку зрения, всегда действуя методом убеждения.

При обсуждении какой-либо проблемы он внимательно выслушивал все мнения «за» и «против» и, если не было серьезных возражений против тезиса, выдвинутого автором, задавал несколько вопросов для уточнения, чтобы дать исчерпывающий ответ по существу дела. Затем в своем выступлении он подводил итог, ясно и четко формулируя свои мысли.

Далее, обращаясь к присутствующим, он спрашивал, ясна ли для них стратегическая и тактическая линия, которую нужно претворять в жизнь, и, получив положительный ответ, указывал, что с этого момента необходимо твердо и последовательно, без колебаний и послаблений следовать выработанной линии партии. Поэтому он часто напоминал, что после того, как принято

правильное решение, успех зависит от организационной работы по выполнению этого решения, от правильного подбора кадров, от проверки исполнения.

Проблема кадров была предметом постоянных забот Димитрова. Будучи одним из руководителей Коммунистического Интернационала, он не только содействовал со свойственной ему способностью точному определению политических задач, стоящих перед мировым коммунистическим и рабочим движением, но и помогал находить и воспитывать новые кадры, испытанные в борьбе против капиталистической эксплуатации, фашизма и войны.

Те, кто присутствовал на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, помнят, с какой любовью, с какой гордостью коммуниста говорил Димитров о новом поколении кадров.

О серьезном внимании, которое уделял Димитров вопросу кадров, свидетельствует его отношение к болгарским трудящимся, коммунистам и некоммунистам, находившимся за пределами своей родины.

Известно, что после поражения восстания 1923 года, в котором он показал себя бесстрашным, волевым и талантливым революционером и выдвинулся в число выдающихся руководителей рабочего класса и всего народа Болгарии, а также во время разнузданного фашистского террора в стране многие болгарские трудящиеся эмигрировали, и в частности в нашу страну. Большинство из них нашли работу в сельском хозяйстве, на строительстве, на холодильниках и нефтяных промыслах, в частности в районе Комодоро-Ривадавиа. Почти все они были активными членами профсоюзов и коммунистической партии нашей страны, и можно с уверенностью сказать, что среди проживавших у нас иностранцев болгарские трудящиеся больше, чем остальные, привязались к нашей стране, испытывая чувство глубокого уважения и любви к нашему народу, при этом нисколько не утратив глубоких чувств к своей родине.

Верные солдаты своего класса, рабочего класса, и своей партии, коммунистической партии, глубоко храня ее славные традиции и следуя заветам своего выдающегося руководителя — Димитрова, многие болгарские товарищи вместе со своими аргентинскими братьями по оружию в период военно-фашистской диктатуры подвергались тюремному заключению и пыткам, с пролетарским достоинством и мужеством выдержав все испытания.

Димитров постоянно интересовался жизнью этих товарищей, и в частности тех, кого он знал по совместной борьбе против реакции и фашизма в своей стране. Некоторые товарищи обращались с письмами прямо к нему. Когда Димитров находился в Москве, они сообщали ему об условиях своей жизни и труда

в Аргентине. Димитров внимательно вникал в содержание писем и отвечал на них незамедлительно.

Помню, однажды я увидел его за чтением некоторых из этих лежавших на столе писем. Расспросив меня о положении рабочего класса и всего народа Аргентины, он поинтересовался: «Как живут болгарские рабочие? Как они трудятся? Хорошо ли выполняют свои обязанности членов профсоюзов и партии?»

В ответ на мое «да» на его лице появилось выражение глубокого удовлетворения. Так как большинство писем приходило от рабочих с нефтяных промыслов в Комодоро-Ривадавиа, разговор зашел о проблеме нефти. В заключение Димитров сказал: «Оберегайте нефть. Англо-американские империалисты хотят прибрать ее к своим рукам. Вы должны защитить свою нефть». Какой ценный совет для защиты национальной экономики дал нам этот выдающийся пролетарский интернационалист!

О качествах, которыми должен обладать настоящий революционер, Г. Димитров говорил: «...истинный революционер и вождь складывается в огне классовой борьбы, глубоко усваивая революционный марксизм. Недостаточно обладать революционным темпераментом — надо также уметь владеть оружием революционной теории. Недостаточно знать теорию — надо также выработать в себе твердый большевистский характер и большевистскую непримиримость. Недостаточно знать, что надо делать,— надо также иметь мужество это выполнить. Надо быть готовым во что бы то ни стало делать все, что действительно служит интересам рабочего класса. Надо уметь всецело подчинить свою личную жизнь интересам пролетариата».

Важнейшее значение имеет указание Димитрова о необходимости изучения и освоения теоретического наследия марксизма-ленинизма. Он говорил, что каждый коммунист, каждый прогрессивно настроенный рабочий, все честные руководители рабочего движения должны ясно представлять себе, что основным и обязательным условием успешного выполнения задач, возложенных историей на рабочий класс, является изучение и эффективное применение на практике авангардом этого класса марксистско-ленинского учения.

Проявляя огромную заботу и внимание к кадрам, верным рабочему классу, коммунистической партии, Советскому Союзу и идеям марксизма-ленинизма, Димитров был непреклонен по отношению к тем, кто отошел от борьбы за дело коммунизма, независимо от того, отклонились они «влево» или вправо, кто, вовремя не признав своих ошибок, оказался в лагере врага.

1964 г.

Жорж Коньо

ОН БЫЛ МУДРЫМ И СМЕЛЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Как и все, кто был близко знаком с Георгием Димитровым, я питал к нему самые глубокие чувства. Он завоевал сердца всех своих сотрудников. Он был словно богатырь из сказки — сильным и добрым, замечательным во всех отношениях человеком.

В течение года, с осени 1936 года, я был представителем Французской коммунистической партии в Исполнительном комитете Коммунистического Интернационала. Именно тогда я узнал и полюбил этого человека. Я видел Георгия Димитрова и восхищался им на VII конгрессе Коминтерна. Перед моим отъездом из Парижа в Москву Морис Торез рассказывал мне о его политической дальновидности, большом опыте и глубокой мудрости. И вдруг передо мной предстал совсем обыкновенный, приветливый человек. Герой Лейпцига был очень общителен, неизменно любезен, внимателен к людям. Времена тогда были бурные, изобиловали драматическими событиями; особую тревогу вызывала война в Испании. Однако Георгий Димитров всегда был спокоен и уверен в себе. Твердость, выдержка, глубокая вера в нашу деятельность, непрестанные поиски контакта с реальными силами, имеющими глубокие исторические корни, способность предвидеть дальнейший ход событий — таков был его стиль работы.

Почти ежедневно часам к пяти Георгий Димитров приглашал меня к себе в кабинет. Мы оба хорошо владели немецким языком и легко обходились без переводчика. Во время этих дружеских бесед его интеллигентность проявлялась не менее ярко, чем на трибунах крупнейших конгрессов. В силу обстоятельств Французская коммунистическая партия играла важную роль в деле оказания помощи республиканской Испании. Руководил этой огромной деятельностью лично Морис Торез. Однако иногда помощь оказывалась с опозданием, случались и промахи. Георгий Димитров проявлял огромное терпение. Помню, однажды я наблюдал, как он целую ночь спорил с одним французом, который отвечал за важный участок работы в Испании. Этот француз никак не хотел признать свои ошибки, довольно-таки серьезные и очевидные, отказывался сделать соответствующие выводы. Георгий Димитров ни на минуту не вышел из себя, а терпеливо и спокойно вел с ним беседу.

Георгий Димитров обладал той высшей формой интеллекта, при которой человек с легкостью умеет выделять самое важное, самое существенное. Помню (в то время я опять находился в Москве), как изумлены были все сотрудники Георгия Димитрова в тот день, когда он написал большую статью, в которой блестяще развил на первый взгляд довольно простую, но смелую мысль о том, что нацисты впервые в Европе прибегают к колониальной системе заокеанских стран, используя ее в Австрии и Чехословакии.

Георгий Димитров любил, чтобы представленные ему в письменной форме справки были изложены кратко и ясно. Требовалось назвать задачу, действующие силы, указать возможности решения этой задачи. Он решительно восставал против штампов. В собеседнике всегда высоко ценил стремление найти специфику той или иной ситуации, избегнуть подведения фактов под голую схему, которая выхолащивает, убивает богатство и многообразие, присущие живой действительности.

Я был членом редакционной коллегии журнала «Коммунистический Интернационал». Возглавлял редколлегию Отто Куусинен. Георгий Димитров, будучи врагом мелочной опеки, читал статьи сотрудников только в корректуре. И даже тогда он не останавливался на подробностях. Его интересовало только самое главное. Если он находил, что статья в общих линиях была правильной и нужной, он давал свое согласие поместить статью в журнале и не делал никаких поправок. Он был не из тех руководителей журналов, которые воображают, будто ни один материал не может быть опубликован без правки и редакции свыше. Случалось и такое, что он, зачеркнув целый пассаж, потом собственноручно писал на полях свою редакцию. Каждый сотрудник нашего журнала всегда с трепетом ожидал, что скажет по поводу его статьи Георгий Димитров. Его мнение было авторитетным. Он умел ободрить любого незадачливого автора, был в высшей степени деликатен.

Георгий Димитров всегда был строг и принципиален в своих отношениях с друзьями. В то время, в 1936—1937 годах, мы, французские коммунисты, с полным основанием гордились крупными успехами Народного фронта в нашей стране и были особенно чувствительны на тему ослабления фашизма. Георгий Димитров с присущей ему настойчивостью не раз повторял мне, что проблема создания и укрепления Народного фронта в нашей стране окончательно еще не решена, что нам необходимо принять серьезные меры для сохранения и укрепления единого фронта рабочего класса и Народного фронта.

Рядом с Георгием Димитровым каждый чувствовал абсолютную уверенность в правильности политических позиций. Каж-

дый знал, что рядом — большой друг, готовый в любой момент прийти на помощь, дать нужный совет. Он был в подлинном смысле слова воспитателем и руководителем. Каждый раз, когда возникала необходимость что-то выяснить, уточнить, мы шли к Георгию Димитрову.

В конце 1938 года в Париже небольшая группа интеллигентов — марксистов и сочувствующих им, среди которых были философ Жорж Полицер, физик Жак Соломон и крупный ученый Поль Ланжевен, выступила с предложением создать научно-теоретический журнал с марксистской платформой под названием «Ла Пансе». После консультации Морис Торез сразу же дал свое согласие. Однако мы все еще колебались, так как для французских марксистов создание такого журнала было делом новым и, естественно, в этой области у нас не было никакого опыта. Вскоре я приехал в Москву и как-то вечером, находясь в гостях у Георгия Димитрова на его даче, рассказал ему о планах создания журнала. Его очень беспокоило расслоение, которое с известного времени началось среди французской интеллигенции, перемещение и перегруппировка сил, которые не всегда были в нашу пользу. Ему сразу же пришло в голову, какую огромную пользу может принести пропаганда марксистских идей среди интеллигенции для повышения ее теоретического и политического уровня. Он горячо поддержал нашу инициативу. Так Георгий Димитров оказывал влияние на некоторые решения своих французских товарищей, на первый взгляд могущие показаться не столь важными.

В последний раз я видел Димитрова на V съезде Болгарской коммунистической партии, работой которого он руководил. В то время Димитров был уже тяжело болен. Я приехал на съезд передать с его высокой трибуны приветствие Французской коммунистической партии. Георгий Димитров встретил меня с огромной радостью, как старого друга. Тогда я не знал, что вскоре вновь буду в Софии, но уже на его похоронах.

Самыми замечательными чертами характера Георгия Димитрова была его необыкновенная простота и душевность. Даже занимая высокий пост, он проявлял исключительное внимание к рядовым сотрудникам. Мне приходилось наблюдать, с каким уважением он относился к людям, которые жили с ним в одном доме и занимали весьма скромные посты.

Для нас, его молодых соратников и учеников, он навсегда останется в памяти большим другом, который в трудные дни борьбы против фашизма говорил нам о новой стратегии и тактике как человек мудрый и смелый. Мы шли к нему, глубоко убежденные в том, что он зажжет в нас вдохновение и энергию, откроет нам еще одну, новую крупицу политической правды. Он

во многом способствовал росту международного рабочего движения, без него мы не смогли бы добиться таких больших успехов.

1968 г.

Джулио Черрети (Алар)

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕОРГИИ ДИМИТРОВЕ

Лейпцигский процесс

Мое знакомство с Георгием Димитровым, как и у многих других, ведет свое начало с известного процесса о поджоге рейхстага. Кампания в защиту Димитрова застала меня в Париже в разгар борьбы итальянских антифашистов. Борьба была трудной и непосильной; она захватила лишь небольшую часть из полутора миллионов итальянских эмигрантов и немногочисленный авангард французских интеллектуалов: Ромена Роллана, Анри Барбюса и их единомышленников из Всемирного антивоенного комитета. И эта ожесточенная борьба разрослась только благодаря знаменитой речи Георгия Димитрова — неумолимого обвинителя гитлеризма и его руководителей, и прежде всего Геринга. Слова Димитрова «Я обвиняю!» на лейпцигском суде, где все уже было готово для того, чтобы произнести самый страшный приговор герою-антифашисту, глубоко взволновали французское и мировое общественное мнение. Это событие послужило мощным импульсом, благодаря которому борьба против гитлеризма и фашизма поднялась на более высокий уровень. Он почувствовался и в массах итальянской эмиграции, где в короткое время собрания и митинги стали иметь невиданный до тех пор успех.

Лишь только в редакциях парижских газет получили сообщения о героическом поведении Димитрова, как его пламенные слова уже повторяли тысячи людей в метро, автобусах и трамваях, во всех концах большого города. Все симпатизировали Георгию Димитрову, который с большой смелостью и так успешно боролся со своими отступавшими в беспорядке инквизиторами. «Да здравствует Димитров!» — это был самый популярный лозунг во всех слоях народа.

И вскоре у меня появилась возможность познакомиться с этим человеком в Москве в мае 1934 года, когда я возглавлял первую итальянскую делегацию рабочих. До этого я уже вел оживленные беседы с присутствовавшим на процессе француз-

ским адвокатом моим другом Вилларом. Будучи очевидцем, он описывал атаки Димитрова в Лейпциге как что-то сверхчеловеческое, имея в виду моральный нажим на обвиняемого и юридический формализм, с помощью которого его пытались заставить замолчать, заглушить его мощный бунтарский голос. Все это вызывало восхищение. Ощутимо чувствовалось, что на данном историческом этапе борьбы народов против фашизма родился новый и великий руководитель, это человек, который должен был встать во главе мощного движения, обновленного влившейся в него с восклицанием «Я обвиняю!» свежей силой и изменениями методов в практике единого фронта и антифашистского единства всех честных мужчин и женщин.

Димитров в Москве

С весьма большой антифашистской делегацией я выехал в Советский Союз морским путем Лондон — Ленинград. Первое мая мы встречали в городе Ленина, став свидетелями восторженной манифестации на площади перед Адмиралтейством. Видели Кирова (несколько позже он был убит). Энтузиазм охватил нас, когда, проходя по Невскому проспекту, мы узнали новости о героизме челюскинцев, которые попали в ледовый плен полярных морей.

Вместе со своими спутниками 3 мая я прибыл в советскую столицу. Москва праздновала победу Георгия Димитрова над Герингом и гитлеризмом. Как сейчас, вижу воодушевленных москвичей, горячие симпатии города к герою Лейпцига. Ежедневно Димитров участвовал во всевозможных встречах, где-то выступал. Рассказывали, что он прочел в немецкой тюрьме огромную библиотеку, изучил книги по юриспруденции, чтобы предстать перед нацистским судом хорошо подготовленным, занимался языками, читал художественную литературу...

И вот 7 мая — день, определенный для встречи Димитрова с итальянской антифашистской делегацией. Помню, в беседе с нами он выражал восхищение итальянскими товарищами, которые смело противостояли фашистским палачам в тюрьмах и на островах, куда их интернировали. Он следил за борьбой Грамши с его инквизиторами и призывал нас сделать как можно больше для спасения этого крупного коммунистического руководителя. «Если будем бороться твердо,— сказал он нам,— фашисты отступят».

Я подарил ему купленную в Лондоне красивую трубку из корня дикой ветлы. Поблагодарив за подарок, он объяснил мне, что изготовление такой трубки дело совсем не простое. Димитров взял трубку нежно, почти любовно, и, прежде чем положить в карман, подержал ее некоторое время в руке...

Димитров на VII конгрессе Коммунистического Интернационала

Доклад Димитрова на VII конгрессе явился действительно большим историческим событием: был открыт путь к единству действий в борьбе антифашистских масс и профсоюзной борьбе. Прочтение сегодня заново этого большого доклада является как бы освежающим душем, настолько живы и актуальны аргументы и тезисы, развитые в нем. В один ряд с этим ключевым документом можно поставить сделанные в его поддержку известные доклады Мануильского и Тольятти. Рабочий класс во всех странах нашел ясно мыслящее руководство, которое шло в ногу со временем. Он приступал к осуществлению на деле нового опыта в борьбе против гитлеровского фашизма или, говоря в общем, против агрессивного империализма.

Защита республиканской Испании и... корабль Димитрова

По решению конференции коммунистических партий в Париже был создан международный комитет по оказанию помощи испанскому народу, и на меня возложили обязанность руководить органом, который должен был заботиться практически полностью о снабжении республиканской Испании из-за рубежа и о формировании интернациональных бригад. В решении этой трудной и сложной задачи я пользовался безоговорочной поддержкой Тореза и Тольятти, а косвенно и очень ценной помощью Георгия Димитрова, который присылал мне личные телеграммы, чтобы подбодрить меня или поздравить с каким-нибудь успехом. С этим связан и не очень известный эпизод, о котором я хочу рассказать.

Во время героической защиты Мадрида и в связи с направлением первых добровольцев-интернационалистов Димитров высказал идею о посылке республиканской армии корабля с продовольствием и теплой одеждой. «Чтобы были продукты... и кое-что другое». Он предложил нашему комитету сотрудничество в осуществлении этой идеи, что и было сделано. Одновременно возникла мысль продолжать и в дальнейшем посылку кораблей в Испанию. Вслед за символическим кораблем Димитрова последовали десятки других. Избегая засад франкистского военного флота, они прибывали в Испанию, доставляя ценные грузы. Дело пошло так хорошо, что в Париже была основана настоящая пароходная компания по доставке материалов и припасов для Испанской республики. Начало было положено тем, что мы получили миллион франков у федерации металлистов и 800 тысяч

франков у газеты «Юманите». Я уверен, что здесь большую роль сыграл авторитет Георгия Димитрова, который покровительствовал нам. «Но в конце концов... это для Испании», — сказали тогдашний секретарь федерации металлистов и администратор «Юманите». В сущности, деньги потом были возвращены. А закупка кораблей продолжалась с большим размахом. Димитров радовался таким прекрасным итогам снаряжения первого корабля — «фантома», как назвал его Хосе Диас. Я рассказываю об этом еще и потому, что, когда героические защитники Мадрида потерпели поражение из-за предательства Касадо, Димитров телеграфировал Торезу: «Сделайте все возможное, чтобы спасти товарищей, которые руководили снабжением Испании и отправкой добровольцев». Что касается меня самого, то я смог оценить истинное значение этой директивы Димитрова, когда попал в руки врага в Дании. Было сделано все возможное, чтобы спасти меня вместе с моей семьей. И сквозь годы я пронес самую сердечную благодарность Георгию Димитрову!

В Москве во время войны

После освобождения из датской тюрьмы в июне 1940 года меня репатриировали в Советский Союз. Первая наша встреча с Димитровым произошла в Ростокине в его кабинете. Я застал его в окружении всех секретарей, включая и Мориса Тореза. Вместе со мной была товарищ Франсин Фромон — мой ценный и преданный сотрудник в международном комитете помощи Испании, расстрелянная впоследствии немцами незадолго до освобождения Парижа. Димитров встал и, не произнеся ни слова, обнял нас, потом воскликнул: «Вот она, знаменитая пара!» Взволнованный и смущенный, я начал рассказывать о деятельности нашего комитета. По просьбе Димитрова я должен был подробно остановиться на работе каждого товарища, кто сотрудничал в этом деле.

Нужно подчеркнуть, что Димитров, будучи генеральным секретарем Коминтерна, поощрял смелость. Коммунист должен быть смелым. Для сражений, которые нам предстояли, нужны были смелые борцы, а не болтуны.

Ряд случаев дал мне возможность узнать Димитрова еще лучше. Он был исключительным товарищем и у всех вызывал чувство уважения. Вместе с тем держался он совсем просто и любезно даже с такими рядовыми сотрудниками, как я. Он называл меня Итальянец, потом, по предложению товарища Тореза, это прозвище заменили на Флорентиец...

В декабре 1940 года многие из нас собрались у Мориса Тореза, чтобы отметить 20-летие создания Французской коммунистической партии. Это происходило на даче в Кунцево, вблизи

Москвы. За день до этого выпало много снега, и в раскинувшемся вокруг прекрасном парке, казалось, была расстелена большая белая скатерть, причем глубина сугробов в некоторых местах доходила до трех метров. Чтобы добраться до места встречи, нужно было расчистить лопатами дорогу. Но вопреки всему мы были счастливы. Кроме того, находясь в Москве, чтобы лучше почувствовать, что значит Россия, нужно было увидеть это обилие снега, испытать на себе мороз. Этой ночью мы получили то, что хотели.

Уже начался обмен тостами, когда вокруг поднялся большой шум, кто-то сообщил о прибытии Георгия Димитрова. Он в то время болел и находился на отдыхе в «Барвихе», но не поздравить Французскую коммунистическую партию он не мог. Какая человеческая и политическая чуткость!

Я не буду пересказывать содержание нашей беседы и слов Димитрова, обращенных к Торезу и его товарищам. Достаточно подчеркнуть, что в них часто звучала похвала партии за помощь испанскому народу, за ее вклад в новую антифашистскую стратегию и борьбу против войны.

Вновь я увидел Димитрова деятельным и устремленным уже после нападения гитлеровских агрессоров на СССР. Я помню, как он часто повторял: «Знайте, товарищ Алар, что Советский Союз никогда не капитулирует». После позорной капитуляции Франции его слова звучали особенно весомо и вселяли веру в то, что Красная Армия в конце концов остановит и разгромит страшного врага.

Мы же с рядом товарищей из Коминтерна отдавали все свои силы нелегальной радиопропаганде. Эту задачу Димитров возложил на нас, определив Эрколи (Тольятти) ответственным за 14 радиопередач. Позднее, когда мы находились в Уфе, Георгий Димитров время от времени бывал у нас, чтобы выступить с докладом. Ясность, с какой он очерчивал перспективу, была поразительной. Каждое его посещение было для нас как живительный воздух, потому что он всегда умел простыми, убедительными словами нарисовать картину будущей героической победы над гитлеризмом.

Возвратясь в Москву после победоносного наступления Красной Армии, я остался один руководить радиопрограммой «Милан — Либерте». В тот период мне часто представлялась возможность беседовать с Георгием Димитровым о положении в Италии. Он был доволен резонансом, который был вызван прибытием Тольятти в город Салерно, и высказывал убеждение, что партия быстро найдет широкую поддержку со стороны народных масс Италии...

Он был прежде всего человеком, настоящим человеком, который умел выслушать и умел руководить. Он оставлял незабы-

ваемое впечатление у каждого, кто имел счастье быть рядом с ним, наблюдать, как он работает, часто засиживаясь до глубокой ночи. Такой человек, такой борец и такое большое имя, как его, навсегда сохранится в золотой книге пролетарской борьбы и в памяти всех честных людей мира.

1967 г.

Карло Луканов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Когда заходит речь о роли личности в истории, передо мной всегда встает образ Георгия Димитрова. Мои воспоминания о нем уходят еще в мою раннюю юность, ко временам известных стачек перникских шахтеров, когда в качестве руководителя их борьбы чаще всего к ним направлялся Георгий Димитров. В нашей семье мои родители впервые заговорили об этом молодом талантливом рабочем руководителе именно в связи с этим. Известно, что в старой тесняцкой партии 900-х годов благодаря основателю партии Димитру Благоеву — Деду и в не меньшей степени его ближайшему соратнику Георгию Киркову — Мастеру на каждого рабочего, который становился на позиции социализма, вступал в ряды профсоюзного объединения, руководимого нашей партией, а потом и в ее ряды, смотрели как на чрезвычайно важное приобретение для партии. По этой причине, когда впервые заговорили о Г. Димитрове как о способном рабочем вожаке, его деятельность производила на всех наших молодых товарищей и на меня лично исключительно большое впечатление. В моем тогдашнем представлении Г. Димитров был и физически, внешне, и в моральном отношении, и по всем другим качествам исключительно сильной, выдающейся личностью. И с тем большей радостью я убедился позже, что это мое представление соответствовало действительности.

В конце первой мировой войны в Болгарии наступили дни острой экономической и политической борьбы. Тот, кто видел Г. Димитрова во главе демонстраций софийских трудящихся, никогда не забудет его личного примера храбрости, вдохновлявшего руководимые им массы. Своим личным примером, личным участием он срывал действия софийской полиции. Едва ли можно себе представить народного вожака, который был бы не в состоянии подавать личный пример руководимым им народным массам. И в этом случае храбрость ценится наиболее высоко. А Димитров храбрость проявлял неизменно, и в предостаточных размерах. Поэтому и шел за Г. Димитровым софийский рабочий люд и готов был исполнить любое его указание, не страшась

ни полиции, ни армии. Раз там Г. Димитров, значит, акция не может не завершиться успехом. Это было всеобщим убеждением.

Обстоятельства сложились так, что сразу после поражения Сентябрьского восстания 1923 года я оказался в эмиграции в Вене и стал одним из первых технических сотрудников Заграничного комитета БКП и редакции выходившего некоторое время в Вене партийного органа «Работнически вестник». Непосредственно от Г. Димитрова я узнал подробности о партийных решениях в связи с Сентябрьским восстанием, его оценку самого восстания и мысли о ближайших перспективах развития нашей партии, какими он себе их представлял. И сегодня у меня еще свежи в памяти воспоминания о том, как все наши товарищи, находившиеся в то время в Вене, связанные и не связанные с Заграничным комитетом, тревожились за безопасность и жизнь Димитрова, которого усиленно разыскивали по поручению фашистского правительства всякого рода головорезы, чтобы убить. Однако хладнокровие ни на миг не покидало его, и он успешно выполнял всю ту огромную работу, которая легла на его плечи как члена Заграничного комитета и одного из деятелей Коминтерна.

Более близкие, непосредственные контакты с Г. Димитровым были у меня после моего возвращения из Испании, в начале 1938 года, когда по его предложению я перешел на работу в Интернациональную контрольную комиссию в качестве референта. И позже, во время второй мировой войны, когда я работал в редакции нелегальной радиостанции «Христо Ботев». Но не могу не сказать и о предшествовавших этому контактах, которые связывали нас, болгарских добровольцев в Испании, с Георгием Димитровым.

Известно, что он был одним из инициаторов создания интернациональных бригад в Испании. Что касается болгарских добровольцев, особенно тех, кто выехал в Испанию из СССР, где они проживали в качестве политэмигрантов, то они уезжали, получив инструкции Димитрова относительно поведения, которого они должны были придерживаться, находясь в рядах испанской народной армии.

Случилось так, что в рядах интернациональных бригад в Испании, да и в некоторых испанских частях, болгарские добровольцы занимали довольно ответственные командные должности. Вероятно, они не всегда могли бы оправдать свое назначение, если бы не помнили точные, мудрые указания Димитрова. Это было особенно важно, так как мы, добровольцы, отправлялись в Испанию, чтобы исполнить свой интернациональный и патриотический долг. Каждый из нас, по мнению Георгия Димитрова, должен был быть признателен испанскому народу и его коммунистической партии за честь, которая ему предостав-

лялась — сражаться, а если потребуется, то и умереть на испанской земле.

О каждом из болгарских товарищей, участвовавших в войне в Испании, Г. Димитров проявлял подлинно отцовскую заботу. И через представителей Коминтерна, и через специальных посланников, каковыми были Антон Иванов и Антон Недялков, и через постоянного представителя ЦК БКП — Сыби Димитрова Г. Димитров постоянно интересовался поведением наших болгарских добровольцев. Для него навязанная фашизмом Испанской республике война была и школой воспитания партийных кадров, и местом их проверки, повышения их боевых и организаторских качеств, их политической грамотности. С какой теплотой и человечностью встречал он возвращавшихся из Испании товарищей! Как умел он несколькими словами вдохновить, вселить уверенность в тех, кто там оставался. Как тяжело переносил он известия о невозвратимых потерях!

Как я уже сказал, в период войны гитлеровских фашистов против СССР я имел возможность работать под непосредственным руководством Г. Димитрова и еще лучше узнать его исключительные, высокие качества партийного руководителя. Не могу не отметить прежде всего его непоколебимой веры с первых дней гитлеровского нашествия в конечную победу Советского Союза, его твердого убеждения, что предстоящий неизбежный разгром гитлеровской Германии создаст условия для антифашистских восстаний во многих странах, в том числе в первую очередь и на нашей собственной родной земле.

Весной 1942 года Г. Димитров был частым гостем в редакции радио «Христо Ботев». Он активно участвовал в ее работе, хотя формально и не являлся главным редактором. С ним, как правило, согласовывались те основные материалы, которые носили хотя бы минимально директивный характер или характер советов, высказывавшихся болгарским коммунистам. Острая политическая мысль, ясность целей и перспектив видны были в каждом его действии, в каждом его слове, в каждом, даже небольшом совете, которые давал в то время Г. Димитров сотрудникам редакции.

Когда в стране был уже создан Отечественный фронт, когда уже вырисовывались перспективы неизбежного разгрома гитлеровского фашизма, когда даже болгарские правители признали безнадежное положение гитлеровской Германии, в Болгарии был совершен политический маневр — создано правительство Багрянова. Георгий Димитров проявил тогда необыкновенную прозорливость и качества подлинного революционера ленинского типа. Он предостерег нашу партию от возможных колебаний по отношению к правительству Багрянова. Предупредив ее краткой, но исключительно ясной статьей, переданной по радио

«Христо Ботев», о лживом характере маневров дворца, Г. Димитров подчеркнул, что никакое другое правительство, кроме правительства Отечественного фронта, не в состоянии вывести страну из тупика, в который ее толкают дворец и его приспешники.

Будучи уже после 9 сентября 1944 года директором Болгарского радио, я получил от Г. Димитрова письмо, в котором поднимались вопросы работы радио Отечественного фронта. Он высказывал согласие с общей политической линией радио, одобрял его деятельность и высказывал пожелания всегда придерживаться линии на сочетание патриотизма с известным всем димитровским интернационализмом.

В заключение мне хочется сказать: мы должны, не создавая культа и не обожествляя отдельного руководителя, знать, что есть такие руководители, и наша БКП всегда имела их, которые являются подлинно историческими личностями. Таким остается в нашей памяти Георгий Димитров — близкий соратник Д. Благоева и Георгия Киркова, продолжатель их великого дела и верный ученик В. И. Ленина.

1967 г.

Золтан Фодор

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Когда в 1933 году в Лейпциге начался процесс против Георгия Димитрова, я, подобно большинству молодых венгерских рабочих-коммунистов, уже прошел через венгерские тюрьмы, не раз представал перед фашистским судом и подвергался пыткам в фашистских застенках. Вот почему я с таким восхищением следил за беспримерным героизмом и бесстрашием Георгия Димитрова, которые он продемонстрировал на фашистском суде. В дни процесса мы собирались небольшими группами и каждый вечер обсуждали опубликованные в газетах сообщения о ходе судебных заседаний. Даже буржуазная печать не смогла скрыть своего изумления перед человеком, который, несмотря на угрожающую ему смертельную опасность, на протяжении всего процесса защищал не просто себя и свою жизнь, а в первую очередь — свои коммунистические убеждения, международное коммунистическое движение и болгарский народ, который пыталась оскорбить фашистская печать. Георгий Димитров смело заявил: «Я горжусь тем, что я сын болгарского рабочего класса...» А мы гордились тем, что коммунистическое движение имеет такого прекрасного представителя. С тревогой

ловили мы каждую новую весть о ходе процесса и с облегчением вздохнули только тогда, когда Георгий Димитров был освобожден из звериных лап фашизма и благополучно пересек границу Советского Союза.

Через несколько лет, когда фашизм развязал грязную войну против испанского народа, посягнув на его свободу, имя Георгия Димитрова стало символом антифашистской борьбы. Мы, венгерские добровольцы, в числе первых прибыли в Испанию на помощь испанскому народу. Представьте себе нашу радость, когда мы стали бойцами батальона, носящего имя Димитрова, которым командовал венгр Михай Салваи — наш легендарный Чапаев.

После разгрома Испанской республики и установления фашистской диктатуры Франко тяжело раненные добровольцы интернациональных бригад были отправлены на лечение в Советский Союз. Так попал в Москву и я. После того как я подлечился, меня несколько раз вызывали в Секретариат Исполкома Коминтерна, где руководящие товарищи, в том числе и заведующий отделом кадров Г. Дамянов, подробно расспрашивали меня о Венгрии и Испании. Будучи тогда еще совсем молодым коммунистом, я считал эти встречи большой честью для себя и с волнением готовился к ним.

В один прекрасный день меня снова вызвали в Коминтерн. Я не мог поверить своим ушам, когда услышал, что со мной хочет поговорить Георгий Димитров. Я ужасно волновался. Тогда еще не понимал ни слова по-русски, да и по-немецки говорил неважно. Я спросил, нет ли в Коминтерне переводчика, но в это время мне уже нужно было входить в кабинет Георгия Димитрова. Никогда я не забуду того момента, когда он поднялся, чтобы поздороваться со мной. Георгий Димитров показался мне необычайно большим, и я окончательно оробел.

Он, наверно, заметил мое смущение, улыбнулся и заговорил со мной своим располагающим, приятным голосом. Через несколько минут от моего замешательства не осталось и следа. Георгий Димитров довольно долго беседовал со мной. В основном его интересовало то, как мы в Венгрии поняли необходимость проведения в жизнь политики единства рабочего класса и создания народного фронта. Он сказал, что я, получивший в этом отношении известный опыт в Испании и Франции, вероятно, задумывался над этими вопросами.

Благодаря исключительной простоте и сердечности Димитрова я почувствовал себя увереннее. Рассказал ему, что в последние годы нашей партии пришлось пережить тяжелый кризис. В ее ряды сумели проникнуть провокаторы, которые помогли врагу уничтожить ряд нелегальных организаций. В связи с этим партии на некоторое время пришлось распустить нелегальные

организации. Члены партии получили указание временно войти в легальные организации, главным образом в социал-демократические.

— Вы считаете это ошибкой? — спросил меня Георгий Димитров.

— Нет, это не было ошибкой,— ответил я.— Наша ошибка заключалась в том, что вначале мы занимались только распространением центрального органа социал-демократической партии газеты «Непсава» и больше ничем. Слов нет, мы это делали значительно энергичнее, чем сами социал-демократы. В общем, короче говоря, наша партия слилась с социал-демократической.

— А до роспуска партийных организаций вы пытались создать единый фронт? — спросил меня Георгий Димитров.

— Мы предлагали от имени нелегальной коммунистической партии руководителям социал-демократической партии создать единый фронт,— ответил я.— Но, получив отрицательный ответ на наше предложение, поняли, что в этом деле нам нечего надеяться на поддержку социал-демократов.

Я постарался подтвердить свои слова несколькими красноречивыми примерами, рассказал Георгию Димитрову о моей работе в Национальном комитете молодых рабочих, который действовал под знаменем единого фронта. Эта организация довольно долго просуществовала легально. Она руководила борьбой рабочей молодежи против фашизма и войны. Я рассказал Георгию Димитрову и о том, как благодаря активной деятельности молодых рабочих нам удалось разогнать фашистский митинг.

Георгий Димитров выслушал меня с большим интересом, задал мне целый ряд вопросов и в конце нашей беседы посоветовал обратить серьезное внимание на здоровье, поставив передо мной задачу постараться как можно быстрее залечить раны. Он сразу же распорядился, чтобы мне при необходимости оказывали всемерную помощь. Позже я не раз вспоминал первую беседу с Георгием Димитровым. Теперь я уже перед встречей с ним не чувствовал прежней робости. Когда у меня возникали какие-нибудь трудности, я обращался к Георгию Димитрову. Как только гитлеровские орды и присоединившиеся к ним венгерские фашисты прервали мирный труд народов Советского Союза, я выразил желание отправиться в Венгрию на подпольную работу и обратился к Георгию Димитрову с просьбой оказать мне в этом содействие. Он отнесся к моей просьбе положительно, с большим сочувствием. Мне предстояло пройти серьезную подготовку.

Осуществить свой план мне удалось только 2 июня 1943 года. Накануне моего отъезда меня вызвал к себе Георгий Димитров. Он спросил меня, готов ли я к выполнению столь ответ-

ственного и трудного задания. Получив утвердительный ответ, Георгий Димитров обратился к начальнику оперативного отдела и спросил его, хорошо ли я подготовлен к заданию и каков план его выполнения. Внимательно выслушав его ответ, Димитров сделал несколько существенных замечаний. Мне кажется, что без этих важных замечаний я вряд ли смог бы сегодня писать эти строки.

После этого разговора Георгий Димитров подробно проинформировал меня о моей задаче. За месяц до этого был распущен Коммунистический Интернационал. Георгий Димитров объяснил мне причины необходимости роспуска Коминтерна, сказал, что Коминтерн с честью выполнил свое предназначение и что в нынешних условиях дальнейшее его существование будет только тормозить развитие международного коммунистического движения. Георгий Димитров пояснил, что в настоящее время было бы неправильно, чтобы коммунистическими партиями отдельных стран руководил единый центр. Коммунистическая партия каждой страны должна развивать самостоятельную деятельность, исходя из национальных интересов народа и национальных особенностей своей страны. Георгий Димитров обратил особое внимание на то, что враг попытается внести смятение в ряды нашей компартии, неправильно объясняя причину роспуска Коминтерна, и что против этого нужно вести решительную борьбу. И в конце он пожелал мне успехов в выполнении трудной задачи. Не знаю, но мне кажется, что вряд ли родной отец мог бы проститься со мной так тепло и сердечно.

Такой же теплой и сердечной была наша встреча в мае 1945 года, когда я второй раз приехал в Москву. К моему огромному огорчению, я так и не смог выполнить порученное мне задание. С большим трудом мне удалось пробраться на оккупированную немцами родную землю, однако вскоре я попал в руки фашистов, прошел через ужасы Освенцима. Я оказался в числе немногих уцелевших узников, которых освободила Советская Армия. Итак, в мае 1945 года я опять был в Москве и, конечно, первым делом отправился к Георгию Димитрову. Он с большим интересом выслушал мой рассказ об этих страшных двух годах моей жизни, спрашивая обо всем до мельчайших подробностей. Потом сказал, что все вышло не так, как было задумано, но самое главное — все-таки то, что я жив и могу поехать на родину, не боясь, что там для меня не осталось дела. Работы впереди непочатый край — только бы хватило сил!

В Москве я пробыл очень недолго. Попрощавшись с Георгием Димитровым, я с первым же самолетом отправился на родину.

1965 г.

В. И. Чуйков

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С ТОВАРИЩЕМ ДИМИТРОВЫМ

С выдающимся революционером, великим сыном болгарского народа Георгием Димитровым мне приходилось встречаться очно и, как говорится, заочно. Впервые о нем я услышал от своих друзей — болгарских революционеров, с которыми вместе учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Когда я в 1922 году поступил в академию, мне довелось жить в Ваганьковском общежитии. Там же проживали слушатели-болгары. Особенно хорошо я помню товарища Чернова, учившегося со мной в одной группе, но вскоре погибшего, и товарища Кириллова.

Мы нередко собирались в комнате у Чернова, к которому приходили и другие болгарские товарищи. Там я впервые познакомился с Георгием Димитровым. Знакомство это было мимолетным, и я, конечно, тогда не подозревал, какую выдающуюся роль предстоит сыграть в мировом коммунистическом и рабочем движении моему новому знакомому.

В дальнейшем, после окончания академии, мне довелось долго работать вместе с Иваном Винаровым, которого мы попросту называли Ванко. Мне в жизни встречалось немало храбрых людей. Но это был один из храбрейших. Не отставала от мужа и его жена Галина.

Они покорили меня не только своей храбростью, но и исключительной человечностью и добротой, принципиальностью и каким-то особым дружелюбием. Мы часто встречались и беседовали о Болгарии, возмущались зверствами правительства Цанкова, говорили о таких революционерах, как Благоев, Димитров и другие. Я знал, что многие болгарские товарищи часто отрывались от учебы в академии и нелегально перебрасывались в Болгарию для проведения ответственной революционной работы. Некоторые из них обратно уже не возвращались. Такая судьба постигла моего хорошего товарища Чернова. Во время одной из таких поездок он был схвачен и казнен палачами правительства Цанкова.

Болгарские коммунисты были хорошими интернационалистами.

Когда в Германии к власти пришли фашисты, весь мир узнал имя бесстрашного революционера Георгия Димитрова. Для революционеров всех стран образцом стала его исключительная честность, преданность идеям коммунизма, твердость в отстаивании своих идеалов. На Лейпцигском процессе в конце 1933 го-

да он показал коммунистам всего мира, всем борцам за счастье трудящихся, как нужно бороться и защищать идеи марксизма-ленинизма, каким должен быть настоящий революционер.

На Лейпцигском процессе гитлеровцы хотели использовать провокацию с ими же самими организованным поджогом рейхстага для обвинения мирового коммунистического движения. Но на процессе они вместо обвинителей оказались обвиняемыми. А их грозным обвинителем выступил Георгий Димитров. Как ни бесновался и ни выходил из себя Геринг, обвиняемым оказался именно он и его сподвижники по грязной провокации.

И отнюдь не случайно, что сейчас западногерманские реваншисты устроили новую провокацию, выпустив телефильм, в котором стараются реабилитировать фашистских палачей и провокаторов и оклеветать Димитрова и его товарищей по борьбе.

А в те дни весь мир, затаив дыхание, переживал за судьбу Георгия Димитрова и его товарищей. Огромная радость охватила меня, когда однажды мне позвонила Галина Петрова-Винарова и сообщила, что товарищ Димитров после Лейпцигского процесса 27 февраля 1934 года прибыл в Советский Союз и остановился в гостинице «Люкс» на улице Горького.

Это было огромной победой всего мирового коммунистического движения, наглядной демонстрацией силы и мощи революционного коммунистического движения, его подлинно интернациональной природы. Даже такие палачи, как Гитлер, Геринг и другие фашистские главари, не осмелились поднять руку на пролетарского революционера, за которого стояло все прогрессивное человечество.

В те дни Советское государство еще раз показало свой глубокий интернационализм, приняв Димитрова и его товарищей в советское гражданство, буквально вырвав их из грязных лап фашистских палачей.

Встретиться с товарищем Димитровым мне довелось уже во время Великой Отечественной войны. Это произошло после моего возвращения из Китая, где я по заданию партии и правительства помогал борьбе китайского народа за его свободу и независимость.

Товарищ Димитров, который в то время был генеральным секретарем Исполкома Коминтерна, пригласил меня к себе на беседу. Он меня принял у себя на квартире, в доме правительства, расположенном на Болотной площади у Каменного моста, рядом с кинотеатром «Ударник». По дороге к нему я еще не знал, о чем будет разговор, и старался угадать тему беседы. Встретил меня Димитров очень радушно и сразу же пригласил на чашку чая. С первых же его слов я понял, что он хочет от меня, как очевидца, узнать, что собой представляет Чан Кайши, каково его окружение и насколько он будет активно и честно

бороться против японских оккупантов, которые в то время захватили, по существу, все основные промышленные центры Китая.

Он интересовался, насколько сильно влияние Коммунистической партии Китая в массах, а также среди военных, сумеет ли партия вовремя предотвратить капитуляцию Чан Кайши перед японцами, возможность чего в то время отнюдь не исключалась.

Он интересовался также, насколько китайские коммунисты выполняют интернациональный долг, который заключался в то время главным образом в борьбе против японских империалистов, японских самураев.

Интересовался товарищ Димитров и моим мнением по поводу причин, по которым японская экспансия повернула на юг, а не против Советского Союза. Я сказал, что, по моему мнению, правящие круги Японии ищут более легких путей для победы и, воспользовавшись сложившейся в мире обстановкой, хотят отхватить то, что, как говорится, плохо лежит и в чем японский империализм особенно остро нуждается: нефть, каучук и другое стратегическое сырье.

Товарищ Димитров также очень интересовался, сумеет ли Компартия Китая в дальнейшем, после разгрома японских империалистов, организовать и повести народ на революционные преобразования и прежде всего на уничтожение продажной диктатуры Чан Кайши, сможет ли она направить силы народа Китая на преобразование экономики с целью повышения благосостояния всего китайского народа, который в то время по своему уровню жизни занимал одно из последних мест в мире.

И в особенности меня поразил вопрос товарища Димитрова, не слишком ли китайская компартия разбухает от роста своих рядов за счет непролетарских элементов. Теперь мне понятно, насколько еще в то время товарищ Димитров глубоко понимал и тревожился за эту слабость китайской компартии. Его явно беспокоило недостаточное овладение некоторыми руководителями Компартии Китая основами марксистско-ленинской теории, недостаточный дух интернационализма, недостаточное классовое самосознание среди рабочего класса Китая.

В настоящее время мы видим, насколько обоснованной была эта тревога выдающегося теоретика и практика мирового коммунистического движения.

Георгий Димитров также интересовался тем, насколько грамотен рядовой китайский коммунист, как он учится, правильно ли понимает свои собственные и интернациональные задачи в борьбе против империализма и милитаризма.

Я чувствовал, насколько важны эти вопросы для генерального секретаря Исполкома Коммунистического Интернационала,

и старался на них отвечать возможно подробнее, то есть рассказывал все, что знал и видел в Китае собственными глазами.

Я всегда вспоминаю эту беседу с большим удовлетворением. Меня поразило в товарище Димитрове то, что, оставаясь болгарином, он был родным человеком. Это был революционер до мозга костей, настоящий коммунист-интернационалист, который мог быть по национальности кем угодно: болгарином или русским, американцем или узбеком и т. д. В нем как-то особенно остро чувствовалось интернациональное сознание своего долга перед всем коммунистическим и рабочим движением, перед всеми народами. Он как нельзя лучше подходил для работы, которую вел в то время.

И еще от него самого и от его супруги, когда мы беседовали тогда за чашкой чая, исходило какое-то особое душевное тепло. Это были действительно настоящие ученики Ленина, подлинные ленинцы.

О смерти Георгия Димитрова я узнал в 1949 году, будучи в Германии. Меня глубоко потрясло это известие.

Такие люди не так уж часто встречаются в истории, но они оставляют после себя такой пример, такой революционный пыл и энтузиазм, что многие, многие поколения должны учиться у них тому, как надо служить народу, своей партии, быть преданным до последних часов жизни идеям социализма и коммунизма.

1967 г.

А. С. Гундоров

ВСТРЕЧИ С ГЕОРГИЕМ ДИМИТРОВЫМ

Всем памятно 22 июня 1941 года — день вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Вскоре после этого по предложению видных представителей общественности славянских стран, собравшихся 10—11 августа 1941 года в Москве, был созван Первый всеславянский митинг и создан Всеславянский комитет. Председателем этого комитета избрали меня.

По поставленным задачам и составу входивших в него лиц Всеславянский комитет явился организацией единого антифашистского народного фронта, которая призывала народы к объединению в борьбе против гитлеровского нашествия, имевшего своей целью поработить и истребить славянские народы. Их надеждой на спасение был Советский Союз, который сразу же за-

явил, что целью Отечественной войны является не только изгнание врага с советской территории, но и освобождение славянских народов от фашистской оккупации.

Таким образом, начинавшееся славянское движение не имело ничего общего с бывшим царским панславизмом. Оно стало близким той линии единого народного фронта, которая была намечена VII конгрессом Коминтерна. Естественно, что у ряда членов Всеславянского комитета появлялось желание при разработке своих выступлений и предлагаемых документов обращаться к материалам этого конгресса. Особенно это необходимо было мне, как военному специалисту, не искушенному в международных и славянских вопросах. Я согласился на предложение в общественном порядке возглавить Всеславянский комитет лишь потому, что речь шла о мобилизации народов на борьбу против страшного врага человечества. Увлекало в этой деятельности и то, что на первые же наши призывы к боевому единству славян в борьбе против Гитлера появились многочисленные отклики. Начинание было многообещающим. Для лучшей ориентировки в нем я решил проконсультироваться у самого руководителя Коминтерна и главного докладчика VII конгресса по единому народному фронту.

Впервые я обратился к Г. Димитрову заочно с фронта с просьбой просмотреть написанную мной статью для зарубежной прессы. Статья была большая, в ней говорилось о намерении Гитлера поработить и истребить славянские народы, доказывалась абсурдность этих целей и приводились исторические примеры разгрома его предшественников объединенными силами славян. Объединение славян и разгром фашистских вооруженных сил сейчас облегчились тем, что во главе борьбы была могучая страна социализма, поддерживаемая союзниками. Затем шли призывы к объединению и намечались пути борьбы для каждого из славянских народов.

Статью мне быстро возвратили с редакторской правкой Г. Димитрова. Две первые вступительные страницы были без поправок, а на третьей в одном месте на полях были две короткие черты и в тексте вставка, уточняющая мою фразу о промышленности; в другом месте одна черта, а перед ней написано: «Цифры проверить». На четвертой странице во фразе о буржуазии слово «мелкая» зачеркнуто, а «средняя» вставлено. На седьмой странице исправление опечаток, на двенадцатой вместо слов «близкий к коммунизму» написано: «старый сторонник коммунистов» и т. д. Лишь в одном месте была сделана вставка в несколько фраз. Мне казалось, что кое-что из статьи можно было вычеркнуть или изменить, особенно в части моих волжских словечек и оборотов речи. Были места и спорные, но Г. Димитров и этих мест не тронул. Чувствовалось, что над рукописью рабо-

тала рука удивительно деликатного редактора, бережно относившегося к труду автора. Так через синие карандашные пометки на страницах рукописи у меня сразу же установился контакт с этим замечательным человеком и появилось желание продолжать еще и еще писать на тему, которую он явно поддерживал

* * *

В конце 1942 года я был переведен на Московский фронт ПВО. Враг находился в 150 километрах от Москвы, работы было много, но почти ежедневно мне удавалось бывать во Всеславянском комитете. Обычно это выпадало на вечера, так как днем мы находились в частях, а ночами — в штабе или на КП.

Всеславянский комитет использовал каждую возможность для обращения с призывами к славянским народам в борьбе против оккупантов. Хорошим поводом для этого были собрания, посвященные памятным историческим датам или деятелям культуры славянских народов. Речи и призывы ораторов направлялись в эфир или в заграничную славянскую печать. Кроме того, собрания были публичными и помогали знакомить советских граждан с историей и культурой славянских народов.

Перед одним из таких вечеров, посвященных Болгарии, в помещении комитета появился Г. Димитров. Надо сказать, что при выступлениях на Болгарию мы соблюдали известную осторожность. Болгария хотя и была в союзе с Гитлером и фактически оккупирована им, но благодаря сопротивлению народа сохраняла с Советским Союзом дипломатические отношения. Как известно, и первым пунктом в программе Отечественного фронта Болгарии значилось: удержать Болгарию от объявления войны СССР.

Появление Г. Димитрова вызвало большую радость присутствующих, а я смутился и стал по-военному ему представляться... Он улыбнулся и, не дожидаясь конца моего доклада, протянул руку. От простого и теплого пожатия его руки, от мягкой улыбки и доброго взгляда мгновенно рассеялась моя неловкость и смущение... Через несколько минут я уже с увлечением рассказывал ему, как подымаются на борьбу с фашистскими оккупантами народы славянских стран, о выступлениях славянской эмиграции в США, Канаде, странах Латинской Америки, в Австралии, Новой Зеландии и Лондоне.

— Движение славянской эмиграции сливается с выступлениями всех трудящихся этих стран и сосредоточивается на требовании открытия второго фронта,— рассказывал я.— И не удивительно, официальные органы США заявили, что 51 процент рабочих американской оборонной промышленности составляют славяне. А секретарем Славянского конгресса США является болгарин Пиринский.

Георгий Михайлович, слушая меня, улыбался... и тут я понял...

— Простите меня за то, что я вам рассказываю то, о чем вам хорошо известно... Мне же впервые приходится наблюдать такое и потому хочется высказать свое восхищение!..

— Это хорошо, товарищ Гундоров,— проговорил он.— Но вы обязательно добавьте, что источником этого подъема народов является Советская Армия, ее героизм и победы! Она вдохновляет на борьбу и болгарский народ, хотя у него для этого имеются и глубокие исторические корни.

Продолжая свою неторопливую, но очень выразительную речь, он говорил об обстановке в Болгарии, о борьбе ее народа против оккупантов и фашистского правительства, упомянул, что среди партизан Югославии имеется болгарский отряд имени Христо Ботева, и с особой теплотой произнес имена славного сына славянства, маститого генерала Владимира Заимова и юной комсомолки Лиляны Димитровой.

Наша интересная беседа, участниками которой были и подошедшие члены комитета, была прервана сообщением о том, что собравшаяся в зале публика волнуется из-за задержки открытия собрания.

Появление в президиуме Г. Димитрова вызвало бурные аплодисменты. Я предоставил слово «самому первому и героическому борцу против фашизма — Георгию Димитрову».

Он произнес краткую речь, текст которой, к нашему великому сожалению, не был записан.

Посещение Всеславянского комитета Г. Димитровым явилось большой зарядкой для нашей дальнейшей работы. Под влиянием этого посещения на VI пленуме Всеславянского комитета, состоявшемся 16—17 октября 1943 года, был поставлен доклад академика Державина «Исторические основы дружбы русского и болгарского народов». После доклада с информацией о Болгарии и героической борьбе ее народа выступили Владимир Томов и члены комитета Стелла Благоева, Фердинанд Козовский и доктор Стоянов.

— Пусть не сомневаются свободолюбивые братские славянские народы в том, что болгарские патриоты выполнят свой долг перед родиной! — заключил Фердинанд Козовский.

После посещения Всеславянского комитета Г. Димитровым в нем стали чаще появляться ответственные деятели и всех других славянских стран, как находящиеся в Москве, так и прибывающие из-за границы в Советский Союз.

Были и другие встречи с Г. Димитровым в стенах Всеславянского комитета во время мероприятий, посвященных Болгарии или другим странам. И как правило, всегда после его посещений работа Всеславянского комитета оживлялась.

* * *

Однажды мне позвонили по поручению Г. Димитрова и передали его приглашение прибыть завтра к нему с супругой. Дома я долго пытался разгадать, чем вызвано приглашение?

— Приедем — увидим...— успокаивала меня жена.

Прибыв на дачу Г. Димитрова, мы встретили только одного из помощников Георгия Михайловича. Вскоре появилась жена Г. Димитрова Роза Юльевна, которая приветливо нас встретила и повела на второй этаж.

Через некоторое время появились сестра Георгия Михайловича с мужем и сам Димитров, несколько утомленный, с воспаленными глазами. По-видимому, он только что оторвался от работы. Но, как всегда, Георгий Михайлович был приветлив и разговаривал с нами как со старыми знакомыми.

В комнату вбежал шустрый мальчик лет пяти, а за ним вошла тихая молчаливая девочка-подросток.

— Это наши воспитанники,— шепнула Роза Юльевна.

Роза Юльевна и Георгий Михайлович были гостеприимными хозяевами. Ужин проходил так просто и естественно, заполненный такими же обычными, простыми разговорами, что казалось, будто мы в этой семье были постоянными гостями.

После ужина перешли в другую комнату. Закурили. Девочка ушла готовить уроки, а в комнате опять появился мальчик. Удивительно подвижный мальчик забрался Георгию Михайловичу на колени, и у них началась возня. Нам вспомнилось, что Георгий Михайлович не так давно потерял сына, которого очень любил. Мы любовались ими, но мальчика скоро увели укладывать спать.

Узнав, что мы с женой костромичи, Георгий Михайлович стал рассказывать о Костроме, от трудящихся которой он был избран депутатом Верховного Совета СССР.

— Когда я бываю среди костромских рабочих, то забываю, что я не в Габрове или Сливене, так они похожи на болгарских рабочих,— говорил он.

— Даже по языку похожи,— добавили мы.— Когда костромича спрашивают: «Откуда, земляк?» — он обычно отвечает: «Кто, я-то?» По этой добавке — «то», как и у болгар, сразу узнают — костромич...

Роза Юльевна стала рассказывать о госпитале, в котором она работала сестрой. В это время помощник Георгия Михайловича принес киноаппарат, прикрепил небольшой экран к одной из стен комнаты и попросил разрешения демонстрировать картину.

Возвращались домой уже часов в одиннадцать вечера.

— Какой обаятельный человек Георгий Михайлович!..— восхищалась моя жена.— И Роза Юльевна — хозяйка хорошая.

К нему она относится с исключительным вниманием... Тебе приходилось видеть Ленина, похож на него Георгий Михайлович?

— Внешне нет,— отвечал я.— Но по обращению с людьми и доступности, по убежденности в победе коммунизма, по вере в силу рабочего класса, по упорству и неустанной работе в его интересах очень похож.

Возвращался от Г. Димитрова я с таким же зарядом бодрости, как в былые дни революции из Смольного на свой Обуховский завод.

* * *

Первый свой национальный праздник, 3 марта 1945 года, освобожденная Болгария решила провести под знаком укрепления славянской солидарности и мобилизации народа для участия в окончательном разгроме фашистской Германии. В ряду других мероприятий было намечено устройство Славянского собора, на который были приглашены представители и других славянских народов.

От СССР кроме меня в состав делегации на этот собор вошли академик Н. С. Державин, поэты Н. С. Тихонов и Павло Тычина и белорусский академик А. Р. Жебрак.

Советская делегация вместе с представителями других славянских народов участвовала не только в заседаниях собора, но и в многочисленных встречах с разными кругами населения Софии, в поездке по стране и во всех других мероприятиях. Это был очень насыщенный работой и впечатлениями наш первый выезд в славянскую страну.

Незабываемой была народная манифестация в Софии, которая проходила среди руин зданий, окаймлявших площадь перед Народным собранием.

Уцелевшая фасадная стена Народного собрания была задрапирована коврами, флагами славянских и союзных стран и зеленью, на которых размещались портреты многих видных деятелей. Около этой стены находились и трибуны. Руины других зданий задрапировать не было возможности, и колонны ликующего народа, проходящие среди развалин, были особенно впечатляющими.

В течение четырех часов шли они, восторженно приветствуя правительство Отечественного фронта и участников собора. Их лозунги напоминали, что сыновья, отцы и братья проходивших в этот момент вместе с войсками III Украинского фронта вели героические бои с противником южнее озера Балатон.

Находясь в гуще братского болгарского народа, мы ясно почувствовали, что рабочие и крестьяне этой страны хорошо понимали, от какой катастрофы спасла их страну Советская Армия и вину тех фашистских кругов, которые до этого были у власти.

Народ Болгарии переживал такой революционный подъем, что это напоминало нам дни Октябрьской революции в России.

В Болгарии тех дней были определенные круги, которые ориентировались на союзников и хотели, чтобы страна по-прежнему оставалась полуколониальным придатком империалистических держав. Они даже имели своих представителей в правительстве. Мы в этом убедились, присутствуя после поездки по стране на I конгрессе Отечественного фронта. Одним словом, Болгария жила бурной политической жизнью и кипела страстями.

Обо всем этом мы рассказали Георгию Михайловичу, возвратившись в Москву. Надо было видеть, с каким интересом он слушал нас, живо реагируя на наши сообщения. Мы привезли с собой много фотографий, и он внимательно их рассматривал, каждый раз спрашивая, где, когда и при каких обстоятельствах сделан тот или иной снимок.

В разговоре мы часто возвращались к всенародному восстанию 9 сентября. Георгий Михайлович говорил, что большую роль в этом деле сыграла вера болгар в освободительную миссию Советской Армии и любовь к русскому народу, которая воспитывалась поколениями.

Георгия Михайловича очень заинтересовал наш рассказ о встречах с детьми югославских партизан, которых много было в то время в Болгарии. Дети приходили к нам со своими воспитателями и учителями. Это были трогательные встречи.

— Только букеты цветов в наших руках выручали, давая возможность скрывать в них слезы, которые появлялись на глазах при виде этих детей и при звуках их приветствий...— рассказывали мы.

Я не скрыл от Георгия Михайловича, что болгарские историки после моей информации на заседании Болгарского славянского комитета сделали мне замечание по поводу моих высказываний об империалистических устремлениях России во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Он мне на это сказал:

— Болгарские историки правы. Для болгар эта война была освободительной, и Россия выполняла прогрессивное дело, выступая против самого реакционного турецкого режима в Европе.

Беседовали мы с Георгием Михайловичем долго, но возвращались домой бодрыми и довольными. Радовались тому, что могли поделиться своими впечатлениями о его прекрасной родине и народе.

Однако Георгий Михайлович не удовлетворился нашими сообщениями только ему, он заставил нас выступить с докладом о поездке перед широкой аудиторией. Собрание проходило под его председательством.

* * *

В декабре 1946 года состоялся Славянский конгресс в Белграде. Это был большой международный славянский форум, венчавший деятельность Всеславянского комитета. Возвращаясь из Югославии, советская делегация заехала в Софию и здесь остановилась на сутки.

Проведя день в знакомстве с болгарской столицей и во встречах с общественностью, мы вечером были приглашены к Г. Димитрову. Встреча с ним состоялась в Княжеве. Дом, в котором он жил, был небольшой, но такой же уютный, как и в Москве. Нас тепло встретила Роза Юльевна.

Георгий Михайлович был с Василом Коларовым, оба находились в отличном настроении. Да иначе и не могло быть: Болгария стала Народной республикой. Проведены уже выборы в Великое народное собрание, давшие абсолютное большинство кандидатам Отечественного фронта, руководящей силой которого были коммунисты.

Неплохи были и хозяйственные результаты истекшего года. Опираясь на помощь Советского Союза, налаживалась экономическая жизнь страны. Об этом рассказывал нам Георгий Михайлович, усадив нас вокруг себя.

— Получаем тракторы из Советского Союза и создаем машинно-тракторные станции, которые должны помочь производственному кооперированию крестьян,— добавил Васил Коларов.

Среди членов нашей делегации был один товарищ, по фамилии Степанов, работавший на Сталинградском тракторном заводе, продукция которого шла в Болгарию.

— Передайте, товарищ Степанов, вашим рабочим,— обратился к нему Георгий Михайлович,— что эти тракторы нам очень дороги, мы знаем, чьими руками и в каких условиях они делались! Знайте, что их будут водить благодарные и такие же героические руки, какие их изготовляли! Они будут использоваться братским народом для строительства социализма!

Слова Георгия Михайловича звучали торжественно, как клятва, и мы им стали аплодировать.

Члены советской делегации еще по-старому видели в Г. Димитрове руководителя Коминтерна и потому засыпали его вопросами международного порядка. Он же очень интересовался вопросами, о которых шла речь на Славянском конгрессе в Белграде.

Я коротко доложил ему, что конгресс прошел под знаком борьбы за создание крепкого, длительного и демократического мира, в достижение которого славяне должны сделать такой же вклад, как и в победу над фашистской Германией. А для этого нам надо продолжать крепить их единство.

— Правильно,— согласился он.— Крепить мир и народную демократию, всячески используя для этого опыт и помощь Советского Союза.

* * *

И после создания Славянского комитета СССР моя общественная деятельность не прекратилась. В начале февраля 1948 года мне довелось возглавить делегацию советской общественности на II конгрессе Отечественного фронта Болгарии. Делегация смогла вылететь из Москвы только в день конгресса и доклада Г. Димитрова, которым начался конгресс, не застала.

Встретились мы с Георгием Михайловичем во время перерыва между заседаниями за кулисами театра, в котором проходил конгресс, и по-славянски расцеловались.

Как известно, конгресс принял новый устав Отечественного фронта. Председателем Отечественного фронта был избран Г. Димитров. Надо было видеть в этот момент зал конгресса, чтобы понять любовь и силу авторитета, какими он пользовался у всех очень разных по своему составу участников конгресса.

Во время одного из последних заседаний в президиум конгресса сообщили, что перед зданием театра собрался народ и требует появления Г. Димитрова. Он вел заседание и поэтому предложил выйти одному из своих ближайших заместителей и мне. Мы вышли к огромной массе народа, заполнявшей площадь и прилегающие улицы и приветствовавшей нас. Это была такая встреча, какая не забывается никогда.

Вскоре к нам присоединились Георгий Михайлович и другие члены президиума конгресса. Он обратился к народу с небольшой речью, а затем предоставил слово мне и главе югославской делегации. Я не смогу сейчас привести своего выступления, но хорошо помню, что оно имело успех. Георгий Михайлович был не только великолепным руководителем конгресса и собравшихся перед нами народных масс, но человеком, умевшим вдохновлять близких к себе людей и открывать в них такие способности, о каких они и сами не подозревали.

Отечественный фронт Болгарии был детищем Георгия Михайловича. Он объединял вокруг рабочего класса и коммунистов Болгарии в крепком союзе крестьян и трудовую интеллигенцию. Организация такого союза в соответствии с задачами строительства социализма и была задачей конгресса. При разговорах с иностранными делегациями, которых на конгрессе было много, Георгий Михайлович неоднократно возвращался к этим вопросам, терпеливо разъясняя иностранным гостям сущность и задачи Отечественного фронта.

Наши разговоры с ним носили, как правило, непринужденный, товарищеский характер. Георгий Михайлович любил и це-

нил шутку. Встречи с ним заканчивались легко и весело, но вместе с тем мы всегда были полны больших и серьезных впечатлений.

* * *

В июне 1949 года проходил месячник болгаро-советской дружбы. Из Советского Союза в Болгарию было направлено несколько делегаций, с одной из которых, состоявшей из деятелей культуры, писателей и артистов, отбыл я.

Наша поездка в этот раз охватывала особенно много городов и сел Болгарии и была длительной. Мы встречались с самыми разными кругами населения, видели высокий трудовой подъем людей, стремление ко всему передовому в работе и культуре. Шло выполнение плана первого года пятилетки, которая разрабатывалась самим народом. Трудовой подъем народа был понятен и близок нам, пережившим свою первую пятилетку.

Беспредельна вера людей в Болгарскую коммунистическую партию, в Отечественный фронт и правительство, под руководством которых страна добилась справедливого мира, преодолела разруху и приступила к строительству основ социализма.

Весь болгарский народ широко проводил месячник, устраивая собрания и митинги, посвященные болгаро-советской дружбе.

Наш приезд в город Враца совпал с 73-й годовщиной со дня гибели Христо Ботева. Вечером нам предложили выступить перед большими массами народа, собравшимися на площади у памятника национальному герою. А после митинга мы участвовали в торжественной «заре», на которой была перекличка погибших за освобождение Болгарии, а затем военный салют, фейерверк и большой концерт.

На другой день утром нас повезли на вершину горы Вол, на место последнего боя и гибели Христо Ботева. К нашему удивлению, здесь уже собралось более 12 тысяч человек, прибывших сюда со всех концов страны.

И так везде, куда бы мы ни приезжали: в Пернике, Кюстендиле, Пловдиве, Бургасе, Варне, Шумене, Русе, Плевене, во многих городах и селах нас встречали тысячи людей, которые высказывали свои чувства дружбы к советскому народу, к могучей социалистической стране.

Георгия Михайловича в то время в Болгарии не было: он тяжело болел и находился в Советском Союзе на лечении. Поэтому, когда, выполнив свою почетную миссию, мы вернулись в Москву, я через несколько дней получил приглашение посетить его.

Прямо с работы я поехал в санаторий «Барвиха».

Меня встретила осунувшаяся и очень озабоченная Роза Юльевна. Я ожидал, что встречу Георгия Михайловича в посте-

ли, но она привела меня в одну из комнат и сказала: «Вот сюда он к вам придет. Но только вы его разговорами долго не задерживайте».

Комната была длинная, узкая, но светлая. Слева было большое окно, а напротив такие же высокие стеклянные двери, как и те, в которые мы вошли. Все, за исключением нижней половины стен, было белое: двери, большой стол у окна, кресла в полотняных чехлах и даже отдельно стоявший маленький столик, на котором находился телефонный аппарат.

Георгий Михайлович вошел в противоположную дверь в сопровождении Розы Юльевны. Как только мы поздоровались, она ушла, оставив нас вдвоем. Он осторожно сел в кресло впереди стола и показал мне на другое, стоявшее рядом.

Георгий Михайлович был бледен, с немного отекшим лицом, но, как всегда, с ярким и зорким взглядом, в котором только временами проскальзывало выражение физической боли.

Кто-то называл его взгляд соколиным. Действительно, он был таким: зорким и направленным вдаль. Взгляд человека, как бы нацеливавшегося расправить крылья и ринуться вперед... Под влиянием этого взгляда моя тревога за его состояние немного улеглась.

— Рассказывайте, как вас встретила Болгария? — начал он.

— Изумительно!..— отвечал я.— До сих пор в глазах тысячи радостных лиц, а в ушах возгласы: «Добре дошли, скыпи гости!..»

Я стал рассказывать о том, где мы побывали, что видели и кого встречали. Говорил о величайшем трудовом подъеме народа, о здоровом патриотизме, о сплоченности вокруг коммунистической партии и правительства. Чтобы он не утруждал себя вопросами ко мне, старался говорить подробней, и не только о своих впечатлениях, но и о впечатлениях своих спутников.

Он слушал меня спокойно, не перебивал. Но когда я, вспомнив предупреждение Розы Юльевны, попытался закончить рассказ, он поднял руку и проговорил:

— Продолжайте, товарищ Гундоров... Еще что видели?..

Я рассказал, что видели селение, в котором родилась матушка Георгия Михайловича, бабушка Параскева. А потом говорил о ночном посещении шахтеров около Бургаса, которые терпеливо ждали нас и очень тепло встречали.

Димитров продолжал внимательно слушать и даже временами улыбался, но вдруг сник и, еще более сжавшись в кресле, опустил голову. Таким мне его видеть не приходилось, и сердце у меня защемило...

— Тяжело, Георгий Михайлович, проходит у вас болезнь?! — спросил я.

— Да, мучительно...— проговорил он.— Но врачи обещали на днях кое-что предпринять и облегчить...

Он выпрямился в кресле и медленно встал. Передо мной был прежний, спокойный и собранный Георгий Михайлович. Я тоже встал и проговорил:

— Простите, что утомил вас своими рассказами... Разрешите проститься с вами по-славянски...

Он не возражал, но при этом был серьезен.

Выйдя в коридор, я некоторое время там стоял, ожидая, не потребуюсь ли Розе Юльевне или врачам, обслуживающим Георгия Михайловича, но из комнат никто не появлялся. Тогда я медленно пошел к выходу.

А потом ошеломляющее правительственное сообщение: «...2 июля в 9 часов 35 минут... скончался выдающийся деятель международного рабочего движения... наш товарищ и брат — Георгий Михайлович Димитров».

* * *

С тяжелым чувством горестного волнения мы стояли в почетном карауле у гроба Георгия Михайловича. Знакомый нам Колонный зал Дома союзов был неузнаваем в траурном убранстве с высоким катафалком в центре, на котором покоился гроб с его телом. Расплывались и пропадали из глаз стены зала и тысячи скорбных лиц в двигающихся колоннах людей, пришедших отдать последний долг великому деятелю коммунизма. Сердце щемило от горя...

Но в памяти вставал живой, по-солдатски прямой и твердо стоявший Георгий Михайлович, с высоко поднятой головой и соколиным взглядом. Вспоминались его страстные слова, призывавшие к борьбе, вера в победу коммунизма.

1966 г.

Димитр Гилин

ПЛАМЕННЫЙ ПАТРИОТ

С Георгием Димитровым я познакомился впервые и недолго беседовал в конце 1918 года. Позднее в Москве, в годы эмиграции, я встречал его уже не раз.

* * *

Весть о вероломном нападении гитлеровцев на СССР поразила нас. Гнев и негодование охватили весь советский народ.

Еще в те дни, когда гитлеровцы вторглись на Украину и в Белоруссию, почти все болгарские политэмигранты, находив-

шиеся в Москве, явились в Заграничное бюро ЦК БКП и выразили желание немедленно принять участие в общей борьбе за спасение Советского Союза и мира от фашистской чумы...

Наконец пришел долгожданный день. Наступил момент, когда и мы должны были отправиться на поле брани — в районы партизанской борьбы с врагом.

Несколько групп уже были переправлены по воздуху и по морю раньше нас. Перед отправлением они получали инструкции лично от Георгия Димитрова. Такой встречи с нашим любимым руководителем ожидали и мы.

В конце марта или начале апреля, точно не помню, нас предупредили, что вскоре мы увидимся с Димитровым.

Накануне вечером в общежитии мы проговорили допоздна, все действительно серьезно волновались. Нас вызывает Димитров,— значит, шутки в сторону, скоро отправимся на родину!

Утром машина прибыла точно в назначенное время, но нам показалось, что она очень запоздала. Ровно в 9 часов в бюро пропусков нас ждали Станке Димитров (Марек) и Георгий Дамянов. Мы поднялись на третий этаж, вошли в большую комнату. Сопровождавший нас товарищ исчез за дверью следующей комнаты, и вскоре оттуда вышел Георгий Димитров.

Он был одет в военную форму без погон. Длинные поседевшие волосы зачесаны назад, лицо бледное, с легким румянцем. Взгляд его глаз был таким же выразительным, заботливым и добрым, каким я запомнил его раньше. В руке он держал трубку. Приблизившись, поздоровался за руку со Станке Димитровым и Георгием Дамяновым, потом с нами и пригласил всех в соседнюю комнату.

Когда мы сели, Димитров, указав на Станке Димитрова (Марека), сказал, как мне помнится:

— Товарищи, вас уже уведомили, что вашим руководителем определен товарищ Марек. Вы знакомы с его биографией. Это образец того, как нужно служить партии, рабочему классу и народу. Товарищ Марек — один из тех деятелей нашей партии, которые имеют редкий многолетний опыт нелегальной работы. Его не раз направляли возглавлять руководство нашей партии именно в те периоды, когда ощущалась самая острая необходимость в опытных и проверенных в трудной нелегальной обстановке руководителях. В таких кадрах партия в стране нуждается чрезвычайно. Имейте это в виду в предстоящей вашей практической работе, прислушивайтесь к советам товарища Марека... Вы, наверное, знаете, что до вас была послана группа товарищей. Они были снабжены необходимой радиоаппаратурой, но, к большому сожалению, по крайней мере до сих пор, никому из них не удалось наладить связь с нами. Вы сами понимаете, какое большое значение имеет для нашей партии получение непо-

средственной ежедневной информации из страны. При наличии такой информации наша помощь движению Сопротивления будет более конкретной и своевременной...

Мы внимательно слушали. Затем Димитров проинформировал нас о внутреннем положении в Болгарии, останавливаясь на мельчайших подробностях и непрерывно подчеркивая, что главной задачей было и остается сплочение антифашистских сил, невзирая на различия в их социальной и партийной принадлежности. Сплотить всех, кого возможно, для борьбы под знаменем Отечественного фронта — вот в чем задача.

— По нашим действиям будут судить о руководящей роли нашей партии,— сказал Димитров.— Помните и никогда не забывайте: не отрываться от масс!

Димитров замолкал, набивал трубку табаком и снова приковывал наше внимание. Он был обаятельным собеседником. Чем дольше его слушал, тем больше хотелось слышать его голос еще. Мы провели у него целых три часа и не заметили, как они пролетели.

В какой-то момент выражение лица Георгия Димитрова вдруг изменилось, глаза стали мечтательными и очень грустными.

— Товарищи,— потеплевшим голосом сказал он.— Вы отправляетесь на родину. Вы ступите на родную землю, на нашу болгарскую землю! Завидую вам...

Он дружески оглядел нас, едва сдерживая волнение.

— Вы — счастливцы! — сказал он.

Эта встреча, каждый жест, каждый взгляд нашего Димитрова остались в моей памяти навсегда. Такое никогда не забывается. Она придавала нам силы. В трудные моменты мы всегда вспоминали о Димитрове, его кипучей, полной борьбы жизни и старались быть самоотверженными коммунистами, хотя бы немного походить на него.

Мы простились с Димитровым. Ненадолго нас задержал Марек. Он дал нам указания, где получить радиоаппаратуру, посоветовав взять побольше, насколько возможно, запасных частей к ней.

По предложению Димитрова было решено, что Винаров, я и Радил Иванов отправимся первыми из группы. Если мы благополучно приземлимся на югославской территории и установим связь с югославскими партизанами, вылетят и остальные вместе с Мареком.

Мы все трое благополучно приземлились и связались с югославскими партизанами. Сделали первую попытку наладить связь по эфиру с Георгием Димитровым и Мареком.

С большим трудом, благодаря настойчивости всей группы, и более всего радиста, нам это в конце концов удалось.

Георгий Димитров поздравил нас с успешным приземлением, дал директиву:

«Примите меры для самого спешного передвижения к болгарской границе. Не забывайте о вашей конечной цели — Болгарии! События требуют быстроты.

Димитров».

Нас пригласили от имени командира второго пролетарского корпуса в его штаб, располагавшийся в Мураче.

— Как здоровье товарища Димитрова? — был первый вопрос, с которого Дапчевич начал разговор.— Слышал, что вы наладили связь с ним... Скажите, в чем испытываете нужду? Помогают ли вам наши люди?

Дапчевич говорил быстро и, казалось, выстреливал свои вопросы. Слово за слово мы перешли к разговору о войне, о боевых действиях, говорили об освободительной борьбе народов. В заключение мы поделились своими заботами в связи с предстоявшим нам передвижением к болгарской границе.

— Будьте спокойны, товарищи,— ответил нам Дапчевич.— Мы сделаем все возможное, дадим вам то, в чем нуждаетесь, поделимся всем по-братски... Что же касается вашего продвижения... потерпите немного. Главное командование сейчас готовит большое наступление в направлении Сербии. Оно поможет вам добраться до Болгарии.

С боями с немецкими фашистами и их приспешниками мы добрались до главного штаба Сербии, а оттуда — до наших партизан в Добро-Поле.

Мы убедились, что Центральный Комитет нашей партии придает большое значение юго-западной оперативной зоне. В районе Добро-Поле уже были сосредоточены партизаны многих отрядов, партийные и комсомольские руководители.

Не раз мы получали радиограммы от Димитрова. Вот некоторые из них:

«Передайте срочно всеми возможными средствами ЦК партии следующее:

1. Сплотить все демократические, прогрессивные силы народа, все действительно антигерманские группы, деятелей и элементы вокруг Национального комитета Отечественного фронта — представителя болгарского народа, организатора и руководителя борьбы народа против гитлеровских разбойников и их болгарской фашистской агентуры.

2. Принять меры к немедленному разоружению германских вооруженных частей, гестаповцев и прочих, к их беспощадному обезвреживанию, а также к решительной ликвидации всякого сопротивления и враждебных действий против Отечественного фронта и Красной Армии.

3. Призвать народ, солдат и офицеров на борьбу против гит-

леровцев и их агентуры и всеми силами поддерживать усилия Национального комитета по созданию правительства Отечественного фронта.

4. Мобилизовать все силы для того, чтобы парализовать все попытки ведения военных действий против Красной Армии со стороны немцев и их фашистских агентов в стране.

5. Принять срочные меры для обеспечения свободной деятельности Национального комитета Отечественного фронта, его партий, групп, бесцензурной печати и освобождения заключенных патриотов.

6. Болгарский народ и его вооруженные силы должны решительно перейти на сторону Красной Армии, армии — освободительницы Болгарии от немецкого ига — и вместе с ней очистить болгарскую землю от гитлеровских разбойников и их подлых пособников.

Получение и передачу в ЦК подтвердите. Сообщите срочно, что происходит».

Мы переслали эту радиограмму в ЦК БКП.

Вот из Москвы пришла новая радиограмма:

«Вышлите координаты, где может приземлиться самолет. С ним к вам прибудут Марек и другие товарищи.

Димитров».

Весть о том, что прибудет Станке Димитров, вызвала у нас небывалую радость.

На следующий день нам сообщили:

«Этой ночью ждите Марека!»

Мы уже собирались идти встречать самолет, когда во время вечернего сеанса связи получили радиограмму, в которой говорилось:

«Вследствие авиационной катастрофы болгарский рабочий класс и партия...»

Мы насторожились... И тут у нас перехватило дыхание! Смотрели полными ужаса глазами!

«...потеряли в лице товарища Станке Димитрова — Марека верного до конца сына своего народа и рабочего движения...»

Радиограмма заканчивалась так:

«Не ждите Марека.

Димитров».

Потемнела светлая летняя ночь. Мы разошлись в глубоком молчании. Каждому хотелось побыть наедине со своей болью.

* * *

Мне хотелось бы рассказать о том, как шло снабжение оружием и боеприпасами болгарских и югославских партизан, находившихся в районе Добро-Поле.

Прибыв к нашим партизанам, мы сразу же попросили Денчо Знепольского проинформировать нас о болгарских отрядах, которые находятся в районе села Добро-Поле, их составе, вооружении и морально-политическом состоянии.

— Хотите знать о боеспособности отрядов,— начал Денчо.— Люди закаленные, бойцы опытные. Наше слабое место в другом — у нас острая нехватка оружия. И боеприпасов у нас мало. Многие просятся к нам в отряды, но нам нечем их вооружить...

— Правильно говорит Денчо, без оружия тяжело... Куда мы без него? — вмешался Борис Ташев.— Я лопну от злости с этими англичанами. Не я ли привел сюда английскую миссию! Каждый день с ними, не оставляю их в покое, а они словно глухие, лгут, время тянут...

Из того, что рассказали Денчо Знепольский и Борис Ташев, было ясно, что от английской военной миссии мы оружия не получим. Решили послать радиограмму Георгию Димитрову в Москву. Сложилась новая обстановка, и нужно было его проинформировать.

Насколько помню, радиограмма Георгию Димитрову имела следующее содержание:

«Прибыли в село Добро-Поле, вблизи болгарской границы. Соединились с Трынским, частью Радомирского и Брезникского отрядами. В большой степени нуждаемся в оружии и боеприпасах. Товарищи из югославской Народно-освободительной армии не могут его нам дать, так как проводят мобилизацию. У них более 500 мобилизованных без оружия. Английские союзники в доставке оружия и какой бы то ни было иной помощи нам отказывают. Главное сейчас для нас и для югославов — оружие и боеприпасы. Боевой дух — высок!»

В заключение мы сообщили координаты места, где могли быть сброшены парашюты с оружием и боеприпасами.

Во время следующего сеанса связи наш радист принял радиограмму из Советского Союза — в ответ на нашу.

— Очень большая...— сказал Радил Иванов, складывая листки.

Радиограмму дешифровали. Георгий Димитров сообщал нам:

«Отдано распоряжение с завтрашнего вечера в продолжение трех ночей сбрасывать вам с самолетов оружие и боеприпасы. Координаты те же, что передали вы. Сигналы с вашей стороны: пять костров в одну линию один за другим. Когда появятся са-

молеты, пустите последовательно три красных или зеленых ракеты, какими располагаете».

Ночь и день прошли в подготовке к прилету самолетов. Одна чета была выделена собирать и складывать в кучи дрова и хворост для костров, другая — для охраны района и наблюдения за местами падения парашютов; остальных распределили на группы для переноски оружия и боеприпасов в определенные для этого места; сигнальщики для подачи сигналов ракетами должны были находиться при командовании.

К выполнению нашего плана по встрече самолетов были подключены и товарищи из формирующейся югославской дивизии. На них возлагалось наблюдение и охрана села и окрестностей.

Работа закипела. На продолговатой поляне было собрано столько дров и хвороста, что их могло хватить не на три, а на десять ночей.

Во время дневной радиосвязи мы доложили о готовности встретить самолеты.

Под вечер из Москвы сообщили:

«Ваша радиограмма получена. Ждите этой ночью!»

Отряды, четы — все собрались на длинной поляне около костров. Пришли и многие жители из села.

Сидим, задрав головы к небу, и смотрим на восток. Наверно, оттуда прилетят самолеты.

Все молчат, затаив дыхание. Лишь одна мысль у каждого: ему бы первым услышать гул моторов, первым увидеть советских орлов.

— Тихо, товарищи! — крикнул кто-то, хотя и так стояла полная тишина.

У этого партизана, выходит, был самый тонкий слух. Вскоре откуда-то издалека донеслось едва уловимое гудение. Вот сейчас оно слышится яснее, усиливается... Превращается в мощный гул.

— Летят! Летят!

В темном августовском небе появились силуэты низко летящих самолетов. Они пролетели над разгоревшимися кострами.

— Ракеты!

С самолетов замечают сигналы, и они снова пролетают над кострами. И вот один из них нырнул вниз, промчался с воем, а за ним, как огромные белые цветы, расцвели парашюты. Потом другой. И опять парашюты. Пять... десять... пятнадцать... тридцать... сорок. Медленно опускались шелковые купола на поляну, доставляя тяжелые ящики. Вся окрестность была усеяна драгоценными посылками.

— Ура-а-а! — со слезами на глазах кричали партизаны.— Оружие из Москвы! Да здравствует Красная Армия! Да здравствует наш Димитров!

Разгрузился последний самолет и, покачав крыльями в знак приветствия, взял курс на восток.

Целых три ночи продолжали прилетать самолеты. Целых три ночи мы собирали оружие и снаряжение. Все были счастливы, прямо сияли от восторга. Нет, ошибаюсь. Не все! Были и недовольные. Это — члены английской военной миссии. К нам прибыл высокий флегматичный майор и вздумал протестовать:

— Никто, кроме нас, не имеет права снабжать вас оружием! — заявил он.— По соглашению между союзниками — Советским Союзом, Соединенными Штатами и Великобританией — делать это можем только мы.

— Не по нашей, а по вашей вине другие должны снабжать нас оружием! — резко ответил ему Димо Дичев.— Передайте это вашему командованию.

Майор ничего не сказал и, опустив голову, ушел.

А партизаны, все наши бойцы были на седьмом небе. Все пели.

1967 г.

1944

1949

Цола Драгойчева

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ

Международное революционное рабочее движение выдвинуло много известных деятелей, посвятивших всю свою жизнь делу освобождения трудящихся, гармонично сочетающих величие мыслителя и огромный организаторский талант революционера-практика с высокими личными нравственными качествами.

Такими были вожди всего трудящегося человечества — К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Такими были их ученики и продолжатели их дела, в жизни и деятельности которых нашли свое воплощение лучшие черты и качества рабочего класса, его самые высокие идеалы и устремления.

Одним из них является Георгий Димитров. Не было необходимости непременно видеть его или встречаться с ним, чтобы узнать и познать его как самого видного представителя и организатора классовых боев болгарского рабочего класса от первых его шагов до полной победы.

В июне 1922 года IV съезд БКП принимает разработанную В. И. Лениным и утвержденную III конгрессом Коминтерна тактику единого фронта, призывает трудящихся к решительной борьбе с готовящимся со стороны внутренней реакции совместно с врангелевцами [1] заговором против болгарского народа и Советской России. После съезда, на котором присутствовала и я, в Софии состоялся большой международный митинг. В нем приняли участие представители Коминтерна, коммунистических партий Германии, Греции, Румынии и др. С пламенной речью выступил Г. Димитров, осудивший балканские буржуазные правительства, которые хотели использовать армию Врангеля для подавления своих народов и замышляли вовлечь эти народы в войну против Советской России. «На этом международном митинге,— говорил он,— мы призываем: «Руки прочь! Балканские народы не допустят новых войн! Дело Советской России явля-

[1] После разгрома войск барона Врангеля правительство А. Стамболийского под нажимом Антанты дало согласие на размещение на территории Болгарии крупного (около 24 тыс.) контингента белогвардейских войск.— *Прим. перев.*

ется делом всего прогрессивного человечества. Не война, а мир и братский союз с республикой русских рабочих и крестьян!»

Г. Димитров сосредоточил все свое внимание на борьбе за создание единого пролетарского фронта. Накануне фашистского переворота в Болгарии 9 июня 1923 года Г. Димитров писал, что как самые ближайшие интересы пролетариата всех стран — самосохранение и самооборона, отражение бешеного наступления капитала, обеспечение хлеба, крова и свободы, так и его главные классовые интересы — окончательно освободиться от цепей капиталистической эксплуатации — диктуют ему с неизбежной необходимостью скорейшее создание единого фронта.

Установить такое единство, как и единство антифашистских сил в самой Болгарии, однако, не удалось. Это помогло болгарской реакции почти беспрепятственно совершить 9 июня 1923 года кровавый фашистский переворот. БКП встала на доктринерскую позицию «нейтралитета в борьбе между городской и сельской буржуазией», так как не смогла понять, что так называемая ею «городская буржуазия», в сущности, не что иное, как наиболее реакционная, фашистская часть самой крупной буржуазии в Болгарии. Но в ряде партийных организаций коммунисты выступили против зачинщиков фашистского переворота. Поднялись партийные организации в Бяла-Слатине и Оряхово Врачанского округа. Собирались мы, коммунисты, в этом краю с чувством, что ЦК партии ошибается, однако дисциплина была железная, а все мы были бойцами партии.

С помощью Коминтерна и решительного вмешательства В. Коларова — в то время генерального секретаря Коминтерна — ошибка была исправлена. Важную роль в этом отношении сыграли и посвященные единому фронту статьи Г. Димитрова, опубликованные в газете «Работнически вестник». В них он показал, что фашистская власть направлена не только против рабочего класса и его партии, против всех трудящихся, но и против определенных слоев буржуазного общества. Статьи Димитрова стали принципиальной платформой для построения единого фронта. Они вооружили массы теоретически в их борьбе за рабоче-крестьянское правительство и помогли политически подготовить Сентябрьское восстание 1923 года — первое антифашистское народное восстание в мире, в котором вместе с Василом Коларовым руководителем был и Георгий Димитров.

Статьи Г. Димитрова были доступны и служили руководством к действию и для таких молодых коммунистов, как я, которые уже с открытыми глазами приступили к организации и проведению восстания.

Восстание, хотя оно и потерпело поражение, имело огромное политическое значение. После поражения Г. Димитров, как и большинство руководящих товарищей, успел скрыться от лап

цанковских фашистских убийц, став на многие годы политическим эмигрантом.

Я была в числе тех тысяч, которые на своих плечах испытали кровавый сапог наступавшего фашизма. Вооруженное восстание 1923 года явилось кровавой революционной проверкой и естественной чисткой рядов коммунистической партии. Наряду с массовыми убийствами и средневековой инквизицией болгарская реакция развернула злостную, клеветническую кампанию против руководителей восстания, и в первую очередь против В. Коларова и Г. Димитрова. Нашлись коммунисты, особенно в среде адвокатов, зажиточных ремесленников и крестьян, которые осудили восстание, поддались на клевету и стали ликвидаторами.

Уже в октябре 1923 года В. Коларов и Г. Димитров направили свое историческое и пророческое «Открытое письмо рабочим и крестьянам Болгарии». Оно как солнечный луч пробило темные тучи на горизонте классовой битвы и было воспринято как программа действия. Так его восприняла и я, находясь в камере врачанской тюрьмы. Потом меня амнистировали, и только через месяц я включилась в работу военной организации партии.

Снова удар по БКП, и снова я попала в тюрьму, на этот раз меня осудили в пловдивской тюрьме на смерть. В течение тех лет, пока я находилась в тюрьме, Г. Димитров, будучи членом Заграничного комитета ЦК БКП, приложил огромные усилия, чтобы мобилизовать общественное мнение Европы и воздействовать на кровопийцу Цанкова, остановить казни осужденных на смерть, прекратить кровавый террор в стране по отношению к коммунистам и другим прогрессивным деятелям. Огромный международный авторитет Г. Димитрова сыграл большую роль. В мае 1926 года в пловдивскую тюрьму прибыли Анри Барбюс и другие французские товарищи. В результате их вмешательства смертную казнь мне отменили, и я была переведена из пловдивской в софийскую центральную тюрьму. Потрясенный увиденным в стране, зверствами в 1923 и 1925 годах, Барбюс написал свою книгу «Палачи».

В течение ряда лет в мой адрес поступали книги из Франции и Германии. Из Германии они приходили от Георга Хамера. Позже, в 1932 году, при встрече в Берлине, Г. Димитров сказал, что книги высылались по его распоряжению.

В Берлине мы встретились с ним 12 или 15 ноября. Здесь я пробыла около полутора месяцев. Вначале я не узнала Г. Димитрова. Однако из разговора, который шел между нами, из вопросов, которые мне ставились, я догадалась, что это он. Только один Г. Димитров мог так глубоко ставить вопросы и интересоваться всей жизнью страны. Он проявил интерес не только к

тому, как прошли выборы депутатов в общинные советы, но и к вопросам единого фронта коммунистов и крестьян, положения в тюрьмах, взаимоотношений между старыми и молодыми кадрами, политической и просветительской работы в тюрьмах. Он интересовался тем, какая оценка давалась в партийной среде коалиционному правительству и поведению Демократического сговора, использует ли компартия созданные возможности для того, чтобы всесторонне укрепить свои позиции путем активизации работы по развитию массовых организаций и т. д.

Мне показалось, что Г. Димитров чем-то был удручен и обеспокоен, однако чем, я тогда не могла понять.

Г. Димитров проявил особый интерес и беспокойство, расспрашивая меня, насколько я знаю, как изучаю и применяю августовскую (1930 г.) резолюцию Политсекретариата ИККИ, в которой затронуты основные вопросы коммунистического движения в Болгарии.

От него я впервые услышала о содержании этой резолюции. Этот документ, сказал он, является надежной основой для сплочения здоровых сил партии. В нем дается ясная революционно-марксистская оценка тесносоциалистическому периоду борьбы нашей партии, от которого она не должна отказываться, более того, должна стать его сознательным защитником.

Резолюция Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, однако, указывала на отличие тесничества от ленинизма по основным вопросам пролетарской революции: вопросам о власти, диктатуре пролетариата, союзниках и пр.

Рассказал он и о характере коалиционного правительства Народного блока, в котором участвовал и Д. Гичев от Земледельческого союза. Коалиционное правительство, отметил он, имеет временный, переходный характер. Мы должны быть готовы встретить новый удар перегруппировавшихся реакционных сил; партия должна использовать момент, пока буржуазия приходит в себя, чтобы еще более широко развернуть революционную борьбу за жизненные интересы рабочих и трудящихся крестьян и других испытывающих притеснение со стороны фашистских властей слоев, чтобы не позволить коалиционному правительству, особенно руководителям земледельцев, используя демагогию, увлечь за собой, хотя бы временно, широкие слои трудящихся, изолировать от них революционный пролетариат; поставить резко и конкретно путем массовых акций вопросы политической амнистии, ликвидации Закона о защите государства, помощи безработным, выступить против тяжестей налогов, потребовать проведения расследований и наказания убийц революционных рабочих, нормализации отношений с Советским Союзом и т. д.

Он поручил мне переговорить о содержании нашей беседы с

Искровым и Бойко, что я и сделала сразу же по прибытии в Москву. Г. Димитров сообщил некоторые новые адреса, которые я должна была им передать.

В период 1933—1936 годов я находилась в Москве в международной Ленинской школе. Это были годы Лейпцигского процесса, возвращения Г. Димитрова на свою вторую родину — в Советский Союз и VII конгресса Коминтерна, годы решительного поворота в развитии международного рабочего революционного движения.

Мы, болгары, готовившиеся к возвращению в страну для продолжения революционной борьбы, были окрылены и горды тем, что это будет совершаться под руководством Г. Димитрова — великого сына нашей родины, того, кто защитил национальное достоинство болгарского народа, который внес свой вклад в сокровищницу человеческой культуры и общественно-политического прогресса.

Я была счастлива, что имела возможность присутствовать на VII конгрессе Коминтерна, слушать его прекрасно аргументированный и острый политический доклад «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма». В нем Г. Димитров глубоко научно вскрыл природу фашизма как власти наиболее крупного финансового капитала, формы открытой террористической диктатуры его самых реакционных, самых шовинистических, самых империалистических элементов. Он доказывал, что фашизм не является неизбежным и может быть предотвращен, что *фашистская диктатура — это власть жестокая, но и она может быть побеждена.*

В своем докладе Димитров обосновал необходимость правительства единого фронта и тактику коммунистов по отношению к нему. В широком народном фронте Димитров видел не только могучую силу, способную обуздать фашистских и империалистических подстрекателей к войне и отстоять мир во всем мире, но и новую форму политического сотрудничества трудящихся в их борьбе за демократию и социализм.

Я имела возможность участвовать почти во всех дискуссиях Заграничного бюро с представителями сектантского руководства нашей партии в стране. Для меня это была партийная школа, которая оставила в моем сознании неизгладимый след.

Принципиально, смело, открыто Димитров называл вещи своими именами. Он показал пример, как вести беспощадную борьбу против схематизма, доктринерства, фразерства и сектантства в коммунистическом движении. Под непосредственным руководством Г. Димитрова коммунистическая партия в Болгарии окончательно преодолела левосектантский курс и добилась значительных успехов в создании народного фронта, позднее

переросшего в Отечественный фронт, под знаменем которого победила социалистическая революция в нашей стране.

В Болгарию я вернулась в конце июля 1936 года, когда началось создание народного фронта, конституционных комитетов. Соратники Г. Димитрова — Станке Димитров и Георгий Дамянов, используя накопленный нашей и другими коммунистическими партиями опыт в создании народного фронта, заложили его основы в нашей стране.

С течением времени назрело немало вопросов, которые надо было поставить и обсудить на Заграничном бюро ЦК и конкретно с Г. Димитровым. По решению Политбюро ЦК БКП мне были предоставлены возможность и счастье как члену ЦК и кандидату в члены Политбюро выполнить эту задачу.

22 августа 1940 года я прилетела в Москву самолетом, которым возвращался «Спартак» — первая советская футбольная команда, участвовавшая в соревнованиях в Болгарии.

Уже 24 августа Г. Димитров принял меня в своем кабинете. Я испытывала особое чувство и известный страх за свои возможности разговаривать по столь важным вопросам с исполином международного рабочего и коммунистического движения. Как он меня встретит? Ведь его требования к коммунисту, члену ЦК БКП особенно велики!

Но уже с самого начала нашей беседы простота, осведомленность, внимательное отношение Г. Димитрова помогли улетучиться всякому стеснению, исчезнуть чувству неполноценности.

В течение месяца, проведенного в Москве, я много раз встречалась с Г. Димитровым в Коминтерне, на даче, у него на квартире. Я получила точные и всесторонне обоснованные указания по важнейшим вопросам:

1. Болгарская рабочая партия — это Болгарская коммунистическая партия. Но такое название партии позволяет нам изыскивать наряду с нелегальными и легальные формы борьбы. В партию войдет большая часть членов Рабочей партии, прежде чем она будет распущена. Левые силы БЗНС, левые социал-демократы и колеблющиеся представители нефашистской буржуазии легче согласятся по отдельным вопросам на совместную работу с БРП.

2. Основным лозунгом партии по отношению к двум империалистическим лагерям оставался нейтралитет. Г. Димитров неоднократно подчеркивал необходимость борьбы за мир и нейтралитет. Должна вестись беспощадная разоблачительная работа против великоболгарского шовинизма, против расизма и антисемитизма.

3. С целью усиления политического руководства Центрального Комитета было принято решение направить в Болгарию Антона Иванова, который прибыл туда в конце 1940 года.

4. Будет подготовлена группа военных специалистов и продуман способ их переброски в страну.

5. Особое и важное место в беседах занял вопрос о реализации решений VI расширенного пленума ЦК БКП.

Партия с еще большим размахом должна опираться на могучие силы народа. Использовать его сильно развитые демократические традиции.

6. Необходимо продолжить еще более системную и упорную работу по созданию народного антифашистского фронта, за превращение его в широкое, массовое, организованное движение и в решающий фактор политической жизни страны.

Создание народного фронта внесет смятение в фашистский лагерь и укрепит мужество и веру масс в собственные силы. Совместные акции, общие делегации, митинги, собрания и демонстрации единства действий в борьбе превратят народный фронт в могучую силу. Реакция и фашизм не смогут устоять против нее.

Партия должна поддерживать каждую антифашистскую акцию, откуда бы она ни исходила, в какой бы форме ни проявлялась.

Не пропустить ни в коем случае ни одного повода для борьбы в защиту экономических интересов трудящихся.

Обратить особое внимание на безработных. Усилить борьбу крестьян и ремесленников против увеличения налогов и штрафов. Развернуть борьбу производителей табака против ограбления их торговцами и экспертами.

7. Использовать все легальные возможности для антивоенных выступлений.

8. Специальное место было отведено работе партии с профсоюзами.

Вовлечь в борьбу Рабочую партию, Земледельческий союз, Социал-демократическую партию и большую часть приверженцев других нефашистских партий, демократическую часть офицерства, большинство организаций — женских, молодежных, кооперативных, спортивных, библиотечных, организаций многодетных, безработных, людей свободных профессий, участников движения за трезвенность, представителей интеллигенции и др.— то есть подавляющее большинство политически активного населения страны.

9. Политбюро было поручено провести в стране VII пленум БКП с повесткой дня:

а) доклад о внутреннем и международном положении;

б) принятие резолюции о достижениях, недостатках и предстоящих задачах;

в) выборы руководящих партийных органов.

Все эти вопросы были обсуждены на двух общих встречах с

членами Заграничного бюро: Георгием Димитровым, Василом Коларовым, Станке Димитровым и Георгием Дамяновым.

Всего только один месяц была я в Москве, но все это время находилась под горячими марксистско-ленинскими лучами, решительно и по-отечески направлявшимися Г. Димитровым через меня на нашу партию, которой предстояло пройти нелегкий путь кровавых сражений с монархо-фашистской властью, гитлеровскими фашистскими завоевателями и гестаповцами в Болгарии.

Провожая меня, Г. Димитров положил мне руку на плечо и на прощание сказал:

— Дерзайте, борьба трудна, но почетна. Может сложиться все так, что нам придется пережить и более тяжелые испытания по сравнению с нынешними, но запомни и передай другим, что победа близка и те из нас, кто останется в живых, будут учиться управлять социалистической Болгарией.

В 1942 году радиостанция «Христо Ботев» передала освободительную программу Отечественного фронта. Мне было оказано большое партийное доверие — участвовать как члену Политбюро ЦК БКП с самых первых моментов создания Отечественного фронта в борьбе за осуществление этой программы.

9 сентября 1944 года политическая власть в Болгарии была вырвана из рук капиталистической буржуазии, эксплуататорского монархо-фашистского меньшинства и перешла в руки громадного народного большинства, трудящихся городов и сел, при активной и руководящей роли рабочего класса и его руководящего авангарда.

Победив с решающей помощью героической Советской Армии, восстание 9 сентября открыло путь строительству социализма в нашей стране.

Для решения неотложных задач, для утверждения позиций находившегося уже тогда у власти Отечественного фронта в канун нового, 1945 года Г. Димитров пригласил в Москву Председателя Совета Министров Болгарии Кимона Георгиева, секретаря Центрального Комитета Болгарской рабочей партии (коммунистов) Трайчо Костова, главного секретаря Отечественного фронта Цолу Драгойчеву, секретаря ЦК РМС Титко Черноколева. Благодаря этой встрече нам всем стало ясно всестороннее значение участия Болгарии в Отечественной войне плечом к плечу со славной Советской Армией-освободительницей.

На встрече в Москве Г. Димитров неоднократно подчеркивал, что в сложившейся тогда обстановке необходима была трезвая оценка реальной действительности — международной и внутренней, концентрация внимания на решении самых назревших задач, чтобы не перескочить через отдельные этапы развития

борьбы рабочего класса и трудящихся городов и сел против капитализма.

Проводить линию на возможное самое крупное объединение всех антифашистских, демократических и патриотических сил народа, в том числе и некоторых антигитлеровских элементов из буржуазной среды, во имя полного разгрома фашистской клики, победоносного участия в войне против фашистской Германии, для защиты и обеспечения национальной независимости, территориальной целостности и государственного суверенитета родины.

Это, отмечал он, является предварительным условием и гарантией сохранения и дальнейшего развития исторических завоеваний восстания 9 сентября. Оно дает возможность партии установить связь с самыми широкими массами, укрепить свои позиции, изолировать врагов революции и народной власти.

На встрече был поставлен и обсужден вопрос о подготовке и проведении первого съезда Отечественного фронта. Димитров дал доброе напутствие в этом плане и автору этих строк. Он подчеркнул, как важно сразу приступить к построению единой молодежной организации Отечественного фронта. Перед партией и Национальным комитетом Отечественного фронта ставилась также конкретная задача — принять энергичные меры к тому, чтобы у рабочего класса как можно скорее появились свои профсоюзы.

Димитров возложил на меня еще одну задачу — подготовить и провести уже в 1945 году съезд болгарских женщин. О социальной работе с женщинами он мне писал еще вскоре после 9 сентября.

— Надо торопиться,— говорил Г. Димитров,— с проведением выборов, чтобы укрепить внутренний и особенно международный престиж правительства Отечественного фронта.

Эта встреча сыграла большую роль в преодолении огромных трудностей, с которыми столкнулась молодая власть Отечественного фронта.

Из Москвы Г. Димитров следил за жизнью и работой партии и Отечественного фронта, направлял их. До своего возвращения — ноябрь 1945 года — постоянно посылал в ответ на отправленные Центральным Комитетом партийные документы поздравительные письма и телеграммы в адрес организаций, конгрессов и пр., которые всегда были насыщены конкретными указаниями.

Так, например, в телеграмме из Москвы Центральному Комитету Болгарской рабочей партии (коммунистов) от 1 октября 1945 года он писал:

«В целом я согласен с принятым вами решением по хозяйственным вопросам. Однако, как мне кажется, этого решения недостаточно. Обсудите еще следующие предложения:

1. Наш народ должен рассчитывать при восстановлении народного хозяйства прежде всего на собственные ресурсы страны и на правильную организацию и использование своего национального труда...

3. Для облегчения снабжения населения предметами первой необходимости следует максимально использовать все местные ресурсы и средства в городах и селах в целях увеличения производства товаров широкого потребления.

4. Необходимо принять самые строгие меры по отношению к спекулянтам, которые скрывают продовольственные товары, одежду, обувь и тому подобное, а также материалы, необходимые производству. Таких людей надо посылать на принудительные работы и сажать в тюрьму.

5. Необходимо принять самые строгие меры против любого проявления саботажа со стороны недобросовестных фабрикантов, вплоть до изъятия их предприятий государством...

7. Необходимо до возможного минимума ограничить число увеселительных заведений, не приносящих общественной пользы, но поглощающих огромные средства, необходимые для восстановления народного хозяйства.

8. Надо всеми силами поощрять вклады в сберегательные кассы и использовать эти накопления для производственных целей...

10. Необходимо приступить к серьезному изучению и последовательной разработке богатых залежей полезных ископаемых в стране.

11. Необходимо приступить на основе глубокого изучения к подготовке трехлетнего или пятилетнего плана восстановления хозяйства и возрождения страны.

Сообщите мне ваши решения по этим предложениям».

18 октября 1945 года Г. Димитров направил телеграмму ЦК БРП(к), в которой обосновывал необходимость решительного наступления против реакционной оппозиции. В ней говорилось:

«1. Нужно перейти к решительному наступлению против реакции, разоблачать и показывать действительные причины бойкота со стороны оппозиционных групп.

2. Разоблачать факты саботажной деятельности Петкова и его компании уже в качестве министров в правительстве Отечественного фронта, направленной против укрепления народной власти и преодоления внутренних, хозяйственных и внешнеполитических трудностей страны...

5. Не предпринимать таких шагов, которые создавали бы впечатление, что Отечественный фронт и его правительство чувствуют себя неуверенно. Напротив, в этом отношении надо проявить большую твердость и уверенность.

Правительство Отечественного фронта является хозяином страны и осуществляет эту миссию от имени народа, а раз так, значит, необходимо действовать без проявления малейшей слабости и колебаний при проведении выборов в Народное собрание и быстром осуществлении необходимых политических и хозяйственных мероприятий».

11 марта 1945 года в телеграмме Первому национальному съезду комитетов Отечественного фронта Г. Димитров писал:

«Впервые в политической истории Болгарии собрался подлинно всенародный съезд.

Национальный съезд, который призван подвести итоги пройденного пути после исторического 9 сентября и наметить соответствующие мероприятия для осуществления спасительной программы Отечественного фронта, является важнейшим событием в жизни нашего народа.

Перед съездом стоят очень ответственные задачи. Но важнейшей из них, задачей всех задач, несомненно, является всестороннее укрепление самого Отечественного фронта как долговременного боевого союза всех демократических, прогрессивных сил страны, как живого воплощения антифашистского, патриотического единства болгарского народа. Ибо от этого прежде всего зависит все остальное: и успешное участие нашего народа в победоносном окончании Отечественной войны против немецко-фашистских варваров, и оздоровление экономической жизни, и повышение благосостояния народных масс, и благоприятное урегулирование международного положения нашей страны, и, наконец, обеспечение ее свободы, независимости и процветания.

Отечественный фронт, опираясь на самую эффективную помощь нашей великой освободительницы — Советской Армии, спас Болгарию от страшной катастрофы, к которой ее привели бы фашистские изверги. Благодаря Отечественному фронту наш народ раз и навсегда порвал с позорным фашистским прошлым, смыл с лица страны черное пятно, которое наложили на него подлые великоболгарские шовинисты, занял достойное место в рядах славянства и всех свободолюбивых народов, а наша страна из жалкого сателлита фашистской Германии превращается в фактор будущего мира и прогресса на Балканах.

Отечественный фронт заложил основу и открыл широкую дорогу для строительства новой, свободной, возрожденной Болгарии.

Вот почему внутренние и внешние, явные и скрытые враги болгарского народа так злостно, яростно и коварно пытаются подорвать боевое единство Отечественного фронта и дискредитировать его народное правительство.

Именно поэтому мы должны всемерно повышать бдительность

всего народа по отношению к этим врагам и их агентам, под какой бы личиной они ни выступали.

Сила и будущее нашего народа — в его боевом патриотическом единстве, воплощенном теперь в Отечественном фронте».

16 марта 1945 года Г. Димитров направил письмо на имя первого съезда Общего рабочего профессионального союза, где наметил задачи профсоюзов.

С исключительной силой, с огромным размахом разнеслась по стране, достигнув каждого дома, оценка, которую Г. Димитров дал болгарским женщинам и их важному месту в строительстве нового общества. И сколько бы ни повторяли сказанное в его письме делегаткам первого съезда Болгарского народного женского союза, оно всегда будет вызывать у болгарской женщины радость, гордость, признательность за ту высокую оценку, которую ей дал Г. Димитров как созидательной силе в строительстве нового общества.

«Женщины представляют собой огромную силу, когда они организованны, политически сознательны и активны,— писал Г. Димитров.— Весь опыт учит, что без участия женщин немыслимо ни одно большое полезное для народа дело. Победа Отечественного фронта над фашизмом дала нашим женщинам равноправие. Это они полностью заслужили.

Но равноправие принесет реальную пользу самим женщинам, их семьям, их детям и всему нашему народу только тогда, когда они научатся использовать свои гражданские и политические права, связанные с их сознательным и активным участием в хозяйственной, общественно-культурной и политической жизни страны».

Следуя неуклонно начертанным Г. Димитровым путем, болгарский народ, объединенный в рядах Отечественного фронта под руководством Болгарской коммунистической партии, не только преодолел все препятствия, о которых упоминалось выше, но его успехи стали демонстрацией достижений социализма для народов капиталистических и развивающихся стран.

4 февраля 1947 года в кинотеатре имени Д. Благоева Национальный комитет Отечественного фронта созвал первую Национальную конференцию членов Трудовых кооперативных земледельческих хозяйств. В ней принял участие и Г. Димитров. После того как он поделился своей радостью, что за короткий период ТКЗХ достигли реальных успехов, он подробно остановился и на конкретных примерах недостатков. Еще были неясны многие вопросы, касающиеся как организации ТКЗХ, руководства ими, их расширения и развития, так и норм и оплаты труда, взаимоотношений с некооперированными крестьянами и т. д.

В качестве основной Г. Димитров поставил задачу укрепления существующих и начало организации новых ТКЗХ, но толь-

ко после очень тщательной подготовки и внимательного изучения на местах конкретных условий и возможностей для этого.

Важными предпосылками укрепления ТКЗХ, по мнению Г. Димитрова, были: самое строгое и неуклонное соблюдение принципа добровольности вступления в кооператив; постоянное воспитание членов кооперативного хозяйства в духе дружбы и взаимопомощи; честный, преданный, упорный труд всех членов кооперативного хозяйства; решительное и преданное отношение к кооперативному хозяйству как к своему собственному. Г. Димитров указывал, что в области хозяйственной деятельности мы не сможем двигаться вперед без критического отношения к себе и к другим, к своим слабостям и недостаткам.

Под непосредственным руководством партии и лично Г. Димитрова в начале 1948 года июльская (1942 г.) программа Отечественного фронта была выполнена. Созрели условия для того, чтобы Отечественный фронт обновил свою программу, выдвинул для решения новые задачи, которые соответствовали бы жизненным потребностям народа и требованиям дальнейшего прогресса в развитии страны.

Для успешного выполнения новых задач Г. Димитров предложил реорганизовать и сам Отечественный фронт. После своего II съезда он превратился в единую, мощную общественно-политическую организацию, вооруженную новой программой.

II съезд впервые избрал Г. Димитрова председателем Национального комитета Отечественного фронта (до того времени был главный секретарь, чьи функции исполняла я). Решение задач, стоявших перед нашим народом, значительно облегчалось тем, что он с готовностью и признательностью учился и учится на вдохновляющем примере народов братского Союза Советских Социалистических Республик.

Г. Димитров и В. Коларов заключили между Советским Союзом и Народной Республикой Болгарией первый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Это был равноправный договор, основанный на принципе — верность за верность, дружба за дружбу. «Советский Союз,— говорил Г. Димитров на многотысячном митинге по возвращении делегации после подписания договора в Софию,— который борется самым последовательным и решительным образом за прочный демократический мир, не заключил бы такого договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с такой маленькой державой, как наша, если бы не был уверен, что эта маленькая держава прочно стоит на своих ногах, что ее народ надежно взял свою судьбу в собственные руки и что этот народ готов искренне и последовательно, до конца быть верным другом и союзником».

Невозможно в одном воспоминании охватить огромную многостороннюю творческую деятельность Г. Димитрова, глубокие

следы влияния, присутствие которого чувствовалось и продолжает чувствоваться и сейчас во всех важных событиях, во всяком значительном проявлении партийной, общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни нашей страны.

И в будущем наш народ будет связывать любимое имя Г. Димитрова с самыми светлыми мечтами материального и духовного расцвета социалистической Болгарии.

Ленинский курс, который неразрывно связывает патриотизм с интернационализмом, курс вечной, нерушимой дружбы с советским народом и КПСС, проводившийся Г. Димитровым, достойно продолжается и развивается Центральным Комитетом Болгарской коммунистической партии.

Болгарский народ под руководством Болгарской коммунистической партии выполняет заветы Г. Димитрова и в дружной семье социалистических стран уверенно идет по социалистическому пути, вдохновенно строит свое будущее.

1969 г.

Никола Дончев

ТЕСНО СВЯЗАННЫЙ С ТРУДОВОЙ КОНЬОВИЦЕЙ

Впервые я встретился с Георгием Димитровым в канун первой мировой войны. Я был еще очень молод, но его слова, которые я тогда услышал, глубоко врезались в мою память, и с тех пор я стал активным членом рабочего революционного движения Болгарии.

6 ноября 1945 года трудящиеся Софии встретили с радостью и волнением два праздника. Рано утром 6 ноября, когда София готовилась отметить 28-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, распространилась радостная новость: «Товарищ Димитров уже на болгарской земле».

Эта весть с молниеносной быстротой облетела предприятия, учреждения и жилые кварталы. Быстро раскупались утренние газеты. В областном комитете партии, где я в то время был первым секретарем, непрерывно звонил телефон. К обеду София украсилась лозунгами и плакатами: «Добро пожаловать, товарищ Димитров!» По Софии разнесся слух, что Г. Димитров после обеда будет выступать в Народном театре, хотя договоренности

об этом еще не было. Весь город всколыхнулся: «На митинг, будет говорить Димитров!»

Уже к двум часам пополудни площадь перед Народным театром была запружена народом. Учитывая создавшееся положение, мы дали указание быстро радиофицировать площадь. Народ продолжал прибывать. Людьми уже был заполнен весь прилегающий к площади сад.

Появилось множество плакатов: «Добро пожаловать, наш учитель!», «Димитров — наше знамя!», «18 ноября будем голосовать за Димитрова!» и др.

Зал театра переполнен. Занавес раздвинут. В ложе председателя Совета Министров К. Георгиева на какое-то мгновение показалась внушительная фигура Г. Димитрова.

В этот момент весь зал замер, но ненадолго. Тут же все встали, и грянул гром аплодисментов, раздались крики «ура». Перед открытием торжественного собрания Г. Димитров сошел на сцену. За кулисами Народного театра я оказался в сердечных, теплых, отеческих объятиях человека, который более 30 лет жил в моем сознании, незримо присутствовал во всей моей комсомольской и партийной работе.

Димитров в президиуме собрания. После завершения официальной части в зале послышались возгласы: «Пусть выступит Георгий Димитров!» Это было желание народа, перед ним нельзя было устоять. И Г. Димитров с волнением произнес свою первую после прибытия на родину речь. С затаенным дыханием люди в зале и на площади перед театром слушали его слова. Г. Димитров закончил речь призывом: «Вперед к блестящей победе на выборах на благо нашей многострадальной родины!»

По окончании его речи трудящиеся, находившиеся возле театра, не расходились. Раздался возглас: «Димитров!», «Пусть выйдет Димитров!»

Г. Димитров вышел на балкон Народного театра и, сердечно улыбаясь, заметно взволнованный, приветствовал собравшихся. А народ продолжал скандировать, приветствуя своего великого сына на родной земле.

Когда официальные лица и часть людей стали расходиться, к моему большому удивлению, Г. Димитров шепнул мне: «Пройдемте возле советского посольства». И так, во главе с ним, в сопровождении тысяч граждан, число которых все увеличивалось, мы прошли по улице Левского, Русскому бульвару, по бульвару Раковского, перед советским посольством, по улице Московской до городского парка. Здесь эта импровизированная манифестация закончилась.

Г. Димитров вернулся в Болгарию в тот момент, когда считанные дни отделяли нас от 18 ноября 1945 года — даты прове-

дения первых законодательных выборов после победы 9 сентября 1944 года.

В день выборов мне довелось побывать вместе с Г. Димитровым на нескольких избирательных участках в кварталах Ючбунар и Коньовица. Он шагал по старым знакомым улицам, но теперь его голова была уже слегка тронута сединой. Везде, где он проходил, его встречали так, как никого прежде. Г. Димитров был очень взволнован этим энтузиазмом людей труда.

Каждому хотелось пожать руку Г. Димитрову — бывшему жителю этого квартала. И он не отстранял протянутые руки! Г. Димитров останавливался, здоровался за руку, узнавал старых знакомых, разговаривал с ними.

После первой победы Отечественного фронта на выборах Г. Димитров выступил со статьей, где определил большие национальные задачи, которые предстояло решать болгарскому народу. При их осуществлении он всегда оказывал Софийскому областному и городскому комитетам партии и Отечественного фронта конкретную помощь. Он лично участвовал в областных конференциях и, выступая на них, давал ценные указания по работе Софийской партийной организации. При проведении различных хозяйственных кампаний, собраний, митингов и демонстраций Димитров всегда вызывал меня как первого секретаря областного комитета партии и просил не только информировать его о подготовке, но и конкретно указывал, как правильно и лучше провести ту или иную акцию.

25 июля 1946 года Народному собранию предстояло принять закон о референдуме в отношении упразднения монархии и провозглашения Болгарии народной республикой. Накануне поздно вечером раздался продолжительный телефонный звонок. Я почему-то сразу подумал, что это Г. Димитров. И действительно, звонил он. Извинившись, что так поздно звонит, из-за перегруженности не мог переговорить со мной днем, он поинтересовался, как идет подготовка митинга, обеспечено ли массовое участие трудящихся, как включились в подготовку другие партии Отечественного фронта, расспросил о других деталях. И поскольку мне поручили выступить от имени нашей партии, Димитров не забыл спросить, готово ли выступление.

Митинг, проведенный 25 июля 1946 года на площади Народного собрания, превратился в грандиозную акцию партии и Отечественного фронта в столице. Площади и улицы были заполнены знаменами, портретами, отовсюду неслись скандируемые хором лозунги. В 18 часов депутаты вслед за Г. Димитровым, после того, как единогласно проголосовали за принятие закона о референдуме и проведении выборов в Великое народное собрание, вышли на трибуну перед Народным собранием. На митинге выступили ораторы от всех партий Оте-

чественного фронта, выразив свою поддержку принятым решениям.

Чтобы подчеркнуть роль Г. Димитрова в минувшие годы борьбы БКП в рабочем квартале Коньовица, Софийский областной и городской комитеты партии внесли предложение включить его там в списки избирателей для голосования в 34-м избирательном участке.

Предложение голосовать в квартале Коньовица Г. Димитров принял с особым удовлетворением. В день выборов, около 12.30, на улицах квартала появилось несколько автомашин, медленно продвигавшихся среди массы людей. Когда Димитров вышел из машины, грянуло мощное «ура». К нему протянулись тысячи рук для рукопожатий.

Перед школой, где был избирательный участок, я встретил и поздравил Г. Димитрова, сказав, что посеянные им некогда в этом районе семена уже дали свои плоды. Улыбаясь, вошел он в школу, чтобы проголосовать. Затем Г. Димитров поинтересовался общим ходом выборов, побывав и на остальных избирательных участках района.

В период моей работы первым секретарем Софийского областного комитета партии я много раз встречался с Г. Димитровым. Вспоминаю нашу последнюю встречу, которая произошла за несколько дней до национализации частных промышленных и горнорудных предприятий 23 декабря 1947 года.

Помимо инструкций, данных областному комитету партии Секретариатом, Организационным и Экономическим отделами ЦК БКП, мы получили исключительно ценные указания по этому вопросу и от Г. Димитрова. За несколько дней до начала национализации он вызвал меня, и мы в течение часа говорили об этом исключительно важном шаге народной власти. После того как я ознакомил его с тем, что уже было сделано областным комитетом партии, он обратил особое внимание на подбор кадров, которым предстояло возглавить национализированные предприятия,— комендантов, директоров, главных бухгалтеров. Димитров отметил, какими качествами должны обладать эти товарищи. Определил он и новые задачи партийных и профсоюзных организаций на национализированных предприятиях.

И действительно, национализация в Софии и области прошла в обстановке высокой организованности и порядка.

1967 г.

Иван Михайлов

СОЗДАТЕЛЬ БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ

Впервые увидеть Г. Димитрова мне довелось в Югославии, где я находился как политэмигрант. Это было в 1923 году, непосредственно после поражения Сентябрьского антифашистского восстания. Вскоре Г. Димитров и В. Коларов выехали в Вену, где был создан Заграничный комитет БКП. Под их руководством там нелегально начала выходить газета «Работнически вестник», которую мы, политэмигранты, по различным каналам переправляли в Болгарию. «Работнически вестник» внес ясность во многие вопросы Сентябрьского восстания, вызывавшие острые споры среди политэмигрантов. Газета разоблачала сущность капитулянтства и ликвидаторства и их носителей в рядах эмиграции и в стране, помогла быстрейшему сплочению эмиграции вокруг ЦК партии.

Первая моя личная встреча с Г. Димитровым состоялась в Москве в конце октября 1925 года. В тот день я и еще двое наших товарищей прибыли в советскую столицу. Г. Димитров принял нас любезно, тепло, по-товарищески. Угостил нас горячим чаем. Во время беседы поинтересовался, как прошла поездка, расспросил о нашей жизни в эмиграции. Говорил он спокойно, вкратце рассказал нам о положении болгарской эмиграции в Советском Союзе. Познакомил нас и с некоторыми политическими вопросами внутреннего положения в СССР. Приближался XIV съезд ВКП(б), шли предсъездовские партийные собрания и конференции, на которых поднимала голову троцкистско-зиновьевская оппозиция. Г. Димитров дал распоряжение Б. Орманову оформить нам документы и разместить нас, пока решится вопрос о нашем дальнейшем положении. Мы высказали желание учиться в Советском Союзе в одном из высших военных учебных заведений. На этом наша беседа с Г. Димитровым закончилась. Она была для нас крайне интересной, волнующей и полезной.

Через месяц мы с Живко Крычмарским выехали в Ленинград и поступили учиться в Военно-техническую академию имени Ф. Э. Дзержинского.

До конца своего пребывания в Советском Союзе я служил в рядах Советской Армии в различных уголках страны и был оторван от Москвы. Поэтому в тот период я не имел возможности встречаться и беседовать с Г. Димитровым.

Вторая моя личная встреча с Г. Димитровым состоялась накануне моего возвращения в Болгарию. Это происходило в его

рабочем кабинете в июле 1945 года. Г. Димитров был одет в белый летний костюм. Весь его внешний вид, и прежде всего лицо, ясно говорил о серьезной усталости, явившейся результатом напряженной круглосуточной работы. В разговоре с нами Димитров поинтересовался нашим здоровьем, где мы работали в период пребывания в СССР. Когда он обратился ко мне, я ответил, что являюсь братом Христо Михайлова, служил в Советской Армии как полковник-артиллерист. С чувством глубокой скорби Димитров сказал несколько добрых и сердечных слов о моем брате Христо, о том, какую большую потерю понесла партия, когда его убили. Затем он отметил, что в будущем мне, может быть, предстоит командовать артиллерийскими войсками в Болгарии. И это сбылось. Он коротко проинформировал нас о положении в Болгарии и пожелал нам доброго пути и успеха в работе.

После возвращения Г. Димитрова в Болгарию у меня были с ним случайные встречи на официальных приемах в Доме Народной армии и в советском посольстве. Незабываемое впечатление оставила его речь осенью 1945 года на массовом предвыборном митинге, состоявшемся на площади перед Народным собранием, где он обратился с серьезным предупреждением к пришедшим в движение реакционным силам в стране.

В начале 1946 года в Военном училище состоялся праздник, посвященный В. Левскому, чье имя училище носило. В этот день я присутствовал на торжественном обеде, данном командованием училища, на котором был и Г. Димитров. В мою память глубоко врезалось воспоминание о публичном диспуте, если так можно назвать тосты Г. Димитрова и Д. Велчева, который был тогда военным министром. В своем выступлении Д. Велчев попытался поднять «патриотический» дух присутствовавших офицеров и декларировать свою приверженность к власти Отечественного фронта. В то время в армии было еще значительное число бывших царских офицеров. Большинство из них в конце 1945 — начале 1946 года приподняло головы под влиянием антиболгарской разлагающей деятельности представителей США и Англии в Союзной контрольной комиссии в Софии. Одновременно в стране разгоралась острая политическая борьба против контрреволюционной оппозиции во главе с Гемето, Чешмеджиевым и другими.

Д. Велчев был против народной власти и выжидал удобного момента для совершения военного переворота. У него имелись единомышленники и в среде офицеров, часть которых присутствовала на обеде. Своей речью Д. Велчев стремился ободрить своих «друзей» и усилить их антинародные настроения.

Вслед за Д. Велчевым слово взял Г. Димитров. Он подчеркнул, что является не меньшим патриотом родины, чем Д. Велчев. Вместе с тем он предупредил тех, кто замышлял военный

переворот, что сейчас в стране другая обстановка — власть находится в руках народа и перевороты, которые имели успех в прошлом, при народной власти обречены на провал. Поэтому он предложил оставить подобные намерения, если они зародились в сознании некоторых бывших царских офицеров, и серьезно заняться созданием и обучением армии. Те, кто не желает этого, пусть уйдут, так как народная власть даст достойный отпор всем, кто попытается поднять руку на правительство Отечественного фронта. Однако реакционное офицерство продолжало свою антинародную деятельность и открыто угрожало коммунистической партии. Не прошло и нескольких месяцев, как, по предложению Г. Димитрова, Народное собрание приняло закон о контроле над армией и руководстве ею, результатом чего явилось изгнание из рядов армии всех реакционно настроенных офицеров.

В июне 1947 года в связи с днем рождения Г. Димитрова группа генералов Министерства народной обороны во главе с министром обороны Георгием Дамяновым посетила Г. Димитрова на его даче в Княжеве, чтобы поздравить его. Он встретил нас очень любезно и сердечно. Мы сфотографировались все вместе, и эту фотографию я храню как самую дорогую память. Беседа была недолгой, Димитров предложил нам по бокалу вина, и мы вскоре попрощались. Нужно было дать возможность для встречи прибывающим многочисленным делегациям партийных, общественных, государственных и хозяйственных организаций, рабочих коллективов и др.

Конечно, у меня были различные служебные встречи с Г. Димитровым, и я получал от него поручения, связанные с вопросами вооружения Народной армии. В частности, присутствовал я на встрече министра обороны Г. Дамянова с Г. Димитровым и В. Коларовым, где обсуждалось предложение о строительстве большого казарменного комплекса. План строительства был утвержден и подписан лично Г. Димитровым. И всегда, на всех встречах чувствовались его сердечность и умение внимательно выслушать, глубоко вникнуть в докладываемые вопросы. Только после этого он принимал решение или давал указания.

На долгие годы останется в моей памяти посещение Москвы в марте 1948 года. Предстояло подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР. Возглавлял делегацию Г. Димитров. Летели на двух самолетах Ил-2. Погода стояла облачная, очень неблагоприятная для полета. Это нас особенно тревожило, так как мы знали, что со здоровьем у Димитрова не все было благополучно. До Киева летели без посадки. На киевском аэродроме не успели мы еще выйти, как к нам пришел Г. Димитров узнать, нормально ли прошел наш перелет. Этот частный на первый взгляд факт говорит о том, насколько

сильно в характере и душе Димитрова было чувство заботы о человеке.

После подписания договора, перед отъездом в Болгарию, Г. Димитров устроил ужин на даче под Москвой, куда была приглашена большая часть живущих в Москве болгар. Был приглашен и известный друг Болгарии — профессор Н. Державин. В течение нескольких дней пребывания в Москве Г. Димитров продолжал активно работать и содействовал решению многих вопросов, связанных с нашим экономическим сотрудничеством с Советским Союзом. Не забывал он и о нуждах Народной армии.

Все мы присутствовали на официальном ужине в Большом Кремлевском дворце, который был дан советским партийным и государственным руководством в честь болгарской делегации.

Обратный полет из Москвы в Софию был не менее трудным, также в сложных метеорологических условиях. Летели напрямую, без посадки, до Софии. Видимо, этот перелет все-таки сказался на общем состоянии Г. Димитрова. После посадки потребовалось сделать десятиминутный отдых на аэродроме, и лишь тогда мы направились в Софию. На площади Девятого сентября собрались трудящиеся столицы. Состоялся массовый митинг, на котором Г. Димитров выступил с большой речью, рассказав о результатах поездки и разъяснив значение подписанного договора для нашей страны.

Как делегат V съезда партии, я имел счастье видеть Г. Димитрова и слышать его исторический доклад, в котором были начертаны основные направления развития страны по пути социализма. Это была моя последняя встреча с вождем болгарского народа при его жизни.

Последнюю дань уважения я отдал тленным останкам Г. Димитрова на пристани в Русе при сопровождении траурной процессии до Софии.

Образ учителя и вождя болгарского народа, встречи с ним оставили во мне глубокие и незабываемые воспоминания и служат мне примером в повседневной деятельности.

1969 г.

Тодор Павлов

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ О ГЕОРГИИ ДИМИТРОВЕ

Если собрать воспоминания о Георгии Димитрове близких ему товарищей, работавших с ним и под его идейным руководством, получатся десятки томов, которые во многих отношениях будут представлять исключительно ценный биогра-

фический и исторический материал. Я позволю себе изложить здесь только некоторые из моих воспоминаний, касающихся отношения Г. Димитрова к науке и научным кадрам.

Как-то Г. Димитров попросил дать ему краткое изложение основных мыслей, которые легли в основу вышедшего уже на русском языке первого издания моей книги «Теория отражения». А в один из вечеров я застал его за научными и литературно-критическими книгами и журналами, среди них на его столе была и моя «Общая теория искусства» с пометками в главах о философии и эстетике Платона, Канта, Дидро и Бергсона.

До сих пор у нас известно мало фактов подобного рода, но они, по-моему, являются очень важными, так как свидетельствуют о широте интересов и творческом отношении Г. Димитрова не только к научно-политическим, но и к научно-мировоззренческим проблемам, которыми он жил еще в юности, когда как печатник восхищался бессмертной книгой Чернышевского «Что делать?».

Это отношение выражалось и в том, что Димитров внимательно следил за работой журнала «Философска мисъл», начавшего выходить в 1945 году. В следующем году в третьем номере журнала была опубликована беседа Г. Димитрова со мной как главным редактором журнала. В этой беседе он выразил популярно и ярко свое мнение о роли и задачах нашего журнала не только как боевого и творческого марксистского издания, но и как лаборатории для роста и воспитания молодых философских кадров. Вряд ли необходимо пересказывать здесь всю беседу. Важнее то, что сказанное выше о научных, литературных и других интересах Г. Димитрова он сам подчеркнул еще в начале беседы:

«Как известно, я, к сожалению, не имел возможности получить высшее образование. Однако в своей практической общественной и политической деятельности на службе рабочему классу и болгарскому народу я давно, еще в молодости, почувствовал, что, не освоив основных научных положений о развитии природы и общества и достижений философии, невозможно заниматься правильной и полноценной общественной и политической деятельностью. Поэтому я начал усердно и упорно, преодолевая огромные трудности, изучать важнейшие произведения некоторых древнегреческих философов, а также европейских философов новейшего периода,— Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля, Фейербаха и ряда других представителей материалистической и идеалистической философских школ и в особенности произведения Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина. Это изучение все больше убеждало меня в абсолютной необходимости полного сочетания *практики с теорией,* так как *практика* без теории *слепа,* а *теория* без практики *бесплодна.* Это особенно важно для рабочего

класса, перед которым стоит историческая задача не только правильно и научно объяснить *существующее,* но и коренным образом изменить это *существующее* на пользу себе, на пользу своему народу. Без революционной теории не может быть и революционной практики, это много раз подчеркивал великий Ленин».

Приводя эти слова Г. Димитрова, все больше убеждаешься, что они сохранили свою актуальность и жизнеспособность и в наших современных условиях при решении задач экономического, государственно-политического, партийного, научно-культурного и идеологического развития, но уже в условиях перехода не от капитализма к социализму, а от строящегося социализма к коммунизму или, точнее, к его высшей фазе. И сейчас для меня становятся все более ясными некоторые мысли Г. Димитрова, которые он высказывал по различным поводам перед научными, культурными, педагогическими и другими партийными работниками и работниками Отечественного фронта.

Вспоминаю, как однажды, после возвращения Димитрова в Болгарию, речь зашла о том, чтобы включить меня в кандидаты в состав первого правительства Отечественного фронта в качестве министра просвещения. Еще до 9 сентября я знал решение партии и уже начал обдумывать предварительные мероприятия, которые необходимо провести, чтобы через несколько дней приступить к преобразованию нашего общеобразовательного дела на марксистско-ленинских, трудовых педагогических началах, но независимо от моей воли возникла необходимость включить меня в созданный сразу же в первые дни после 9 сентября регентский совет [1].

В этой связи Г. Димитров сказал мне, что более правильным тогда было бы назначить меня министром просвещения. Педагогические, культурные и научные вопросы, подчеркивал он неоднократно и после этого, являются для нас исключительно важными, хотя на первом месте сейчас стоят во внутреннем плане вопросы стабилизации диктатуры пролетариата, экономической, социалистической перестройки страны и укрепления Отечественного фронта, а во внешнем — укрепление и всестороннее развитие братской дружбы с народами Советского Союза.

Но, закончил Г. Димитров, все равно с включением вас в состав регентского совета ошибка до известной степени компенсирована.

Замечания подобного рода я слышал от Г. Димитрова и позже, когда он узнал, что после революции, еще до его возвращения

[1] Указанным регентским советом в составе трех представителей партий, входивших в Отечественный фронт, был заменен существовавший с сентября 1943 г., после смерти царя Бориса, при малолетнем наследнике регентский совет профашистской ориентации.— *Прим. перев.*

в Болгарию, я отклонил предложение включить меня кандидатом в члены Политбюро партии. Я мотивировал это тем, что иностранные послы должны иметь более широкие возможности общаться со мной и я со своей стороны — более легкий доступ к ним. Георгий Димитров засмеялся, когда услышал эту мотивировку, и бросил: «Напрасно! Барнс (американский посол) прекрасно знает, что ты уже много лет являешься коммунистом и ответственным идеологическим работником партии. Для межсоюзнической комиссии, которая терпит партию, еще легче терпеть одного регента-коммуниста. Подобные вопросы надо решать принципиально и с дальним прицелом, не делая уступок, где они не нужны, но и не упорствуя, где это тоже не нужно».

Именно эту принципиальную линию в политике партии, в том числе в сфере науки и культуры, неуклонно проводил Г. Димитров,— как он сделал это и на Лейпцигском процессе, а позднее в докладе и заключительном слове на VII конгрессе, на котором я имел счастье присутствовать в качестве гостя. Здесь по рекомендации Димитрова Максим Горький уделил мне время, чтобы обсудить несколько мыслей по вопросам болгарской литературы. Горький обратил мое внимание на то, что отношение коммунистов в Болгарии к Вазову и Елину Пелину до сих пор остается неправильным, так как Вазов и Елин Пелин — это крупные болгарские писатели, писатели народные, а не реакционно-буржуазные. Когда я сообщил эти слова Горького Г. Димитрову, тот утвердительно кивнул головой и сказал ясно и твердо: «Мы должны выработать правильный критерий отношения к нашему литературному, научному и идеологическому наследию, потому что этого требует и правильная линия на создание и активизацию народного фронта в нашей стране».

Г. Димитров этого не говорил, но у меня осталось впечатление, что он хотел подчеркнуть, что творчество Вазова и Елина Пелина имеет большое влияние на нашу народную интеллигенцию и широкие народные массы и любое левосектантское отношение к ним оказало бы отрицательное влияние на построение антифашистского народного фронта. А народный фронт позже, опять-таки под руководством Г. Димитрова, перерос в Отечественный фронт и сыграл колоссальную роль для победы нашей социалистической по содержанию, народно-демократической по форме революции.

Эта по-ленински принципиальная и одновременно гибкая линия Г. Димитрова проводилась им не только в деле строительства нового государства, нового экономического и социального строя и новой, социалистической по содержанию, национальной по форме культуры, но и нашей новой науки, нового, определившегося после 9 сентября фронта болгарской теоретической, в том числе и философской, мысли.

Мастерство, с которым он использовал материалистическую диалектику во всей своей деятельности и особенно на Лейпцигском процессе, в докладах на VII конгрессе Коммунистического Интернационала и на V съезде БКП, в своих идеях о социалистической по содержанию, народно-демократической по форме диктатуре, об Отечественном фронте, трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах (без национализации земли), союзе с БЗНС и др., Г. Димитров проявил также и при создании нашей Болгарской академии наук, академии нового, социалистического типа.

Я неоднократно имел возможность беседовать с Г. Димитровым и всегда глубоко удивлялся и восхищался его государственно зрелой, кристально чистой творческой марксистско-ленинской мыслью.

Во время одной из встреч он особо подчеркнул, что мы, с одной стороны, не можем порывать с нашими национальными научными и культурными традициями, а с другой — замыкаться в их рамках. Мы должны смело развивать отечественную науку по качественно новому, именно социалистическому пути, используя как богатый советский опыт и некоторые элементы прогрессивного мирового опыта, так и имеющиеся научные кадры и научный опыт в нашей стране. Он прекрасно знал, что не все академики были тогда прогрессивными и лояльно настроенными к Отечественному фронту людьми, и все же он всегда подчеркивал, что несомненные достижения болгарских академических и университетских работников в большинстве случаев дело их личных дарований, опыта, новаторской мысли, аналитического труда.

Он по достоинству ценил протест дореволюционной академии наук против монархизма в 1907 году в связи с закрытием университета и увольнением прогрессивных профессоров. Но он также знал, что позже академия приобрела характер замкнутого общества интеллектуалов, в которое ни один по-марксистски мыслящий научный работник, как бы он ни был талантлив и продуктивен (например, Димитр Благоев, Михаил Димитров, Тодор Самодумов и другие), не мог даже и думать быть избранным и ни в коем случае не был бы избран академиком или членом-корреспондентом. При таком положении, несмотря на немалые научные достижения отдельных научных академических и университетских работников, Болгарская академия наук и искусства, взятая в целом, во время монархо-фашистской диктатуры и разгула великоболгарских шовинистов и милитаристов не показала своего лица как научное учреждение. Более того, она сама растила или примирилась с ростом в своей среде настоящих душителей болгарского народа, таких, как, например, Богдан Филов, Александр Цанков и им подобные, которые являлись орудием в руках монархо-фашистской диктатуры.

В одной из наших бесед Г. Димитров совсем неожиданно для меня сообщил, что руководство партии решило, после того как я уже был избран постоянным членом академии, чтобы в соответствии с существующим положением моя кандидатура была выдвинута и на пост президента академии. Я очень смутился, ибо никогда и не помышлял об этом, как не мог подумать, что события будут развиваться так, что вопреки моим протестам буду включен в регентский совет, который состоял из трех человек. В последнем случае Г. Димитров по телефону из Москвы объяснил мне, что участие члена партии в регентском совете в тех конкретных условиях было безусловно обязательно и полезно. А сейчас, после неожиданного решения партийного руководства выставить мою кандидатуру на пост президента академии, сказал:

«В соседней комнате находятся деятели сельского хозяйства, я пойду узнаю, какие вопросы их волнуют, а ты в это время просмотри список академиков. Когда вернусь, укажи конкретно, кто из числа включенных в список болгарских академиков и членов-корреспондентов мог бы быть избран президентом нашей новой, социалистической академии наук!»

Я очень внимательно изучил весь список и на самом деле был в затруднении, кого можно было бы выдвинуть кандидатом на пост президента создавшейся новой, социалистической академии. Димитр Михалчев, когда стал президентом академии, сам понял, что в новых условиях и при новых задачах необходим уже другой президент. Поэтому, когда Г. Димитров вернулся, я пожал плечами.

— Вот видишь,— сказал Г. Димитров.— Над этим вопросом уже думали. И я не сомневался, что ты поймешь это. В Политбюро уже все обсуждалось, но и ты лично подумай, учитывая имеющийся опыт, особенно твой советский опыт, о проекте нового закона и устава нашей новой академии.

Все еще смущаясь, я ответил, что сделаю все, что в моих силах. Во время какого-то другого разговора, а может быть, точно не помню, и в конце этого же, Г. Димитров задал мне опять неожиданный вопрос:

— А что ты будешь делать со старыми академиками и членами-корреспондентами?

На этот раз я уже не смутился и ответил сразу:

— Вопрос решается просто, ясно и окончательно на основе опыта Академии наук СССР.

Я привел ему ряд случаев, когда даже провинившиеся перед советскими законами, но очень талантливые и в общем патриотически настроенные академики были включены в творческую работу академии, приобщались к ней и в конце концов работали как настоящие советские патриоты-ученые. Некоторые из них стали впоследствии и активными членами коммунистической пар-

тии, и лауреатами Ленинской и других премий. А, например, Иван Петрович Павлов не стал членом партии, но проявил настоящий советский патриотизм, демократизм и гуманизм.

Г. Димитров был удовлетворен моим ответом, но предупредил, что задача эта не такая уж простая и легкая, потому что среди коммунистов найдутся и такие, кто будет полагать, что партийный билет есть достаточное основание для избрания их в академики или члены-корреспонденты.

Слова Г. Димитрова оказались пророческими, но я уж не буду здесь рассказывать о том, как они сбылись. Добавлю лишь, что он взял на себя инициативу объяснить и внушить некоторым подобным претендентам с партийным билетом в кармане, что этого недостаточно для присвоения кому бы то ни было академического звания. Более того, когда однажды кто-то пустил слух, что Г. Димитров будет избран почетным членом академии, он специально пригласил меня, чтобы высказать свое возражение, и подчеркнул, что и мысли не должно быть о подобном.

При голосовании как по первому закону об академии, так и по второму, уже переработанному в соответствии с изменившимися условиями в нашей социалистической республике, Димитров неизменно принимал самое активное и плодотворное участие. А когда в 1947 году академия провела свое первое общее собрание, обсудив сделанный мной доклад о двухгодичном научном плане, Г. Димитров проявил к нему особенно большой интерес. Так же поступал и Васил Коларов, чью идею об использовании в Болгарии подпочвенных вод академическое собрание восприняло с одобрением, но она не была осуществлена по причинам, о которых вряд ли нужно сейчас говорить.

Важным было то, что Г. Димитров особенно настаивал на поиске и включении в состав новой академии не только уже оформившихся и проявивших себя опытных работников в области науки и культуры, но прежде всего и главным образом молодых научных работников, которые проявляют соответствующие творческие научные способности, знания и умение и в то же время не отступают от социалистических задач и идеалов, от марксистско-ленинских мировоззренческо-теоретических и методологических принципов.

Последующее развитие академии свидетельствует, что эти указания Г. Димитрова были выполнены. Был создан многочисленный актив академии — члены-корреспонденты, профессора, старшие и младшие научные сотрудники, которые в сотрудничестве с уважаемыми старыми академическими работниками все больше брали в свои руки историческое дело нашей новой, социалистической академии. Вместе с тем они не забывали использовать наше национальное наследие еще со времен созданного в Браиле литературного общества да и более раннее.

Г. Димитров высоко ценил это общество, известное научными инициативами и трудами, в организации которого активное участие принял Любен Каравелов [1], а такие революционные руководители, как Васил Левский и Панайот Хитов, оказывали ему впоследствии помощь.

Периодически анализируя и оценивая работу нашей академии, Г. Димитров всегда связывал это с идеей все более активного и творческого, а не механического, подражательского использования богатого опыта Академии наук СССР и вообще советской и мировой прогрессивной науки.

Болгаро-советская дружба, подчеркивал он неоднократно, для всех нас как солнце и воздух, но еще более важна она для нашей науки и ученых, так как в этом отношении мы отстали, а советский опыт наглядно показывает, что социализм не может победить без науки и тем более в дальнейшем постепенно перерасти в коммунизм.

В товарищеском кругу Г. Димитров неоднократно рассказывал о своей встрече с Лениным и всякий раз подчеркивал свое неизмеримое восхищение действительно историческими, творческими идеями Ленина, который стал основоположником не только нового, Советского социалистического государства, не только коммунистической партии нового, именно ленинского типа, но и ленинизма, как дальнейшего творческого развития марксизма в условиях эпохи империализма и социалистической революции, а затем и социалистического строительства, научную основу которого Ленин заложил в плане ГОЭЛРО.

Г. Димитров неоднократно говорил, подчеркивал, да и я это понимал, что с созданием нашей научной социалистической системы, включая академическую, университетскую и вузовскую, социалистическое строительство также ставится на научные основы.

Это было подчеркнуто и в докладе Г. Димитрова на V съезде партии. А сегодня, после Апрельского (1956 г.) пленума, после ряда съездов партии и пленумов ЦК БКП и после докладов, речей и других высказываний товарища Тодора Живкова, ленинско-димитровская мысль о роли и значении науки как все возрастающей производительной силы, как основы технического прогресса и в целом дальнейшего нашего хозяйственного, социального и культурного развития воспринимается уже всем болгарским народом как очевидная истина, как аксиома.

1969 г.

---

[1] Любен Каравелов (1834—1879) — болгарский писатель, публицист, революционный демократ, один из руководителей болгарского национально-освободительного движения.— *Прим. перев.*

Георгий Трайков

ОН ОБЛАДАЛ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ДОСТОИНСТВАМИ

Все, кто имел счастливую возможность работать вместе с Георгием Димитровым в первые годы после победы социалистической революции в Болгарии, в то неповторимое время, когда наша страна выходила из разрухи, чтобы идти по пути социалистического строительства, сохранили о нем неизгладимые воспоминания. Общение с Г. Димитровым, естественным, сердечным и непосредственным в отношениях с людьми, всегда создавало атмосферу непринужденной близости. Огромное обаяние, которым он обладал, отражалось в каждом его жесте, в каждом слове. Он обладал также редким умением быстро ввести своего собеседника в суть проблем, убедить его, что принятое решение должно быть предельно точным и ясным, чтобы оно воспринималось и понималось теми, кого оно касается. И действительно, сам Димитров всегда умел достичь этого.

Еще до победы социалистической революции 9 сентября Г. Димитров призывал к широкому объединению патриотических народных сил под знаменем Отечественного фронта с целью решения новых исторических задач, которые приближавшаяся революция должна была поставить перед нашей страной. Эту роль Отечественного фронта он особенно сильно подчеркнул на его II конгрессе в феврале 1948 года. В своем докладе Георгий Димитров глубоко и всесторонне обосновал превращение Отечественного фронта в единую общественно-политическую организацию и определил задачи этой организации на предстоящие 10—12 лет.

После его доклада начались прения. Коммунисты, члены БЗНС и беспартийные выразили свою готовность работать в рядах Отечественного фронта для успешного решения стоящих перед Болгарией задач.

Как верный сын болгарского рабочего класса и партии, как крупный революционер и горячо любящий свою родину патриот, Г. Димитров прекрасно понимал историческую роль союза рабочих и крестьян, единства коммунистов и земледельцев в их общей борьбе против монархо-фашистской диктатуры, в строительстве новой жизни. Исключительно большое значение он придавал единству Болгарской коммунистической партии и Болгарского земледельческого народного союза. Это единство было положено еще в основу единого фронта, а потом и Отечественного фронта и превратилось в наиболее яркое политическое выраже-

ние рабоче-крестьянского союза, единства коммунистов и земледельцев.

В ряде наших встреч и бесед с ним Г. Димитров оказывал нам неоценимую помощь при определении места и роли Болгарского земледельческого народного союза в новых исторических условиях — места, которое жизнь отвела нашей организации как союзнику партии в социалистическом строительстве родины. Исключительна его заслуга, заслуга партии в том, что члены БЗНС пришли к убеждению: наша организация должна твердо следовать политике нерушимого союза рабочих и крестьян под руководством рабочего класса и его партии, в борьбе с врагами народа за укрепление народной власти.

Вспоминаю одну из встреч с Г. Димитровым, которая состоялась после переломной для нас конференции-съезда БЗНС, когда были отстранены Гемето и Никола Петков и союз встал на исторически верный путь своего развития. В разговоре с руководством союза Димитров сказал:

«У БЗНС исключительно богатая история. Изучение ее с подлинно научных позиций принесет неоценимую пользу. Вы располагаете организацией со своим прошлым, со своим опытом — одним из редких опытов в мире по установлению самостоятельной крестьянской власти. Этот опыт доказывает, что такая власть не может быть прочной, крепкой и перспективной».

Болгарский земледельческий народный союз прислушался к совету Г. Димитрова. Тысячи членов БЗНС, изучая и свою историю, вооружились принципами и выводами научного социализма и стали убежденными и последовательными строителями социалистического общества в Болгарии.

...В народной памяти живо то бурное и напряженное время, когда мы приступили к созданию первых трудовых кооперативных земледельческих хозяйств. Тогда появились различные начинания, выдвигались различные идеи. Раздавались голоса и в пользу национализации земли. И тогда Г. Димитров указал народному движению за кооперативную обработку земли более правильный путь. Он показал нам блестящий пример творческого, в соответствии с конкретными болгарскими условиями, применения ленинского кооперативного плана. Димитров считал, что в наших условиях национализация земли не самая удачная форма обобществления земли и коллективного пользования ею. Наиболее подходящую форму для этого он видел в трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах.

4 февраля 1947 года Г. Димитров пришел поприветствовать Национальную конференцию ТКЗХ. Здесь у нас с ним состоялась беседа о кооперативном строе. Принципиальные положения этой беседы были затем разработаны и изложены в его докладе на V съезде Болгарской коммунистической партии. «Посредством

трудовых кооперативных земледельческих хозяйств,— сказал Г. Димитров в своем выступлении на Национальной конференции,— мы пошли и будем идти к коллективному труду и коллективной обработке земли, без ее национализации. Поэтому без преувеличения можно сказать, что дело строительства развития и укрепления ТКЗХ имеет историческое значение».

Тогда на всех нас произвело особенно сильное впечатление то, что Димитров хотел знать и вникнуть в трудности, которые сопутствовали строительству кооперативов. «...Конференция,— сказал он,— не только не закрывает глаза на эти слабости, недостатки и неясности в жизни кооперативных хозяйств, не только не пытается замазывать их и представлять дело так, будто все идет как по маслу... а напротив, трезво и серьезно обнажает раны, изучает слабости и недостатки...»

Что касается основной огромной задачи по созданию новых ТКЗХ, превращения кооперативного движения в массовое, то Г. Димитров повторял неустанно, делая упор на одном: подходить творчески, внимательно изучать местные условия и особенности, наиболее точно учитывать их и только тогда приступать к созданию кооперативов. Эти исключительно ценные напутствия о трезвом, творческом отношении к решению проблем социалистического переустройства болгарского села навсегда остались жить в нашем сознании.

Болгарское село достигло подлинного социалистического расцвета благодаря последовательному, творческому осуществлению политики исторического Апрельского пленума Болгарской коммунистической партии. В этой политике воплотились заветы Георгия Димитрова, который предвидел социалистическое будущее Болгарии и указал народу верный и прямой путь к этому будущему.

1971 г.

Борис Спасов

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ

Случилось так, что более полутора лет мне довелось работать в самом непосредственном контакте с Георгием Димитровым в качестве главного секретаря Совета Министров.

Впервые я увидел Димитрова в Народном театре, когда он после двадцати двух лет пребывания в эмиграции ступил на родную землю и произнес свою знаменитую первую речь перед болгарским народом. Тогда я наблюдал его сравнительно издалека, но его образ, его голос и его мысли оказали на меня сильное воздействие. Позже, после выборов в Народное собрание двадцать шестого созыва, я имел возможность впервые находиться в непосредственном контакте с Г. Димитровым на одном из заседаний Народного собрания. Было это во второй половине дня. Меня вызвал в свой кабинет Председатель Совета Министров Кимон Георгиев. Там оказался и Г. Димитров, которому К. Георгиев представил меня как главного секретаря Совета Министров. Я пожал мужественную руку Г. Димитрова и встретил его взгляд. Он улыбнулся, сказал, что слышал обо мне и даже вспомнил что-то приятное о моей работе. Надо признаться, что я испытывал сильное волнение и даже смущение, четко представляя себе величие личности Димитрова, с которым я сейчас общался впервые, хотя мы обменялись всего лишь несколькими словами.

Мне бы хотелось напомнить некоторые моменты, связанные с деятельностью Г. Димитрова в качестве Председателя Совета Министров Народной Республики Болгарии. Известно, что Г. Димитров участвовал самым непосредственным образом, хотя и находился вначале в Москве, в создании нового болгарского государства. Все действия и акты, связанные с созданием нашего государства после победы революции 9 сентября, носят печать государственной мудрости и революционного опыта Димитрова. После возвращения в Болгарию он непосредственно участвовал в решении всех государственных вопросов, хотя и не был еще членом правительства и его председателем. После выборов Великого народного собрания, когда БКП получила большинство мандатов в верховном представительном органе нашего государства, Г. Димитров совершенно справедливо и в соответствии с принципами нашего государственного устройства и государственной жизни встал во главе правительства. Как государственный деятель нового, социалистического типа выступил Димитров перед Народным собранием с программной декларацией нового правительства Отечественного фронта, зачитанной им 28 ноября 1946 года. Таким образом, был установлен новый стиль в отношениях между правительством и Народным собранием, при этом подчеркивалась верховная власть представительного органа. Позже это положение стало конституционным принципом.

После заседания Великого народного собрания 28 ноября 1946 года, сопровождаемый Трайчо Костовым, В. Коларовым и Кимоном Георгиевым, Г. Димитров прибыл в Совет Министров и впервые вошел в свой кабинет. Около часа продолжался его

разговор с заместителями Председателя Совета Министров, после чего они ушли. Тогда же Г. Димитров вызвал меня, чтобы я доложил о некоторых текущих вопросах и получил его указания.

Г. Димитров сидел за большим столом. Было уже темно. В кабинете горела только одна настольная лампа. Димитров держал в руке большой карандаш (с одной стороны — синий, с другой — красный), перед ним лежал раскрытый блокнот. Когда я вошел, он что-то писал в нем. Услышав мои шаги, он поднял голову и посмотрел на меня глубоким, проницательным и, как мне показалось, теплым взглядом. Пригласил меня сесть и сказал несколько слов о нашей будущей совместной работе. Я в свою очередь проинформировал его подробно об организационной структуре служб при Совете Министров, о порядке составления повестки дня заседаний Совета Министров и подготовки вопросов, выносившихся на обсуждение заседания. Стремился, насколько возможно, подробнее отвечать на его вопросы, а он задавал все новые и новые, и я сразу почувствовал, как внимательно, глубоко и ответственно относится он к задачам, которые берет в свои руки.

Уже на следующий день Г. Димитров непосредственно приступил к руководству работой Совета Министров, и надо сразу же отметить: он ввел новый стиль, новый порядок. Прежде всего, по его предложению, были проведены некоторые структурные изменения во внутренней организации правительства: при Совете Министров были созданы четыре комитета — Комитет по хозяйственным и финансовым вопросам, Комитет обороны, Комитет по иностранным делам и Комитет по внутренним, культурным и социальным вопросам. Во главе Комитета по хозяйственным и финансовым вопросам встал Трайчо Костов. Комитетом обороны руководил лично Г. Димитров. Его заместителем был Георгий Дамянов, являвшийся в то время министром народной обороны. Г. Димитров руководил и Комитетом по иностранным делам. Комитетом по внутренним, культурным и социальным вопросам заведовал заместитель Председателя Совета Министров и во главе этого комитета находились несколько заместителей председателя: Ал. Оббов, Г. Попов и другие. Предлагая эти структурные изменения, Г. Димитров подчеркнул, что объем работы Совета Министров непрерывно увеличивается и усложняется, что перед ним встают многочисленные и самые разнообразные вопросы, поэтому необходимо найти более рациональную организационную структуру, которая способствовала бы наиболее правильному и своевременному решению вопросов. Для пленарных заседаний правительства оставались самые главные, центральные проблемы государственного управления, которые также были многочисленными и очень важными.

Проведенная реорганизация в структуре правительства благоприятно отразилась на работе Совета Министров. Надо, однако, отметить, что, несмотря на существование комитетов, Г. Димитров продолжал заниматься непосредственно всеми вопросами управления. Так, после того как соответствующие комитеты принимали решения по вопросам, поставленным в повестку дня, материалы заседаний вместе с принятыми решениями докладывались главным секретарем лично Г. Димитрову. Тот выслушивал подробный доклад, требуя как можно более точного и полного объяснения рассмотренных вопросов, предварительного их изучения, комментариев к выступлениям на заседаниях, к принятым решениям.

Иногда такие доклады продолжались по полтора-два часа, и хотя это его утомляло, он продолжал слушать внимательно, задавая новые вопросы. Учитывая это, я всегда очень тщательно готовился к докладам. Но самым интересным и значительным для меня было то, что очень часто, выслушав мой доклад, Г. Димитров, слегка улыбаясь, спрашивал меня:

— А что вы думаете по этому вопросу и как оцениваете принятое решение?

Иногда я пытался уйти от прямого ответа. Говорил, что решение принято абсолютным большинством или единогласно и что предварительно высказывались такие-то и такие-то мнения.

Тогда он говорил несколько тверже:

— Хорошо, это я понял. А ваше мнение по этому вопросу?

Так я привык, когда он задавал мне подобные вопросы, отвечать прямо то, что думаю. Он всегда хотел иметь мотивированный ответ. Иногда я говорил, что полностью согласен с принятыми решениями, и обосновывал это. Иногда позволял себе высказываться критично. Г. Димитров всегда внимательно меня выслушивал, одобрял или не одобрял мои соображения, подробно разъясняя мне, что в моем ответе являлось правильным, а что нет.

Г. Димитров внес еще изменения в порядок проведения заседаний Совета Министров. До того как он стал Председателем Совета Министров, доклады на заседаниях правительства делались членом правительства — тем, кто вносил соответствующий вопрос. Однажды Г. Димитров вызвал меня к себе и спросил, смогу ли я докладывать по включаемым в повестку дня вопросам. Я ответил ему сразу, что смогу, ибо всегда внимательно изучал все вопросы, ведь моей задачей как главного секретаря Совета Министров была подготовка заседаний правительства. Выслушав меня, Г. Димитров сказал:

— Будет более правильным, если вопросы, включенные в повестку дня, станет докладывать главный секретарь. Таким образом, с одной стороны, мы избежим ведомственного подхода по

докладываемым вопросам, а с другой — главный секретарь таким путем будет обязан более внимательно относиться к своим обязанностям и лучше готовить выносимые на обсуждение вопросы. И еще, можно будет заслушивать одну общую информацию о всех стадиях подготовки соответствующего вопроса, и члены правительства смогут более активно принимать участие в их обсуждении.

Соображения и решения Г. Димитрова были очень полезны. Теперь, после того как министр направлял свое предложение в Совет Министров, мы в канцелярии правительства проводили множество дополнительных изучений и готовили доклад, который значительно выходил по своему содержанию за рамки первоначальных материалов, внесенных ведомством.

С тех пор главный секретарь стал докладывать вопросы на заседаниях Совета Министров. После главного секретаря слово предоставлялось министру, дополнявшему его информацию, если в этом была необходимость. Потом начинались прения, и в конце обсуждения Г. Димитров делал свое заключение и предлагал принять окончательное решение по вопросу. Надо отметить исключительно демократический характер работы Совета Министров. Каждый мог высказать на заседании все, что он думает по обсуждаемому вопросу. Высказывались различные, часто противоположные точки зрения. Надо отметить, что Г. Димитров поощрял и меня принимать участие в обсуждениях и никогда не прерывал, если даже я позволял себе высказывать мнения, противоречащие точке зрения, высказанной членами правительства. Вообще, демократизм, деловитость, глубина мысли — вот что было характерно для работы Совета Министров под руководством Г. Димитрова.

Новый стиль в деятельности правительства проявился во многих направлениях. Прежде всего, я впервые тогда почувствовал, с какой глубиной и перспективой рассматривал положение дел Председатель Совета Министров, когда руководил работой правительства, и какие вопросы, связанные с перспективой развития нашей страны, его волновали. Так, например, однажды он дал мне указание включить в повестку дня заседания правительства доклад советских специалистов о природных богатствах нашей страны. Пришли два советских товарища с картой и рассказали правительству об имеющихся в наших недрах значительных богатствах, о перспективе, которая открывалась перед болгарским народом. Я был захвачен их сообщением. Сказано это было уверенно, аргументированно, и в мыслях всех, кто слушал этих специалистов, зрели планы, задачи на будущее.

Г. Димитров предъявлял исключительно большую взыскательность к своим сотрудникам в процессе нашей совместной работы. Он не терпел медлительности и неточности. Всегда, хотя и очень

корректно, делал соответствующие замечания по каждой допущенной ошибке, по каждой недоработке.

Подобную взыскательность Г. Димитров проявлял не только в связи с непосредственной работой Совета Министров. Он хотел, чтобы его сотрудники были корректными, самокритичными во всей своей деятельности.

Во всем, что касалось работы Совета Министров, Г. Димитров очень твердо придерживался законности. Однажды он вызвал меня. Когда я вошел в его кабинет, он протянул мне лист с написанным на пишущей машинке текстом и спросил меня достаточно строго:

— Что это значит?!

Взглянув, я увидел, что это копия решения Верховного административного суда, которым отменялось одно из принятых постановлений Совета Министров в связи с тем, что оно противоречило законам. Я немного смешался и объяснил, что Верховный административный суд отменил решение правительства, как противоречащее закону.

Г. Димитров спросил:

— Имеет ли такое право Верховный административный суд?

Я ответил, что суд имеет такое право, ведь одной из основных задач Верховного административного суда является осуществление надзора за законностью актов высшей администрации.

— А почему допущено нарушение закона при издании этого постановления? — сказал Димитров.

Я не знал, что ответить. Покритиковал себя за то, что допустил принятие комитетом Совета Министров проекта решения, который не отвечал требованиям закона. Тогда Г. Димитров спросил:

— А разве это не ваша задача — следить за соблюдением законности? — И продолжал:

— Это для всех нас урок! Верховный административный суд отменил постановление нашего правительства Отечественного фронта потому, что допущено нарушение закона. Это для нас урок. А впредь никогда нельзя допускать, чтобы принимались противозаконные решения!

Г. Димитров всегда стремился к тому, чтобы наша социалистическая общественность была своевременно и хорошо информирована о самых важных решениях правительства. С этой целью он поручил мне подготавливать сообщение о каждом заседании Совета Министров и передавать его для публикации в газетах. Я сохранил написанную собственноручно Г. Димитровым и направленную мне записку. В ней говорилось:

«Дайте сообщение в печати о последнем заседании Совета Министров:

1. О докладах Высоцкого и Лаврова относительно постройки киноцентра.

2. По другим важнейшим решениям.

О каждом заседании Совета Министров давайте *своевременно* (подчеркнуто Г. Димитровым.— *Б. С.*) сообщение в прессе.
30.6. 1947 г.

Г. Димитров».

С тех пор я всегда регулярно и своевременно подготавливал коммюнике о решениях Совета Министров и давал их в прессу. Конечно, такие сообщения были и ранее, но после записки Г. Димитрова это уже делалось вовремя.

Г. Димитров требовал, чтобы все заявления, которые делались в связи с управлением нашим государством, давались бы ответственно и компетентно. С этой целью он поручил мне подготовить всем членам Совета Министров записку следующего содержания:

«Членам Совета Министров:

1. В дальнейшем сообщения в печати о работе министерств и их отдельных ведомств и дирекций могут давать только министры, возглавляющие соответствующие министерства.

2. Сообщения отдельных министерств в печати должны быть согласованы с соответствующими комитетами Совета Министров или с Председателем Совета Министров.

3. Все наиболее важные сообщения в печати, затрагивающие внутриполитическое положение страны и ее международные отношения, должны обязательно быть предварительно согласованы с Председателем Совета Министров и только после этого могут быть опубликованы.
София, 9 января 1947 г.

Председатель Совета Министров
Г. Димитров».

Когда Г. Димитров поручал мне подготовить этот материал, он как бы между прочим сказал:

— У нас нет политики отдельных министерств или министров. Есть политика правительства. Поэтому все ответственные сообщения должны быть унифицированы и согласованы с руководителем правительства.

Болгарский народ связывает с именем Г. Димитрова как создание своего социалистического государства, так и его развитие. Наряду с этим болгарский народ связывает с его именем и рождение первого социалистического Основного закона Народной Республики Болгарии — нашей Конституции, принятой в 1947 году. Не надо считать, что участие Г. Димитрова в работе над Конституцией выражалось только в прямых указаниях по формулировке того или иного текста или в том, что он непосредственно редактировал такие тексты. Роль Г. Димитрова в этом плане, в сущности, является значительно большей и более широкой. Известно, что непосредственно после 9 сентября 1944 года народной властью был принят ряд нормативных актов, которые имели

конституционное значение. Таковым, например, является уравнение в правах женщин с мужчинами, которое было объявлено на основании закона от 16 октября 1947 года. Таковым является и акт ликвидации монархии и провозглашения народной республики, учреждение нового избирательного права, которое было построено на действительно социалистическом принципе, и др. Все эти акты в той или иной степени имеют свою основу в программе Отечественного фронта, которая была разработана лично Г. Димитровым. С другой стороны, эти акты являются прелюдией к будущей Конституции, и многие из их положений нашли затем отражение в тексте Конституции. Так что участие Г. Димитрова в подготовке Конституции Народной Республики Болгарии, в сущности, началось еще с формулировки принципов, которые были положены в основу программы Отечественного фронта, принятой в 1942 году.

Однако Г. Димитров и непосредственно участвовал в подготовке текста Конституции. В этой связи хочу отметить, что еще в его речи, произнесенной 25 декабря 1945 года, в ответ на тронное слово на сессии Народного собрания двадцать шестого созыва содержится ряд положений, которые послужили как бы эталоном при подготовке проекта Конституции и при ее окончательной редакции. Позже по инициативе Г. Димитрова и по решению Политбюро Центрального Комитета партии в 1946 году был подготовлен первоначальный вариант проекта Конституции Народной Республики Болгарии. Одобренный Политбюро, этот проект был направлен в Национальный комитет Отечественного фронта, где дорабатывался и подготавливался для пленарного обсуждения. На расширенном пленуме Национального комитета Отечественного фронта, состоявшемся 30 сентября — 1 октября 1946 года, под руководством Г. Димитрова и при его самом непосредственном и активном участии были сформулированы тексты того проекта Конституции Народной Республики Болгарии, который был обнародован 4 октября 1946 года, в преддверии выборов в Великое народное собрание.

И на последующих стадиях работы по созданию Конституции Народной Республики Болгарии Г. Димитров также принимал в ней активное участие. Он являлся председателем конституционной комиссии, избранной Великим народным собранием. Известно также и то, что по решению Центрального Комитета партии и Национального комитета Отечественного фронта была образована группа специалистов, которая помогала комиссии, готовящей проект Конституции. Эта группа начала свою работу еще при подготовке первоначального проекта — того, который был обнародован 4 октября 1946 года. Она продолжала свою работу и позже, когда Великое народное собрание начало рассматривать проект Конституции. Как главный секретарь Совета Мини-

стров, в составе этой комиссии участвовал и я. Г. Димитров неоднократно спрашивал и у меня о работе комиссии, специалистов, и я давал ему более или менее подробные отчеты об их деятельности.

В канун 4 декабря 1947 года, когда была принята наша Конституция, я позволил себе спросить Г. Димитрова, не считает ли он необходимым высказаться по проекту Конституции. Лично мне очень хотелось услышать такое выступление. На мой вопрос Г. Димитров лишь усмехнулся и сказал:

— Посмотрим!

Как известно, после принятия Конституции Г. Димитров произнес краткую, но очень содержательную речь, в которой дал характеристику нашего Основного закона и подчеркнул его роль и значение.

«Новая Конституция,— говорил Г. Димитров,— закрепляя принципы народной демократии, расчищает путь для общественного развития нашей страны, что приведет к окончательному уничтожению всех остатков капиталистической, эксплуататорской системы, к освобождению трудящихся от всякой эксплуатации, то есть к полной ликвидации эксплуатации человека человеком». В этой своей краткой речи Г. Димитров очень четко охарактеризовал Конституцию как орудие строительства социализма и подчеркнул таким образом ее программный характер.

Кроме краткой речи, произнесенной в Народном собрании после голосования Конституции, Г. Димитров сказал несколько слов и на спонтанно возникшем сразу после голосования Основного закона массовом митинге граждан Софии перед зданием Народного собрания.

Я уже говорил о том обаянии, которое было присуще Г. Димитрову как человеку. Во всей его фигуре, в поведении, в тоне его голоса, в его отношении к людям было что-то благородное в самом высоком смысле этого слова, было что-то исключительно человечное. Это проявлялось во всем, во всей его работе. Не могу забыть, например, обстановку, в которой он работал дома. Часто случалось, что он приглашал меня для доклада к себе домой. Его супруга сидела с книгой или с вязаньем в руках, около нее их двое приемных детей. Иногда Роза Юльевна что-то шептала детям. Тихо звучал веселый смех. Порой, обняв их, она вслушивалась в разговор, который мы вели с Г. Димитровым. Слушая меня, он часто посматривал на эту группу родных ему людей, улыбался, и вот опять весь в своей работе. Никакой официальности, никакой дистанции не возникало между ним и человеком, с которым шел разговор. Семейная обстановка способствовала еще большей непринужденности и непосредственности в работе.

Г. Димитров заботился о людях, о простых людях. Проявлял, я бы сказал, исключительное внимание по самым различным по-

водам и в самых различных случаях. У меня сохранились некоторые записки, написанные им собственноручно, в которых он давал мне поручение оказать помощь в решении личного вопроса тому или иному научному работнику, общественнику или просто гражданину.

Г. Димитров проявлял особую заботу, хорошее отношение к людям искусства и науки. Сразу после разговора, который состоялся у него с академиком Тодором Павловым, когда тот поставил некоторые вопросы, связанные с бытовыми условиями жизни и деятельности наших видных научных работников, Г. Димитров вызвал меня и попросил объяснить ему более подробно некоторые положения закона о найме жилья и о порядке его применения. Выслушав объяснения, он поручил мне подготовить письмо Центральному жилищному суду в Софии. Это письмо стало руководящим указанием для жилищных судов в нашей стране и применялось до того, как был принят новый соответствующий закон.

Не надо, однако, думать, что это благородство сердца, этот гуманизм, который проявлял Г. Димитров, были в противоречии с его революционными принципами, с характером его мужественной борьбы против фашизма, против капитализма, против реакции.

18 июня 1947 года отмечался день рождения Г. Димитрова. Мы, служащие Совета Министров, с букетами красивых роз направились к нему в кабинет, чтобы поздравить с днем рождения и пожелать здоровья, бодрости и сил для продолжения дела, которое он вершил. Я обратился к нему с кратким приветствием и в заключение сказал:

— Товарищ Димитров, сегодня весь болгарский народ счастлив и рад чествовать вас в день вашего рождения.

Г. Димитров улыбнулся в ответ:

— Не весь болгарский народ! В Болгарии есть еще буржуазия, есть еще фашисты, есть еще реакционеры. Они далеко не радуются моему дню рождения. Трудящиеся — да. Верю, что они радуются. Но болгарская буржуазия не радуется, и ничего доброго она мне не желает. Не забывайте, что революционная борьба у нас продолжается.

Как он был прав и какой хороший урок дал нам и лично мне этими своими словами...

Г. Димитров — герой Лейпцига — мало говорил о своем пребывании в Моабите или о процессе, где он был подсудимым. Несколько раз я пытался заговорить с ним на эту тему, но он всегда уходил от разговора. Мне казалось, что врожденная скромность мешала ему подробно говорить на эту тему. Только однажды, когда шел разговор о Лейпциге и я спросил его, верил ли он, что сможет вырваться из лап фашистов, он сказал:

— Верил! Я знал, что рабочий класс всей планеты поддержит меня. Я знал, что за моей спиной Советский Союз, и я глубоко

верил в правоту и силу нашего дела. Поэтому мое освобождение не было для меня неожиданностью.

Г. Димитров был человеком исключительно высокой культуры. Он знал и ценил нашу, русскую, советскую литературу, прекрасно знал крупные произведения мировой литературы. Известно, как ценил он Ив. Вазова, Елина Пелина и других наших мастеров художественного слова. Характерным для него было то, что, хотя 22 года он находился вдали от родины и жил в это время в разных странах — СССР, Германии и др., вернувшись на родную землю, он говорил на великолепном, литературном, красивом, народном болгарском языке, без акцента, без употребления ненужных иностранных слов. Из его уст звучала образная родная речь. Он использовал народные поговорки, говорил вдохновенно и убедительно. Конечно, к концу своей жизни он переносил страдания, причиняемые ему болезнями, из-за которых быстрее уставал; порой задыхался, если речь была продолжительной. Но, несмотря на это, его дух и логика мысли по-прежнему придавали его словам силу, убежденность и очарование. Его речи захватывали, убеждали и вдохновляли.

1969 г.

С. С. Бирюзов

ВСТРЕЧИ С Г. ДИМИТРОВЫМ

Впервые я встретился с Георгием Димитровым в конце октября 1944 года, когда был вызван в Москву с фронта в связи с моим новым назначением.

После успешного завершения Белградской операции и разгрома немецко-фашистских войск на Балканах войсками III Украинского фронта, начальником штаба которого я был в то время, наши основные усилия были направлены на Венгрию. В сложившихся условиях командующий III Украинским фронтом Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин не мог уделять много времени работе Союзной контрольной комиссии по Болгарии, которая требовала ежедневного внимания и большого напряжения сил. Эта работа полностью была возложена на меня, как на его заместителя, фактически исполнявшего обязанности председателя СКК с момента ее создания до последних дней. По этой причине я и был освобожден от должности начальника штаба фронта и назначен командующим советскими войсками в Болгарии.

Мне посоветовали, прежде чем я уеду в Болгарию, встретиться с Г. Димитровым. О Димитрове, выдающемся деятеле коммунистического и рабочего движения, я, разумеется, слышал

чрезвычайно много. Как и все, я восхищался его смелостью, мужеством, преданностью делу рабочего класса и коммунизма. И признаюсь откровенно, я волновался в ожидании встречи с этим человеком.

Но вот я переступил порог его кабинета, и он, увидев меня, поднялся из-за стола, широко улыбаясь, направился ко мне, крепко, по-дружески пожал мне руку.

— Рад встрече с вами, дорогой товарищ!

Дружелюбным жестом он пригласил меня сесть, сделав это настолько просто, что от моей скованности не осталось и следа.

Г. Димитров спросил меня, когда я думаю отбыть, и, как бы рассуждая вслух, сказал:

— А что, наверное, неплохо будет, если мы пригласим и товарища Коларова. Ему будет интересно встретиться с вами и кое-что рассказать вам. Давайте. Я сейчас ему позвоню.

С первых минут беседы я почувствовал, как отлично знает Димитров свою страну и любит ее народ. Он говорил о героической борьбе болгар против чужеземных поработителей, об их огромной любви к русским братьям-освободителям. Много и подробно рассказывал он о работе болгарских коммунистов, дал исчерпывающую характеристику расстановке классовых сил в стране после победы вооруженного восстания 9 сентября 1944 года. Лицо его стало суровым, когда он заговорил об агентуре американо-английских империалистов, которая стремится внести раскол в революционное движение. Определения, данные Георгием Димитровым марионеткам империализма, подобным пресловутому Гемето, были убийственно точны.

Вскоре в кабинете появился В. Коларов, и Г. Димитров представил меня ему. Коларов помог мне обстоятельно сориентироваться по вопросу о положении крестьян в Болгарии, которые составляли тогда 80 процентов населения страны. Крестьянское движение там имело богатые революционные традиции. Болгария была в то время почти единственной капиталистической страной Европы, где не было помещиков. Здесь значительный вес имела кооперация, которая в известной мере объединяла крестьян и помогала им защищать свои права.

Сердечная беседа с выдающимися революционными деятелями, длившаяся несколько часов, была для меня большой школой и оказала мне неоценимую помощь в моей работе в Болгарии.

В 1945 году мне довелось несколько раз встречаться с Г. Димитровым. Он всегда принимал меня исключительно тепло и радушно, подробно расспрашивал о новостях. У него была своеобразная манера слушать и расспрашивать собеседника. Задавая вопросы, он заставлял меня идти в моем рассказе тем путем, который был ему нужен, говорить только по тем вопросам, кото-

рые интересовали его более всего. И все это делалось исключительно тактично. Собеседник чувствовал себя с ним непринужденно, свободно. И сам Г. Димитров держался всегда просто и естественно, не давая даже малейшего повода подумать, что он хочет подчеркнуть свое превосходство в знаниях, несмотря на то что они были огромны.

Не раз мне приходилось наблюдать, как сердечно беседовал он с приходившими к нему людьми. И я не помню ни одного случая, когда бы он начал разговор с сухих слов о работе. Как правило, он всегда интересовался настроением собеседника, расспрашивал его о здоровье, мог пошутить и одновременно сказать несколько язвительных слов по адресу врагов, к которым он был непримирим и беспощаден, а потом незаметно переходил к существу дела. Все вопросы он решал до конца сразу, не любил откладывать на потом.

Г. Димитров всегда был в курсе событий, происходивших в его родной стране. Чувствовалось, что он твердо руководит борьбой за укрепление народной власти в Болгарии. Думы и стремления болгарского народа были ему глубоко близки, и народ ему отвечал той же любовью и искренней преданностью.

Никогда не забуду, как 4 ноября 1945 года самолетом, приземлившимся на аэродроме в окрестностях Софии, великий сын Болгарии возвратился на родную землю. Он возвратился на свою освобожденную родину после двадцатидвухлетней разлуки, чтобы возглавить непосредственное руководство борьбой трудящихся масс за окончательный разгром реакции и фашизма, за создание действительно свободной и независимой Болгарии. С радостным волнением встретили Г. Димитрова на болгарской земле и мы, советские люди, которым он был так же дорог и близок как пламенный революционер, выдающийся руководитель международного коммунистического и рабочего движения, неустанный поборник дружбы с советским народом.

И вот большое собрание представителей всех слоев населения в Софийском народном театре. Зал переполнен до отказа, десятки тысяч людей, плотным кольцом окружив здание театра, слушают пламенную речь Георгия Димитрова, разносящуюся из громкоговорителей.

Г. Димитров сделал глубокий анализ международного и внутреннего положения Болгарии, изложил развернутую программу строительства социализма в стране и дал ей политическое обоснование. Сущность этой программы сводилась к тому, что главной движущей силой революционного развития болгарского народа на его пути к светлому будущему являются рабочий класс и трудовое крестьянство, руководимые коммунистической партией; что объединение болгарского народа в Отечественный фронт — единственно правильная форма политического союза;

что основа успеха в борьбе — нерушимая, прочная братская дружба между болгарским и советским народами.

На второй или третий день после его знаменитой речи в театре он неожиданно приехал ко мне в Союзную контрольную комиссию. Я даже смутился от неожиданности. Быстро встал, встретил его, мы горячо пожали друг другу руки. Сказал ему, что не следовало беспокоиться и приезжать самому, поскольку он в любое время может пригласить меня к себе. Г. Димитров по-отцовски взял меня под руку и, улыбаясь, мягко возразил:

— Нет, товарищ Бирюзов, я тоже хочу знать, в каких условиях вы тут работаете, хочу поближе познакомиться с вашими помощниками, с людьми, которые должны очень нам помочь в укреплении народной Болгарии. И прежде всего мне хочется познакомиться с теми, кто занимается промышленностью, финансами, транспортом и сельским хозяйством.

Я с большим удовольствием представил своих ближайших помощников. Димитров высказал пожелание поговорить со всеми, но не официально, а в товарищеском кругу. Беседа была исключительно задушевной и интересной.

Все мы, присутствовавшие на встрече с Г. Димитровым, надолго запомнили эту простую, глубокую и содержательную беседу, равную по своей ценности курсу лекций по политической экономии стран, вставших на путь социалистического развития.

В дальнейшем наша дружба с Г. Димитровым продолжала крепнуть. Я стал частым гостем семьи Димитровых. Семья его не была большой — супруга Роза Юльевна и двое ребят — китайская девочка и мальчик-болгарин, сын погибших болгарских коммунистов. Как правило, мы встречались вечером. Беседы были настолько живыми и интересными, что мы не замечали, как летит время. Иногда со мной бывали у него А. И. Черепанов, член Военного совета 37-й армии В. Д. Шабанов, начальник штаба СКК А. И. Сучков и другие товарищи.

Тот, кто встречался с Г. Димитровым хотя бы однажды, запоминал его образ на всю жизнь. Лицо волевое, энергичное. Его большие черные глаза искрились, выдавая необыкновенный ум, они будто излучали тепло, которое ласково грело того, с кем Димитров говорил. Однако я знаю: эти же глаза могли испепелять своим гневным взглядом врагов, заставляя их бледнеть в бессильной злобе...

Г. Димитров был исключительно сердечным человеком. Он глубоко уважал человеческое достоинство людей и искренне высказывал свое расположение к тем, кто заслуживал его уважение. Но если он видел, что человек непринципиален, непоследователен и не любит работать по-настоящему, он не испытывал к нему никакого уважения и не скрывал этого.

Меня всегда удивляла энергия Г. Димитрова. Он был неуто-

мим и требовал постоянной работы от своих сотрудников. Наряду с решением важных государственных вопросов он находил время выступать с докладами, писать статьи, разрабатывать теоретические вопросы и при этом любил повторять: «Надо жить и работать по-ленински! Минимум для себя — максимум для народа».

1962 г.

Титко Черноколев

ДИМИТРОВ БУДЕТ ЖИТЬ ВЕЧНО

О Георгии Димитрове можно и необходимо много писать и рассказывать. И мы должны собирать все документы о нем, неутомимо изучать его труды, его богатый опыт, его прекрасную жизнь и огромное дело великого пролетарского революционера, настоящего коммуниста, народного и партийного вождя.

Г. Димитров был исключительно большим другом нашей молодежи. Внимательно наблюдал он за жизнью и деятельностью рабочей, сельской и учащейся молодежи, вникая в них, постоянно давал ей напутствия, как организовывать борьбу против фашистской диктатуры, против капитализма и реакции. После победы революции 9 сентября 1944 года у нашей молодежи и ее боевых организаций появилась возможность прямого контакта с Димитровым. Мы уже могли получать руководящие указания и советы непосредственно от него самого. В первые же дни после 9 сентября он стал активно помогать ЦК РМС правильно организовать свою общественную, политическую и воспитательную работу среди молодежи.

В одном из писем мне от 18 декабря 1944 года Димитров писал:

«Пользуюсь случаем, хочу поблагодарить через тебя за многочисленные искренние дружеские приветы, которые я получил от организаций и конференций РМС, из различных уголков нашей страны. Излишне говорить, насколько ценны для меня заверения нашей молодежи, что она и впредь будет все так же мужественно работать и бороться за спасительное дело Отечественного фронта и за осуществление его программы, что она будет неустанно учиться, овладевать самой передовой теорией — марксистско-ленинским учением, что она на деле превратит РМС в настоящую общественно-культурную, боевую прогрессивную организацию болгарской народной молодежи, активно участвующую в борьбе за искоренение великоболгарского шовинизма и

фашистского наследия и в творческой работе по строительству новой, демократической Болгарии».

Г. Димитров считал совершенно правильным курс на превращение РМС в подлинно народную организацию болгарской трудящейся и учащейся молодежи. Он указывал, что наша народная молодежь, чтобы выполнить свою огромную роль в борьбе против фашизма и в строительстве новой, свободной, независимой и сильной Болгарии, нуждается в единой молодежной, боевой, прогрессивной, антифашистской общественно-культурной организации. «Время требует положить конец практике, наследию прошлого,— писал Г. Димитров в письме ЦК РМС 14 января 1945 года,— когда каждая политическая партия создавала свою молодежную организацию в качестве своего партийного молодежного подразделения. Такую разобщенность сил молодежи в нашей стране в настоящий момент могут использовать только враги исторического дела Сентября и Отечественного фронта.

Именно Рабочий молодежный союз призван быть пионером и организатором объединения сил народной, антифашистской молодежи городов и сел, предприятий и учреждений, университета и других учебных заведений».

Димитров был до конца убежденным, горячим сторонником единства всей нашей антифашистской молодежи. В своем обращении к V национальной конференции РМС он подчеркивал, что создание единой молодежной организации является делом трудным. Оно встретит серьезное сопротивление. Но сопротивление, указывал он, будет иметь ту полезную сторону, что поможет лучше уяснить необходимость единства молодежи, активизирует действия всех сторонников единой организации в деле ее создания.

Вопрос о создании единой молодежной организации Г. Димитров советовал связывать непосредственно с жизненными интересами молодежи и стоящими перед ней большими общегосударственными задачами, которые ей предстоит решать. В одном из писем, адресованных мне, он писал: «Единая организация, как Вы знаете, не является и не может быть самоцелью, это лишь средство для достижения определенных целей в интересах молодежи и всего народа в настоящий период и в интересах правильного общественного развития, ведущего к уничтожению любого экономического, политического и духовного гнета молодежи и нашего народа вообще, к осуществлению социализма, а затем и коммунизма».

Эти мудрые советы Димитрова комсомолу никогда нельзя забывать при организации и проведении своей работы среди молодежи.

Особое внимание Димитров уделял и нашей интеллигенции,

за жизнью и деятельностью которой он внимательно следил. Он поддерживал непосредственный контакт с различными кругами нашей интеллигенции — научными работниками, агрономами, врачами и инженерами, с деятелями культуры и искусства, часто встречался и беседовал с ними, помогая советами. При создании Болгарской академии наук он посоветовал привлечь всех честных старых ученых, отстранив лишь наиболее опасных реакционеров, ранее активно связанных с антинародной политикой болгарской буржуазии и гитлеровских оккупантов. Этот его совет сыграл большую роль в деле создания БАН и в правильном направлении ее деятельности.

Г. Димитров был и большим государственным руководителем, который поддерживал самые широкие контакты со всей общественностью, со всеми слоями народа. Он не отгораживался, не скрывался от народа, как некоторые другие. Его связи с народом были для него жизненной необходимостью, ведь без этого ни один руководитель не может осуществлять правильное руководство. Он часто бывал на общенародных и молодежных встречах, собраниях, конференциях, различных торжествах. Ежедневно его посещали делегации, отдельные деятели и граждане, которых он всегда охотно принимал, внимательно выслушивал, обязательно беря под контроль вопросы, которые те перед ним поднимали. Димитров получал чрезвычайно много писем от трудящихся и их организаций со всех концов страны и сам их читал. Вспоминаю, как однажды кто-то поставил перед Г. Димитровым вопрос, надо ли ему самому читать все письма, ибо он тратит на это много времени. Димитров очень рассердился, вскочил и резко бросил: «Ты что, хочешь прервать мои связи с народом? Этого я никогда себе не позволю!»

Г. Димитров был настоящим коммунистом-ленинцем, образцом руководителя, строго придерживающегося ленинских методов коллективного руководства. Он создал прекрасную творческую атмосферу в Политбюро и Центральном Комитете партии. На меня всегда производило впечатление то, что на заседании Политбюро он внимательно выслушивал всех товарищей. Более того, при рассмотрении почти всех важнейших вопросов он спрашивал мнение индивидуально каждого товарища и давал полную возможность каждому свободно высказаться. Особенно внимательно он выслушивал тех товарищей, которые возражали, высказывали свое несогласие по данному вопросу.

При решении различных вопросов Димитров советовался с товарищами, расспрашивал их. Помню, как в Народном собрании был поставлен на рассмотрение проект закона о национализации питейных заведений. В то время заседала городская партийная конференция, и я присутствовал на ней. Димитров послал товарища Евгения Каменова от Народного собрания, что-

бы вызвать меня и ряд других товарищей. Димитров хотел посоветоваться, надо ли Народному собранию принимать этот законопроект, ибо по нему имелось очень много возражений. Он внимательно выслушал все наши доводы. После этого законопроект был принят.

В то время я был назначен заместителем министра земледелия. Не было дня, чтобы Димитров меня не вызывал, не расспрашивал о работе министерства, не интересовался моим мнением по некоторым другим вопросам, не давал указаний, связанных с работой.

Г. Димитров в своей жизни много уделял внимания, сил и энергии укреплению союза рабочих и крестьян. После 9 сентября 1944 года был создан Сельскохозяйственный отдел ЦК БКП, в котором я стал заведующим. Мы информировали Г. Димитрова, как видим задачи этого отдела, о его работе. Он подчеркнул тогда большую роль, которую должен играть этот отдел в деле укрепления и развития единства рабочих и крестьян. Указал на необходимость иметь в отделе подходящих сотрудников и работать под руководством Секретариата и Политбюро ЦК. Особенно высокую оценку дал Димитров работе и значению так называемых трудовых культурных бригад, организованных тогда в помощь селу. В письме мне он писал: «Особенно хорошие результаты можно ожидать от трудовых бригад. Их надо организовывать по всей стране и использовать очень широко и правильно в деле сближения города с селом, в деле укрепления дружбы между рабочими и крестьянами и морально-политического разгрома реакционеров, геметовских и других элементов, выступающих против Отечественного фронта на селе».

Он советовал, чтобы бригады, как правило, действовали от имени Отечественного фронта, однако повсюду организатором и активным фактором должна быть наша партия. «При этом,— говорил Димитров,— наше стремление должно быть таким, чтобы эта организованная помощь трудящемуся крестьянину превратилась в широкое, повсеместное движение, с участием технических сил, деятелей культуры, агрономов, ветеринарных врачей, медицинских работников, акушерок, сестер, учителей, артистов и др.».

Он советовал создавать и встречное движение — от сел к городу, проводить организованное посещение крестьянами, особенно молодежью, городов, где устраивать для них встречи, посещение театров и кино, достопримечательных мест. А также предоставлять и им самим возможность показать свою художественную самодеятельность — талантливых людей, танцы, сельские обычаи и др.

Г. Димитров, как известно, разработал план социалистического переустройства нашего села. Основываясь на ленинском

кооперативном плане, на опыте колхозов и наших сельских кооперации, он считал трудовые кооперативные хозяйства в наших условиях главной формой строительства социализма на селе. Всю свою жизнь он неутомимо работал для победы социализма в нашем сельском хозяйстве и прилагал неимоверные усилия для улучшения материальных и культурных условий наших крестьян-кооператоров.

Несмотря на то что Г. Димитров был крупным деятелем, вождем нашей партии и народа, он оставался исключительно скромным, близким и сердечным товарищем. Всегда очень внимательно относился к людям, их нуждам, заботился о них, помогал им. Я никогда не забуду трогательную заботу, которую он проявлял по отношению ко мне, когда я заболел. По его настоянию меня отправили в Москву для операции. Все время, пока я болел, он сам непосредственно следил за ходом болезни и чуть ли не каждый день звонил в больницу в Москву, в ЦК КПСС, интересовался моим здоровьем, организовывал консультацию за консультацией, вселяя в меня уверенность, что я благополучно перенесу испытания тяжелой болезни.

После 9 сентября 1944 года члены нашего ЦК РМС стали один за другим жениться. Димитров проявлял большое внимание к нашим семьям, приглашал нас к себе в гости. Когда у нас рождались дети, он дарил нам коляски. Я пишу об этих на первый взгляд мелких вещах, чтобы показать, что Димитров был не только великим революционером, настоящим коммунистом, но и настоящим человеком, с большим человеческим сердцем, незаменимым товарищем и отцом для всех нас.

Г. Димитрова как деятеля отличали исключительное трудолюбие и работоспособность. Он являл собой образец трудолюбия и умения организованно использовать время. Когда он был председателем парламентской группы БКП, мы с Катей Аврамовой были секретарями группы. Димитров, как всегда, был очень занят государственной и партийной работой. Однажды я сообщил ему, что в адрес парламентской группы пришло много писем и надо их рассмотреть, а времени нет. Этот разговор состоялся в Народном собрании во время заседания. Тогда он обернулся ко мне и сказал: «Сутки — это 24 часа. Продлить их нельзя. Но ты так организуй работу, чтобы в каждый час ее можно было бы сделать больше». Он предложил членам бюро парламентской группы сесть в Народном собрании поближе друг к другу и, когда будут проводиться голосование или рассматриваться знакомые вопросы, заниматься письмами. Так мы и сделали, быстро ликвидировав большое число нерассмотренных писем. Трудящиеся страны всегда получали ответы на свои просьбы.

Жизнь и дело Г. Димитрова огромны, исключительно богаты и представляют для всех поколений неисчерпаемый источник

ленинской мудрости, жизненного опыта и беззаветной преданности своему народу, великому делу социализма, которому он отдал всю свою прекрасную жизнь.

1962 г.

Владимир Стойчев

БЛИЗКИЙ СЕРДЦУ БОЛГАРСКОГО ВОИНА

Со дней Лейпцигского процесса имя Г. Димитрова стало для меня символом победы добра над злом, света над мраком. И с тех пор, борясь против царского режима и мракобесия в нашей стране, стремясь противодействовать воспитанию царских войск в духе любви к германскому рейху, веры в непобедимость гитлеризма, я вдохновлялся образом Г. Димитрова. Он всегда вселял в меня непоколебимость и наполнял твердой верой, что Болгария в конце концов займет свое место, которое ей предопределено историей,— свое место в одном строю с великим Советским Союзом.

После всенародной победы 9 сентября 1944 года и освобождения Болгарии и граничащих с ней областей от гитлеровцев правительство Отечественного фронта, выполняя всенародную волю, решило продолжать активное участие в войне до окончательного разгрома гитлеризма. Я имел честь вести болгарскую армию на последний штурм цитадели зла. Во время этого похода имя Г. Димитрова продолжало озарять нас. Трижды я был удостоен чести получить его личные приветствия в посланиях, с которыми он обращался к офицерам и солдатам доверенной мне армии.

После победоносного завершения боя на Драве Георгий Димитров прислал на мое имя из Москвы телеграмму следующего содержания: «Поздравляю всех командиров, заместителей командиров и бойцов с успешным разгромом немецко-фашистских извергов севернее реки Драва. Эти успехи, однако, не должны Вас успокаивать. Для того чтобы обновленная болгарская армия выполнила до конца свой долг перед родиной, новой, свободной и независимой Болгарии Отечественного фронта, нужно, чтобы ее командиры воспитывались политически, заместители командиров усваивали военное дело, а бойцы изучали и овладевали в совершенстве своим оружием».

В нескольких словах Г. Димитров сумел определить те задачи, которые предстояло выполнять после победоносного завершения боя на Драве.

Во время нашего дальнейшего победоносного наступления к логову гитлеровского зверя группа болгарских офицеров и солдат была удостоена советских орденов. В связи с этим награждением Георгий Димитров поздравил меня 24 апреля 1945 года телеграммой. «Поздравляю Вас от всей души с высокой наградой великого Советского Союза,— писал он.— Желаю руководимым Вами храбрым болгарским воинам дальнейших боевых подвигов для окончательного разгрома фашистского зверя, во имя независимости, свободы и процветания нашей родины. Крепко жму Вашу боевую геройскую руку».

Первого мая 1945 года в штабе вверенной мне 1-й болгарской армии я организовал собрание, во время которого было решено послать поздравление Георгию Димитрову от имени присутствовавших командиров, их заместителей и бойцов. Это собрание проходило уже под знаком приближавшейся победы. Восторженные чувства уверенности в этой победе и безграничной любви к Димитрову нашли свое выражение в нашей телеграмме.

15 мая Георгий Димитров ответил мне:

«Искренне благодарю Вас за поздравление, направленное мне первомайским собранием штаба вверенной Вам армии. С большой радостью прочел заверение этого собрания, что болгарские воины готовы выполнить любую задачу, возложенную на них родиной, для достижения счастливого будущего нашего народа и что все готовы каленым железом выжечь любые попытки нарушить единство спасительного Отечественного фронта. Горжусь, что Первая болгарская армия так мужественно участвовала под... непосредственным руководством славного маршала Толбухина в окончательном разгроме гитлеровской Германии.

Вечная слава павшим в боях за свободу и независимость нашей родины!

Освободительная война завершилась, и наступил мирный период. Мы должны помнить, что задачи исторических завоеваний 9 сентября — сохранение свободы, независимость и процветание Болгарии нуждаются в преданной народу, культурной, хорошо вооруженной и боеспособной народной армии. Максимально используя богатый опыт окончившейся войны, наша армия должна реорганизоваться и перевооружиться; необходимо создать достаточно квалифицированные патриотические офицерские кадры, чтобы наша армия была в состоянии достойно исполнить свой долг при любых неожиданностях и возможных угрозах свободе и независимости родины.

В этом духе желаю Вам и всем Вашим соратникам и бойцам самых добрых успехов».

24 июня 1945 года в Москве состоялся парад Победы. Перед Мавзолеем Ленина были выставлены победные советские боевые

знамена. Части, представлявшие все советские группы армий — боевых фронтов, стояли позади знамен.

Во время парада, в начале победного марша, шли, украшенные боевыми орденами, советские солдаты, которые несли сотни захваченных гитлеровских знамен и штандартов. С гордостью и с жестом безграничного презрения они, проходя, бросали эти знамена и штандарты к подножию Мавзолея великого Ленина. За ними несли знамена частей — представителей всех фронтов. В парадной колонне III Украинского фронта, во главе ее, маршировали командиры армий, среди них был и я. Рядом со мной шли командир 57-й армии генерал-полковник Шарохин, плечом к плечу с которым мы находились и во время славного боя на Драве, большой друг Болгарии незабываемый генерал-полковник, а впоследствии Маршал Советского Союза Бирюзов и другие командиры армий, а впереди нас — командующий фронтом прославленный маршал Толбухин.

На трибуне находился и Георгий Димитров. Он смотрел на нас с гордой и довольной улыбкой.

Хотя во время парада шел мелкий дождь, мне казалось, что светит яркое солнце — солнце правды и свободы.

После парада Г. Димитров вместе с генерал-полковником Бирюзовым представили меня Сталину. Похвально, высоко отозвавшись о болгарской армии, Сталин вручил мне орден Суворова I степени, которым меня наградило Верховное Главнокомандование. Этот орден стал выражением доверия Советского Союза болгарской Народной армии, выражением признания вклада, который внес наш народ пролитой героической кровью лучших своих сынов в окончательный разгром гитлеризма — самого страшного зла, которое знало человечество за всю свою многовековую историю.

На следующий день я был приглашен Георгием Димитровым на обед на его дачу. Там, в узком кругу близких и друзей его семьи, он подробно рассказал мне о своих мыслях и планах, связанных со светлыми перспективами нашего народа. Обещал в скором времени вернуться в Болгарию.

По приезде из Москвы я был назначен политическим представителем Болгарии в США. Выполнив там свои задачи, я вернулся на родину и был назначен председателем Верховного комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров.

Большое впечатление оставил у меня тот интерес, с которым Георгий Димитров относился к развитию физической культуры и спорта в нашей стране, к имевшимся по этому вопросу правильным и современным взглядам. Он всегда принимал приглашения, которые я ему направлял на многие внутренние и международные спортивные встречи по баскетболу, волейболу, борьбе и другим видам спорта, и присутствовал на соревнованиях от

начала и до конца. Он часто делился со мной мыслями о будущем спорта в нашей стране. Считал, что спорт является мощным средством развития моральных сил, средством сближения и взаимопонимания между народами. Вместе с тем он подчеркивал, что болгарские спортсмены не должны видеть в спорте ремесло, как это допускается в капиталистическом мире. Молодежь должна смотреть на спорт как на средство своего всестороннего совершенствования. Каждый хороший спортсмен должен одновременно быть и отличником производства или учебы, служить примером не только на спортивном поприще, но и повсюду, где призван работать во имя роста материального благосостояния нашей родины.

Все болгарские воины и все болгарские спортсмены до конца своей жизни будут чтить славное имя нашего великого учителя и, не жалея сил, выполнять его заветы.

1967 г.

Елин Пелин

НЕСКОЛЬКО КРАТКИХ БЕСЕД С ГЕОРГИЕМ ДИМИТРОВЫМ

Великий вождь рабочего класса, непреклонный борец за социальную правду, создатель Народной Республики Болгарии, творец новой жизни в нашей стране — Георгий Димитров скончался! Последняя страница большой и глубоко содержательной книги его жизни перевернута.

История отведет достойное место в своих анналах его выдающемуся делу, которое будет жить в веках.

Я нашел в своей записной книжке заметки о нескольких кратких беседах с ним во время случайных встреч, которыми мне хочется поделиться с читателями.

Мы были знакомы с молодых лет. С того времени, когда в Болгарии зарождалось рабочее движение, когда социалистические идеи только созревали, когда Дед [1] был еще молодым и энергичным, а Янко Сакызов [2] по-юношески пылким, когда три-

[1] Димитр Благоев (Дед) (1856—1924) — распространитель марксизма в Болгарии, основоположник и руководитель БРСДП (позднее — БКП). Основатель первой в России социал-демократической группы, известной под названием «Группа Благоева». Виднейший теоретик марксизма на Балканах, автор трудов по вопросам марксистской философии, политической экономии, истории и эстетики.— *Прим. перев.*

[2] Янко Сакызов (1860—1941) — современник Д. Благоева, общественный и политический деятель. Лидер оппортунистической Болгарской рабочей социал-демократической партии (широких социалистов).— *Прим. перев.*

буна дощатого цирка «Болгария» (на месте нынешнего крытого рынка) нередко сотрясалась от жарких споров, которые иногда кончались дракой.

* * *

По возвращении Георгия Димитрова на родину я несколько раз встречался и беседовал с ним. Случайно, на ходу.

При первой встрече он горячо пожал мне руку, удивленно и внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Елин Пелин! Ты все тот же! Совсем не состарился! Сколько тебе?

— Около семидесяти.

— Не дашь столько.

— Я — недоразвитый старик,— шутливо заметил я.

Димитров рассмеялся и вдруг сказал:

— Большинство знакомых, которых я встретил по возвращении на родину, выглядят очень хорошо. Видать, мы оказались крепким поколением. Как ты себя чувствуешь?

— Не сказал бы, что хорошо. Сердце пошаливает. Подшипники поизносились...

— Знаю. Дошло и до меня, но... держись, старина. Эх, протянуть бы нам с тобой еще по четыре пятилетки.

И, вглядываясь в мое лицо, добавил:

— Если переносишь морской климат, отправим тебя в прекрасный дом отдыха. Уход там отличный, и ты быстро поправишься, еще больше помолодеешь.

Я сказал ему, что врачи не рекомендуют мне море.

— Посоветуйся с ними еще раз. Узнай и сообщи мне, что они тебе рекомендуют.

Я был растроган вниманием Георгия Димитрова, но, зная, как много забот лежит на его плечах, не счел нужным беспокоить его по этому поводу.

* * *

При другой встрече мы заговорили о советской литературе. Георгий Димитров спросил, знаком ли я с нею.

— Не сказал бы, что очень,— ответил я.

— Она переживает небывалый расцвет. Есть интересные и глубокие писатели-патриоты, всецело отдавшиеся творчеству. Новая жизнь увлекла всех. Если действительно хочешь увидеть новый мир, с удовольствием отправим тебя в Советский Союз.

— Очень бы хотел, да больное сердце не позволит мне предпринять такую далекую поездку,— сказал я с сожалением.

— Жаль, это было бы так хорошо для тебя...

Однажды речь зашла о новой болгарской литературе. Он спросил, слежу ли я за ней.

Родители Георгия Димитрова — Параскева Димитрова и Димитр Михайлов с его младшими братьями и сестрой

Георгий Димитров. 1910 г.

Люба Ивошевич-Димитрова

Делегаты XV съезда БРСДП (т. с.). Г. Димитров — второй справа. Габрово, 1908 г.

Делегаты учредительного съезда Общего рабочего синдикального союза. Г. Димитров стоит третий слева. Пловдив, 1904 г.

Георгий Димитров
с супругой
Любой Ивошевич

Г. Димитров
в дни подготовки
Сентябрьского
антифашистского
восстания. 1923 г.

Дача в с. Выршец,
где скрывались
В. Коларов и Г. Димитров
21—22 сентября 1923 г.

Георгий Димитров задает вопросы свидетелям. Лейпцигский процесс, 1933 г.

Георгий Димитров
в зале
Имперского суда

Мать Георгия Димитрова
(третья справа)
и сестра
Магдалина Барымова
(рядом с ней)
в зале Имперского суда

Георгий Димитров произносит на суде заключительную речь

«Коричневая книга» на болгарском языке. София, 1933 г.

«Коричневая книга» на испанском языке. Монтевидео, 1934 г.

В защиту обвиняемых на Лейпцигском процессе. Карикатуры в советской печати (худ. В. Федоровский, В. Дени, Б. Ефимов)

Остановите топор палача!

Демонстрация протеста перед германским консульством в Нью-Йорке с требованием освободить Г. Димитрова. Декабрь, 1933 г.

Георгий Димитров выступает на пресс-конференции советских и иностранных журналистов. Февраль, 1934 г.

ПРИЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ тт. ДИМИТРОВЫМ, ПОПОВЫМ и ТАНЕВЫМ

Рабочий класс вырвал ДИМИТРОВА, ПОПОВА и ТАНЕВА из застенков фашизма.

Пламенный большевистский привет героям, превратившим лейпцигское фашистское судилище в антифашистскую трибуну.

Свободу тов. Тельману! Свободу революционным узникам!

ДИМИТРОВ, ПОПОВ И ТАНЕВ В МОСКВЕ.

Димитров рассказывает.

Георгий Димитров и Марсель Кашен на VII конгрессе Коминтерна. Москва, 1935 г.

Георгий Димитров. 1935 г.

Георгий Димитров и Максим Горький. Москва, 1934 г.

Георгий Димитров выступает с докладом на VII конгрессе Коминтерна. Москва, 1935 г.

Георгий Димитров среди руководящих деятелей Коминтерна. Москва, 1935 г.

Г. Димитров
и И. Д. Папанин
в санатории «Барвиха».
1940 г.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручает Г. Димитрову орден Ленина за выдающиеся заслуги в борьбе против фашизма. Москва, 1945 г.

Митинг в связи с возвращением Георгия Димитрова из эмиграции. София, 6 ноября 1945 г.

Председатель Великого народного собрания НРБ Васил Коларов вручает Георгию Димитрову по случаю его 65-летия Золотую звезду ордена Народной Республики Болгарии. София, 18 июня 1947 г.

Георгий Димитров
и Тодор Живков
на проводах молодежного строительного отряда.
София, 1947 г.

Георгий Димитров выступает с политическим отчетом ЦК БКП на V съезде БКП.
Декабрь, 1948 г.

Георгий Димитров —
Председатель
Совета Министров НРБ.
София, 1948 г.

Георгий Димитров с супругой Розой Димитровой. «Барвиха». Июнь, 1949 г.

Георгий Димитров среди детей. 1947 г.

Демонстрация трудящихся Софии после похорон Георгия Димитрова.

У Мавзолея Георгия Димитрова в Софии.

— Довольно-таки ревностно. Растут новые таланты.

— Что производит на тебя особенное впечатление?

— Дружная жизнь, которая ныне наблюдается в среде писателей. Нравится она мне. И та серьезность, с которой они относятся к своей работе. Красивое, благородное соревнование разгорелось между ними.

— Это хорошо,— сказал он.— Так и должно быть. Товарищеское соревнование — гарантия качественной продукции. Все это очень полезно и для литературы, и для самих писателей. Не будет подсиживания, зависти. Об этом должны знать все творческие работники, независимо от области, в которой они работают.

* * *

Георгий Димитров видел новые издания моих книг для детей. Из беседы по этому вопросу я запомнил следующую мысль: «Никто из писателей, даже самых крупных, не имеет права считать, что писать книги для детей — дело маловажное. Наоборот, это ответственное и важное дело. Каждый писатель должен посвящать свое лучшее время и настроение книгам для детей. В Советской стране писатели «священнодействуют», когда пишут для детей».

* * *

Однажды он очень деликатно спросил меня, как я живу, каково мое самочувствие, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь.

Я ответил, что жаловаться не могу, книги мои часто переиздаются, и я доволен тем, что получаю за них. Только посетовал на новое положение о гонорарах, о котором тогда много говорилось. Предусматривалось, что при каждом новом издании книги гонорар будет снижаться на определенный процент.

— Если не ошибаюсь, таково же положение с гонорарами в Советском Союзе,— сказал Георгий Димитров.

— Может быть, и там так,— возразил я,— но у нас тиражи очень маленькие и к тому же книги расходятся медленно. Зачем же недооценивать книгу, если она хороша и ее покупают? Советские масштабы слишком велики для наших условий.

— Да,— подумав, сказал он.— Мы всегда должны учитывать наши условия. Подобного снижения гонорара при переиздании болгарских книг не должно быть.

* * *

Его уже нет в живых. Но его дело, положившее начало нашей новой жизни, всегда будет служить нам стимулом идти вперед.

1949 г.

Владимир Топенчаров

КЛЮЧИ ЖУРНАЛИСТИКИ

Впервые я побывал у Георгия Димитрова 7 ноября 1945 года. Несколько дней тому назад он прибыл в Болгарию после двадцати двух лет изгнания. Димитров сидел за небольшим письменным столом, на краю которого лежала кипа газет и журналов, а по всей его ширине был раскрыт утренний ежедневник.

Его страницы пестрели подчеркнутыми синим карандашом словами и целыми фразами.

Поздоровавшись, Г. Димитров указал взглядом на письменный стол.

— Первые дни на родине начинаю с газет.

Позднее я узнал, что Г. Димитров каждый свой день начинал именно таким образом. Газету он читал так, будто изучал документ. Рука с неизменным синим карандашом энергично отмечала целые абзацы текста, часть их, отдельные слова.

Постукивая тупым концом толстого карандаша по столу, Г. Димитров добавил:

— Видите, хочу почувствовать родину немедля...

И, как бы обобщая свою мысль, прибавил:

— Родина должна каждый день представать на страницах газеты такой, какой она есть в данный момент, с ее измененным обликом, новым человеком, занятым своей работой, с ее народом, решающим вопросы преображения всей страны.

Водя острием карандаша по подчеркнутым местам, Димитров провел быстрый анализ содержания газеты. Он проходил абзац за абзацем и подводил итог содержания каждой статьи, каждой заметки. Я видел, как точно он определял по синим следам карандаша содержание и суть статей.

Как-то мне довелось смотреть фильм, где был показан ключ расшифровки одного зашифрованного письма: на текст письма накладывался картонный трафарет, вырезанный таким образом, чтобы в его прорезях можно было читать отдельные слова. Соединенные воедино, они давали зашифрованный текст. Так подчеркнутые синим карандашом фразы и слова в прочитанной Димитровым статье, как шифровальный ключ, определяли суть ее содержания, ее основную мысль. Это был ключ мыслей.

— Читать газету — это не все равно что выпить утренний кофе,— говорил Димитров.— Чтение ее — это изучение событий, движения жизни, постижение ее динамики.

Накануне вечером в своей речи, посвященной Октябрьской революции, которую он произносил по просьбе присутствовавших в Народном театре, Г. Димитров, как всегда, искренне, с

любовью говорил о Советской стране. Затем перешел к Отечественному фронту, осудив тех, кто внутри страны и вне ее пытался тогда его поколебать, разрушить любовь народа к Советскому Союзу.

Димитров снова постучал карандашом по странице газеты и добавил:

— Газета — это оружие... Народ идет в бой за свое будущее. Журналист должен помнить, что он не кофе подносит читателю, а вооружает его прочными мыслями, чувствами, моралью.

Потом закончил, уточняя образ:

— Знаете, ежедневник должен быть подобием бруска — идейного, партийного бруска, на котором народ мог бы каждый день оттачивать свое оружие, и свою мысль, и свою ненависть, и свою любовь.

* * *

Г. Димитров имел привычку, сохранившуюся у него с прошлых лет, в период до Сентябрьского восстания, когда он был сотрудником партийных и профсоюзных газет, звонить в редакцию.

Он звонил мне обычно в тот момент, когда в нашей газете «Отечествен фронт» наступал самый разгар редакционной работы.

Г. Димитров:

— Ну, чем нас порадуете?

Особенно он интересовался тем, что́ редакция печатала из материалов своих корреспондентов. Димитров говорил: «Из корреспонденций можно понять, что люди в стране думают о своей и нашей работе, как каждый день вносит в нее что-то новое и как они сами растут».

Г. Димитров:

— А передовая? Что будет в ней?

Передовые статьи готовились, как правило, в последний момент, и главный редактор начинал работать над ней довольно поздно. Иногда вопрос Димитрова заставал редакцию в тот момент, когда она еще искала тему этой статьи.

Главный редактор отвечал:

— Сейчас обдумываем ее тему... Думаем написать о...

— А какие имеются конкретные материалы, чем располагаете, чтобы написать такую статью?

Или:

— Что нового скажете по этой теме? Она ведь уже рассматривалась...

И Г. Димитров напоминал нам, что на подобную тему уже писали тогда-то и там-то. Но считал также, что нельзя исчерпать актуальную тему. Каждая новая статья, заметка всегда может дать что-то новое, помочь что-то выяснить глубже, допол-

нить, рассмотреть вопрос шире. Ничто не стоит на одном месте, в том числе и мысль. Всегда можно найти подробности, новые стороны, которые выявились на практике при реализации, казалось бы, уже ясной идеи. Идеи проверяются и обогащаются в практике.

Г. Димитров говорил: повторение одного и того же, одними и теми же словами ведет к схоластике.

Трудящийся человек, который живет в непрерывно изменяющейся действительности, по природе является врагом скованной формы.

Разрабатывать общие положения на конкретном материале, полученном от практики, это было для Г. Димитрова средством борьбы с шаблоном в печати.

В одном разговоре о периодической печати Г. Димитров напомнил забытые многими слова Д. Благоева о газетах: «Задача журналистской работы... как можно глубже освещать людям близкие им, волнующие их явления, которые происходят у них на глазах».

Близкие человеку вопросы — отметил Димитров и добавил, что журналист должен иметь чутье на такие вопросы, следить за их развитием. Чутье! Чутье! — говорил он. Читатель должен знать, что газета — это его путеводитель, помогающий ему понимать ежедневные явления и изменения в жизни, следить за событиями, предвидеть их, вовремя на них реагировать. Только таким образом можно избежать каких-либо неожиданностей. Поэтому неизменное правило журналиста — следить за каждым изменением в жизни! А это уже, само собой, предохранит газету от монотонности.

И Димитров повторял как заповедь журналистской работы:

— Идти по следам, по следам событий, имея на них чутье.

* * *

Однажды Г. Димитров остановил меня в вестибюле Народного собрания. Это был период наивысшего напряжения в борьбе с оппозицией. Только что утром в номере нашей газеты была опубликована моя статья «Неисполненный приговор».

Димитров приблизился ко мне, погрозил пальцем:

— Торопитесь. Перетягиваете тетиву!

Потом добавил:

— Но, ничего. Может быть, и полезно...— И шутя подбросил приблизительно такую мысль:

— Печать должна быть шпорой... Но не забывайте, в нажиме шпоры всегда необходима мера... Мера!

Г. Димитров любил возвращаться к теме о чувстве меры:

— Во всем должна быть определенная мера. Мера — это не только философская категория. Это — существующая реальность

в любой области. Мера для журналиста — не отставать, но и не обгонять общий караван, не изолироваться от него, но и не путаться у него под ногами, а облегчать его движение вперед. Как видите, меру всегда надо искать. Порой это нелегко, но всегда необходимо и возможно.

* * *

Над своими статьями Г. Димитров работал очень усердно. Его рукописи — это интересные наглядные показатели процесса, который совершался в творческой лаборатории публициста Димитрова. Процесса, в ходе которого шла доработка его статей или речей, что выражалось в многочисленных поправках, зачеркиваниях, добавлениях, сделанных синим карандашом на полях листа. После того как статья была написана (Г. Димитров все писал всегда сам), он правил отдельные выражения, слова. Включал новые, дополнительные мысли. Он правил свою работу до последнего момента, выбрасывая или заменяя слова, переставляя отдельные пассажи, даже в корректуре. Шел поиск наиболее логически точного построения статьи, заметки и др., наиболее точного выражения, яркого слова. Синий карандаш зачеркивал и вносил крупным, слегка наклоненным вправо почерком новое слово, которое раскрывало какую-то подробность, вносило нюанс, подчеркивало силу мысли, степень чувства.

Г. Димитров — это было знаменательной стороной его творческой деятельности — работал усердно, без видимой усталости, днем и ночью. Он говорил редакторам:

— Когда вам что-либо необходимо от меня, вы можете всегда звонить мне по телефону. Я знаю журналистскую работу — она круглосуточна. Помните, всегда можете звонить...

Это «всегда» действительно означало в любое время — в полночь, после полуночи, на рассвете. Казалось, Г. Димитров бодрствовал круглые сутки. Бодрствовал, заботясь обо всех и обо всем.

В 1947 году вышел третий том основных речей, докладов и статей Георгия Димитрова, которые планировалось опубликовать в трех томах. Но третий том был напечатан раньше двух первых в силу его актуальности.

Я находился в кабинете Г. Димитрова, когда он получил первые экземпляры издания. Подписав мне один из экземпляров книги, он положил руку на ее красную обложку.

— Труд...

Слово это было произнесено с чувством человека, который отдыхал после тяжелой работы.

— Знаете, даже тогда, когда человек имеет многолетний опыт, все это нелегко. Прежде чем сесть писать, необходимо провести огромную предварительную работу. А для того чтобы

сделать свою мысль ясной, доступной для каждого, приходится переворачивать тонны словесной руды, как об этом прекрасно сказал Владимир Маяковский:

Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.

1969 г.

Вера Начева

ТОВАРИЩ И ЧЕЛОВЕК

Будучи после 9 сентября 1944 года секретарем Болгарского народного женского союза (БНЖС) и депутатом Народного собрания, я не один раз имела возможность убедиться в величии и простоте, в последовательности руководителя и товарища, человека-коммуниста Г. Димитрова. Меня всегда удивляло, как он при большой своей занятости решением таких важных государственных и партийных задач находил время для того, чтобы вникать в самые будничные дела людей. Он часто бывал на пленумах БНЖС. Какими простыми, доходчивыми, глубоко человечными и убедительными были его слова и советы!

Были матери, которые противились участию своих дочерей в движении молодежных строительных бригад вместе с парнями из-за боязни, как бы они там не повлюблялись. Таким женщинам Димитров говорил: «Да разве есть что-нибудь чудеснее любви, рожденной в коллективе, в процессе труда и учебы?»

У нас не было опыта, мы сталкивались со множеством трудностей — и объективных и субъективных. В выступлениях женщин звучало много жалоб и просьб. Димитров слушал терпеливо и спокойно, а в конце по-отечески, по-братски высказывал советы. Он разъяснял, что существующие трудности — это неизбежные трудности роста, и выражал уверенность, что женщины поймут это лучше, чем кто-либо другой.

— Рождается новое общество,— говорил Г. Димитров.— Вы, женщины, лучше всех понимаете, что, когда рождается ребенок, родовых мук не избежать. Как же может безболезненно, без трудностей родиться целое новое общество? Найдется ли такая нормальная женщина, которая из-за родовых мук откажется стать матерью? Неужели мы из-за этих трудностей откажемся от строительства социалистического общества, самого совершенного из всех, что знало человечество? Но мы можем облегчить

эти родовые муки так, как подготовленный опытный акушер облегчает боли роженицы. Этим акушером в данном случае являемся мы, наша совместная, хорошо налаженная работа в общественных организациях, Женском союзе, Отечественном фронте и других руководимых партией организациях.

Г. Димитров внимательно следил за нашей работой, вникал в проблемы женщин, поэтому и помощь его была всегда конкретной и ценной. Довольно длительное время, пока я была секретарем союза, он просил направлять ему каждую субботу информацию в одну-две странички о том, какими вопросами мы занимались в течение недели и какие задачи мы ставим перед собой на следующую неделю. В один из наших планов было включено предложение отказаться от празднования так называемого «дня бабки». Он заинтересовался, что мы имеем в виду, и поручил подумать, не можем ли мы придать этому «дню» несколько иное содержание и сохранить его. Так, по его инициативе бывший «день бабки» превратился в День родильной помощи. В этот день проводились просветительные беседы с матерями, чествовали врачей — гинекологов и акушеров.

В 1947 году я была включена в состав нашей первой парламентской делегации, готовившейся к поездке в Советский Союз. Незадолго до отъезда с нами в Народном собрании проводил беседу В. Коларов. Не помню, как это произошло, но здесь я встретилась с Г. Димитровым. Он заговорил со мной. Я так была счастлива при мысли, что увижу Советский Союз, советских людей, которыми мы так сильно восхищались и у которых так многому научились в борьбе против фашизма, что не могла не поделиться своей радостью. Разговор был кратким, но мне очень хорошо запомнилась его мысль: «Да, вы увидите, что советский народ — прекрасный народ». И тут же добавил: «Плохих народов нет. Встречаются порой плохие руководители». И, улыбнувшись, ушел.

Я долго думала над этими его словами. Думала о его любви и признательности Советскому Союзу, о его патриотизме и интернационализме, о его последовательности в личной и общественной жизни, о нем — настоящем руководителе и товарище, о человеке Георгии Димитрове.

Мы провели в Советском Союзе почти месяц, побывали во многих местах. Вначале я была просто поражена всем тем, что мы здесь увидели. Чувствовала себя маленькой пылинкой в этом огромном мире, особенно при посещении «Запорожстали» и Днепрогэса. На вопрос сопровождавшего нас советского товарища, каковы мои впечатления, я ничего не могла сказать, кроме того, что никогда в жизни ничего подобного не видела и, наверное, не увижу у нас. «Будет, будет и у вас,— ответил он мне.— Мы вам поможем, потому что вы великий народ». Заме-

тив мое смущение от слов «великий народ», он пояснил свою оценку, сказав, что величие народа определяется не его численностью, а тем, что он вносит в общую сокровищницу человечества. «Вы дали миру Георгия Михайловича, который нанес первый морально-политический удар фашизму».

И такое отношение к нашей стране, к Димитрову мы встречали повсюду. Возвратились мы обогащенные, окрыленные, с еще большей уверенностью в победе социализма, с еще большей любовью к советским людям и с сознанием, что во всем этом большая заслуга и Георгия Димитрова.

1967 г.

Нинко Стефанов

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Имя Георгия Димитрова было знакомо и близко нашей демократической молодежи задолго до исторического Лейпцигского процесса. С того времени, когда мировой общественности стал известен величественный подвиг Г. Димитрова во время лейпцигского поединка с гитлеровским фашизмом, его имя стало символом неслыханного героизма, неповторимой коммунистической мужественности и для всего болгарского народа.

Когда же пришел долгожданный день, верный сын народа возвратился на родину, чтобы взять на себя руководство партией и государством. Теперь Г. Димитров уже был среди нас. Молодежь вместе со всем народом переживала настоящее счастье, она радостно ликовала, потому что над нею теперь возвышалась исполинская фигура Г. Димитрова с его теплом и отцовской заботой. В то время ряды РМС пополнялись самыми лучшими, самыми честными и авторитетными юношами и девушками.

Г. Димитров живо интересовался деятельностью Рабочего молодежного союза, его Центрального комитета. Его советы и рекомендации руководящим деятелям РМС содержали все, что нужно было для улучшения работы союза и его ЦК. И хотя он был занят большой, напряженной партийной и государственной работой, он всегда находил время уделить необходимое внимание вопросам молодежного революционного движения в нашей стране. С нами, руководителями ремсистской молодежи, он часто беседовал; внимательно нас выслушивая, давал нам указания и рекомендации по работе организации и, вообще, работал со всей молодежью. Каждая встреча с Г. Димитровым окрыляла нас, придавала нам новые силы и энергию.

Бывают встречи, которые по своему содержанию и воздействию оставляют неизгладимые следы — следы, не поддающиеся разрушительной силе времени, навсегда остающиеся в человеческой памяти. Такова была встреча Г. Димитрова с членами Центрального комитета РМС, состоявшаяся 7 декабря 1945 года. Она вошла в нашу историю под девизом «Растут прекрасные кадры, молодые, энергичные, многообещающие». Еще задолго до встречи Г. Димитров высказал идею об организации непринужденной беседы с руководящими деятелями РМС. И вот наконец это время наступило. Пришел час встречи. Г. Димитров принял нас в доме на улице Велико-Тырново (сейчас бульвар Георгия Георгиу-Деж) № 5, где он в то время жил. Каждый из нас переживал неповторимые мгновения. Перед нами стоял тот, чье имя произносится с чувством глубокого уважения любым честным человеком на земном шаре от Северного до Южного полюса. Мы уже бывали у Димитрова, ощущали рабочую атмосферу его кабинета, мы были немногими счастливцами среди молодежи, которым довелось беседовать с героем героев эпохи, в которой мы жили и работали. Он встретил нас исключительно тепло и сердечно. Протягивая для приветствия каждому из нас руку, он заставил нас почувствовать не просто знакомыми с ним, а близкими товарищами, давно знавшими друг друга. У каждого появилось такое ощущение, будто с Г. Димитровым нас связывает старая крепкая дружба.

— Дорогие мои друзья! И вы, и я одинаково рады, что имеем хорошую возможность и счастье встретиться без страха и риска для жизни и обменяться мыслями по некоторым важным вопросам работы и задачам Рабочего молодежного союза.

Георгий Димитров начал разговор деловым тоном. С присущей ему теплотой и легкой улыбкой он формулировал каждую свою мысль, избегая тяжелых и абстрактных формулировок. В начале беседы речь шла о роли РМС в молодежном движении, которую он охарактеризовал как «движущую силу, мотор, десницу, ведущую вперед». Без всяких предисловий он сразу заговорил с поразительной ясностью и точностью о том, что должен сделать Рабочий молодежный союз: «1. Отказаться от сектантства (самодовольного сектантства): «Мы, мол, достаточно сильны, мы все знаем, все можем». 2. Отказаться от всяческого командования... 3. Не кичиться тем, что члены РМС приняли самое деятельное участие в борьбе против фашизма...» Это были три главных момента, которые легли в основу всей беседы. Три луча, обозначившие путь РМС, молодежного движения в обстановке послевоенного мирного строительства.

Г. Димитров указал способы успешного выполнения этих больших задач. Прежде всего он видел, что для их выполнения нужны усилия и труд не только РМС, но и всей прогрессивной бол-

гарской молодежи. В тесном сплочении сил народной молодежи Г. Димитров видел источник всех успехов нашей работы, борьбы за построение социализма в нашей стране. РМС действительно сильная, дееспособная, наиболее последовательная, прогрессивная молодежная организация, подчеркнул он, *но у него есть много больших, общих задач с другими молодежными организациями, успешное выполнение которых возможно лишь при сотрудничестве с ними на равных началах и на принципе взаимного уважения.* В этих мыслях Димитрова развивалась идея объединения всей болгарской молодежи под единым знаменем, во имя создания новой, независимой, благоденствующей Болгарии. Рассмотрев этот вопрос, он начал говорить о роли нашей интеллигенции в хозяйственном и культурном строительстве страны.

Со знанием дела и конкретно говорил он о формах работы РМС среди молодой интеллигенции: «Работа среди учащихся, студентов и вообще среди интеллигенции должна быть поставлена на более здоровую, более правильную основу, чем до сих пор». Для этого, сказал Г. Димитров, необходима напряженная и последовательная работа. Одним из условий успешного выполнения задач, которые стоят перед ремсистскими кадрами, является их марксистско-ленинская подготовка.

Его слова оказали на нас исключительно большое воздействие. Ни для кого не было секретом, что Г. Димитров не получил школьного или высшего образования, но он обладал огромной эрудицией не только в области идеологии. Он хорошо знал и ряд прикладных наук, а также несколько иностранных языков.

Когда он перешел к вопросу о необходимости овладения ремсистами марксизмом-ленинизмом, он заговорил еще более страстно и увлекательно. Мы условились с товарищами, участвовавшими во встрече, что все будем делать записи, однако, когда кто-то уронил карандаш и на какой-то момент нарушилась стоявшая тишина, я увидел, что никто из нас не пишет. По лицам, устремленным на Г. Димитрова глазам было видно, с каким вниманием все слушают его — вождя народа, учителя всей демократической болгарской молодежи, нашего любимого, незабываемого Г. Димитрова.

По разным поводам в ходе беседы Г. Димитров интересовался, как учатся и работают над собой ремсисты. Разумеется, мы отвечали, что каждый ремсист старается повышать свою личную культуру, изучает труды классиков марксизма-ленинизма, но всякий раз делали оговорку, что время, в которое мы живем, очень динамично и из-за обилия стоящих перед нами задач мы не имеем достаточно возможности учиться и читать. Поэтому не случайно Г. Димитров уделил исключительно большое внимание и место в своей беседе самостоятельной работе над книгой

и личному умению деятелей РМС хорошо организовать свою работу. «Некоторые говорят: много работы, не остается времени для чтения,— отмечал Г. Димитров.— Это верно, но *не совсем.* Нужно так организовать работу, чтобы наши товарищи не гнались за количеством прочитанного, а читали то, что существенно для их вооружения идеологическим оружием, что необходимо в их творческой работе и в их борьбе». Он говорил, что знания необходимо накапливать системно, что сейчас настало время, когда наша молодежь должна готовить себя для жизни, для строительства. Именно поэтому с такой революционной страстью Генеральный секретарь ЦК БКП товарищ Тодор Живков развил димитровские идеи и мысли об овладении марксистско-ленинским учением молодыми строителями социализма — членами Димитровского коммунистического союза молодежи. В речи на IX съезде ДКСМ Т. Живков сказал: «Главная задача комсомола — воспитывать активных и сознательных строителей коммунистического общества, молодых революционеров — борцов за дело коммунизма. А строителем коммунизма, борцом и революционером сейчас нельзя быть, если ты не марксист-ленинец, если не овладеваешь марксистско-ленинским учением, если не руководствуешься им в своей практической работе». Продолжая развивать димитровские идеи, Т. Живков разработал замечательные тезисы о работе комсомола и молодежи.

Сам Г. Димитров был живым образцом всесторонне подготовленной личности, причем ставшей таковой путем самообразования. Его пример служит источником вдохновения для нашей комсомольской молодежи, образцом для творческого подражания, символом прекрасного, во имя которого человек живет, борется и побеждает.

С горячей непримиримостью выступал Г. Димитров против лености в работе. «Лень вообще опасна, но опаснее всего леность мозга: когда человек ленится думать, углублять свою мысль, когда он плавает по поверхности». Так наш учитель характеризовал один из человеческих недостатков. Это было не единственное своевременное, мудрое предупреждение для членов Рабочего молодежного союза, для всей нашей народной молодежи.

В этой беседе он призывал к мобилизации неукротимой энергии молодежи, призывал подчинить ее великой идее безостановочного штурма науки и культуры, призывал быть готовыми к великим делам, на которые звало нас время, звала борьба. Жизнь и практика социалистического строительства родины сегодня целиком подтверждают настоятельную необходимость овладения научными знаниями, законами общественного развития, достижениями научно-технической революции. Поэтому ЦК БКП, Тодор Живков с такой настойчивостью рассматривают вопросы и ставят перед руководящими кадрами и особенно

перед комсомолом и всем молодым поколением задачу овладения этими достижениями.

Эта памятная беседа Г. Димитрова оставила неизгладимые, глубокие воспоминания не только у нас, ее участников, но и у всей нашей молодежи. Эту беседу будут читать и перечитывать из поколения в поколение, потому что в ней высказаны слова, полные житейской мудрости и неисчерпаемого революционного заряда. Чем больше лет отделяет нас от той счастливой встречи с самым достойным сыном нашего народа, тем больше наша молодежь с чувством признательности вспоминает о его заветах, работает и борется за их претворение в жизнь.

Г. Димитров уделял в своих произведениях большое внимание проблемам молодежного революционного движения в Болгарии. Везде — в приветствии I национальному съезду болгарской демократической молодежи, в беседе с членами Софийского областного и городского комитетов РМС, в речах и поздравлениях в связи с Первым мая и Новым годом он неустанно говорил, что объединение усилий молодежи в учебе и труде, в работе по достойному выполнению своего патриотического и интернационального долга, в деятельности по укреплению нерушимой дружбы между советской и болгарской молодежью, по воспитанию светлых чувств нашего народа к героическому народу Советского Союза, в борьбе в защиту мира во всем мире — это настоятельная необходимость, веление времени.

Историей было отведено Г. Димитрову призвать народы всех континентов на борьбу против фашизма, против поджигателей новых войн, борьбу, которая с каждым прожитым годом принимает все более широкие размеры.

Болгарский народ гордится, что он дал миру такую светлую и обаятельную фигуру, такого гиганта революционного дела, каким является Г. Димитров.

Имя Г. Димитрова живет в признательных сердцах болгарской комсомольской молодежи, всего молодого поколения социалистической Болгарии, живет в сердцах всей мировой демократической молодежи.

1969 г.

Иван Стефанов

ОТЗЫВЧИВЫЙ И МУДРЫЙ

Стиль работы Г. Димитрова наглядно показывает его участие в первых торговых переговорах в Москве после 9 сентября 1944 года. Еще не закончилась война, хотя дни

гитлеровского господства были уже сочтены. Москва тонула во мраке, существовала опасность бомбардировок, и машины, которые направлялись к даче Г. Димитрова, тоже были затемнены. Проехать туда можно было только со специальным пропуском.

Г. Димитров никогда не вмешивался в текущую работу болгарской торговой делегации, но знал все о ходе переговоров, оказывая незаменимую помощь в работе над особенно сложными пунктами готовившегося первого торгового соглашения. Вместе с тем он уделял много внимания обсуждению главных вопросов социальной и экономической политики народно-демократического государства, социалистическому переустройству народного хозяйства. Он не разделял точку зрения некоторых руководящих товарищей из числа болгарских эмигрантов в Москве по вопросам организации народного хозяйства. Уже при первых встречах он поставил вопрос об организации внешней торговли страны на базе государственной монополии. Крайние точки зрения некоторых наших эмигрантов сводились к тому, чтобы создать гигантские внешнеторговые организации, которые стали бы полными монополистами в данной области. Даже подбрасывалась идея создать две организации: одну по импорту и другую по экспорту.

Георгий Димитров внимательно выслушивал все мнения и аргументы и только тогда, когда имел уже достаточно оснований, высказывал свою позицию. Он присоединился к точке зрения, выраженной главным образом прибывшими из страны коммунистами, что у нас еще не было условий для создания гигантских внешнеторговых организаций и что они только бы тормозили развитие экономики и ее социалистическое переустройство. Г. Димитров настоятельно высказывался за использование советского опыта с учетом специфики болгарских условий и народно-демократического характера государства.

Создание экономической основы социалистического общества рассматривалось Г. Димитровым как сложный процесс. Его необходимо было решать в комплексе, с учетом условий и возможностей страны. Для этого требовались усилия большого числа специалистов всех областей хозяйственной и общественной жизни. И Г. Димитров настаивал на использовании всех специалистов, в первую очередь коммунистов, и абсолютно всех буржуазных специалистов, которые не вели активной борьбы против народной власти. Он руководствовался изречением: «Кто не против нас, тот с нами». Г. Димитров всячески стремился создавать, насколько это было возможным, хорошие условия для работы специалистов, как партийных, так и беспартийных. Еще в Москве он подчеркивал, что стране нужны люди, которые бы максимально быстро вникли в проблемы, каждый в своей обла-

сти, и стали бы руководителями, хорошо разбирающимися в работе своего ведомства или предприятия.

Г. Димитров показывал пример правильного отношения к людям, с которыми работал. Он никогда не навязывал своего мнения, а прежде всего стремился понять мысль и предложения людей, которые его окружали в партийном и государственном руководстве. Если он имел противоположную точку зрения, то старался аргументированно убедить своих оппонентов в их неправоте, не обижая их и не пытаясь ни в коей мере оказывать на них давление своим авторитетом. Если в конечном счете он убеждался в правоте своих оппонентов, то не пытался замазать истину и публично признавал, что ошибался в данном вопросе.

В мою память врезался такой эпизод. Когда шла работа над проектом закона о налоге на общий доход, к соответствующему министру явилась многочисленная делегация творческих союзов. Но министр не согласился с их требованием освободить от этого налога творческую интеллигенцию, и они пошли к Председателю Совета Министров Г. Димитрову.

Законопроект уже должен был рассматриваться в Совете Министров, когда Г. Димитров в самом начале заседания сказал, что у него была эта делегация и он склоняется к их точке зрения об освобождении людей литературы и искусства от налога на общий доход. Один из министров — некоммунист поторопился заявить, что раз Председатель Совета Министров поддерживает эту точку зрения, то ее надо принять. Но Г. Димитров сразу же категорично отклонил это мнение и предложил, чтобы соответствующий министр разъяснил Совету существо вопроса. После выступления еще двух других министров против предложения представителей творческих союзов Г. Димитров заявил во всеуслышание: «Очевидно, я был не прав, пообещав поддержать их пожелание». И вопрос был решен. Дело не пострадало, и огромный авторитет Председателя Совета Министров не был ущемлен. Такое повторилось еще один раз, и отношение Г. Димитрова к оппоненту не изменилось. А если как-то и изменилось, то лишь в сторону еще большего уважения.

Производило впечатление чрезвычайно внимательное отношение Г. Димитрова к людям науки и культуры. Пока он был жив, от работы в Болгарской академии наук и Софийском университете отстранялись только лютые расисты, приверженцы проведения гитлеровской политики в нашей стране. Талантливые ученые, писатели и художники, если они даже были личными приятелями монарха, не преследовались. Г. Димитров лично убеждал их в огромной миссии, которую возлагает на них народная власть в строительстве новой науки и культуры. Новыми членами Болгарской академии наук он порекомендовал избрать лишь нескольких коммунистов, уже имевших имя в науке.

Широко известно, с каким вниманием и симпатией Г. Димитров относился к большим артистам драматических театров и оперы, особенно к тем из них, кто посвятил свой талант служению трудовому народу еще после первой мировой войны. С подчеркнутым вниманием была принята знаменитая актриса Адриана Будевская после ее возвращения из Южной Америки, куда она вынуждена была эмигрировать из-за непризнания ее монархофашистским правительством.

Глубокий и неизгладимый след оставил Г. Димитров не только в истории болгарского и международного коммунистического движения, но и в умах и сердцах миллионов людей всех континентов земли.

1967 г.

Пеко Таков

БОЛЬШОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ

Двадцать лет прошло с тех пор — как незаметно пролетело это время, отмеченное стремлением нашего народа превратить годы в эпоху! Наши идеи становятся делами. Наши мечты находят свое воплощение в заводах, электростанциях, кооперативных массивах, машинах, новых домах, в магазинах, полных товаров, в культурном подъеме. С каждым истекшим годом, с каждой новой пятилеткой жизнь наша становится все легче, все лучше, а шаг наш — шире, увереннее, мужественней.

Теперь это так, но вначале... Когда память возвращает нас к тем дням, наши сердца преисполняются благодарностью за то, что во главе партии стоял великий сын болгарского народа Георгий Димитров. Он влил в нас свою мудрость и опыт, свою безграничную любовь к народу. Укрепил наши мышцы, нашу волю, вывел нас на широкий путь социализма. Он учил нас не только своим отношением к крупным событиям и проблемам, но и своей обыденной жизнью, воспитывал нас на всем, чего не могла бы нам дать ни одна книга.

* * *

Потянулись один за другим три засушливых года. Едва на пядь от земли вырастали посевы, в тощих колосьях было всего по нескольку зерен. Хлеб не жали — его рвали руками. К разрухе и нищете, доставшимся нам от войны, прибавился недород. Тяжелое, тревожное время! Рабочий требовал хлеба, а его и крестья-

нину не хватало. Кусок надо было поделить. Не то, как иссохшая земля, могла бы дать трещину и их дружба, являвшаяся основой народной власти. Во что бы то ни стало нужно было найти выход из положения.

Георгий Димитров созвал нас у себя. В то время я работал первым секретарем Общего земледельческого профессионального союза (ОЗПС). Он хотел посоветоваться с нами, как быть, как удовлетворить самые безотлагательные потребности страны: прокормить население и обеспечить государству минимальные запасы хлеба.

— Оставить по шестьсот граммов в день на душу сельского населения. Остальное отбирать еще на току,— предложил кто-то.

Лицо Георгия Димитрова омрачилось. Морщины, сгустясь, глубокими бороздами прорезали высокий мудрый лоб. Он остановил на нас свой проницательный взгляд. Его глаза словно спрашивали: «Неужели нет другого выхода?»

— Крестьяне будут резко реагировать,— выразил всеобщую озабоченность кто-то у меня за спиной.

— На их месте и мы с вами вели бы себя точно так же,— медленно и отчетливо сказал Георгий Димитров.

Наступило молчание. В этот миг все мы почувствовали, что годы изгнания, проведенные вдали от родины, одержанная в Лейпциге великая морально-политическая победа над ненавистным фашизмом, бесчисленные исполинские битвы за торжество рабочего класса, за новое, социалистическое общество, за мирное и счастливое будущее человечества еще больше усилили его пламенную любовь к своему народу, помогли ему глубже вникнуть в его чаяния и нужды. На протяжении всех этих лет Димитров, великий интернационалист, оставался достойным сыном своего маленького, истерзанного, бедного, но свободолюбивого народа, его великим сыном, вместившим в своем сердце страдания и надежды всех народов земли.

Иного выхода не было. Так и решили. Но Георгий Димитров не преминул заметить, что одного решения мало. Новая власть не стоит над народом, это власть народа. Нельзя только распоряжаться, изымать хлеб. Надо, чтобы сельские труженики сами поняли, что в данный момент иначе поступить невозможно. Георгий Димитров потребовал от всех руководителей, от всех коммунистов, членов Земледельческого союза и Отечественного фронта, чтобы они разъясняли это крестьянам на поле, на гумне, во дворе и на дому, чтобы они заставили их почувствовать всем сердцем, что долг каждого — помочь преодолеть затруднения. Необходимо разъяснять, что это не постоянная политика партии по отношению к трудящимся крестьянам, а лишь временная мера, вызванная серьезностью случившегося положения.

В нашей работе на селе Георгий Димитров рекомендовал ис-

пользовать и тот факт, что Советский Союз, который только что вышел из страшной, опустошительной войны и еще не успел разрешить свои собственные насущные проблемы, будучи верным своему интернациональному долгу и великим гуманным идеалам, как родной брат, поспешил прийти на помощь и прислал десятки тысяч тонн пшеницы.

— Если мы сумеем довести до сердца крестьян нашу великую правду, заботу партии об их светлом будущем, они непременно откликнутся на наш призыв, на веру ответят верой. И придет время, когда болгарский крестьянин с улыбкой будет вспоминать свои сегодняшние невзгоды.

Как безошибочно умел заглянуть в будущее Димитров — человек исключительных духовных качеств, большого сердца, высокогуманных идеалов! Как он сказал, так и вышло...

* * *

В то время были и люди, которые старались использовать с корыстной целью все наши трудности, спекулировали на нехватке хлеба и многих других товаров. Подстрекаемые своими заокеанскими друзьями, они во всем винили партию, распространяли клевету по ее адресу, всеми силами пытались внести раскол в ряды Отечественного фронта. Выдавая себя за защитников народа и проливая крокодиловы слезы, они в то же самое время собирали вокруг себя все темные антинародные силы и готовились нанести удар по единству и сплоченности народа.

Незабываемыми останутся сила, размах и партийная страстность, с которыми Димитров вел битву в защиту Отечественного фронта, единства прогрессивных сил в нашей стране. Он предупреждал, призывал, изобличал коварные замыслы врагов народной власти. В то же время он, не колеблясь, подавал руку каждому честному, но сбитому с толку врагами человеку.

Помню, на одном из заседаний Народного собрания в конце 1946 года выступал Георгий Йорданов — член оппозиционного крыла Земледельческого союза, который обычно приходил на заседания в крестьянской одежде. Он яростно нападал на Отечественный фронт.

Внезапно Георгий Димитров вскочил со своего места и протянул ему руку:

— Вот тебе моя рука, союзник! Нас объединили общие страдания, урок, который мы получили; нас привели сюда наши общие усилия. Но куда вы идете? Зачем доставляете радость нашим общим врагам?

В зале воцарилась тишина. Даже оппозиция приумолкла от неожиданности. Все наши товарищи поднялись со своих мест. Миг напряженного ожидания — и... Георгий Йорданов, опустив голову, медленно сошел с трибуны. Он не решился принять этот

откровенный, дружеский вызов, потерпел моральное поражение. Впрочем, иного выхода у него не было — он должен был либо взять поданную ему руку, либо замолчать. Победил Димитров, победили его правда, его непоколебимая твердость и постоянство в отстаивании партийных позиций, наших великих коммунистических идей.

Вдруг зал огласился аплодисментами и восторженными возгласами: «Да здравствует Георгий Димитров!»

* * *

Летом 1946 года на пленуме ЦК партии обсуждался вопрос об улучшении нашей работы с союзниками, в частности с Болгарским земледельческим народным союзом (БЗНС).

Тогда в профессиональном союзе земледельцев (ОЗПС) имелись широкие возможности для совместной работы и дружеских контактов с БЗНС. Многие проблемы успешно решались общими усилиями коммунистов и членов БЗНС.

Наше село только делало первые шаги к кооперированию, и в большинстве своем крестьяне все еще оставались единоличниками. Поэтому Георгий Димитров поставил перед профессиональным союзом земледельцев задачу всеми силами добиваться кооперирования земли. В лице ОЗПС наша партия располагала мощным средством воздействия на единоличников, привлечения их к социализму.

Осуществление этой задачи требовало больших усилий, упорной борьбы с оппозиционными элементами, которые проникли в ряд околийских и местных органов ОЗПС. Оппозиционеры вели разлагающую работу, клеветали на партию, отравляли атмосферу на селе, в ложном свете представляли трудности, с которыми сталкивалась народная власть. Нужно было оградить временно сбившихся с пути, введенных в заблуждение, но честных крестьян от влияния наемников империалистов и болгарской буржуазии, протянуть им братскую руку, вывести на спасительный берег.

Наша партия, по мнению Георгия Димитрова, могла вести успешную борьбу за кооперирование деревни и за разоблачение грязных замыслов оппозиции лишь в тесном контакте с БЗНС. А профессиональный союз земледельцев был именно той организацией, в которой самым лучшим образом можно было согласовать действия членов БЗНС и коммунистов в общей борьбе с оппозицией.

Однако на пленуме некоторые товарищи выразили мнение, что ОЗПС превратился в оппозиционную организацию и что следовало бы подумать о его роспуске.

Они были не правы. Я попросил слово и с трибуны пленума постарался объяснить, что успех нашей работы в ОЗПС зависит исключительно от умения коммунистов привлечь в ряды ОЗПС

честных членов Отечественного фронта и БЗНС, организовать их на совместную борьбу с оппозицией, за кооперирование села. Я выразил свое убеждение, что крестьяне будут с нами лишь в том случае, если мы сумеем убедить их в справедливости нашего дела, в правильности нашей уверенности в том, что только путь Октябрьской революции, путь русских крестьян, хотя и трудный, может вывести болгарское село к светлому будущему. Эти мысли разделили и другие товарищи, выступившие на пленуме.

В своей заключительной речи Георгий Димитров, наряду с другими проблемами, коснулся и этого вопроса. Он сказал:

— Обеими руками голосую за то, что было сказано тут о полезности работы профессионального союза земледельцев. Только таким путем должна идти эта организация.

И действительно, своей многосторонней деятельностью ОЗПС впоследствии полностью оправдал доверие Георгия Димитрова.

* * *

Наша экономика постепенно набиралась сил. Выполнение двухлетнего плана восстановления народного хозяйства позволило приблизиться к довоенному уровню производства. А в тех условиях, когда в стране все еще царили отсталость и разруха, это было немало. В 1944 году сельское хозяйство давало всего лишь 66 процентов продукции, полученной в 1939 году, промышленность — 70 процентов. Но раны, нанесенные войной, постепенно заживали. Болгария стала народной республикой, получила мирный договор, новую Конституцию, были национализированы промышленные предприятия... Страна шла по пути социализма.

В Болгарии уже было кооперировано около 250 тысяч гектаров пахотной земли. На селе создавались первые трудовые кооперативные земледельческие хозяйства. Болгарский крестьянин выходил на путь социализма, выходил, правда, со стареньким плугом и допотопной сохой, со своим волом, но с твердой верой в правду партии, в богатый опыт советских колхозников, в великие идеи марксизма-ленинизма. В таких условиях нужно было приложить огромные усилия, пролить много пота, требовалось немало энтузиазма и разума. А на ряд вопросов ответа тогда не было. Надо было уточнить, как организовать кооперативы, как руководить ими, как учитывать взаимоотношения между кооперативами и единоличниками, как развивать далее коллективизацию, как решить вопрос о пенсионном обеспечении крестьян.

Первый закон о трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах от 1945 года следовало изменить и дополнить, чтобы дать широкий простор кооперированию сельского хозяйства.

На заседании, которое по инициативе Георгия Димитрова было созвано в конце 1947 года для обсуждения этих важных вопросов, присутствовал и я. Среди нас уже не было прежней

подавленности и невысказанной тревоги: «А не посягаем ли мы на наши собственные идеи об отношении к трудящемуся крестьянству?» Нет, мы собрались для того, чтобы на деле утвердить эти идеи! Взгляды всех присутствующих были ясные, в них читалась уверенность в успехе великого дела. Сам Димитров смотрел на нас с теплой товарищеской улыбкой.

А на улице бушевала вьюга, подхваченные ветром колючие снежинки стучали в окно. И мне казалось, что они хотят передать нам свой привет. Ведь снег — друг крестьянина! Под своей пушистой шубой он пригревает хлеб крестьянина, его надежду!

Георгий Димитров поднялся. Окинул спокойным взглядом зал и начал медленно и уверенно:

— Товарищи, мы обсуждаем большое дело...— услышал я его первые слова, и мною овладело чувство гордости и ликования.

— Крестьянин, наш болгарский крестьянин, который от зари до зари трудится на своем клочке земли, сросся с ним, пустил в него корни, как молодые деревца, посаженные его рукой. В этом клочке его хлеб, его надежда, его жизнь.

Как верно, четко и сильно обрисовал Димитров привязанность болгарина к земле, с какой любовью и теплотой говорил он о нашем крестьянине и его чудесном будущем!

— Большая любовь болгарского крестьянина к собственному клочку земли усиливает его и без того вошедшее в пословицу трудолюбие. И это хорошо, потому что мастером своего дела может быть лишь тот, кто любит профессию. Перед нами стоит сложная задача — перенести эту привязанность и любовь к небольшой собственной ниве, окруженной заросшей сорняками межой и вспахиваемой допотопной сохой, на обширный кооперативный массив, обрабатываемый современными машинами. Задача эта трудная, может быть, самая трудная из наших задач. Но крестьянин поймет нас, поверит, что только таким путем может сбыться заветная мечта многих поколений о хлебе и человеческой жизни. Наш крестьянин, который так любит землю, не может не полюбить большую кооперативную ниву. Ведь завтра она ему даст больше, чем дает ему сегодня его собственный клочок земли.

Какой глубокий и проникновенный взгляд в будущее!

Все, что он предсказал более 20 лет тому назад, сбылось. Сегодня по всей нашей земле раскинулись кооперативные массивы, десятки тысяч тракторов, комбайнов и многих других машин оглашают родные просторы песней своих моторов. Нам уже не страшна засуха. Жизнь крестьянина стала легче, зажиточнее. Сбылись слова Димитрова, сказанные им 20 лет тому назад на Празднике земли: «Сейчас товаров нет, но товары будут, будет много товаров. И деньги будут в каждой семье. Так

что готовьтесь к покупкам, дорогие болгарские рабочие и крестьяне!»

Крестьянин избавился от неуверенности в завтрашнем дне. Он спокоен за свое будущее — ведь рядом кооператив.

* * *

Однажды мне сообщили, что Георгий Димитров вызывает меня к себе.

Хотя я уже не раз встречался с ним, меня охватило то приятное волнение, какое я испытывал некогда, когда мне доводилось услышать его имя, соприкоснуться с его мыслью, прилетевшей ко мне за решетку тюрьмы или в дебри Балкан. Это было так, потому что Лейпциг навсегда остался в моей памяти.

И вот я с нетерпением ждал назначенного часа.

Неожиданно в мое сердце закралась тревога: «А зачем он меня вызывает? Может, допустил промах в работе? Ведь проблемы нашего села столь сложны и запутанны, да и враг не дремлет...»

Я подытожил в уме работу профессионального союза земледельцев. Конечно, не все было так, как надо, но и серьезных недостатков как будто не было.

В таком случае?!

Так и не дав себе ответа, я отправился к Димитрову.

Он встретил меня дружелюбно. Увидев его вежливую и приветливую улыбку, я успокоился, на душе отлегло. Ко мне вернулось прежнее радостное волнение. Даже если я и допустил ошибки, он спокойно, по-отечески все мне объяснит. А такое отношение не забывается.

— Я вызвал тебя, чтобы сообщить, что по решению Политбюро ты должен оповестить по радио новую программу Отечественного фронта.

Неожиданное предложение застало меня врасплох, вызвало в душе приятное волнение.

Георгий Димитров прочел в моих глазах недоумение:

— Да, именно ты должен зачитать программу. Конечно, на радио есть дикторы, но это документ особого рода. С программой Отечественного фронта людей должен познакомить человек, опытный в политической и революционной борьбе народа и в то же время умеющий говорить.

Я понял. Поблагодарил. Для меня это действительно было честью, но...

— Но, товарищ Димитров, мне никогда не приходилось зачитывать такой важный документ, да еще по радио!

— Не беспокойся! Я слышал тебя в Народном собрании. Ты можешь и должен прочесть ее внушительно, с большой внутрен-

ней убежденностью, тепло и искренне. Я уверен, что это тебе удастся.

Тогда я понял, какие силы пробуждает в людях доверие к ним, высказанная перед ними уверенность в том, что они могут справиться с возложенной на них задачей. И я никогда не забывал этого в своей работе с людьми.

* * *

В качестве секретаря парламентской группы партии, председателем которой был Георгий Димитров, я имел возможность получить непосредственные впечатления о его напряженной и интенсивной ежедневной работе, в особенности о его подходе и отношении к людям.

Для Георгия Димитрова уважение к человеку было не какой-то этической нормой, которую соблюдают в силу того, что она обязательна. Нет, он просто любил людей. Внимание, теплота и забота, которыми он окружал их, шли прямо из его сердца. Именно это составляло одно из его больших достоинств. Каждый, кто встречался с Димитровым, делился с ним своими мыслями и горестями, искал у него ответа на вопросы и сомнения, расставаясь с ним, уносил с собой не только частицу богатства его мысли, но и чувство, что только что расстался с близким товарищем и другом, с настоящим коммунистом. Не меньше поражала в Георгии Димитрове и теплота его большого сердца, глубина благородной мысли.

Таков Георгий Димитров был не только в личных контактах с людьми, но и тогда, когда имел дело с жалобами и письмами, которые он получал. Он лично прочитывал каждую адресованную ему жалобу. Не раз напоминал, что чуткое отношение к жалобам является одной из наших важнейших обязанностей.

— За бумагой скрывается человеческое страдание, чья-то судьба. Нужно вникнуть в нее, понять людей и постараться помочь им, а не отталкивать их,— не раз слышал я от Димитрова.

— Как огня надо бояться формального отношения к жалобам трудящихся. Это наш не только человеческий, но и политический, государственный долг. В жалобах, помимо сугубо личного элемента, проявляется и сознание людей — людей трудовых, сознание того, что власть принадлежит им, народу. А это чувство, которое только начинает зарождаться, следует укреплять и развивать!

И как строго придерживался Георгий Димитров этого принципа во всех своих делах, какое неотразимое влияние оказывал его пример гуманного, коммунистического отношения к человеку в каждом конкретном случае! Такая димитровская любовь, такое димитровское уважение к людям навсегда стали для меня руководящим началом в работе с людьми, с их жалобами.

* * *

Никогда не забуду я одной встречи...

От имени парламентской группы нашей партии мне предстояло выступить в Народном собрании с речью о бюджете на 1947 год.

Крепко поработав над своей речью, я отправился к Георгию Димитрову, чтобы посоветоваться с ним насчет некоторых установок.

Как всегда, Георгий Димитров принял меня очень сердечно. Я изложил ему основные положения своей речи. Он выслушал меня, дал несколько советов, а затем подсел ко мне.

— Тебе что, впервые выступать в Народном собрании? — почувствовав мое волнение и тревогу, спросил меня Георгий Димитров.

— Нет,— ответил я.— Но на этот раз я должен выступить в защиту бюджета. Во что бы то ни стало я должен четко и ясно подчеркнуть, что он в корне отличается от бюджетов при старом режиме.

— Правильно,— подтвердил Георгий Димитров, и в его глазах забегали веселые огоньки. Должно быть, я говорил не без энтузиазма.

— Знаешь,— оглядывая меня, сказал Георгий Димитров,— тебе следовало бы приодеться.

Я смутился. Кто в те годы обращал внимание на одежду? Мы считали ее чем-то несущественным, незначительным. Был даже такой период, когда забота о внешности считалась чуть ли не буржуазным предрассудком. А Димитров вдруг напоминает мне, чтобы я приоделся!

— Если у тебя нет подходящего костюма, займи у друзей. Побрейся, подстригись, приведи себя в порядок...

Чрезвычайно сильное впечатление произвело на меня умение Георгия Димитрова за мелкими, незначительными на первый взгляд вещами увидеть большое, важное.

* * *

Время идет своим чередом. Но имя великого болгарина не предается забвению, ореол его бессмертия сияет все ярче и ярче. Идущие нам на смену поколения все с большей гордостью, все тверже следуют его заветам. С его именем борются и побеждают.

1969 г.

Стоян Сюлемезов

ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ТКЗХ И МАТЕРИАЛЬНЫЙ СТИМУЛ

Кооперативная обработка земли в нашей стране зародилась еще до 9 сентября 1944 года в жестокой борьбе с капитализмом и фашизмом. Благодаря правильной, димитровской линии партии в отношении кооперативного движения многие коммунисты и прогрессивные деятели начали работать над созданием самостоятельных коопераций или отделений многоотраслевых коопераций, в том числе по кооперативной обработке земли. В результате этой работы идеи кооперативного движения пустили глубокие корни в сознании болгарского народа. К победе социалистической революции 9 сентября 1944 года в стране уже имелось 29 коллективных крестьянских хозяйств. После нее они превратились в первые коллективные хозяйства на селе, организованные на новых основах, в соответствии с политическими условиями страны.

Непосредственно после 9 сентября 1944 года наряду с другими мероприятиями БКП и народной власти в создавшихся благоприятных условиях началось проведение кооперирования земли. Применяя в наших условиях ленинский кооперативный план, партия развернула огромную политико-разъяснительную работу. Многие крестьяне с большим энтузиазмом добровольно приступили к созданию ТКЗХ. Первыми вошли в кооперативы наиболее прогрессивные, наиболее сознательные крестьяне.

Георгий Димитров проявлял особое внимание и заботу в вопросах создания, укрепления и правильного развития ТКЗХ. В ряде встреч он высказывал мне ценные напутствия, которые дали возможность мне и другим товарищам, работавшим в сельскохозяйственном секторе, правильно сориентироваться в своей деятельности, увидеть свои ошибки и недостатки, устранять их и создавать более благоприятные условия для дальнейшего развития и укрепления ТКЗХ.

Димитров учил нас создавать кооперативы не силой административных мер, а путем использования экономических законов, материального стимула, в соответствии с социалистическими принципами. В своих мудрых и неоценимых напутствиях на Национальной конференции ТКЗХ, состоявшейся 4 февраля 1947 года, он говорил, что одним из самых важных условий создания и укрепления ТКЗХ является строжайшее и последовательное соблюдение принципа добровольности вступления в кооперативное хозяйство. Нельзя допускать ни малейшего принуждения в этой

области, так как от подобного хозяйства не будет пользы. Вступившие в кооператив под нажимом будут по меньшей мере балластом, кандалами на ногах кооперативного хозяйства, а во многих случаях и саботажниками, изнутри подрывающими это полезное для народа дело.

Г. Димитров указывал, что необходим честный, преданный, упорный труд каждого члена кооперативного хозяйства. Необходимо хозяйское, бережное отношение ко всему, чем владеет кооперативное хозяйство. Наряду с этим необходимо помнить, что нельзя идти вперед в хозяйственной деятельности без критического отношения к себе и другим, к своим недостаткам и слабостям. Наиболее могущественным фактором любого прогресса, любого движения вперед является позитивная критика и самокритика, которая помогает совершенствованию работы кооперативного хозяйства на каждом его участке.

Одной из больших и важных проблем наших кооперативных хозяйств, отмечал далее Г. Димитров, являются взаимоотношения кооператоров с крестьянами, не вступившими в кооператив. Между ТКЗХ и крестьянами-некооператорами не должно быть никакой вражды.

Г. Димитров учил нас строго соблюдать демократический принцип управления кооперативами, естественно, на основе демократического централизма. В ТКЗХ крестьяне приходят со всем своим имуществом, связывая с ним судьбу всей своей семьи. Вот почему необходимо, чтобы управление ТКЗХ было действительно демократическим, чтобы кооператорам предоставлялась возможность участвовать в нем в качестве решающего фактора. Сохранение этого принципа чрезвычайно облегчает и само руководство ТКЗХ. На общих собраниях кооператоры рассматривают поставленные актуальные вопросы, необходимым большинством принимая решения, после чего руководство проводит эти решения в жизнь, а кооператоры уже должны их исполнять. Таким образом они непосредственно привлекаются к решению вопросов жизни хозяйства, становятся заинтересованными в его успешной работе. Возлагаемые на них задачи и их исполнение они не чувствуют как навязанные чужой волей или как ограничение их свободы, а воспринимают убежденно, как собственную инициативу. А когда какое-либо дело воспринимается народом добровольно, как его собственное, то и успех его будет полностью обеспечен.

При разработке законопроекта об аграрной реформе Г. Димитров обратил особое внимание на вопрос о максимальном размере надела земли, который может иметь один хозяин. Тогда у некоторых товарищей имелось «революционное» настроение, в соответствии с которым они предлагали максимальный размер земли ограничить 50 декарами. Димитров обратил наше внима-

ние на эту серьезную проблему. Он сказал приблизительно так: «Если мы примем подобное предложение, то даете ли вы себе отчет в том, что многие крестьяне с 50 декарами, а тем более и с еще меньшими участками будут производить сельхозпродуктов столько, что их едва хватит для пропитания собственных семей и скота. А что останется для не производящего или мало производящего их населения? Кроме того, многие бедные крестьяне, которые получат землю, не имеют скота и сельскохозяйственного инвентаря. Если они согласятся добровольно войти в ТКЗХ, им надо выдать кредит для их покупки. А для этого необходимы большие средства, много материалов, которыми мы сейчас не располагаем в достаточном количестве. Нет необходимости и не будет пользы ни для государства, ни для самих крестьян израсходовать столько средств, материалов и т. п. на непроизводительное или малопроизводительное хозяйство».

В принятом законе, как известно, максимальный размер надела земли, который мог содержать один крестьянин, был определен в 20 гектаров, а для района Добруджи — 30 гектаров.

Приведу некоторые примеры, которые ясно показывают отношения Г. Димитрова к вопросам демократии в ТКЗХ и материального стимулирования. Непосредственно после 9 сентября 1944 года я заведовал сектором ТКЗХ и МТС при ЦК БКП, а несколько позднее и сектором земледелия. По предложению Г. Димитрова было решено тогда создать «контактную комиссию» из коммунистов и членов БЗНС при министерстве земледелия, которая разрешала бы возникавшие порой споры в процессе кооперирования земли. Представителем ЦК БКП был определен я.

Однажды ко мне пришел председатель ТКЗХ из села Криво-Поле Хасковского округа. Он попросил меня пойти вместе с ним к министру земледелия для того, чтобы выяснить вопрос о распашке площадей хозяйства, которые были засеяны подсолнечником крестьянами, не состоявшими в кооперативе. Министр тогда решил их наказать.

После долгих споров и объяснений с министром мы в конце концов достигли взаимопонимания, но все-таки он сообщил по телефону об этом случае Г. Димитрову, который вызвал меня для объяснения. Выслушав меня внимательно, Димитров обстоятельно, с глубоким знанием вопроса дал мне совет, как поступать в подобных случаях, при наличии каких условий приступать к созданию ТКЗХ, как относиться к крестьянам-некооператорам, как лучше заменять им землю и др. Анализируя этот случай, Димитров сказал: «По всему видно, что необходимо твердо и последовательно осуществлять контроль со стороны партийных органов, регулярно, с должной компетентностью давать указания как партийным организациям, так и руководству ТКЗХ о

правильном проведении линии партии, воспитывать их в этом духе. Партия ничего не выиграет, если не сделает все возможное для того, чтобы кооперативные хозяйства создавались и росли численно на принципе добровольности, особенно на примере успехов уже существующих. Партия ничего не выиграет, если не будет проявлять заботы о соблюдении интересов крестьян-единоличников — завтрашних кооператоров при замене их земель, если им будут создаваться помехи в деле увеличения производства. На положительных примерах, видя успехи кооперативных хозяйств, они будут убеждаться в их преимуществах, и кто раньше, кто позже — неминуемо станут членами кооперативов. ТКЗХ следует ежегодно оказывать всестороннюю помощь — политическую, организационную, экономическую, моральную и пр. Они должны быстрее укрепляться, создавать хорошую материально-техническую базу, проводить все агро- и зоотехнические мероприятия. Материальный стимул, систематическое улучшение организации и оплаты труда кооператоров и другие мероприятия помогут быстрее увеличить урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животных. Таким путем мы добьемся ежегодного повышения доходов ТКЗХ и кооператоров, роста общественных фондов, богатства нашего государства. Следует систематически и последовательно изучать положительный опыт передовых хозяйств, анализировать и обобщать ценное в нем, быстро доводить его до всех ТКЗХ, самих кооператоров. Нужно оказывать им систематическую помощь со стороны соответствующих партийных и государственных органов путем убеждения, более быстрого внедрения в практику положительных результатов. Только таким путем возможно быстрее убедить крестьян-единоличников стать членами кооперативов, а не путем их притеснения, что расстраивает их хозяйство. Только таким путем возможно будет укрепить желание самих кооператоров активнее работать в ТКЗХ, и тогда ни один из них не откажется от кооператива, не бросит хозяйство. В противном случае кооперирование будет замедляться, будут замедляться развитие и укрепление ТКЗХ. Нужно находить лучших специалистов сельского хозяйства, хороших организаторов — членов Отечественного фронта, глубоко знающих кооперативное дело, и назначать их на работу в министерство земледелия, в его подразделения на местах, в ТКЗХ. Следует, не жалея сил, оказывать им систематическую помощь в повышении своей квалификации».

Для обеспечения правильного проведения линии партии при создании единых кооперативных блоков земли и замене в этих случаях земли крестьянам-единоличникам, по предложению Г. Димитрова, были созданы комиссии из депутатов Народного собрания — коммунистов, членов БЗНС и др. с участием также специалистов сельского хозяйства. Были созданы комиссии и

для каждой околии, которые проводили проверки на местах. Там, где имели место недостатки, непорядок и ошибки, они сразу устранялись этими комиссиями. Комиссии проделали огромную работу, добросовестно выполнив задачи, поставленные перед ними. Результаты их работы были обобщены и рассмотрены на национальном совещании, созванном ЦК БКП и министерством земледелия.

На одном из заседаний Политбюро ЦК БКП рассматривался вопрос о повышении материальных стимулов в молочном производстве с целью быстрейшего увеличения производства молока. Предлагалось ввести на молоко две цены. Одну, более низкую, за молоко, которое производители продавали государству в качестве обязательной поставки, а другую, более высокую, за молоко, которое будет продано государству сверх обязательных поставок. Предлагалось, кроме того, работникам молочного животноводства выдавать из сыроварен за сданное молоко определенное количество брынзы и сыра. Некоторые товарищи считали, что предлагаемая закупочная цена слишком высокая. А что же касалось выдачи брынзы и сыра, то они полагали, что работники молочного животноводства не будут их сами потреблять, а станут продавать на «черном рынке».

Г. Димитров резко прореагировал на эту точку зрения. «Как думаете вы,— говорил он,— создавать условия для увеличения производства молока: административным путем или путем использования экономических законов, то есть с помощью материального стимулирования? Тот, кто считает, что административными методами можно обязать людей работать и увеличивать производство, занимаются непростительным самообманом, так можно сломать себе голову. Быстрейшего увеличения производства молока можно добиться лишь путем внедрения материального стимула. Разумеется, для этого необходимо взвесить возможности государства, ибо и здесь нельзя допускать перерасходов. Однако нам должно быть ясно, что, если производители не заинтересованы, не убеждены, что с помощью существующей закупочной цены они могут покрыть свои расходы и получить какой-то доход для воспроизводства, у них не будет желания работать, а государство только проиграет.

Что же касается вопроса о «черном рынке», таковой всегда существует, когда на рынке, в государственных и кооперативных магазинах нет в достаточном количестве необходимых товаров, то есть когда производство ниже спроса. Как представляют себе товарищи, будут ли стараться работники молочного животноводства, если им не давать брынзу и сыр, а их семьи не будут потреблять продукты своего собственного производства? При таком положении они будут оставлять себе часть молока и делать брынзу на дому. Или, в условиях нехватки в магазинах, они бу-

дут покупать на «черном рынке», особенно сыр, так как сами они не могут его сделать. Нам следует поощрять производителей, помогать им, а не ставить их в трудное положение. Действительно, на первых порах не исключена опасность, что, когда в магазинах нет достаточного количества молочных продуктов, некоторые недобросовестные производители будут такие продукты продавать на «черном рынке». Но это будет временным явлением. Поощрение, которое они будут получать за свой труд, поможет им увеличить производство. Только так мы сможем не только победить «черный рынок», но и создать условия для продажи производителям молочных продуктов по более низким ценам в сравнении с ценами в государственных и кооперативных магазинах».

В таком духе выступили и некоторые другие товарищи. Предложение было принято почти без изменения.

После проведения этих мероприятий производство молока стало быстро увеличиваться.

Так пристально Г. Димитров следил за кооперированием сельского хозяйства и руководил им. Своими ценными советами он помогал ему в достижении значительных успехов, а ТКЗХ — стать основной формой развития болгарского села по пути социализма.

1968 г.

Петко Кунин

МУДРЫЙ И ПРОЗОРЛИВЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Непосредственно после 9 сентября 1944 года ЦК БКП взял курс на создание трудовых кооперативных земледельческих хозяйств. По одному из основных вопросов — способу организации этих кооперативных хозяйств между нами и некоторыми руководителями Земледельческого союза шли споры. Бесспорным был лишь вопрос, что социалистическая кооперативная перестройка нашего сельского хозяйства будет проводиться с сохранением частной собственности на землю, без ее национализации. Спорили о том, нужно ли собственникам земли — членам ТКЗХ платить определенную небольшую плату за каждый сданный декар или платить им ренту — определенный процент от дохода хозяйства. Сельскохозяйственный отдел ЦК БКП был за оплату, пропорциональную размеру площади, сданной в кооператив земли. Руководители Земледельческого союза предлагали платить ренту за землю в размере 40—45 процентов от общего дохода и не уступали.

Об этом споре мы проинформировали Г. Димитрова, который еще находился в Москве. Он считал, что в принципе позиция Центрального Комитета является правильной, но ради сохранения и укрепления единства с Земледельческим союзом следует пойти на уступку. Надо согласиться с их предложением, сохранив в уставе возможность и другой оплаты, как решат сами общие собрания кооператоров. На это, говорил Г. Димитров, мы можем пойти, так как спорный вопрос не имеет принципиального значения для развития нашего сельского хозяйства по пути к социализму. Важно то, что члены БЗНС в целом воспринимают идею и практику создания земледельческих производительных трудовых коопераций, каковыми являются ТКЗХ.

Мирный договор с Болгарией был подписан в начале 1947 года. Международное положение нашей страны не позволяло нам провести полную и повсеместную национализацию капиталистических хозяйственных предприятий до его подписания. Рабочий класс и трудовое крестьянство силой своих политических организаций и государственной власти наступали на капиталистические порядки, постепенно строили новую организацию хозяйственной жизни, социалистической по своему характеру. Создавались государственные монополии, которые вытесняли частную капиталистическую инициативу и самих капиталистов из различных областей хозяйственной жизни. Эти монополии представляли рабочий класс и трудовое крестьянство и защищали их экономические интересы.

Капиталисты оказывали сопротивление как в хозяйственной, так и в политической областях жизни общества. Классовая борьба разгоралась.

Как я уже сказал, по международным причинам мы не могли приступить к повсеместной национализации капиталистических предприятий. Надо было умело маневрировать в условиях развернувшейся классовой борьбы.

Среди промышленников и торговцев были люди, разделявшие убеждения коммунистов. Они безусловно следовали линии БКП и исполняли директивы и указания Центрального Комитета. С их помощью и на основании директив ЦК БКП и лично Г. Димитрова были созданы комитеты Отечественного фронта в Союзе промышленников и в Союзе торговцев в центре, а также в их филиалах и подразделениях в отдельных городах страны. Для участия в деятельности этих комитетов были привлечены прогрессивно настроенные промышленники и торговцы, которые были политически связаны с Народным союзом «Звено» и радикалами. Понимая, что фашистская Германия уже не могла быть их партнером во внешней торговле, как это было во время войны, и что наша экономика все более ориентируется на Советский

Союз, они проявляли согласие с экономической политикой партии и Отечественного фронта.

Насколько я помню, на первой после 9 сентября 1944 года сессии Народного собрания Иван Харизанов — один из идеологов «Звена» — в своей речи при рассмотрении государственного бюджета отстаивал точку зрения, что экономической основой Болгарии Отечественного фронта являются три столпа — частный сектор и частная инициатива, государственный сектор и кооперативный сектор. Он развивал идею, что эра Отечественного фронта будет продолжаться весьма длительный период, с неизменным соотношением этих трех секторов.

Для нас же, коммунистов, было ясно, что такая политика не ведет к социалистическому переустройству народного хозяйства, что она увековечивает буржуазное развитие Болгарии. Сразу после его речи я зашел к Г. Димитрову посоветоваться, так как мне тоже предстояло выступать в Народном собрании по вопросу бюджета. Я высказал свое несогласие с точкой зрения И. Харизанова и свое сомнение, не будет ли преждевременным оппонировать ему публично. Но Г. Димитров посоветовал высказать нашу точку зрения — о тенденции постепенного расширения относительного веса государственного сектора и государственной инициативы, доли кооперативного сектора и о единстве между ними, как необходимой основы для утверждения планового начала, планомерного развития народного хозяйства.

Изучая после 9 сентября 1944 года данные о состоянии болгарской промышленности, я столкнулся с интересными фактами. Более 50 процентов капитала основных промышленных, горнодобывающих и других капиталистических предприятий составляли средства, полученные взаем от банков, большей частью от Болгарского народного банка и банка «Болгарский кредит». Остальные, частные банки, являлись большими должниками Болгарского народного банка и банка «Болгарский кредит». Таким образом, те капиталистические предприятия, которые были должниками частных банков, косвенно были должниками и двух крупнейших государственных банков. А государство уже было не буржуазным, а государством рабочего класса и трудового крестьянства.

Проинформировал об этом Г. Димитрова. Высказал мнение, что государство через оба государственных банка могло бы безболезненно наложить руку на все эти капиталистические предприятия. На основании существовавшего торгового закона наше пролетарское государство могло бы стать акционером этих предприятий, обладая более чем 50 процентами их акций. Это могло бы явиться особого рода национализацией.

Г. Димитров дал указание Хозяйственному отделу ЦК БКП изучить более подробно и более конкретно этот вопрос, подго-

товить и внести в Политбюро Центрального Комитета соответствующее предложение. Было это в 1946 году. Такое предложение мы подготовили, но нужда в его применении отпала. Вскоре был подписан мирный договор, и ЦК взял курс на национализацию промышленности, шахт, банков и других капиталистических предприятий.

Весной или летом 1947 года Г. Димитров находился в Москве. В это время в ЦК БКП обсуждался вопрос о национализации индустрии, шахт и банков. Имелось два мнения. Одни товарищи высказывались за проведение национализации по этапам. В 1947 году национализировать только самую крупную капиталистическую собственность. Высший хозяйственный совет уже составил список из 360 таких предприятий. Другие были за полную национализацию всех частных предприятий, которые носили капиталистический характер.

В августе 1947 года в Москву отбыла одна из наших партийных делегаций. В числе других вопросов она имела задачу узнать точку зрения Г. Димитрова по вопросу о национализации капиталистических предприятий и получить его директивы.

Г. Димитров высказался за то, чтобы была тщательно подготовлена и умело проведена полная национализация капиталистических предприятий.

После того как в принципе было решено провести национализацию индустрии, шахт и банков, в Политбюро ЦК БКП рассматривались варианты подготовки и проведения самой операции. Г. Димитров уже вернулся в страну, и все эти заседания проводились под его руководством. По его предложению была создана оперативная тройка, в которую вошли Титко Черноколев, Добри Терпешев и Петко Кунин.

Решено было всю работу сохранять в полной тайне, чтобы предприниматели не смогли скрыть или уничтожить машины, материалы и ценности, а также бухгалтерские книги и другие документы своих предприятий.

Сама работа подсказывала, что необходимо самым конкретным образом изучить состояние каждого предприятия. По совету Г. Димитрова была создана техническая комиссия из пяти человек, верных партии людей, имевших и хозяйственный опыт.

Комиссия держала постоянную связь с Г. Димитровым и советовалась с ним по всем вопросам. Он был полностью в курсе наших дел, регулярно интересовался, руководил нами, давал советы. Он фактически держал нити всей подготовительной работы.

В начале декабря был подготовлен проект закона о национализации. По предложению Г. Димитрова в помощь комитету для юридического оформления закона были привлечены Минчо Нейчев и Йордан Чобанов.

Накануне национализации Георгий Димитров вызвал меня к

себе и спокойно, но твердо сказал: «Я требую от тебя двух вещей: во-первых, не допустить остановки предприятий, чтобы показать, что пролетариат может управлять предприятиями не хуже капиталистов, и, во-вторых, ни в коем случае не допустить ухудшения положения рабочих».

Мы, коммунисты, занимавшиеся национализированными предприятиями, постарались выполнить это поручение Г. Димитрова.

В день, когда должны были быть национализированы предприятия, Совет Министров под руководством Г. Димитрова заседал в бывшем дворце Враня в пригороде Софии. Ровно в 11 часов я роздал министрам готовый напечатанный законопроект о национализации капиталистических промышленных и банковских предприятий.

Один из министров, наш союзник, но он не был в курсе подготовки, приятно удивленный, с обеспокоенностью обратился к Г. Димитрову: «Но сейчас, пока закон будет обсуждаться и приниматься Народным собранием, промышленники скроют различное имущество и документы». Г. Димитров успокоил его: «В настоящий момент предприятия уже в наших надежных руках».

Сразу же после обеда — по окончании заседания Совета Министров,— получив указание Г. Димитрова, я сделал доклад о законопроекте на собрании нашей парламентской группы. Он был принят.

На следующий день, 24 декабря 1947 года, законопроект был вынесен на рассмотрение и самого Народного собрания. Вечером, когда Народное собрание рассматривало законопроект о национализации, по призыву Софийского городского комитета БКП софийский пролетариат вышел на улицы и заполнил площадь перед Народным собранием. Митинг открыл товарищ Тодор Живков, работавший тогда секретарем Софийского областного комитета БКП. Я доложил народу о национализации. Восторгу и овациям жителей столицы не было конца. Возгласами одобрения они приветствовали дело БКП, дело своего вождя Георгия Димитрова.

1967 г.

Денис Притт

В ГОСТЯХ У ДИМИТРОВА В БОЛГАРИИ

С сентября 1933 года, когда в Лондоне состоялся контрпроцесс, организованный в связи с поджогом рейхстага нацистами и последовавшим за этим Лейпцигским процессом, вплоть до сентября 1948 года я не имел возможности

лично встретиться с Георгием Димитровым. Как известно, с февраля 1934 года он находился в Советском Союзе и вернулся на родину лишь в ноябре 1945 года, уже после ее освобождения. Так получилось, что за эти годы мне удалось посетить СССР всего лишь однажды, в 1936 году. Тогда я предпринял кое-какие шаги, чтобы увидеться с Димитровым, но из-за неважного состояния здоровья он находился в то время в больнице под Москвой. Врачи сочли, что лучше его не волновать встречей со мной. Так что на протяжении этих 15 лет мы лишь переписывались друг с другом. В одном из своих писем, которое я получил в 1934 году, Димитров писал:

«Благодарю Вас, как председателя Комиссии по расследованию, а также всех ее членов... за все, что Вы и Ваши коллеги сделали для выяснения истины о поджоге рейхстага и таким образом способствовали нашему освобождению. Материалы, которые благодаря Комиссии и контрпроцессу стали достоянием общественности и с которыми я лишь сейчас имел возможность ознакомиться, несомненно, представляли собой мощное оружие в борьбе против национал-социалистских провокаторов. Как жаль, что я не знал об этих материалах во время процесса и не мог использовать их в своей защите перед судом.

С чувством большого удовлетворения узнал, что Вы с неослабевающей энергией участвуете в борьбе за спасение вождя рабочего класса Тельмана, а также в борьбе против кровавого германского фашизма.

Я узнал также, что в этом году Вы собираетесь посетить Советский Союз. Буду очень рад лично встретиться с Вами и приветствовать Вас».

После возвращения Димитрова на родину мы поддерживали связь через болгарскую миссию в Лондоне. Он пригласил меня посетить Софию. Это стало возможным лишь в сентябре 1948 года, вскоре после получения мною от Димитрова многозначительного и тревожного известия: «Приезжайте повидаться со мной, пока не стало слишком поздно!»

И вот в начале сентября 1948 года, за несколько дней до национального праздника Болгарии, мы с женой вылетели в Софию. Здоровье Димитрова ухудшилось, и врачи стремились заставить его как можно больше отдыхать. Поэтому мне удалось встретиться с ним лишь вечером 8 сентября, накануне грандиозного митинга, на котором выступали руководящие деятели болгарского народа, Марсель Кашен и я. Димитров по-братски обнял меня, и мы с ним обменялись несколькими словами.

На следующее утро в здании Народного собрания я снова встретился с Димитровым. Ожидая начала праздничной демонстрации трудящихся, мы немного поговорили, а затем стояли рядом на трибуне. На протяжении целых пяти часов перед нами

непрерывным потоком шли колонны демонстрантов, что представляло собой исключительно внушительное зрелище.

В тот же день вечером мы присутствовали на большом приеме в ресторане отеля «Болгария». Мы ужинали вместе с Г. Димитровым и другими болгарскими руководителями и гостями и дружески беседовали. Помнится, во время ужина в зал входили крестьяне и подносили Димитрову красиво украшенные караваи хлеба и другие подарки.

Мой первый серьезный разговор с Димитровым состоялся спустя день-два, во время официального обеда, который Димитров давал в загородном дворце Враня. Это был большой прием, на котором присутствовали все министры и гости, в том числе дипломатические представители дружественных государств. Мне кажется, что прием был дан главным образом в честь Марселя Кашена и меня. Я очень беспокоился, не слишком ли устал Димитров, но он был весел и бодр. После коротких речей Димитрова и Коларова гости один за другим стали прощаться и уходить. Димитров шепнул мне, чтобы мы с женой остались. Я думал о том, как бы он не переутомился, но вскоре стало ясно, что он решил уделить нам несколько часов для обстоятельной беседы. Потом мы гуляли по парку. Во время прогулки мы увидели группу девушек, возвращавшихся с работы в свой молодежный лагерь, который находился где-то поблизости. Г. Димитров остановил их и заговорил с ними, а потом попросил их спеть несколько чудесных народных песен. Со счастливой улыбкой он обернулся ко мне и сказал: «Вот какие у нас девушки!»

Позднее мы сидели в небольшом летнем домике, и между нами завязался непринужденный серьезный разговор на политические темы, который продолжался почти два часа. Мы говорили по-немецки, и переводчик нам не был нужен. Было видно, что Димитров очень хорошо и глубоко разбирается в политической обстановке Великобритании, знает насущные проблемы лейбористской партии и Коммунистической партии Великобритании. Г. Димитров сказал, что соотношение сил между двумя партиями таково, что не следует рассчитывать, что английские трудящиеся целиком отвернутся от лейбористской партии и примкнут к коммунистической. Единственным путем к мирному и прогрессивному развитию в будущем является совместная деятельность левого крыла лейбористской партии, коммунистической партии и других прогрессивных сил, ибо только массовый натиск может заставить руководство лейбористской партии проводить более передовую, социалистическую политику.

Г. Димитров подчеркнул огромное значение воспитания подлинного чувства национальной гордости в английском народе. Надо, сказал он, показать простым людям в Англии, что им есть чем гордиться в своей политической истории и поэтому им

не нужно кланяться и унижаться перед какой бы то ни было страной из-за каких-либо экономических соображений или других причин. Они могут крепко стоять на своих собственных ногах, так как всегда были лучшими патриотами и защитниками национальных интересов Англии, чем их правители, которые ставили и сейчас сознательно ставят интересы своего класса выше интересов английского народа. Следовало бы проводить новую, прогрессивную политику, которая упрочит независимость Англии, сделает ее более богатой и создаст условия для установления лучших отношений с социалистическими странами, а также хороших и равноправных отношений с США. В таком случае расширятся торговые связи Англии со странами социалистического лагеря, уменьшатся кризисные явления, намного меньше будет опасность угрозы войны, значительно сократятся расходы на «оборону», и миллионы, расходуемые сейчас на вооружение, можно будет направить на более разумные цели, что, несомненно, принесет огромную пользу английскому народу.

Насколько прав был Димитров, может подтвердить каждый честный политический деятель Англии в последние полтора десятка лет.

В тот же вечер, после продолжительного и исключительно интересного разговора, мы попрощались с Димитровым и на машине вернулись из Врани в Софию. Я спрашивал себя, будет ли у меня случай еще раз увидеться с этим замечательным человеком. К сожалению, этого не случилось.

Теперь, когда я оглядываюсь назад, мне кажется невероятным, что я имел всего лишь одну настоящую беседу с этим великим сыном болгарского народа, так как я чувствую его настолько близким и родным, словно мы провели вместе много дней. В одной статье, опубликованной вскоре после моего визита в Софию, я писал о нем:

«Я видел в нем сердечного и дружелюбного человека, какими обычно бывает большинство великих людей, человека с внутренним достоинством, характерным для класса, к которому он принадлежал. Он весел и жизнерадостен, когда это уместно; откровенен, непреклонен и серьезен во время деловых разговоров; он вежлив, но вместе с тем не теряет и своего достоинства, а в наши дни это подчас необходимо в государственных делах. Общаясь с ним, нельзя было не ощутить присутствия великой личности, в то же время никто не чувствовал себя неловко перед ним — настолько естественным и скромным был этот человек».

1963 г.

Георгий Кулишев

МОМЕНТЫ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЫ

Как член Национального комитета Отечественного фронта я имел счастье встретиться с Г. Димитровым вскоре после моего возвращения на родину. Контакты эти расширились после того, как я занял в марте 1946 года пост министра иностранных дел, а позже, в 1947 году, когда стал секретарем по политическим вопросам Народного союза «Звено» и директором союзной газеты «Изгрев».

В тот период наиболее сильное впечатление на меня произвел факт, что Георгий Димитров считал в тогдашней обстановке главной, первостепенной задачей сохранение и укрепление этой самой массовой патриотической общественно-политической организации. Конечно, это было естественным для основателя Отечественного фронта, но я видел, что его забота была продиктована еще и тем, что противники народного строя не оставляли своих многочисленных попыток подорвать и разрушить единство Отечественного фронта, так необходимого в интересах Болгарии. В отдельных партиях и организациях, входивших в Отечественный фронт, появились серьезные разногласия и нездоровые тенденции, дошло до разрыва (БЗНС и широкие социалисты).

Не лучшим было положение и в Народном союзе «Звено», хотя благодаря авторитету товарища Кимона Георгиева мы не дошли до открытого раскола. В течение всей этой внутренней борьбы в союзе мы неизменно находили полную поддержку Георгия Димитрова, который не жалел сил, содействуя своевременному устранению всего, что могло ослабить Отечественный фронт. Среди других многочисленных примеров вспоминаю, что летом 1947 года он принял нас с товарищем Кимоном Георгиевым для продолжительной беседы, на которой присутствовали и некоторые члены Политбюро Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии. Я как секретарь Народного союза «Звено» по политическим вопросам рассказал о всех трудностях, с которыми сталкивалось руководство союза, главным образом из-за значительного числа находившихся в нашей среде реакционных и реставраторских элементов. В результате встречи мы договорились принять ряд мер для улучшения положения.

Значение, которое придавал Народному союзу «Звено» и его работе Георгий Димитров, он подчеркнул лично, присутствуя на одной из национальных конференций союза, которая проходила 3 января 1948 года. Мы все остались глубоко польщенными этим его вниманием, но вместе с тем и обеспокоены, потому что был

морозный день и эта поездка представляла немалый риск для его уже значительно пошатнувшегося здоровья.

Именно так, с огромным вниманием и благосклонностью относился Георгий Димитров к Народному союзу «Звено» (и лично к товарищу Кимону Георгиеву, с которым его связывала сердечная дружба), как, разумеется, и к Болгарскому земледельческому народному союзу, да и вообще ко всем входившим в Отечественный фронт партиям и организациям. Главным образом благодаря его мудрым и энергичным действиям были сохранены единство и сила Отечественного фронта вопреки многочисленным попыткам врагов, внутренних и внешних, разрушить это единство и силу. Георгий Димитров поднимал это единство Отечественного фронта под руководством Болгарской коммунистической партии на самый высокий уровень, так как оно представляло собой олицетворение и прочную опору морально-политического единства болгарского народа.

Когда в конце 1948 года Исполнительный комитет Народного союза «Звено» поставил вопрос о самороспуске союза и слиянии его целиком с Отечественным фронтом, мы с товарищем Кимоном Георгиевым посетили в январе 1949 года Георгия Димитрова во дворце Враня, чтобы уведомить его о нашем намерении и услышать его совет. Он заявил нам тогда, что считает и впредь самостоятельное существование Народного союза «Звено» полезным. Мы подробно изложили ему наши соображения, которыми руководствовались. В результате он предложил нам самим решить этот вопрос, как сочтем лучше. Георгий Димитров одобрил идею продолжить издание газеты «Изгрев», но уже как органа Национального совета Отечественного фронта.

Несколькими неделями позже Георгий Димитров принял нас снова. На этой встрече кроме нас с товарищем Кимоном Георгиевым присутствовал и Владимир Поптомов, главный секретарь Национального совета Отечественного фронта. Мы уточнили все детали исполнения задуманного нами изменения, с тем чтобы оно послужило достижению еще большего единства рядов Отечественного фронта.

Не могу, однако, не отметить, что после обеих встреч, особенно после второй, мы уходили с гнетущим настроением и беспокойством, так как здоровье Георгия Димитрова было уже сильно подорвано. Но мы лишний раз убедились, что и в таком состоянии этот великий сын болгарского народа с глубоким чувством долга относился к любой общественной проблеме.

В 1946 году Георгий Димитров был председателем Парламентской комиссии по международным делам, и это еще более обязывало меня как министра иностранных дел часто обращаться к нему с некоторыми вопросами. Он дал мне ценные указания по докладу, который наша делегация должна была пред-

ставить на заседавшей тогда Парижской мирной конференции. Окончательный текст доклада был принят на одном из заседаний комиссии, где председательствовал Г. Димитров. Помимо этого Георгий Димитров, провожая делегацию на аэродром 9 августа 1946 года, дал нам еще дополнительные указания, как вести себя на конференции.

Моменты моей совместной работы с Г. Димитровым... Они оставили в моей памяти неизгладимые впечатления, и прежде всего в силу исключительно высоких достоинств и способностей этой великой исторической личности.

1967 г.

Неделчо Ганчовский

ВЫРАЗИТЕЛЬ СОКРОВЕННЫХ ЧАЯНИЙ НАРОДА

Январь 1946 года. Вот уже месяц, как я работаю у товарища Димитрова. Работают здесь напряженно, продолжительно, с раннего утра до поздней ночи, каждый день — и в будни, и в праздники. Димитров словно неутомимый: встречи, беседы, заседания, пишет статьи, выступает, высказывает советы.

Таким я вижу его в эти дни. Он всегда улыбается, глаза горят огнем неукротимой веры, кажется, что всегда он чувствует себя хорошо, настроение бодрое, неугасимый оптимизм, который притягивает людей словно магнит. Все у него энергично — и походка, и манера говорить, все свидетельствует об устремленности и непреклонности...

...1948 год. Он был годом социального перелома. Если конец 1947 года был ознаменован после проведения национализации крупным поворотом в экономической области, 1948 год сыграл подобную роль в общественной жизни. Один за другим проходили съезды, пленумы, конференции политических партий Отечественного фронта, профсоюзов, других организаций; прекращали свое существование одни партии, коренным образом перестраивались другие, принимались новые программы, выдвигались новые большие задачи.

...Март 1948 года. Наши в Москве. Улетели 15-го, в понедельник, двумя самолетами для подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Советским Союзом. Состав нашей правительственной делегации самый представительный — в нее входят заместители Председателя Совета Минист-

ров Васил Коларов, Кимон Георгиев, Георгий Попов, а также Трайчо Костов, находящийся в Советском Союзе, министры Петр Каменов (земледелец) и Крыстю Добрев (тоже находится в Москве, где ведет торговые переговоры). От службы кабинета улетел Цвятко Банчев. Димитров считает нынешний визит в Советский Союз и подписание договора главным моментом своей жизни. [Кирил Лазаров вспоминает, что Димитров сказал перед своей поездкой: «Подпишу этот договор, и можно умирать».]

При встрече в московском аэропорту руководитель болгарской делегации произнес краткую речь, в которой, в частности, сказал: «В дружбе с народами могучей страны социализма болгарский народ видит главную гарантию своей свободы, независимости и всестороннего преуспевания...»

18 марта 1948 года стало историческим днем — был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Народной Республикой Болгарией и Советским Союзом. Подписали его Димитров и Молотов. Димитров назвал договор «новым ценнейшим вкладом в общие усилия Советского Союза и Народной Республики Болгарии», который «окончательно закрепляет исторические братские связи болгарского народа с великим русским народом и остальными народами Советского Союза... отвечает полностью жизненным интересам нашего народа и отражает его сокровеннейшие чаяния». Молотов в своем кратком слове после подписания заявил, что «этот договор основан на уважении принципов государственной независимости и национального суверенитета и служит делу укрепления демократического мира и безопасности в Европе».

Мы все здесь даем себе отчет в величии этого акта. Болгаро-советская дружба в наших сердцах и душе; закрепление ее в договоре — событие, которое мы считаем естественным и исключительно важным. Мы не можем себе представить нашу будущую жизнь по-другому, кроме как рука об руку с нашими советскими братьями. Димитров стал выразителем этих наших сокровенных чаяний...

Отбыли наши из Москвы утром 24 марта. Заявление, которое сделал Димитров в московском аэропорту, прекрасно. «Зная хорошо наш народ,— сказал он,— я могу заверить советских братьев в том, что он останется до конца верным другом. Что бы ни случилось в будущем, болгарский народ никогда не подведет своего старшего брата-освободителя».

Вчера после обеда, в 15.07, самолеты приземлились на аэродроме Враждебна. Улицы и площади Софии от Совета Министров до аэропорта были многолюдны, оживленны, в трепетном ожидании.

В 16.30 Димитров и другие руководители появились на бал-

коне. Как их встретили люди! Мощной волной прокатились приветственные возгласы!

Георгий Димитров говорил коротко, искренне и тепло. Именно эту теплоту я почувствовал больше всего. В его тоне не было изысканности, а чувствовалась внушительная, мужественная сила, которая временами так захватывала всех, что, казалось, поднимет сейчас всю площадь. А площадь была отзывчивой, исключительно живой. Но голос оратора время от времени становился тише. Димитров заявил, что заключен «равноправный договор, основанный на принципах: верность — за верность, дружба — за дружбу». «В лице Москвы и Советского Союза мы имеем не только освободителей в прошлом, но и верных товарищей, которые искренне и бескорыстно помогают усилиям нашего народа в строительстве счастливого и прекрасного будущего в нашей стране». Речь идет о действительно «крупном историческом событии».

...1948 год. Декабрь. V съезд БКП. Доклад товарища Димитрова уже готов. Этот доклад вобрал в себя колоссальный труд. Перерабатывали его несколько раз. Он длительное время обдумывался, переосмысливался, подвергался обсуждению. Димитров проявил такую изумительную трудоспособность, что тем, кто не прочь был поговорить о его нездоровье, оставалось только удивляться. Димитров был в состоянии заставить всех валиться от усталости. Сам же он бодрствовал и бодрствовал. В пятницу мы сидели до четырех утра. Он ушел чуть раньше нас. В субботу работал до 2.30 после полуночи. Не остался до конца первого заседания съезда, ушел раньше, для того чтобы еще немного поработать над докладом. Он не пропускал ни малейшей возможности уточнить еще раз некоторые мысли, вновь просмотреть некоторые страницы.

Второй день съезда. Воскресенье. Ровно в 9 часов председательствующий предоставляет слово Димитрову для выступления с политическим отчетом ЦК. Заседание закончилось к 9 часам вечера, когда прозвучали последние страницы отчета. Шесть часов продолжалось чтение этого выдающегося документа. Со многими промежутками, паузами, перерывами на отдых он фактически занял целый день работы съезда.

Димитров читал спокойно, тихо и равномерно. Это сохраняло ему силы. Последние страницы он прочел с особым подъемом, в котором чувствовались бодрость, твердость и мощь.

Мы переживали необыкновенный день в нашей истории. Это был небывалый по своей всеохватности и проникновенности доклад. В нем он поставил большое число чрезвычайно важных, животрепещущих вопросов, дал на них откровенный, смелый ответ. В нем слились воедино прошлое, настоящее и будущее страны. Будущее в нем обрисовывается не в общих чертах, как это

нередко бывало до этого. Захватывающее грядущее превращалось в реальную, близкую, осязаемую перспективу, указывались конкретные пути достижения этой реальности. Социализм превращался в конкретную задачу.

Если заседание в первый день было более или менее похоже на заседание обычного съезда, которые часто проходили уже у нас,— много приветствий, речей, пожеланий,— то нынешний день придал съезду новый характер: широкий размах мысли и решительную деловитость.

Таким и ожидал народ видеть этот съезд. Интерес к нему был особый, повышенный — что он решит, как решит. Все были убеждены, что не может съезд не превратиться в новый шаг на пути нашей борьбы.

Думаю, что доклад оправдал эти надежды.

— Под непобедимым знаменем марксизма-ленинизма вперед, все вперед к социализму, к коммунизму! — этим возгласом Димитров закончил свой доклад.

Зал взорвался мощными, неудержимыми, спонтанными овациями, аплодисментами, песнями, лозунгами. Долго, восторженно и сердечно делегаты и гости приветствовали Димитрова, Центральный Комитет, нашу партию, КПСС. Гремело «ура». Потом пришел черед песням. «Дружна песен» сменила «Интернационал». Увлеченный могучим ритмом, Васил Коларов незаметно для себя начал размахивать рукой в такт песни, став, таким образом, дирижером этого необыкновенного хора.

Все присутствующие слились воедино в общем порыве, стали одним мощным сердцем, единым гигантским проникновенным умом. Люди, все до единого, думали так, как думает партия, действовали как она, действовали за нее. Здесь не было скрытых помыслов, а была кристально чистая преданность и любовь. Вот каким был он, наш V съезд!

В субботу состоялось последнее заседание съезда. После доклада Трайчо Костова и объявленного затем перерыва председательствующий Васил Коларов предоставил слово Георгию Димитрову для заключительного выступления, в котором содержалось много ценных мыслей. По существу, это было напутствие всем делегатам, всем коммунистам, всей партии — что необходимо сделать, чтобы эти исторические решения могли войти в плоть и кровь нашей партии. Особенно подчеркнул Димитров потребность в правильном подборе кадров, в проверке исполнения, развертывании критики и самокритики, в развитии внутрипартийной демократии. Говоря кратко, здесь было сконцентрировано все, что нужно для того, чтобы правильные решения могли стать живым делом.

Читал он все сравнительно спокойно и равномерно и только уже в конце не сдержался и снова был в своей естественной роли

великого трибуна. Не мог он удержаться и читать партийные, коммунистические установки ровно и тихо, как диктовало ему в это время состояние здоровья и на чем настаивали врачи (ведь шел ему уже шестьдесят седьмой год и оставалось всего полгода жизни!).

Он возвысил к концу выступления могучий голос, устремил вперед обе руки, указывая ими нам путь вперед. Вся его фигура, все его существо сейчас выражали силу, устремленность и вдохновение. Голос его гремел мощной, сокрушительной силой и звал нашу партию, наш народ, нашу страну идти непрестанно вперед, к победе социализма.

— Товарищи!..— сказал он.— Мы знаем, что этот путь труден, тернист, но он является единственным спасительным путем для рабочего класса, для народа, для нашей страны... Теперь, вооруженная историческими решениями нашего V съезда, постоянно и неустанно учась у великой партии большевиков, наша партия во главе с ленинским по своему духу, по твердости, по железной дисциплине, по трудолюбию, по бесстрашию перед лицом трудностей и опасностей Центральным Комитетом, который должен быть избран съездом, несмотря ни на какие препятствия, завершит, доведет до победного конца начатое нами великое дело построения социалистического общества в нашей стране.

...Это, фактически, были последние слова Георгия Димитрова, обращенные к партии.

1968 г.

Петр Игнатов

ТАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

Буквально перед новым, 1948 годом вызвал меня один из начальников министерства внутренних дел.

— Подбираем человека, который бы отвечал за охрану товарища Димитрова.

Я решил, что меня позвали посоветоваться, и быстро перебирал в уме своих знакомых.

— Нет. Ничего не могу тебе предложить. К тому же ты больше знаешь людей...

Товарищ загадочно улыбнулся.

— Пошевели мозгами.

— Что мне ими шевелить. Для такой работы нужен опытный человек. Кто-нибудь из наших...

— Думаем возложить это на тебя.

Я как сидел на стуле, так и подскочил.

— И речи не может быть!

— Почему?

— Хватит шутить... Это ведь Димитров...

После этого своего довода я понял, что ничего больше сказать не могу, снова сел и полез в карман за сигаретами.

С товарищем, пригласившим меня, мы были знакомы еще со времен нелегальной работы, и иерархическая зависимость не мешала мне закурить.

— Хорошо. Значит, скажем товарищам, что ты согласен.

— Я?..

— Конечно. Ведь это Димитров!

После получасового напряженного разговора решили: товарищ передает «наверх» мои возражения, а я буду подчиняться решению. Через три дня меня вызвал министр внутренних дел.

— Есть решение Политбюро. Принимаешь охрану товарища Димитрова. Нет смысла объяснять тебе, что это значит...

И хотя «не было смысла мне объяснять...», он держал меня целый час. Я исписал целый блокнот инструкциями, которые в конечном счете сводились к одному:

— За его безопасность отвечаешь головой.

Это я и сам знал, но что значила моя голова в том случае, если что-нибудь произойдет с ним. От этой мысли я как-то весь сжался, проклиная себя, что дал в тот день согласие.

В те годы было так. Если Георгий Димитров куда-нибудь собирался ехать, за час до этого начинали звонить телефоны, и вся наша служба становилась похожей на растревоженный пчелиный улей. Выезжали мы всегда, предварительно хорошо подготовившись. Одна машина шла впереди, другая — сзади, две — по бокам. В одиночку Георгий Димитров не мог сделать ни одного шага. Всегда предварительно сообщал, если куда-то хотел пойти, чтобы мы могли принять необходимые меры.

В один из весенних вечеров 1948 года Георгий Димитров, закончив рабочий день, открыл окно в своем кабинете, расправил плечи и глубоко вдохнул свежий воздух, хлынувший в прокуренную комнату.

— Хорошо бы прогуляться сейчас по улице.

— Хорошо, но...

Я хотел ему объяснить, что согласно инструкции это совершенно исключается. Но он понял меня без слов и улыбнулся мне одобрительно.

— Знаю, знаю... Пошли! Вдвоем!

Это был уже приказ, и я должен был подчиниться.

Попросил минутку «одеться» и быстро передал всем товарищам, которые были в это время на месте, чтобы они образовали вокруг нас невидимый кордон, а наша машина чтобы шла совсем рядом.

Георгий Димитров надел шапку, застегнул на одну пуговицу свое пальто, и мы вдвоем незаметно влились в многолюдный людской поток, растекавшийся по Русскому бульвару.

Со дня своего возвращения в Болгарию Георгий Димитров, по всей вероятности, впервые шел пешком по софийским улицам. За прошедшие 25 лет город изменился для него до неузнаваемости.

Прошли кафе «Болгария», он остановился на минутку перед его огромными витринами, посмотрел на переполненный зал.

— Что это?

— Кафе. Самое большое в Софии. Ранее сюда ходили лишь избранные...

— А это?

На каждом шагу он спрашивал, я отвечал почти машинально, все время оглядываясь. Четверо наших товарищей шли в нескольких шагах позади, за нами медленно двигалась машина, и от сердца у меня постепенно отлегло. Слава богу, до сих пор никто на нас не обратил внимания, никто не узнал.

Пересекли улицу Раковского. Вот какая-то мама везет коляску с полным, краснощеким малышом.

— Ты посмотри на него,— толкнул меня Георгий Димитров и быстро направился к ним; мать с ребенком, казалось, только что сошли с одной из картин Рубенса.

Он остановился перед коляской и легонько ущипнул малыша за щеку. Малыш недовольно замахал ручонками и надул губы.

— Ма-ма, ма-ма...

— Сколько ему?

Мать приветливо посмотрела на склонившегося седого мужчину и, как все счастливые матери, начала:

— Годик и пять дней. Уже говорит «мама», «баба», «папа»...

— И «папа»?

Женщина засмеялась.

— Отец сначала сердился, что малыш говорит только «мама», а сейчас от радости на седьмом небе.

Я стоял за спиной Георгия Димитрова, ругая в душе эту разговорчивую молодую мамашу, из-за которой мы остановились в таком неудобном месте. Возле нас уже останавливались люди, они рассматривали и ее, и малыша, и пожилого мужчину, склонившегося над коляской. Такая картина всегда находит зрителей, а этого я как раз боялся больше всего. И тут кто-то воскликнул:

— Георгий Димитров! Браво!

Кто-то зааплодировал, его поддержал второй, третий, по всей улице слышались голоса:

— Георгий Димитров!

— Где?

— Товарищ Димитров!

— Браво!

Маленькая группа вокруг нас росла прямо на глазах. Те, кто стоял ближе всех, образовали заслон (кстати, четверо наших товарищей уже были среди них), сдерживая натиск вновь прибывших, тех, кто проталкивались и еще спрашивали:

— Где? Где?

Женщина смутилась, раскраснелась и, казалось, забыла, где находится. А Георгий Димитров еще раз ущипнул малыша за щеку, подал руку женщине и огляделся:

— Товарищи, дайте пройти матери!

Женщина покатила коляску, и люди расступались перед нею. И снова вспыхнули аплодисменты.

— Пойдемте! — зашептал я, слегка прикоснувшись к плечу Георгия Димитрова.

Он посмотрел на меня понимающе и медленно пошел вниз, к зданию Народного собрания. А люди продолжали стекаться со всех сторон, кричали, аплодировали и протягивали руки, чтобы поздороваться с этим дорогим человеком.

По пути он кивал головой, пожимал руки, разговаривал, отвечал на вопросы, но я ничего не слышал. Перед нами уже была масса людей. Окружая нас, толпа разрасталась с невероятной быстротой, и, когда мы вышли на площадь, вокруг нас уже ликовало огромное людское море, целый митинг, который становился все многолюднее. Охрана задыхалась, лица моих товарищей раскраснелись от напряжения, слабый заслон в любой момент мог разорваться, в любой момент толпа могла сжать нас со всех сторон.

И такое проявление любви имеет порой свои опасные стороны.

— Товарищ Димитров, надо побыстрее!

Видимо, в моем охрипшем шепоте он почувствовал всю мою тревогу, потому что улыбнулся в ответ успокаивающе и кивнул:

— Хорошо!

Это меня подстегнуло. Я обернулся и дал знак машине подъехать.

— Дорогу, товарищи! Дорогу!

Это уже кричали десятки людей, оттянувшихся назад и организовавших узкий тоннель к большой черной машине. Когда дверцы ее захлопнулись и я оказался рядом с шофером, с моего лба скатились крупные капли пота.

— Давай!

Машина медленно тронулась, а толпа продолжала напирать с боков и сзади, люди махали руками и похлопывали ладонями по кузову. Кто-то начал скандировать:

— Ди-ми-тров! Ди-ми-тров!

Это подхватила вся многотысячная толпа, как бы подчиненная единой властной воле, собственной логике — логике любви, и, подобно музыке марша, все слилось с властным призывом клаксона:

«Дорогу, дайте дорогу!»

Машина постепенно набрала скорость, но в моих ушах долго не затихал многотысячный возглас: «Ди-ми-тров! Ди-митров!»

Надо ли говорить о том, что на другой день мне порядком досталось от моих начальников. И каждый из них начинал так:

— Как ты мог допустить!..

В конце концов Георгий Димитров победил. Вместо четырех машин осталась одна, но остальные тем не менее продолжали всегда находиться поблизости. И опять как-то вечером, когда мы уже возвращались домой, Георгий Димитров сказал:

— Заедем в какое-нибудь заведение.

По пути был ресторан «Ариана». Мы остановились у мостика на озере в парке и пошли между вынесенных на улицу столиков. Не сделав и десяти шагов, мы услышали знакомый уже возглас: «Георгий Димитров! Браво!»

Было около одиннадцати часов вечера, и людей оставалось уже сравнительно мало. Все столпились вокруг нас, и в какой-то момент, не знаю откуда, в руках Георгия Димитрова оказался огромный букет роз. Он начал раздавать цветы женщинам.

— Сколько детей у вас?

— Двое.

— Вот вам две розы. А у вас?

— Трое.

— Тогда для вас три розы.

— А у вас?

Перед ним стояла молодая девушка с толстой косой, и в глазах ее было написано смущение.

— Я еще не замужем.

— А когда выйдешь замуж, сколько будет детей?

Девушка не задумалась ни на секунду, будто ответ был подготовлен ею заранее:

— Много. Пять! Десять...

В руках Димитрова оставалось еще несколько роз. Он подал ей все, а люди вокруг зашумели:

— Давайте сосчитаем!

— Пусть подпишет обязательство!

Девушка разделила розы и подняла их над головой. Семь.

— Семь — хорошее число,— засмеялся товарищ Димитров. Затем обернулся к мужчинам, стоявшим во втором ряду.— А что мы с вами выпьем?

— По бокалу пива,— выкрикнул кто-то, и Георгий Димитров кивнул головой.

— Хорошо, пройдемте в зал.

Потом наклонился ко мне:

— У вас деньги есть?

— Есть.

Однажды ранним холодным утром Георгий Димитров вышел на прогулку в парк дворца Враня. Снег хрустел под ногами, на деревьях сидело бесчисленное количество ворон, и, если взлетала одна, целая стая неслась за ней, оглашая окрестности монотонным «ка-а-ар», и серое утро становилось еще более мрачным.

Приступ кашля остановил Георгия Димитрова, и он облокотился на ствол огромного развесистого дуба.

— Стоит ли продолжать прогулку? — спросил я, приблизившись к нему.

— Да, да... продолжим.

Переведя дух и как бы продолжая прерванную мысль, добавил:

— ...Значит, позвонишь товарищу Мошетову в ЦК ВКП (б). Попроси, чтобы проверили, как устроился Трайчо в «Барвихе». Как чувствует себя... Пусть передадут ему от меня привет и сообщат, что письма его получены...

Он замолчал, и я снова спросил:

— Может быть, вернемся?

— Хорошо. Давай вернемся.

Шофер Георгия Димитрова уже не заводил его машину, не убиралась уборщица в его кабинете, не раздавались и его шаги в парке.

Самыми частыми гостями стали доктора.

Мы привыкли ходить на цыпочках, разговаривать шепотом, придерживать двери, закрывая их за собой. На весь его дом легла печать грусти и тревоги, и единственным голосом, который иногда раздавался здесь, был его голос.

Он не переставал улыбаться даже тогда, когда поднималась высокая температура, и, только когда боли становились невыносимыми, губы его сжимались.

Однажды ему надо было сделать очень болезненный укол. Доктор долго искал вену, наконец ввел иглу и тяжело вздохнул. Неудачно. Вторично — опять неудачно. Поднял шприц, будто хотел его забросить куда-то в угол комнаты, лицо его побледнело.

— Вы откуда, доктор?

Невероятным усилием воли доктор заставил себя посмотреть

на вдруг посветлевшее лицо Димитрова. Вопрос, казалось, еще не дошел до его сознания, он немного помолчал, будто решал трудную задачу, затем покачал головой и лишь тогда ответил, что родом из одного балканского села.

— А бобы любите?

— Люблю...— неуверенно ответил человек в белом халате и снова посмотрел на шприц.

— И я очень люблю. Особенно с острым перцем. Сухим. Однажды долго болел в Москве. Диета была ужасной: молоко, каши, фруктовые соки. И так мне захотелось наших, балканских бобов с острым перцем и чубрицей, что я не устоял и попросил мне их приготовить. А доктора смеются: нельзя. А кто знает, может быть, и надо иногда разнообразить даже строгие диеты по желанию больного.

— Нельзя, товарищ Димитров. При вашей болезни бобы с перцем совсем противопоказаны.

— Они так и сказали, но мне страшно хотелось.

— Нельзя,— повторил доктор, и в его голосе послышались покровительственные нотки взрослого человека, который поучает малого ребенка.

Он забыл на мгновение, что перед ним Георгий Димитров, и видел только больного со вздорной выдумкой и уже улыбался.

— Попробуем еще раз? — подал руку Георгий Димитров.

Доктор пришел в себя, опытным глазом нашел вену, и через мгновение все было сделано.

Когда я его провожал, он постучал по голове:

— Ты видишь, чем меня взял! Бобы с острым перцем! А то я совсем растерялся. Думал, земля подо мной провалится. Значит, бобы с острым перцем...

В тот день я в первый и последний раз слышал, как он ругался. Это было 7 марта 1949 года. Доктора единодушно решили, что ему необходимо немедленно выехать в Москву.

Метель заметала снегом дорогу, туман не рассеивался целыми сутками.

От Врани до аэропорта его должны были везти на машине «скорой помощи».

Рядом с ним сели Роза Юльевна и доктор. Я находился на переднем сиденье с шофером. Это был опытный человек, и машина слушалась его, будто живая. Однако дорога была неровной, гололед, сугробы. Мы двигались очень медленно, время от времени машина буксовала, ее заносило, и она опять буксовала.

Никогда я не ездил в таком напряжении и страхе. Каждая ямка, каждый толчок фиксировались в моем мозгу, и я не отры-

вал взгляда от зеркала заднего обзора, наблюдая за каждым изменением состояния Димитрова.

Лицо его посерело, губы были плотно сжаты, боль расширила зрачки глаз.

Машина в который раз забуксовала, провалившись в ровную снежную подстилку.

Сзади послышались стон и слова, исполненные нечеловеческой боли:

— Когда же все это кончится?..

Кого он ругал? Нас, ветер, зиму?

Роза Димитрова наклонилась над ним, а я так сжал пальцы, что они побелели.

В аэропорту у самолета его ожидали члены Политбюро в полном составе. Товарищи быстро подошли к машине, чтобы помочь перенести носилки, увидеть его еще раз, пожать еще раз ему руку, пожелать доброго пути.

Он превозмог боль, и лицо его снова стало сердечным, приветливым, таким, каким все мы его знали, только очень, очень измученным.

— До свидания, товарищ Димитров!

— До свидания, Георгий!

— Привет Москве. Она всегда помогала нам в трудный час.

— До свидания, ждем тебя!

Летчик запустил мотор, самолет медленно побежал по земле, поднялся в воздух и взял курс прямо на север, а внизу, на земле, стояла группа осиротевших людей, долго махавших вслед...

Потом началось его последнее лето. К этому времени всем болгарам стало известно название «Барвиха», санаторий под Москвой, где жил и лечился Георгий Димитров. Надежда чередовалась со страхом, но все мы надеялись на чудо. А он был спокоен, как всегда в дни самых больших испытаний.

Однажды к нему пришел один из светил советской медицинской науки. Сидел долго, а с лица его не сходило то профессионально-приветливое выражение, которое призвано было вдохнуть в больного надежду и уверенность.

Заговорили о последней постановке МХАТа, и академик увлекся, рассказывая о замечательной игре главного героя. Георгий Димитров прервал его:

— Профессор, скажите, считаете ли вы меня безнадежным?.. Сколько мне еще осталось жить?

Академик остановился на середине слова:

— Что?

— Хочу знать, сколько еще времени я буду жить. Не сердитесь на мой вопрос. Я политический деятель, у меня много обязанностей, и она не должна застать меня врасплох.

«Она» была смертью.

Уже не помню, что точно ответил ученый, но, когда дверь закрылась за ним, Георгий Димитров тяжело вздохнул:

— Понимаешь ли, молодой человек, насколько ценная штука жизнь?

Вопрос был задан мне, но я знал, ответа он не ждет.

Ежедневный доклад мой был закончен, и я уже собирался уходить, когда Георгий Димитров, пошарив под подушкой, вытащил листок и рукой подозвал меня к себе:

— В этом году твоя жена была в отпуске?

— Еще нет.

— Отдай это министру внутренних дел.

Он протянул мне сложенный вдвое лист.

— Прочти его.

Я бросил быстрый взгляд на четко написанные строки:

«Предлагаю, чтобы супруга товарища Игнатова, которой еще не предоставлен отпуск, провела его вместе с мужем здесь, в Москве. Жить будет у нас, в связи с этим никаких дополнительных средств не требуется».

В его глазах горели довольные огоньки.

— Прошу вас, товарищ Димитров, не стоит.

Он нахмурил брови:

— Почему не стоит?

Я попытался объяснить ему, что неудобно, что могут подумать и сказать люди.

Светлое лицо его потемнело.

— Если в жизни руководствоваться только тем, кто что скажет, действительно не останется ничего другого, как застрелиться на второй день. Коммунисты должны следовать в жизни тому, чему учит их партия. Так должны устраивать свою жизнь. А что скажет тот или другой, пусть останется на его совести.

Я продолжал держать листок в протянутой к нему руке, все еще ожидая, что он скажет: «Хорошо, ты прав». И, может быть, поэтому меня удивила властная нотка в его голосе:

— Сообщение передай сегодня же вечером!

— Но, товарищ Димитров...

— А сейчас иди, иди... Завтра приходи к обеду!

Я позвонил по телефону начальнику моей супруги и, высказав свои соображения, попросил сделать так, чтобы она осталась в Софии. Тот в ответ рассмеялся:

— Ты что, сумасшедший? Это же указание Георгия Димитрова.

Через несколько дней я поехал в аэропорт встречать свою жену. Самолетом прибыли материалы для Георгия Димитрова,

и из аэропорта мы поехали прямо в «Барвиху». Жена в дороге почувствовала себя неважно, поэтому я проводил ее в приемный покой внизу, чтобы она отдохнула.

Поднялся к товарищу Димитрову и передал ему письма.

— Прилетела твоя супруга?

— Прилетела.

— А где же она?

— Ждет меня внизу.

— А почему ты не привел ее сюда?

Я спустился в приемную.

— Товарищ Димитров поручил привести тебя к нему.

— Ой, как же я пойду. Я и не причесана, и не одета. Посмотри, на кого я похожа.

Женщина есть женщина. Как бы ни была больна, как бы ей ни было плохо, всегда в первую очередь беспокоится о прическе.

Через некоторое время мы поднялись наверх. Нас встретила Роза Юльевна. Угостила по старому славянскому обычаю, и начался разговор: как летела, как себя чувствует, что нового в Болгарии.

— Сейчас ты отдохни, а завтра Петр приведет тебя на осмотр. Надо воспользоваться тем, что ты здесь, и показаться советским врачам.

— Да я здорова...

Мы с Розой Юльевной переглянулись, а Георгий Димитров пошарил под подушкой.

— Как ты думаешь, Роза? Для нее, наверное, самое лучшее лекарство — это пойти в ГУМ и походить по отделам...

Третье июня 1949 года. Воздух был насыщен благоуханием цветов: со двора, от цветочниц на террасе, от ваз. Огромный фикус наклонил листья к дивану, на котором лежал Георгий Димитров.

В руке у него была роза. Увидев, что я вхожу, от протянул ее мне:

— Говорят, что это царица цветов. Из цариц люблю только их. А из цветов мои самые любимые — подснежники. Маленькие, скромные, а душу греют... Как революционеры. Набирают силу под снегом, чтобы однажды утром сказать: «Здравствуй, весна!» Эх, размечтался. Скажи, что новенького. Садись.

Я взял плетеный стул и присел на краешек. А нового ничего не было.

— Как вы себя чувствуете сегодня, товарищ Димитров?

— Хорошо, но перелом все еще не наступил. Все, что могла дать советская медицина, она дала, но решительного изменения еще нет...

А мы уже и не надеялись на «решительное изменение». Буквально два дня тому назад здесь были собраны одиннадцать че-

ловек, крупнейшие специалисты всех областей медицины. Они долго совещались в соседней комнате, и приговор этого суда был страшным и безапелляционным. Многочисленные его болезни с каждым днем обрывали ниточку за ниточкой, связывавшую его с жизнью.

Мы знали приговор, но все-таки надеялись, жаждали чуда, которое могли совершить советская медицина, московский воздух, наша любовь, любовь миллионов людей во всех уголках земного шара, которые в эти дни озабоченно спрашивали: «Будет ли побеждена смерть и на этот раз?»

— Ну, давай докладывай!

Я уже давно не докладывал ему ничего такого, что могло бы растревожить его, разволновать. Но сегодня с почтой пришло одно письмо с болгарской маркой.

Писала ему молодая женщина, мать двоих детей. Когда-то она уже обращалась к нему с просьбой помочь ей закончить университет. Она была исключена из-за проступков своего отца. И большое, отзывчивое сердце Георгия Димитрова нашло верный путь, рассудило, что дети не отвечают за проступки своих отцов.

Я никогда не видел эту женщину, уже не могу вспомнить и ее имени, но мне кажется, если я встречу ее, непременно узнаю. Она писала:

«Дорогой товарищ Димитров.

Из газет узнала, что Вы больны. Недавно читала, что ученые уже умеют пересаживать здоровые органы вместо больных. Мы с мужем абсолютно здоровы. Никогда не болели, даже простудой. Спросите докторов, не могли бы они сделать такую операцию. Мы готовы все отдать ради Вас.

У нас все хорошо. Дети растут, маленький уже говорит.

Дорогой товарищ Димитров, не откажите нам в радости сделать что-то для Вас, помочь Вам...»

Когда я кончил читать, он протянул руку и взял письмо. Посмотрел на него, стал рассматривать подпись.

— Хорошие люди всегда будут жить на земле.

— А нельзя ли...— спросил я с надеждой,— нельзя ли в самом деле сделать такую пересадку? Есть немало людей, которые хотели бы...

Он поднял руку, как будто закрываясь от луча солнца, пробившегося сквозь листья фикуса, а на самом деле скрыл блеснувшую слезу...

Страшнее самой смерти ожидание ее. Мы провели в страшной тревоге 24 часа.

Рано утром сестра выбежала из его комнаты и позвала дежурного врача. Когда оба возвращались, я преградил им путь:

— Ну что?

— Без сознания.

Наступил полдень, потом стемнело, вот уже поселок засветился ночными огнями, теперь они один за другим начали гаснуть.

Я сновал из комнаты на террасу и обратно, закуривал сигарету за сигаретой, торопился вернуться.

— Ну, что?

— Еще без сознания.

Еще! До каких пор?

Время приобрело какую-то плотность, осязаемость, а прошедшие часы давили словно гири.

Теплая ночь становилась все более прохладной. Мысли были какие-то разорванные, беспорядочные.

Потом произошло самое страшное. Доктор вышел из его комнаты и бесцветным голосом произнес:

— Скончался!

И не сказал больше ничего. И мы его ни о чем не спрашивали.

Один из великих людей ушел в бессмертие.

Утром я спросил в цветочном магазине подснежники. Их не было!

Какие же подснежники летом!

1968 г.

АВТОРЫ ВОСПОМИНАНИЙ
(Краткие сведения)

Абуш, Александр (р. 1902) — участник антифашистской борьбы в Германии, Чехословакии, Франции, Бельгии, Мексике. Один из редакторов «Коричневой книги» о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре. Член ЦК СЕПГ с 1956 г.

Агынский, Никола (1889—1959) — член Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС). Накануне Сентябрьского восстания 1923 г. назначен ЦК БКП начальником штаба Главного военно-революционного комитета. После поражения восстания был осужден. Позже — ученый-социолог.

Барымова, Магдалина (1884—1971) — сестра Г. Димитрова. Член БКП с 1918 г. Работала швеей вместе с Любой Ивошевич. На протяжении многих лет оказывала содействие партии в организации нелегальной работы.

Бирюзов, Сергей Семенович (1904—1964) — Маршал Советского Союза. В 1944 г.— начальник штаба III Украинского фронта. Заместитель председателя, а затем председатель Союзной контрольной комиссии в Болгарии. В последние годы жизни — заместитель министра обороны СССР, начальник Генерального штаба Советских Вооруженных Сил.

Бонт, Флоримон (1890—1979) — член Французской коммунистической партии. Встречался в Москве с Г. Димитровым в качестве корреспондента газеты «Юманите». Активный участник движения Сопротивления во Франции.

Величков, Петко (1880—1969) — член БРСДП с 1900 г., позже — широкий социалист, профсоюзный деятель.

Ганева, Цонка (р. 1894) — член БКП с 1913 г., работница типографии, участник молодежного, женского и профсоюзного движений в Болгарии.

Ганчовский, Неделчо (р. 1920) — член БКП с 1941 г. В 1945—1949 гг. работал секретарем Г. Димитрова.

Гексман, Фридрих (р. 1900) — один из основателей Коммунистической партии Австрии и Коммунистического союза молодежи. В послевоенный период избирался в руководящие органы КПА, работал в профсоюзах.

Георгиев, Петр (1891—1978) — член БКП с 1910 г. Директор Института истории БКП при ЦК БКП (1956—1962), профессор Софийского университета, член ЦК БКП. Герой Народной Республики Болгарии, Герой Социалистического Труда.

Гилин, Димитр Ангелов (1899—1975) — генерал-майор. Член БКП с 1919 г. Участник Сентябрьского восстания 1923 г., гражданской войны в Испании, партизанского движения (1941—1944) в Болгарии. До начала Великой Отечественной войны проживал в качестве политэмигранта в Советском Союзе.

Гогов, Алексий (1889—1972) — рабочий-швейник, участник болгарского революционного движения и антифашистской борьбы. После революции 9 сентября 1944 г. находился на ответственной партийной работе.

Гундоров, Александр Семенович (1895—1974) — рабочий-металлист, член КПСС с 1915 г., участник Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, генерал-лейтенант. С 1942 г. был председателем Славянского комитета СССР.

Гюптнер, Рихард (1901—1973) — участвовал в немецком революционном движении. Работал вместе с Г. Димитровым в Коминтерне. Был секретарем Западноевропейского бюро ИККИ.

Дановский, Боян (1899—1976) — болгарский режиссер, народный артист НРБ. Сопровождал мать и сестру Георгия Димитрова во время их поездки в Лейпциг и Берлин в дни Лейпцигского процесса, принимал участие в борьбе за освобождение подсудимых коммунистов. Герой Социалистического Труда.

Дончев, Никола (1900—1978) — член БКП с 1919 г. Участник и организатор партизанского движения в Болгарии. В послереволюционный период — на ответственной партийной работе.

Драгойчева, Цола (р. 1898) — член БКП с 1919 г. Член Политбюро ЦК БКП, почетный председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы. Герой Социалистического Труда. Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Дюкло, Жак (1896—1975) — член Французской компартии с 1920 г. С 1932 г. работал вместе с Г. Димитровым в Западноевропейском бюро ИККИ. Член Исполкома Коминтерна (1935—1943). В период гитлеровской оккупации Франции — один из организаторов движения Сопротивления.

Елин Пелин — псевдоним Димитра Иванова Стоянова (1877—1949) — болгарский писатель, представитель критического реализма, академик.

Золтан, Фодор (р. 1911) — участник гражданской войны в Испании, узник концентрационного лагеря Освенцим. В послевоенное время был на ответственной партийной работе в Венгрии.

Ибаррури, Долорес (р. 1895) — с 1942 г.— Генеральный секретарь, а с 1960 г.— Председатель Коммунистической партии Испании. Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». С 1935 г. была кандидатом в члены ИККИ.

Игнатов, Петр (р. 1920) — участник болгарского молодежного революционного движения. В послереволюционное время — на ответственной комсомольской, государственной, дипломатической работе.

Кайт, Лили Максимовна (1889—1981) — советская журналистка. Присутствовала на Лейпцигском процессе в качестве корреспондента «Известий».

Кинов, Иван (1893—1967) — генерал, член БКП с 1912 г. Политэмигрант после Сентябрьского восстания 1923 г. в Югославии и СССР, где получил выс-

шее военное образование. Участник Великой Отечественной войны. В послереволюционной Болгарии — на ответственной работе в министерстве народной обороны НРБ.

Кодовилья, Викторио (1894—1970) — один из основателей (1918 г.) и Председатель Коммунистической партии Аргентины с 1963 г. Был представителем КП Аргентины в Коминтерне.

Коньо, Жорж (1901—1978) — французский философ-марксист, писатель и общественный деятель. Член ЦК Французской коммунистической партии, представитель партии в ИККИ (1936—1937). Главный редактор газеты «Юманите» (1937—1949).

Крекманов, Иван (1895—1978) — оказывал помощь в подготовке Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г. Участвовал в поддержании канала связи Заграничного представительства БКП в Вене с Софией.

Кулишев, Георгий (1885—1974) — участник антифашистской борьбы в рамках Отечественного фронта (1942—1944). В послереволюционной Болгарии занимал ответственные государственные посты. Герой Социалистического Труда.

Кунин, Петко (1900—1978) — член БКП с 1919 г. Будучи политэмигрантом в Советском Союзе, получил высшее экономическое образование. Избирался членом Политбюро ЦК БКП. Герой Социалистического Труда.

Курелла, Альфред (1895—1975) — немецкий писатель. Избирался секретарем Исполкома Коммунистического Интернационала Молодежи. Работал в Исполкоме Коминтерна секретарем Г. Димитрова. Член ЦК СЕПГ (1958—1963).

Куусинен, Отто Вильгельмович (1881—1964) — в 1921—1939 гг.— секретарь ИККИ. Многие годы работал Председателем Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР, избирался членом Президиума ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС. Герой Социалистического Труда, академик АН СССР.

Луканов, Карло (р. 1897) — член БКП с 1917 г., политэмигрант в Советском Союзе, участник гражданской войны в Испании, работник аппарата ИККИ. По возвращении на родину работал на ответственных государственных постах, был послом в СССР.

Мануильская, Варвара Платоновна (1902—1977) — работала в аппарате ИККИ. Жена Д. З. Мануильского.

Милев, Йордан (р. 1880) — ветеран болгарского социалистического движения, член БРСДП (позднее — БКП) с 1897 г. Герой Народной Республики Болгарии, Герой Социалистического Труда, кавалер семи орденов Георгия Димитрова.

Михайлов, Иван (р. 1897) — генерал армии. Член БКП с 1919 г. Участник Сентябрьского восстания 1923 г. Будучи политэмигрантом в СССР, получил высшее военно-инженерное образование. Участник Великой Отечественной войны. После возвращения на родину на ответственной государственной работе, избирался членом Политбюро ЦК БКП.

Монтегю, Айвор (р. 1904) — английский общественный деятель и публицист, член Коммунистической партии Великобритании. Во время Лейпцигского

процесса принимал активное участие в борьбе в защиту Георгия Димитрова и других подсудимых коммунистов. Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Начева, Вера (р. 1904) — участник болгарского комсомольского и коммунистического движения и партизанской борьбы. В послереволюционное время находилась на ответственной партийной работе.

Павлов, Тодор (1890—1979) — болгарский философ-марксист, академик. Член БКП с 1919 г. Герой Народной Республики Болгарии, дважды Герой Социалистического Труда. С 1966 г.— член Политбюро ЦК БКП.

Пономарев, Борис Николаевич (р. 1905) — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС с мая 1972 г. Секретарь ЦК КПСС. Герой Социалистического Труда.

Притт, Денис Ноуэлл (1887—1972) — английский юрист и общественный деятель. Председатель на заседаниях Международной следственной комиссии по расследованию поджога рейхстага (так называемый «контрпроцесс в Лондоне»). Председатель английского Общества культурной связи с СССР (1933—1969 гг.). Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Русинов, Георгий (1892—1973) — юрист, член БКП с 1914 г. Участник Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г.

Спасов, Борис (р. 1912) — профессор юриспруденции. Участник молодежного студенческого движения. В послереволюционный период работал главным секретарем Совета Министров, затем — на преподавательской работе в Софийском университете.

Стайков, Енчо (1901—1975) — член БКП с 1919 г. Избирался членом Политбюро ЦК БКП.

Станкулов, Георгий (р. 1899) — юрист, член БКП с 1918 г. Участник антифашистской борьбы в годы второй мировой войны. В послереволюционный период находился на дипломатической работе.

Стефанов, Иван Матеев (1899—1980) — член БКП с 1919 г. Закончив Берлинский университет, работал в советских торговых представительствах в Германии и Франции. Находясь в Москве, был на преподавательской работе. В послереволюционный период был в НРБ на ответственных государственных постах, затем занимался преподавательской и научной работой.

Стефанов, Нинко (р. 1911) — учился в Москве в международной Ленинской школе. Участник партизанского движения в Болгарии. В послереволюционный период — на руководящей комсомольской, партийной и государственной работе.

Стойчев, Владимир (р. 1893) — генерал-полковник. Участник восстания 9 сентября 1944 г. Командовал Первой болгарской армией в боях против гитлеровских войск. Находился на дипломатической работе. Председатель Болгарского олимпийского комитета.

Суслов Михаил Андреевич (1902—1982) — член Политбюро ЦК КПСС с апреля 1966 г. Секретарь ЦК КПСС. Дважды Герой Социалистического Труда.

Сюлемезов, Стоян (1910—1980) — участник партизанской борьбы. После 9 сентября 1944 г.— на руководящей партийной, общественной и государственной работе.

Таков, Пеко (р. 1909) — член БКП с 1928 г. Участник революционной и партизанской борьбы. В послереволюционный период — на руководящей партийной и государственной работе.

Тольятти, Пальмиро (1893—1964) — в 1926 г. стал во главе ИКП, до последних дней жизни — Генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии. Секретарь ИККИ (1935—1943).

Топенчаров, Владимир (р. 1905) — участвовал в комсомольском и коммунистическом движении Болгарии, партийный журналист. В послереволюционный период возглавлял ряд органов печати, находился на преподавательской, дипломатической работе.

Торез, Морис (1900—1964) — Генеральный секретарь Французской коммунистической партии с 1930 г. В 1928—1943 гг.— член ИККИ, в 1935—1943 гг.— член Президиума ИККИ. В 1940—1944 гг. один из организаторов движения Сопротивления.

Трайков, Георгий (1898—1975) — в 1947—1974 гг.— секретарь, с 1974 г.— председатель Болгарского земледельческого народного союза. Занимал ряд руководящих государственных постов. Герой Народной Республики Болгарии, Герой Социалистического Труда. Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Турок, Владимир Михайлович (1904—1981) — советский историк, участник австрийского революционного движения (1921—1925), сотрудник Президиума Балканской коммунистической федерации (1924—1925). Позже работал в ряде международных организаций, занимался научной работой.

Фукс-Кайлзон, Маргрете (р. 1905) — член Коммунистической партии Германии, сотрудник Георгия Димитрова в Западноевропейском бюро ИККИ. Политэмигрант в СССР. После возвращения на родину работала в аппарате ЦК СЕПГ.

Черрети, Джулио (р. 1903) — один из основателей Итальянской коммунистической партии. Во время национально-революционной войны испанского народа против фашизма — руководитель Международного комитета по оказанию помощи испанскому народу. Политэмигрант в СССР. Работал в аппарате Коминтерна.

Черноколев, Титко (1910—1965) — участвовал в болгарском молодежном и коммунистическом движении в Болгарии. В послереволюционный период — на руководящей комсомольской и научной работе. Избирался членом Политбюро ЦК БКП. Герой Социалистического Труда.

Чуйков, Василий Иванович (1900—1982) — Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, участник гражданской войны. В период Великой Отечественной войны командовал армиями на ряде фронтов, в том числе на Сталинградском. В послевоенное время занимал ответственные посты в Вооруженных Силах СССР. Член ЦК КПСС с 1961 г. Депутат Верховного Совета СССР.

Янулов, Илия (1880—1962) — болгарский профессор-социолог, социал-демократ. Член БКП с 1948 г. Длительное время занимался преподавательской деятельностью в Софийском университете.

СОДЕРЖАНИЕ

1934—1944

1944—1949

В77 **Воспоминания** о Георгии Димитрове/Сост. В. Н. Гребенников.— М.: Политиздат, 1982.—350 с., ил.

В сборник включены воспоминания современников и соратников выдающегося деятеля болгарского и международного коммунистического движения Георгия Димитрова о его жизни и деятельности. Тексты воспоминаний в основном публикуются (с некоторыми сокращениями) по изданию «Спомени за Георги Димитров», София, Партиздат, 1971, т. 1, 2.

Книга предназначена для массового читателя.

В $\frac{0901010000-146}{079(02)-82}$ 202—82

66.61(4Бл)
3КИ1(092)

Воспоминания
о Георгии Димитрове

Переводы с болгарского
В. Н. Гребенникова, Н. Ф. Гусева,
Б. И. Коровина и *В. А. Молодова*

Заведующий редакцией
А. В. Никольский

Редактор
И. П. Башкирова

Младший редактор
Л. А. Блинкова

Художественный редактор
В. И. Терещенко

Технический редактор
Н. П. Межерицкая

ИБ № 3504
Сдано в набор 22.01.82. Подписано в печать 12.04.82. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 23,06. Условн. кр.-отт. 25,38. Учетно-изд. л. 23,07. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 1992. Цена 1 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

1 р. 10 к.

Издательство политической литературы

Воспоминания о Георгии Димитрове